DK
1
K89

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ТОМ ПЯТЫЙ

СОДЕРЖАНИЕ.

Автографы В. И. Ленина.— Русско-германский договор 1905 г. — Финансовые совещания союзников во время войны. — Дневник А. Н. Куропаткина.—Переписка Романова и Столыпина. — Письма участников процесса 193-х. — Письмо Мышкина из Якутской тюрьмы. — Нечаев в Алексеевском равелине. — Верховное командование в первые дни революции. — Из переписки Николая I в декабре 1825 г. — Письма Писарева, Якубовича. — Плеханов и „шпионские забавы". — Казнь Шмидта, Частника и др. — Распутин в освещении охранки и пр.

ЦЕНТРАРХИВ
1924

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
Автографы В. И. Ленина	I–XV
Снимки	
Русско-германский договор 1905 года	5—49
Именной указатель	49
Финансовые совещания союзников во время войны. (Доклады мин. фин. П. Л. Барка.)	50—81
Дневник А. Н. Куропаткина. (С 14 февраля по 25 марта 1904 г.)	82—99
Именной указатель	100—101
Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина	102—128
1906 г.	102—107
1907 г.	107—117
1908 г.	117—119
1909 г.	119—120
1910 г.	121—122
1911 г.	122—123
Примечания	123—128
Письма участников процесса 193-х. Предисловие *Р. М. Кантора*	129—163
Предисловие	129—133
Письма	134—157
Примечания	157—163
Письмо И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату. Сообщил *Ш. Л.*	164—171
Примечания	168—171
С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине. *П. Щеголева*	172—212
Верховное командование в первые дни революции. Предисл. *В. И. Невского*	213—240
Предисловие	213—218
I. Телеграммы Н. Н. Романова и М. В. Алексеева	219—232
II. Записка ген. М. В. Алексеева врем. правительству	233—236
III. Записка ген. М. В. Алексеева М. В. Родзянко	237—240
Из переписки Николая I в декабре 1825 г.	241—244
Примечания	245—247
Письма Д. И. Писарева из крепости. Предисловие *Б. П. Козьмина*	248—257
Два письма Ц. Ф. Якубовича. Сообщил *Г. Лелевич*	258—262
ИЗ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ АРХИВИСТА:	
Г. В. Плеханов и „шпионские забавы". Сообщил *С. Н. Валк*	263—266
Казнь П. П. Шмидта, Частника и др.	266—267
В. Чернов и июльские дни. Сообщил *М. Г. Флоер*	268—270
Распутин в освещении „охранки"	270—288
От редакции	288

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ Р. С. Ф. С. Р.

Krasnïĭ arkhiv

КРАСНЫЙ АРХИВ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

В. В. Адоратского, В. В. Максакова, В. И. Пичета,
М. Н. Покровского, В. П. Полонского, В. М. Фриче

ТОМ ПЯТЫЙ

1924

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

Гиз. № 7154. Главлит № 22235. Москва. Напеч. 4.000 экз.

Госиздат. 1-я Образцовая тип. Москва, Пятницкая, 71.

АВТОГРАФЫ
В. И. ЛЕНИНА

АВТОГРАФЫ В. И. ЛЕНИНА.

Печатаемые ниже документы воспроизведены с подлинных рукописей В. И. Ленина, хранящихся в Архиве Октябрьской Революции в Москве и предназначенных к передаче в Институт Ленина. Документы, за исключением первого, не датированы и печатаются здесь в хронологическом порядке, установленном предположительно,— на основании указаний, имеющихся в тексте, и на основании связи содержания документов с известными событиями первых недель Октябрьской Революции. Печатается четыре документа:

1) Обращение Председателя Совета Народных Комиссаров В. И. Ульянова (Ленина) 5 ноября 1917 года к населению о победе рабоче-крестьянской революции и с призывом о поддержке трудящимися рабоче-крестьянского Правительства. 2) Отрывок проекта декрета о борьбе с саботажем. 3) Проект обращения 2-го Всероссийского Крестьянского Съезда к крестьянам с призывом требовать перевыборов тех членов Учредительного Собрания, которые являются противниками решений 2-го Всероссийского Съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов и 2-го Всероссийского Съезда Крестьянских Депутатов, и 4) Письмо тов. Дзержинскому с текстом проекта декрета о борьбе с контр-революционерами и саботажниками.

Документы воспроизводятся здесь с дипломатической точностью, т.-е. с соблюдением орфографии подлинников и с оговорками о зачеркнутых, исправленных и недописанных словах и выражениях; слова, подчеркнутые в тексте (дважды), печатаются нами в разрядку. Опущенные Владимиром Ильичем буквы и части слов взяты при печатании в прямые скобки, оговорки же о зачеркнутых, исправленных и недописанных словах снесены в подстрочные примечания. В примечаниях, далее, кроме внешнего описания документов и соображений о времени и обстоятельствах их составления, приведены ошибки, допущенные при напечатании вновь воспроизводимого ныне текста «Известиями Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Петроградского Совета Р. и С. Д.» в 1917 году.

Фотографии воспроизводят заглавную страницу первого автографа, начало и конец третьего автографа, а также первую и последнюю страницы третьего автографа.

Документы печатаются с разрешения Института Ленина.

Воспроизведение автографов не допускается без особого разрешения Института Ленина.

General
Harr.

1917 — 19/а

оригинал

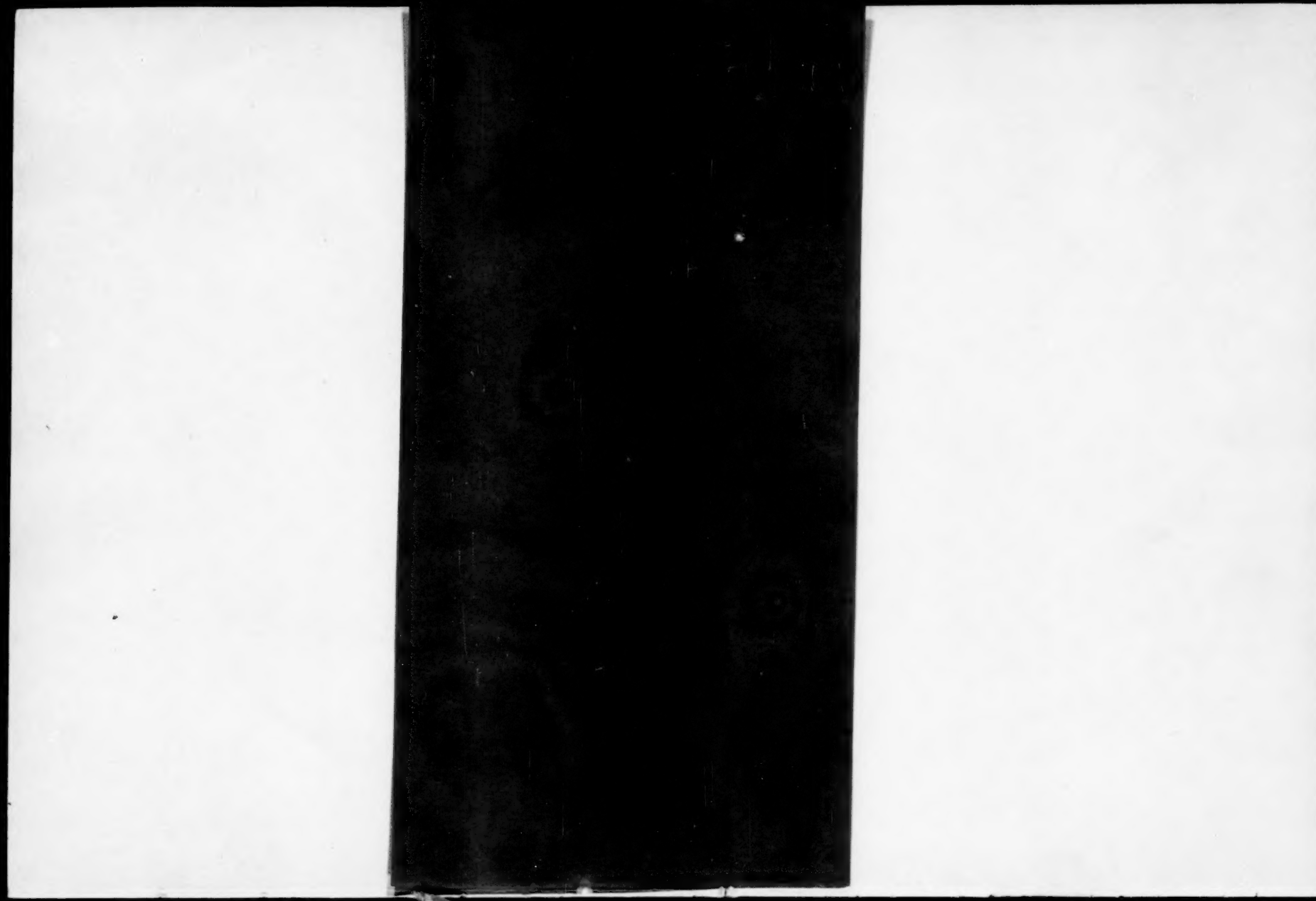
Къ населенію

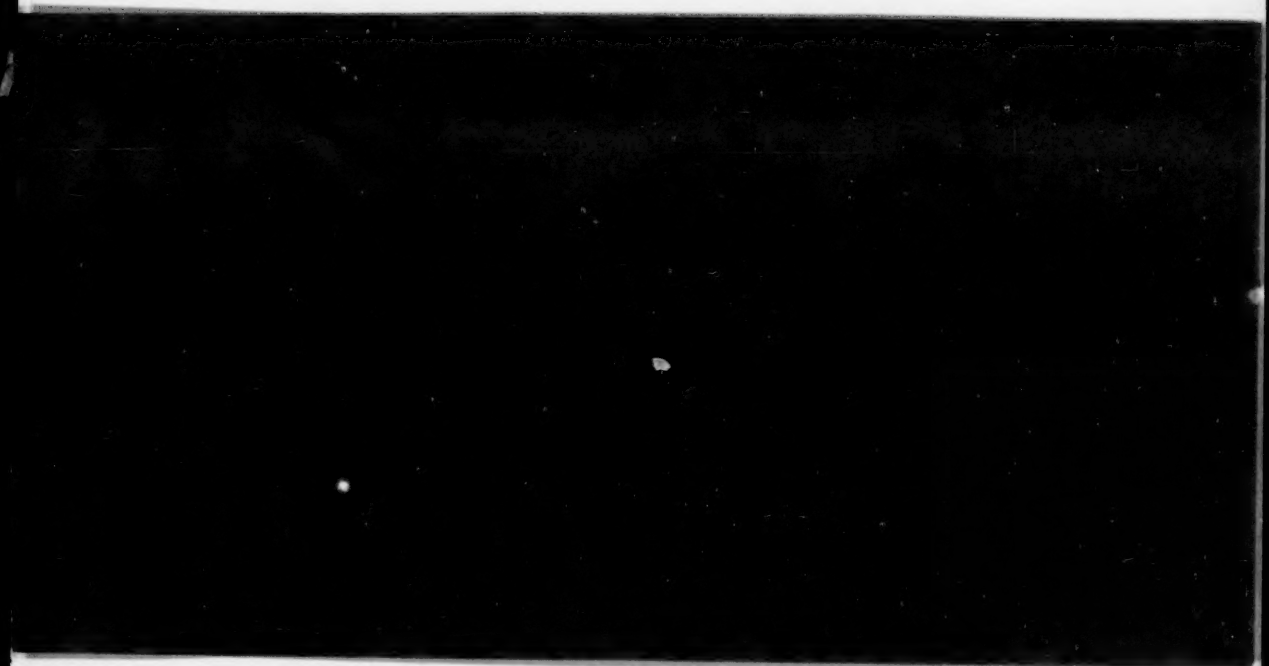
Вх. № 25
5/XI 17 г.

Товарищи-рабочіе, солдаты, крестьяне, всѣ трудящіеся!

Рабочая и крестьянская революція окончательно побѣдила в Петроградѣ, рассеяв и арестовав послѣдніе остатки небольшого числа казаков, обманутых Керенским. Революція побѣдила и в Москвѣ. Еще раньше, чѣм пришли туда из Петрограда несколько поездов с военной силой, в Москвѣ юнкера и другие корниловцы подписали условия мира, обезоружение юнкеров, распущение Комитета спасения. С фронта и из деревень приходят ежедневно и ежечасно сообщения о поддержкѣ новаго правительства громадным большинством солдат в окопах и крестьян в уездах. Побѣда революции рабочих и крестьян обеспечена, ибо за нее уже большинство народа.

Вполне понятно, что помещики и капита-





I.

Воззвание В. И. Ленина 5 ноября 1917 года.

Печатаемое ниже воззвание В. И. Ленина извлечено из дела Совета Народных Комиссаров 1917 г. № 17 (АОР, ф. XXVIII, 1917 г. № 1). Это воззвание написано Владимиром Ильичем собственноручно на пяти четвертушках серовато линованной писчей бумаги, без фабричного клейма или водяных знаков. Воззвание написано чернилами на одной стороне листа; листы пронумерованы самим В. И. Первоначальный текст документа исправлен как самим В. И., так и тов. Троцким. Все исправления, сделанные тов. Троцким, в печатаемом ниже тексте набраны *ниже*. Эти исправления произведены чернилами, за исключением трех-четырех штрихов над некоторыми неясно написанными буквами и римских цифр над подлежавшими перестановке для гладкости фразы словами, сделанных чернильным карандашом. В правом верхнем углу первого листа написано третьим почерком: «оргиналъ»; в левом верхнем углу тем же почерком сделана канцелярская помета: «Вх. № 25. 5 XI. 17 г.». Ниже рукой тов. Троцкого сделан заголовок крупными буквами «Къ населенію».

Воззвание датировано 4 ноября, затем цифра 4 исправлена на 5. Между текстом и датой две коротких черты, перечеркнутых дважды.

КЪ НАСЕЛЕНІЮ

Товарищи-рабочіе, солдаты, крестьяне, всѣ трудящіеся!

Рабочая и крестьянская революція окончательно побѣдила в Петроградѣ, разсѣявши и арестовавши [1] послѣдніе остатки небольшаго числа казаков, обманутых Керенскимъ. Революція [2] побѣдила [3] и в [4] Москвѣ [5]. Раньше чѣмъ туда прибыли [6] выѣхавшіе [7] изъ Петрограда нѣсколько поѣздов с военными силами, в Москвѣ юнкера и другіе корниловцы подписали условія мира, обезоруженіе юнкеров, распущеніе Комитета Спасенія [8]. Съ фронта и изъ деревень притекают

---

[1]) Это слово написано под строкой.

[2]) Первоначально было написано: «Революціи» и дальше зачеркнуто: «обезпечена побѣда».

[3]) Слова: «побѣдила и в» написаны над строкой.

[4]) Предлог: «в» написан дважды.

[5]) После слова: «Москвѣ» зачеркнуто: «гдѣ большевики побѣждали уже сами и куда»; в тексте, напечатанном в 219 № «Изв. Центр. Исп. Ком. и Петр. Сов. Р. и С. Деп.», после слова «Москвѣ» неправильно поставлена запятая.

[6]) Слова: «Раньше чѣмъ туда прибыли» наверху строки.

[7]) Первоначально было: «выѣхали» и далее зачеркнуто: «вчера». Слова: «изъ Петрограда»—наверху строки.

[8]) Слова «и другіе корниловцы подписали условія мира, обезоруженіе юнкеров, распущеніе Комитета»—написаны между строк более мелким почерком; слово «Спасенія»—написано наверху строки вместо зачеркнутого: «Изъ».

ежедневно и ежечасно сообщенія о поддержкѣ новаго [1] правительства и его законов о предложеніи мира и [2] о немедленной передачѣ земли крестьянамъ [3] подавляющим [4] большинством солдат в окопах и крестьян в уѣздахъ [5]. Побѣда революціи рабочих и крестьян обезпечена, ибо за [6] *нее* встало уже большинство народа.

Вполнѣ понятно, что помѣщики и капита-[л. 2] листы, высшіе служащіе и чиновники, тѣсно связанные с буржуазіей [7], одним словом, всѣ богатые и [8] тянущіе руку богатыхъ встрѣчают новую революцію враждебно, сопротивляются ея побѣдѣ; грозят прекращеніемъ дѣятельности банков [9], *портятъ* или прекращают работу разных учрежденій [10], мѣшают ей всячески, тормозят ее то прямо то косвенно. Всякій сознательный рабочій прекрасно понималъ, что такое сопротивленіе мы встрѣтим неизбѣжно [11], *ибо высшіе* [12] *служащіе подбирались противъ народа и безъ* [13] *сопротивленія не хотят сдавать свои позиціи народу*. Трудящіеся классы ни на минуту не испугаются этого сопротивленія, ни [14] *на одно мгновеніе* не дрогнут передъ угрозами и забастовками буржуазіи сторонников [15].

---

[1]) Над словом: «новаго» поставлена чернильн. карандашом римская цифра II—с тире справа.

[2]) Далее зачеркнуто: «об».

[3]) Над словом: «крестьянамъ» чернильн. каранд. римск. цифра—II с тире слева.

[4]) Над словом: «подавляющим» римская цифра I—с тире справа.

[5]) Над словом «уѣздахъ» римская цифра—I с тире слева. Очевидно, в исправленном виде фраза должна читаться так: «С фронта и из деревень притекают ежедневно и ежечасно сообщения о поддержке подавляющим большинством солдат в окопах и крестьян в уездах нового правительства и его законов о предложении мира и о немедленной передаче земли крестьянам». В № 219 указанных выше «Известий» эта фраза, однако, напечатана не по этим разметкам.

[6]) Далее зачеркнуто, повидимому, «нас», вместо которого наверху строки написано: «нее».

[7]) Далее первоначально стояло: «понятно, что», вместо чего наверху строки написано: «одним словом».

[8]) Первоначально было: «тяготѣющіе к»; наверху строки вместо этого исправлено: «тянущіе руку».

[9]) Далее первоначально стояло зачеркнутое: «иногда», а наверху строки рукой В. И.: «портятъ или»; эти слова были исправлены: слово «иногда»—зачеркнуто самим Лениным; вместо «портятъ»—другим почерком поставлено было первоначально сбоку слово: «тормозятъ», но также было зачеркнуто этим лицом и снова написано было этим исправителем первоначальное выражение В. И.: «портятъ».

[10]) Далее зачеркнуто: «или портят работу».

[11]) Далее первоначально было написано: «вся партійная печать большевиков указывала на это много раз», причем первые четыре слова были подчеркнуты одной чертой; вместо этой фразы наверху почерком тов. Троцкого написана фраза, данная в основном тексте: «ибо высшіе . . . . позиціи народу».

[12]) Далее зачеркнуто: «чино...»

[13]) Далее зачеркнуто неразборчиво написанное слово, похожее на «безъ».

[14]) Далее зачеркнуто: «капельки»; исправление сделано наверху строки почерком тов. Троцкого.

[15]) В подлиннике над словом: «буржуазіи» поставлена цифра 2, над «сторонников» 1.

За нами большинство народа. За нами большинство трудящихся и угнетенных во всем мірѣ. За нами дѣло справедливости. Наша побѣда обезпечена.

Сопротивленіе капиталистов и высших служащих будет сломлено. Ни один человѣк не лишается нами имущества без особаго государственнаго закона о національзаціи банков и син-[л. 3]дикатов. Этот закон подготовляется [1]. Ни один трудящійся и работник не потеряет ни копѣйки; напротив [1], ему будет оказана помощь [2]. *Не устанавливая сейчас новыхъ налогов, правительство въ первую очередь ставит своей задачей* строжайшій учетъ и контроль [3] *въ дѣлѣ* взиманія [4] *установленных раньше* налогов, *без всякой утайки* [5].

Во имя этих справедливых требованій громадное большинство народа сплотилось [6] вокруг временнаго рабочаго и крестьянскаго правительства.

Товарищи-трудящіеся! Помните, что в ы с а м и [7] теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не [8] объединитесь и не возьмете в с ѣ д ѣ л а государства в с в о и руки. В а ш и [9] Совѣты — отнынѣ органы Государственной власти, полномочные, рѣшающіе органы.

Сплотитесь вокруг своих Совѣтов. Укрѣпите их. Беритесь сами за дѣло снизу, никого не дожидаясь. Установите строжайшій революціонный порядок, безпощадно подавляйте попытки анархіи со стороны пьяниц, хулиганов, контр-революціонных юнкеров, корниловцев и тому подобное.

Вводите строжайшій контроль *надъ* [10] производством и учетом продуктов. Арестуйте [11] и предавайте [л. 4] революціонному суду народа всякаго, кто посмѣет вредить народному дѣлу, будет-ли такой вред проявляться в саботированіи (порчѣ, тормаженіи, подрывѣ) производства или в скрываніи запасов хлѣба *и продуктов* [12] или в задер-

---

[1]) Слова: «Этот закон подготовляется» и «напротив» — написаны наверху строки.

[2]) Далее зачеркнуто: «Кромѣ стро»... Начало следующей фразы, кончая словом «задачей», написано над строкой почерком тов. Троцкого.

[3]) Далее первонач. стояло: «кромѣ».

[4]) После слова: «взиманія» первоначально рукой Ленина под строкой были написаны слова: «без утайки», но зачеркнуты и дополнены сверху строки рукой Троцкого выражением: «установленных раньше».

[5]) Далее зачеркнуто: «установленных раньше, никаких других мѣр (зачеркнуто: мы) правительство вводить не хочет».

[6]) Первоначально было написано: «сплотится».

[7]) В тексте, напечатанном в 219 № «Известий», слова: «вы сами теперь управляете» набраны жирным шрифтом.

[8]) Далее зачеркнуто: «сплотитесь»; слово: «объединитесь» — наверху строки.

[9]) В 219 № «Известий» слова: «Ваши Совѣты» набраны жирным шрифтом.

[10]) Слово: «надъ» написано почерком тов. Троцкого, вместо первоначально написанного Лениным: «за».

[11]) В 219 № «Известий» вместо: «арестуйте» напечатано: «адресуйте».

[12]) Слова: «и продуктов» писаны под строкою.

жаніи грузов хлѣба или в разстройствѣ желѣзнодорожной, почтовой, телеграфной, телефонной дѣятельности [1] и вообще в каком бы то ни было сопротивленіи великому дѣлу мира, дѣлу передачи земли крестьянам, дѣлу обезпеченія рабочаго контроля за производством и распредѣленіемъ продуктовъ.

Товарищи рабочіе, солдаты, крестьяне и всѣ трудящіеся! Берите *на мѣстахъ* в с ю власть в руки с в о и х Совѣтов. Берегите [2], храните, как зѣницу ока, землю, хлѣб, фабрики, орудія [3], продукты, транспортъ — все это отнынѣ будет в с е ц ѣ л о вашим, общенародным [4] достояніемъ. Постепенно, с согласія и одобренія большинства крестьян, по указаніям п р а к т и ч е с к а г о опыта их и рабочихъ, мы пойдем твердо и неуклонно к побѣдѣ соціализма, ко-[л. 5]торую закрѣпят передовые рабочіе наиболѣе цивилизованных стран и которая даст народам прочный мир и избавленіе от всякаго гнета и от всякой эксплуатаціи.

5 ноября 1917 г.
Петроград.

Предсѣдатель Совѣта Народных Коммисаров

В. Ульянов (Ленин).

---

[1]) Слово: «дѣятельности»—написано над строкой рукой В. И. Ленина.
[2]) В 219 № «Известий» вместо: «берегите» напечатано: «берите».
[3]) Слова: «землю», «фабрики, орудія»—писаны над строкой.
[4]) В 219 № «Известий» вместо: «общенародным» напечатано: «общественным».

ОТ РЕДАКЦИИ.

Редакция, желая воспроизвести с возможной полнотой и точностью автографы В. И. Ленина, обратилась к Л. Д. Троцкому с просьбой о разъяснении некоторых подробностей относительно воззвания В. И. Ленина 5 ноября 1917 г. На это обращение Редакции последовал со стороны тов. Троцкого следующий ответ, который и воспроизводится здесь.

Москва, 12/VIII 1924 г. № 032214.

В Центральный Архив.

Копия Институт Ленина.

По поводу присланного вами автографа Ленина сообщаю:

1) Вся рукопись несомненно Ленинская.

2) Заглавие «к населению» написано мною.

3) На первой странице выправлено слово «нее», повидимому, мною. На второй странице в трех местах выправлено мною, на третьей странице выправлены мною первые три строки, а также внизу слово «над» вместо «за».

4) На четвертой странице слово «деятельности», о котором вы запрашиваете, написано несомненно Лениным.

5) На той же странице слово «на местах» вставлено несомненно мною.

6) Конкретных политических условий написания документа не помню, хотя, мне кажется, на этот счет он говорит сам за себя.

7) Что касается правки мною рукописи, то вспоминаю, что я обратил внимание Владимира Ильича на слова: «ни капельки не дрогнут», сказав, что выражение как-то не подходит.—Слишком фамильярно? (или что-то в этом роде) спросил Владимир Ильич и предложил мне выправить текст. Вот все, что я могу припомнить по этому поводу.

Л. Троцкий.

II.

Отрывок проекта декрета о борьбе с саботажем.

Настоящий проект, хранившийся в Архиве Октябрьской Революции среди автографов Ленина (ф. XXVIII, s. a. № 27), написан собственноручно В. И. карандашом на одной стороне четвертушки плотной, глянцевитой, нелинованной бумаги. Документ без даты и подписи; на бумаге следы того, что она была сложена вчетверо. Карандаш от времени выцвел. В правом верхнем углу сделана красным карандашом канцелярская помета: «28».

1. Всѣ служащіе в государственных, общественных и частно-промышленных предпріятіях крупных размѣров (с числом наемных рабочих не менѣе 5) обязуются выполнять возложенныя на них дѣла и не покидать своей должности без особаго разрѣшенія Правительства, Совѣтов Раб[очих], Солд[атских] и Крест[ьянских] Депутатов или професс[іональных] союзов.

2. Нарушеніе указаннаго въ § 1 правила, а равно всякая нерадивость в сдачѣ дѣл и отчетности Правительству и органам власти или в обслуживаніи публики и народнаго хозяйства карается конфискаціей всего имущества виновнаго и тюрьмою до 5 лѣт.

В Архив (Ленинград)

53

III.

Проект обращения 2-го Всероссийского Крестьянского Съезда к крестьянам.

Весь проект написан рукой Владимира Ильича на пяти полулистах линованной (синими линейками) писчей бумаги, на одной стороне листа, как для печати; листы собственноручно перенумерованы В. И. Документ не датирован. Можно предполагать, что он появился около 5 декабря 1917 г., когда произошел раскол на съезде. Воспроизводимый ниже документ извлечен из недатированных бумаг Совнаркома, хранящихся в Архиве Октябрьской Революции (ф. XXVIII, s. a. № 31) и писан почти без поправок. На нем имеются канцелярские пометы: «В Архив (Ленина)» — (красными чернилами)—и цифры: 3 (красным карандашом) и 53 (черными чернилами).

2-ой Всероссійскій Кр[естьянскій] Съѣздъ обращается къ крестьянству всѣх націй и народов Россіи съ горячим призывомъ напречь всѣ силы ума и воли, всю мощь своего числа и своей энергіи для того, чтобы пробудить спящих, ободрить нерѣшительных и сказать во всеуслышаніе, изо всѣх концов страны, из каждой деревни, из каждаго квартала крупных городов свое вѣское, свое рѣшающее слово в настоящій,—может быть, наиболѣе серьезный и наиболѣе отвѣтственный—момент великой россійской революціи.

Товарищи-крестьяне! Мы составляем подавляющее большинство населенія нашей страны. Мы—главная масса трудящихся и эксплуатируемых. Мы—главная масса борцов за удовлетвореніе законных и справедливых требованій трудящихся, требованій земли в первую голову, борцов против всякаго гнета и всякой эксплуатаціи как со стороны помѣщиков, так и со стороны капиталистов.

Товарищи-крестьяне! Мы—главная масса нашей арміи, на долю которой выпали прежде всего [1] нечеловѣческія мученія болѣе чѣм трехлѣтней войны, затѣянной царями и капиталистами,—той арміи, на долю которой выпала также тяжелая, но благодарная и почетная роль, роль передового борца — наряду с рабочими — за свободу, за землю, за мир, за полное освобожденіе трудящихся от всякаго гнета, от всякой эксплуатаціи.

Товарищи-крестьяне! Обдумайте наше обращеніе, наш призыв, направляемый депутатами от крестьян къ крестьянам всѣх націй

---

[1]) Слова: «прежде всего» написаны над строкой.

Россіи, прочитайте наш призыв в каждой деревнѣ, в каждой избѣ, обсудите его на всѣх, без исключенія, собраніях, сходах, учрежденія крестьянских, примите сами, на мѣстах, твердыя и непреклонныя рѣшенія. Ибо от ваших рѣшеній, от рѣшеній большинства народа, от рѣшенія самих крестьян больше всего зависит судьба нашей родины.

Близится грозный час. Надвигается послѣдній бой. Вся страна, всѣ націи нашей республики раздѣлились на два великих стана. Одинъ [1] стан помѣщиков и капиталистов, богачей и их прислужников, знатных чиновников и их друзей, командующих над народом и сторонников войны.

Другой стан—рабочих и трудящихся и эксплуатируемых крестьян, бѣднаго народа и его друзей, солдат-рядовых и сторонников мира, сторонников беззавѣтно-рѣшительной, смѣлой, безпо-[л. 2]щадной к угнетателям народа, революціонлой [2] борьбы за мир.

Между этими двумя станами борьба обострилась уже в нѣкоторых частях страны до прямой, открытой гражданской войны, до войны совѣтских армій против [3] ничтожнаго числа [4] надѣющихся на силу богатства и желающих свергнуть совѣтскую власть, власть и правительство совѣтов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Товарищи-крестьяне! От вашего вѣскаго, твердаго, непреклоннаго слова многое зависит теперь, зависит и прекращеніе этой гражданской войны, зависит возможность мирнаго перехода Россіи к передачѣ безвозмездно всей земли трудящимся, к побѣдѣ соціализма. Встаньте, товарищи-крестьяне, как один человѣк, поднимите ваш голос, заявите ваше требованіе, составьте в а ш и н а к а з ы от каждой деревни, вы можете заставить выслушать себя, вы заставите всѣх выслушать васъ!

Товарищи-крестьяне! Вы должны сказать прежде всего ваше слово рѣшительнаго осужденія против тѣх депутатов 2-го Всер[оссійскаго] Кр[естьянскаго] Съѣзда, которые о т к о л о л и с ь [5] от этого съѣзда. Осудите раскольников. Осудите разрушителей единства крестьян, единства трудового народа, единства крестьян с рабочими. Неслыханное преступленіе совершили эти раскольники, эти разъединители крестьянства, эти перебѣжчики в стан богачей, в стан помѣщиков и капиталистов. Эти люди называют себя «соціалистами-революціонерами» праваго крыла и центра, сторонниками Авксентьева и Чернова. Они измѣнили всѣм ученіям и программѣ соціалистов-революціонеров, они перешли к врагам соціализма, к душителям революціи. Они порвали с вѣрными хранителями ученія, программы и требованій соціалистов-революціонеров, с партіей «лѣвых соц[іалистов]-рев[олюціоне]ров интернаціоналистовъ», которая

[1]) Слово: «одинъ»—наверху строки.
[2]) Слово: «революціонной»—наверху строки.
[3]) Далее зачеркнуто: «армій».
[4]) После слова: «числа» зачеркнута запятая.
[5]) Слово: «откололись» подчеркнуто одной чертой.

осталась вѣрна интересам трудящагося крестьянства. Они, эти сто-р[онни]ки Авкс[ентье]ва и Ч[е]р[но]ва [1], ушли с 2-го Всер[оссійскаго] Кр[естьянскаго] Съѣзда, отказавшись подчиниться рѣшенію большинства крестьян, чтобы проводить волю богачей и капиталистов против крестьянъ, чтобы тормозить дѣло мира, чтобы мѣшать немедленному переходу всѣх земель, без выкупа, в руки трудящагося народа, чтобы спасать губительную для крестьян политику Авксентьева, Чернова, Маслова и им подобныхъ.

Осудите этих измѣнников крестьянскому дѣлу. Таким осужденіем Вы спасете многих колеблющихся и сла- [л. 3]бых, вы спасете Россію от безумных попыток гражданской войны. Эти попытки безумны, ибо кромѣ пролитія рѣк крови понапрасну ничего не измѣнится, ничто в мірe не сломит единодушнаго рѣшенія рабочих, солдат и крестьянъ, рѣшенія 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Совѣтов Р[абочих] и С[олдатских] Деп[утатов], а также 2-го Всер[оссійскаго] Съѣзда Крест[ьянских] Депутатов.

Осудите этих измѣнников крестьянскому дѣлу. Пусть каждая деревня выскажет свое довѣріе к [2] рѣшеніям этих двух съѣздов, съѣздов Совѣтов Рабочих и Солдат и Крестьянъ. Пусть каждая деревня о т з о в е т из Учр[едительнаго] Собранія тѣх депутатов от партіи с[оціалистов]-р[еволюціонеров], или от крест[ьянских] совѣтов и учрежденій, которые не заявили громко и не доказали дѣлами своего полнаго признанія [3] этих рѣшеній.

Товарищи-крестьяне! Вы знаете всѣ, что в Учр[едительное] Собраніе могли пройти и прошли от крестьянъ противники рѣшеній 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Совѣтов Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов], а также 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Кр[естьянских] Депутатов только и у т е м о б м а н а. Эти, называющіе себя часто «соц[іалистами]-ре-в[олюціоне]рами» люди на дѣлѣ обманули крестьянъ, которые не знали еще правды об Авксентьевской, Черновской, Масловской политикѣ, политикѣ уступок помѣщикам, соглашательства с капиталистами, политикѣ ареста членов крест[ьянских] земельных комитетов на мѣстах. Эти Авксентьевы, Масловы, Черновы обманули крестьян, ибо общіе списки партіи с[оціалистов]-р[еволюціонеров] были закончены к 17 октября, а правда обнаружилась перед всей Россіей п о с л ѣ 17-го октября.

Правду обнаружили перед всей Россіей 2-ой Всер[оссійскій] Съѣзд Совѣтов Р[абочих] и Солд[атских] Деп[утатов] 24—26. X. 1917. Затѣм эту правду обнаружила совѣтская власть, совѣтское правительство, впервые огласившее позорные тайные договоры, впервые начавшее дѣйствительно революціонную борьбу за мир, впервые показавшее

---

[1]) Слова: «эти стор[онни]ки Авк[сентье]ва и Ч[е]р[но]ва»—написаны под строкой.

[2]) Далее зачеркнуты два слова, которые невозможно разобрать,—похоже на «их решеніям».

[3]) Далее зачеркнуто: «таких».

н а д ѣ л ѣ, какова должна быть эта борьба, и добившееся уже перваго успѣха: перемирія на одном фронтѣ.

Эту правду обнаружило совѣтское правительство, издавшее декрет о землѣ, вставшее так[им] обр[азом] безоговорочно на сторону крестьян, устранившее всякую возможность помѣхи извнѣ против крестьянской полной власти на мѣстах. [л. 4]

Эту правду обнаружил 2-ой Всер[оссійскій] Кр[естьянскій] Съѣзд, который впервые вскрыл перед крестьянством позорную рольАвксентьевско-Черновскаго Исп[олнительнаго] Комитета в особой, подробной резолюціи. Съѣзд заканчивается 8 декабря, а начался он (?) 30 ноября 1917 года.

Вы видите, товарищи-крестьяне, что составляя списки 17 окт[ября] и [1] на выборах в У[чредительное] С[обраніе] 12-го ноября крестьянство н е м о г л о еще знать правды о землѣ и о мирѣ, н е м о г л о отличить своих друзей от врагов, от волков, одѣтых в овечьи шкуры. Вы видите, что т о л ь к о о б м а н о м могут выступать от имени крестьян тѣ эсэры, которые противятся рѣшеніям 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Р[абочих] и Солд[атских] Деп[утатов], а также 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Крест[ьянских] Деп[утатов].

Не допустите же, т[овари]щи крестьяне, чтобы и з з а э т о г о о б м а н а могла пролиться кровь! Поднимите ваше твердое слово протеста против тѣх, кто покинул 2-ой Всер[оссійскій] Съѣзд Кр[естьянских] Деп[утатов]. В каждой губерніи, в каждом уѣздѣ, в каждой волости, в каждой деревнѣ примите н а к а з ы, выразите ваш протест против ушедших со съѣзда, н а з о в и т е п о и м е н и мѣстных депутатов от крестьянства в У[чредительное] С[обраніе], которые н е приняли рѣшеній этих съѣздов, п о т р е б у й т е у х о д а [2] таких депутатов из Учр[едительнаго] Собранія, ибо только обманом народа они могут выдавать себя за избранников народа.

Т[овари]щи крестьяне! Учр[едительное]Собраніе должно выражать волю народа. Кто ушелъ с 2-го Всер[оссійскаго] Съѣзда Кр[естьянских] Деп[утатов], кто сорвал его волю, кто расколол крестьян, кто сбѣжал от крестьян к богачам, тот не избранник народа, тот измѣнник, тому не мѣсто в Учр[едительном] Собраніи. Тот несет не мир, не землю для трудящихся, тот несет народу [3] безсмысленное и преступное возмущеніе богачей против Совѣтской власти. Народ не потерпит обмана. Народ не потерпит срыва его воли. Народ не отдаст совѣтской власти въ угоду богачам. Народ не отдаст на растерзаніе богачей взятаго им в свои руки дѣла м и р а, дѣла передачи з е м е л ь тотча[с] же, без изъятій и безвозмездно, в руки трудящихся.

Выхода у всей страны только два:

Либо граждан - [л. 5]ская война калединцев, кадетов, корниловцев (и их прикрытых союзников, авксентьевцев, черновцев, масловцев)

[1]) Слова: «составляя списки 17 окт. и»—писаны над строкой.
[2]) Слова: «потребуйте ухода» подчеркнуты трижды.
[3]) «Народу»—наверху строки.

(5)

ская война кадетов, эсеров, корниловцев (с их приспешниками, соглашателями, авксентьевцами, черновцами, майсковцами) против советской власти, война кровавая, война братоубийственная для её ликвидации, война, которая власти у Советов не отнимет, а только даст ещё больше ожесточения, больше смертей, больше крови, больше разрушения великих социалистических преобразований, больше голода обнищавшим губерниям.

Либо частичное примирение вполне очевидное для всех правых, именно: что противники решений 2-го Всерос. Съезда Совет. Раб. и Солд. Деп., а также 2-го Всерос. Съезда Крест. Депутатов только обманом могли от крестьян против С. Н. К. и что наступает теперь переворот среди депутатов.

Третьего нет. Либо кровавое подавление бойцов, авксентьевцев, черновцев, майсковцев. Либо их согласие на переворот депутатов от крестьянства в ЦИК, как только сближение от крестьян в ЦИК противников решений двух советских съездов, 2-го Всеросс. Съезда Сов. Раб. и Солд. Деп. и 2-го Всеросс. Съезда Сов. Кр. Деп.

За вами слово, товарищи-крестьяне!
За вами решающее слово!

Твердая власть всех крестьян, каждого с ними и всех крестьян возможно водворить мир во всей стране, среди всех наций России, возможно прекратить гражданскую войну, возможно обеспечить не обманное, а правильное созыв Учр. Собрания, возможно ускорить и обеспечить прекращение войны справедливым миром, ускорить передачу всей земли трудящимся, ускорить и начать социализм.

За вами решающее слово, товарищи-крестьяне! За действительную передачу земли трудящимся. За справедливый мир! За действительный социализм!

2-ой Всеросс. Съезд Кр. Депутатов

У крестьян ... рабочими

против совѣтской власти, война кровавая, война безнадежная для ея зачинщиков, война, которая власти у совѣтов не отнимет, а только даст больше озлобленія, больше жертв, больше крови, больше затяжки великих, соціалистическ[их], преобразованій, больше голода безхлѣбным губерніям.

Либо честное признаніе всѣми очевидной для всѣх правды, именно: что противники рѣшеній 2-го Всер[оссійскаго] Съѣзда Совѣтов Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов], а также 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Крест[ьянских] Депутатов только обманом могли от крестьян пройти в У[чредительное] С[обраніе] и что необходим поэтому п е р е в ы б о р таких депутатов.

Третьяго пути нѣт. Либо кровавое истребленіе богачей, авксентьевцев, черновцев, масловцев. Либо их согласіе на перевыборы депутатов от крестьянства в У[чредительное] С[обраніе], как только выступят от крестьян в У[чредительном] Со[браніи] противники рѣшеній двух совѣтских съѣздов, 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Совѣтов Раб[очих] и Солд[атских] Деп[утатов] и 2-го Всеросс[ійскаго] Съѣзда Совѣтов Кр[естьянских] Деп[утатов].

За вами слово, товарищи-крестьяне!

За вами рѣшающее слово!

Твердым словом в с ѣ х крестьян, н а к а з а м и с ъ м ѣ с т отъ в с ѣ х крестьянъ вы м о ж е т е водворить мир [1] по всей странѣ, среди всѣх націй Россіи, вы можете прекратить гражданскую войну, вы можете обезпечить не обманное, а правильное, истинное Учр[едительное] Собраніе, вы можете ускорить и облегчить прекращеніе войны справедливым миром, ускорить передачу всѣх земель трудящимся, укрѣпить союз крестьян с рабочими [2], ускорить побѣду соціализма.

За вами рѣшающее слово, товарищи-крестьяне! Да здравствует передача земли трудящимся. Да здравствует мир! Да здравствует соціализм!

2-о й В с е р о с с [і й с к і й] С ъ ѣ з д К р [е с т ь я н с к и х] Д е п у т а т о в.

---

[1]) Далее зачеркнуто: «на».

[2]) Слова «укрѣпить союз крестьян с рабочими» написаны под текстом, ниже подписи, и соединены чертой с соответствующим местом.

IV.

Проект декрета о борьбе с контр-революционерами и саботажниками.

Письмо к тов. Дзержинскому.

Письмо написано Владимиром Ильичем собственноручно чернилами на листе почтовой бумаги, линованной в клетку. Текст написан на внутренних страницах листа, начинаясь на правой странице с цифрой 1 и оканчиваясь на левой странице с цифрой 2. Документ написан очень мелким почерком, почти без поправок. Подписи Владимира Ильича и даты написания на документе нет. В правом углу, рядом с № страницы, поставлена (вероятно, канцелярская помета) цифра 1 красным карандашом. Это письмо находилось среди недатированных бумаг Совнаркома, хранящихся в Архиве Октябрьской Революции (ф. XXVIII, s. a. 24).

Содержанию документа соответствует по своему характеру доклад тов. Дзержинского в Совнаркоме 7 декабря 1917 года об организации Комиссии по борьбе с контр-революцией и саботажем (протокол Совнаркома № 21 от 7 декабря 1917 г., пункт 9: доклад тов. Дзержинского об организации В. Ч. К.). К этому времени повидимому, можно приурочить составление настоящего проекта В. И.

Т[овари]щу Дзержинскому.

К сегодняшнему Вашему докладу о мѣрах борьбы с саботажниками и к[онт]р-р[е]в[олю]ц[іоне]рами.

Нельзя-ли двинуть подобный декрет:

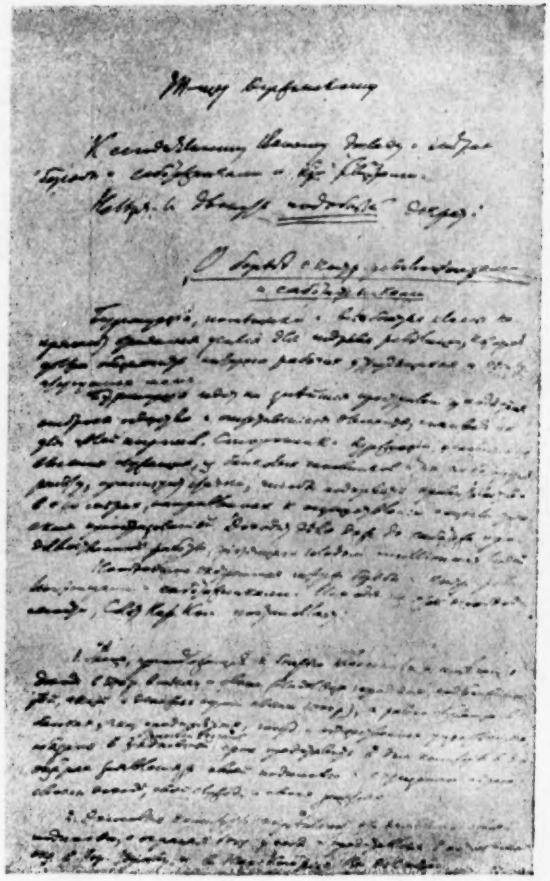
О борьбѣ, с контр-революціонерами и саботажниками.

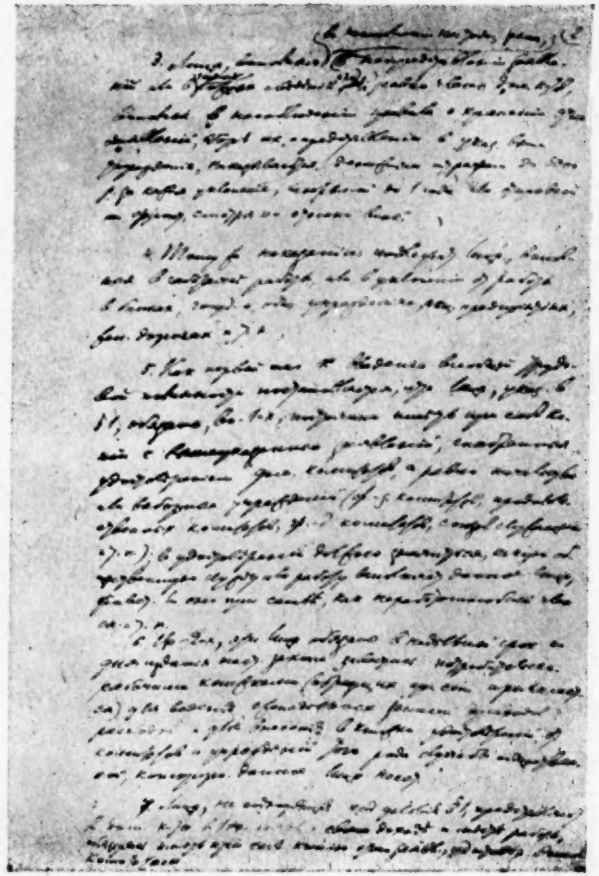
Буржуазія, помѣщики и всѣ богатые классы напрягают отчаянныя усилія для подрыва революціи, которая должна обезпечить интересы рабочих [1], трудящихся и эксплуатируемых массъ.

Буржуазія идет на злѣйшія преступленія, подкупая отбросы общества и опустившіеся элементы, спаивая их для цѣлей погромов. Сторонники буржуазіи, особенно из высших служащих, из банковых чиновников и т. п., саботируют работу, организуют стачки, чтобы подорвать правительство в его мѣрах, направленных к осуществленію соціалистических преобразованій. Доходит дѣло даже до саботажа продовольственной работы, грозящаго голодом милліонамъ людей.

Необходимы экстренныя мѣры борьбы с контр-революціонерами и саботажниками. Исходя из этой необходимости, Совѣт Нар[одных] Ком[иссаров] постановляет:

[1]) Далее зачеркнуто: "и".





1. Лица, принадлежащія к богатым классам (т.-е. имѣющія доходъ в 500 р. в мѣсяц и свыше, владѣльцы городских недвижимостей, акцій и денежных сумм свыше 1000 р.), а равно служащіе в банках, акц[іонерных] предпріятіях, госуд[арственных] и общественных учрежденіях, обязаны в 3-хдневный срок [1] представить в дом[овые] комитеты в 3-х экз[емпля]рах заявленія, за своей подписью и с указаніем адреса, о своем доходѣ, своей службѣ и своих занятіях.

2. Домовые комитеты скрѣпляют эти заявленія своей подписью, сохраняя 1 экз[емпляр] у себя и представляя 2 остальных экз[емпляра] в Гор[одскую] Управу и въ Нар[одный] Ком[исса]ріат Вн[утренних] Дѣл [адрес: [л. 2]

3. Лица, виновныя въ неисполненіи настоящ[аго] закона [2], (в непредставленіи заявленій или в подачѣ [3] ложных свѣдѣній и т. п.) [4], а равно члены дом[овых] к[омитет]ов, виновныя в несоблюденіи правила о храненіи этих заявленій, сборѣ их и представленіи в указ[анныя] выше учрежденія, наказываются денежным штрафом до 5000 р. за каждое уклоненіе, тюрьмой до 1 года или отправкой на фронт, смотря по степени вины.

4. Тому же наказанію подлежат лица, виновныя в саботажѣ работы или в уклоненіи от работы в банках, госуд[арственных] и общ[ественных] учрежденіях, акц[іонерных] предпріятіях, жел[ѣзных] дорогах и т. п.

5. Как первый шаг к введенію всеобщей трудовой повинности постановляется, что лица, указ[анныя] въ § 1, обязаны, во-1-х, постоянно имѣть при себѣ копіи с вышеуказанных заявленій, снабженныя удостовѣреніем дом[овых] комитетов, а равно начальства или выборных учрежденій (ф[абрично]-з[аводских] комитетов, продовольственных комитетов, ж[елѣзно]-д[орожных] комитетов, союзов служащих и т. п.); в удостовѣреніи должно значиться, какую общественную службу или работу выполняет данное лицо, живет ли оно при семьѣ, как неработоспособный член ея, и т. п.

6. Во-2-х, эти лица обязаны в недѣльный срок со дня изданія наст[оящаго] закона завестись потребительско-рабочими книжками (образец их при сем прилагается) для веденія еженедѣльных записей приходов и расходов и для внесенія в книжки удостовѣреній от комитетов и учрежденій того рода службы общественной, которую данное лицо несет.

7. Лица, не подходящія под условія § 1, представляют в дом[овые] к[омите]ты въ 1 экз[емплярѣ] заявл[енія] о своем доходѣ и мѣстѣ работы, обязуясь имѣть при себѣ копію этого заявл[енія], удостовѣр[еннаго] Домов[ым] Комитетом.

---

[1]) Над словами: «3-хдневный срок» написано В. И. сверху: «[в] теченіи 24-х часов».

[2]) Слова: «въ неисполненіи настоящ[аго] закона»—писаны над строкой.

[3]) «Подачѣ»—наверху строки.

[4]) «И т. п.»—наверху строки.

РУССКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОГОВОР 1905 года.

Русско-германский договор 1905 года, заключенный в Бьёрке [1]).

Из телеграммы Вильгельма II к Николаю II [2]).

(14—27 октября 1904 г.)

Уже некоторое время английская печать грозит Германии, что ей ни в каком случае не будет дозволено снабжать Балтийскую эскадру углем теперь, когда она в пути. Нет ничего невозможного, что правительства Японии и Англии сообща заявят протест против снабжения нами ваших кораблей углем, присоединив к нему «требование» о прекращении этого в дальнейшем. Конечным результатом такой угрозы—войной—была бы полная неподвижность твоего флота и невозможность для него достигнуть своего назначения вследствие отсутствия топлива. Эту новую опасность должны встретить сообща Россия и Германия, которым пришлось бы обеим напомнить твоей союзнице Фран-

---

[1]) Текст договора, заключенного Николаем Романовым с Вильгельмом II в 1905 г. в Бьёрке, впервые был опубликован в русском переводе в «Сборнике секретных документов из архива бывшего мин. ин. дел.» № 3 (декабрь 1917 г. Издание Нар. Ком. Ин. Дел.).

В настоящем томе «Красного Архива» печатается: переписка, относящаяся к 1904 г., — когда об этом впервые возникли переговоры, — подлинный французский текст договора и русский перевод его, а также последующая переписка, вызванная заключением договора.

Для полной картины хода переговоров и истории договора включены некоторые места из личной переписки Николая с Вильгельмом, уже опубликованной Центрархивом. (Переписка Вильгельма II с Николаем II. С предисловием М. Н. Покровского. Гос. Изд., Москва, 1923.)

Печатаемые документы хранятся во 2 отделении Госархива Р. С. Ф. С. Р. Письма Ламздорфа к Нелидову от 1/IX, 15/IX, 23/IX, 26/IX, 29/IX, 14/X — 1905 г. взяты из особого досье «Архива Нелидова», хранившегося в секретном архиве министра ин. дел, куда эти письма были переданы после смерти Нелидова в 1910 году.

Большая часть документов печатается с подлинников. Письма Ламздорфа к послам, за исключением вышеупомянутых писем к Нелидову, печатаются с его собственноручных копий.

Материалы подготовлены к печати и снабжены примечаниями С. А. Нашуканис.

[2]) Перевод с английского. *Редакция.*

нии об обязательствах, принятых ею на себя в силу договора о двойственном союзе с тобой, и указать на «casus foederis». Не может быть и речи о том, чтобы на подобное приглашение Франция попыталась уклониться от исполнения своей бесспорной обязанности по отношению к своему союзнику. Хотя Делькассе—ярый англофил, но он достаточно умен для того, чтобы понять, что английский флот совершенно не в состоянии спасти Париж! Таким путем создалась бы мощная комбинация трех наиболее сильных континентальных держав, и, прежде чем напасть на нее, англо-японской группе не раз пришлось бы подумать. Жалобы Англии на наше снабжение русских судов углем тем более легкомысленны, что с самого начала войны она,—подарив Японии два броненосца, «Ниишин» и «Касугу», с британскими офицерами и экипажем,—еще все время снабжала своим углем японский флот и продала туда не менее тридцати пароходов. Морские сражения, данные Того, велись при помощи кардифского угля. Нам, разумеется, было бы гораздо приятнее, если бы англичане были разумны и, помня все это, оставили нас в покое и предоставили самим себе. Но я никогда ни на минуту не отступлю перед несправедливой угрозой.

Доклад м-ра иностр. дел Ламздорфа Николаю [1]).

Приемлю смелость повергнуть у сего на всемилостивейшее вашего императорского величества благовоззрение полученное мною сегодня письмо графа Остен-Сакена от 14/27 октября, передающее его беседу с бароном Гольштейном. Вполне соглашаясь с заключительною частью этого письма, в котором императорский посол указывает на необходимость более тесного сближения с Германиею, особенно при настоящих обстоятельствах, не могу, однако, не усмотреть в предложениях германского правительства постоянного стремления его расстроить дружеские отношения между Россиею и Франциею. С этой точки зрения я считал бы совершенно несвоевременным ставить какие-либо категорические вопросы французскому правительству, которое в праве было бы на них ответить, что во время осложнений с Англиею, по поводу Фашоды, оно не обращалось к России с подобными запросами и преждевременными требованиями. Франция не перестает, впрочем, дружественно относиться к нам, доказательством чему могут служить, между прочим, полученные сегодня от д. т. с. Нелидова и графа Бенкендорфа телеграммы, передающие разговор французского посла в Лондоне с маркизом Ландоуном по поручению г. Делькассе и собственной инициативе г. Камбона, без всякой с нашей стороны просьбы.

---

[1]) На подлиннике имеется следующая пометка Н. Романова:

«Не вполне согласен с вами. Вы увидите из моего ответа на телеграмму имп. герм., что я сильно стою в настоящее время за такого рода соглашения с Германией и Францией. Это избавит Европу от чрезмерного нахальства Англии и будет весьма полезно в будущем». Пометка Ламздорфа: «Царское Село, 16 октября 1904 г.».

По получении от графа Остен-Сакена дальнейших сведений по сему вопросу, после предстоящего разговора его с имперским канцлером, буду иметь счастье представить вашему императорскому величеству проект ответного письма послу, в котором, смею думать, следует указать на необходимость крайней осторожности в столь щекотливом вопросе.

16 октября 1904 г.

Граф Ламздорф.

Письмо русского посла в Берлине Остен-Сакена Ламздорфу [1]).

Строго личное.

Берлин, 14/27 октября 1904 г.

Дорогой граф.

Я был очень удивлен, когда два дня тому назад, стороной меня уведомили, что барон Гольштейн, первый советник министерства иностранных дел, желает меня видеть.

Вы, конечно, припомните, дорогой граф, что эта важная особа — может быть, истинный вдохновитель политики Берлинского кабинета — для официальных послов оставался невидимым с тех пор, как к делам был призван граф Бюлов.

Я немедленно пошел навстречу желанию барона Гольштейна и имел с ним беседу, о которой я считаю своим долгом вам доложить, даже прежде чем я буду иметь возможность представить ее вам, быть может, в форме предложения со стороны Берлинского кабинета.

Барон Гольштейн дал мне прежде всего понять, что вопрос о снабжении углем нашей Балтийской эскадры, отправляющейся на Дальний Восток, стал серьезным и легко может породить осложнения в Европе.

«В самом деле,—сказал мне мой собеседник,—Англия, повидимому, смотрит косо на наше решение не отказываться, поскольку это нас касается, от снабжения углем русского флота. До сих пор эта точка зрения Сен-Джемского кабинета была нам известна лишь косвенным путем. Но я полагаю, что если бы это нам было сообщено официально, мы не могли бы принять этих представлений, не роняя достоинства империи. В таком случае мы были бы принуждены объявить России, что мы готовы с ее согласия действовать с ней заодно, если Англия сочтет себя обязанной вмешаться с оружием в руках в защиту японских интересов».

Барон Гольштейн полагает, что вооруженное вмешательство Англии логически заставило бы Францию вступить, со своей стороны, в борьбу в качестве нашей союзницы, и считает, что в таком случае С.-Петербургский и Берлинский кабинеты должны будут катего-

[1]) Перевод с французского.

рически и с общего согласия поставить Франции вопрос: как смотрит она на свои обязанности.

Он не сомневается, что это совместное выступление заставит Парижский кабинет из-за боязни потерять все плоды, полученные Францией до сих пор от союза с нами, ответить в положительном смысле.

Барон Гольштейн прибавил, что можно даже надеяться на то, что—будучи противопоставлена согласию 3 держав—России, Германии и Франции—Англия не рискнет пойти на вооруженное столкновение и подчинится необходимости отказаться от своих притязаний. Возможно, сказал барон, что это было бы наилучшим средством избежать европейского осложнения. Он поражен высокомерным тоном Сен-Джемского кабинета со времени его последнего соглашения с Францией, и ему кажется, что снова слышится тон, обычный для Англии в эпоху войны 1854—1855 г.г., которую она вела сообща с своей соседкой по ту сторону Ла-Манша. Он подозревает даже, что во Франции очень склонны восстановить эти близкие отношения, имевшие решающее значение в вопросах о судьбах Европы.

Вот, в общих чертах, моя беседа с бароном Гольштейном, которую он настоятельно просил меня продолжить с графом Бюловым; последний, по словам барона, согласен с комбинацией, в которую он меня сейчас посвятил.

До моей встречи с гр. Бюловым я, конечно, не могу, считать это предложением, исходящим от Берлинского кабинета. У меня одна только цель—предупредить вас лично, дорогой граф, заранее и весьма секретно о том, что здесь замышляется. Я не могу не подозревать в проекте бар. Гольштейна желания использовать затруднительное положение, в котором мы в настоящее время находимся, для того, чтобы разрешить одну из следующих политических задач Германии: или порвать наш союз с Францией—в том случае, если она откажет нам в своей поддержке против Англии, или же обеспечить себе нашу поддержку, а также и поддержку Франции в возрастающем соперничестве между Германией и Англией.

Тем не менее, этот проект имеет в моих глазах значение, на которое я не могу не обратить вашего внимания.

К несчастью, не подлежит сомнению, что даже благоприятный исход нашей войны с Японией не даст нам возможности заключить мир по нашему усмотрению.

Мы столкнемся с англо-американской коалицией, созданной для того, чтобы помешать нам пожать плоды наших побед. Было бы иначе, если бы Франция и Германия были на нашей стороне. Это соображение имеет для нас такое огромное значение, что нельзя отнестись к мыслям, высказанным Гольштейном, как к обыкновенной интриге, шитой белыми нитками, и не воспользоваться так или иначе настоящим настроением Берлинского кабинета.

и т. д. *Остен-Сакен.*

Из телеграммы Николая Вильгельму [1]).

(без даты)

Я вполне разделяю твое неудовольствие по поводу поведения Англии в вопросе снабжения германскими пароходами наших кораблей углем; она понимает сохранение нейтралитета своеобразно. Безусловно, пора положить этому конец. Единственное средство этого достигнуть, как ты говоришь, это—чтобы Германия, Россия и Франция пришли к соглашению уничтожить англо-японское высокомерие и нахальство. Составь и набросай, пожалуйста, проект такого договора и сообщи мне его. Как только он будет нами принят, Франция должна будет присоединиться к своей союзнице. Этот план приходил мне часто в голову—он принесет мир и спокойствие всему миру.

Из письма Вильгельма к Николаю [2]).

(от 30/X 1904 г.)

Дорогой Ники.

Твоя милая телеграмма доставила мне удовольствие, показав, что в трудную минуту я могу быть тебе полезным. Я немедленно обратился к канцлеру, и мы оба т а й н о, не сообщая об этом никому, составили, согласно твоему желанию, 3 статьи договора. Пусть будет так, как ты говоришь. Будем вместе. Конечно, союз должен быть чисто оборонительным, направленным исключительно против нападающего или нападающих в Европе, нечто вроде компании взаимного страхования от огня против поджогов. Очень важно, чтобы Америка не видела для себя угрозы в нашем соглашении. Рузвельт, как мне известно, в силу врожденной антипатии американцев ко всякой цветной расе, не питает особой склонности к Японии, хотя Англия изо всех сил старается повлиять на американцев и настроить их в пользу Японии. Кроме того, американцы прекрасно сознают тот неоспоримый факт, что могущественная японская империя является постоянной опасностью для американских Филиппин. Что касается Франции, то мы оба знаем, что радикалы и антихристианские партии, в данную минуту наиболее сильные, склоняются к Англии,—старые Крымские традиции,—но они против войны, потому что победоносный генерал внес бы некоторое расстройство в эту республику жалких штатских. Националистическая или клерикальная партия не любит Англии и симпатизирует России, но и не помышляет о том, чтобы связать свою судьбу с Россией в теперешней войне. Между этими двумя партиями республи-

---

[1]) Перевод с английского. Из письма Вильгельма от 17/XI 1904 г. (см. ниже видно, что телеграмма послана Николаем 16/29 октября 1904 г.

[2]) Перевод с английского.

канское правительство сохранит нейтралитет и ничего не предпримет. На этот нейтралитет и, следовательно, на изоляцию России рассчитывает Англия.

Мне достоверно известно, что не дальше как в декабре прошлого года французский министр финансов Рувье, по собственному почину, заявил финансовому агенту одной державы, что Франция ни в коем случае не присоединится к вам в русско-японской войне, даже если Англия встанет на сторону Японии. Чтобы сделать этих республиканцев вполне надежными, Англия передала Франции Марокко. Полная уверенность, что Франция намерена оставаться нейтральной и даже оказывать дипломатическую поддержку Англии,—вот причина необыкновенно грубой уверенности английской политики настоящего момента. Это неслыханное положение вещей изменится к лучшему, как только Франция очутится перед необходимостью выбрать, к кому ей примкнуть, и когда ей придется открыто высказаться за Петербург или за Лондон. Но, как я сказал выше, радикалы, тяготеющие к Англии, относятся вообще с отвращением к войне и к милитаризму; националисты же, не имеющие ничего против войны, как таковой, не желают сражаться ни за Англию, ни против России. Отсюда ясно, что обе партии заинтересованы в том, чтобы оказать давление на Англию и заставить ее сохранять мир. Если ты и я будем стоять плечо к плечу, то важнейшим последствием этого будет то, что Франция должна будет открыто и формально присоединиться к нам обоим и таким образом выполнить, наконец, по отношению к России возложенные на нее договором обязательства, что для нас чрезвычайно ценно, особенно если принять во внимание ее прекрасные гавани и хороший флот, которые окажутся тогда и к нашим услугам. Ты можешь быть уверен, что это положит конец жалобам на так называемые нарушения нейтралитета. Раз это будет достигнуто, я надеюсь, что буду в состоянии поддержать мир, а у тебя будут развязаны руки в твоих действиях по отношению к Японии. Позволь мне прибавить к этому, что я искренно восторгаюсь твоим тонким политическим инстинктом, подсказавшим тебе мысль обратиться по поводу происшествия в Северном море в Гаагский третейский суд. Ведь именно этот упорно выставляющийся в извращенном виде случай и использовали французские радикалы, Клемансо и остальная сволочь (tag-rag and bobtail), как довод против того, чтобы Франция выполняла в отношении России возлагаемые на нее договором обязательства. Конечно, прежде чем предпринимать какие-либо шаги в этом вопросе и заговаривать с Францией, необходимо покончить с этим досадным происшествием в Северном море. Дело в том, что, как мне сообщили, Делькассе и Камбон примкнули в этом вопросе к британской точке зрения, и, сообразно с этим, отношение французского правительства определилось, как сочувствующее Англии. Если мы поэтому в этом вопросе окажем давление на Францию, то она, несомненно, примет сторону

Англии,—а это-то нам как раз и нежелательно. Il faut que l'incident de la Mer Noire soit clos (необходимо, чтобы происшествие на Черном море было исчерпано), и тогда только можем мы начать действовать совместно.

Согласно твоему желанию, я прилагаю при этом проект статей договора, надеюсь, что ты их одобришь. Никто ничего не знает об этом, даже мое министерство иностранных дел: это сделали Бюлов и я лично. «Möge Gottes Segen ruhen auf dem Vorhaben der beiden Hohen Herrscher, und die mächtige 3-fache Gruppe Russland, Deutschland, Frankreich für immer Europa den Frieden bewahren helfen, das walte Gott» (да благословит бог намерение обоих высоких властителей и да поможет он могучему тройственному объединению России, Германии и Франции навсегда обеспечить Европе мир, да поможет этому бог). Таковы были его слова, когда мы кончили.

Проект договора [1]).

Их величества, император всероссийский и император германский, чтобы локализировать, насколько возможно, русско-японскую войну, установили нижеследующие статьи договора оборонительного союза.

Статья I.

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности, обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза.

Статья II.

Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Обязательство помогать друг другу остается в силе и в том случае, если бы действия одной из двух высоких договаривающихся сторон, совершенные во время войны, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны со стороны третьей державы протест по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

---

[1]) Перевод с французского.

Записка Николая Ламздорфу.

(20 окт. 1904 г.)

Только сегодня получил письмо с проектом «Соглашения» от имп. Вильгельма. Читая его, я рассмеялся. Содержание трех единственных статей более всего касается Франции. Срок договора—длительность нашей войны с Японией. Последний пункт касается именно предмета неудовольствия германского правительства действиями Англии относительно угольной операции. Но это—частное дело обоих государств.

Я ответил сегодня императору Вильгельму телеграммою, что необходимо ознакомиться с присланным проектом и что ответ последует через несколько дней.

Ввиду этого прошу вас, граф, приехать ко мне в пятницу, в 12 ч. Нужно обсудить это дело всесторонне и составить желательный для нас контр-проект.

При этом, как всегда, необходимо соблюсти свои интересы и пощадить авторское самолюбие другой стороны.

Николай.

Доклад Ламздорфа Николаю[1]).

ПРОЕКТ ПРЕДЛОЖЕНИЙ:	ИЗМЕНЕНИЯ.
Их величества император всероссийский и император германский, чтобы локализировать, насколько возможно, русско-японскую войну, установили нижеследующие статьи договора оборонительного союза:	
Статья I.	
В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет к ней на помощь всеми своими сухопутными и морскими силами. В случае надобности, обе союзницы будут также действовать совместно, чтобы напомнить Франции об обязательствах, принятых ею на себя согласно условиям договора франко-русского союза.	Его величество император всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.
Статья II.	
Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.	Высокие договаривающиеся стороны и т. д., и т. д.

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка рукой Ламздорфа: «Доложено и высочайше одобрено в Царском Селе 22 октября 1904 г.».

Статья III.

Обязательство помогать друг другу остается в силе и в том случае, если бы действия одной из двух высоких договаривающихся сторон, совершенные во время войны, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали бы после войны со стороны третьей державы протест по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

Статья III.

Высокие договаривающиеся стороны согласились действовать сообща в том случае, если бы действия, совершенные во время войны одной из них, как, например, доставка угля одному из воюющих, вызвали впоследствии протесты со стороны третьей державы по поводу якобы нарушения прав нейтральных. Их соглашение должно оставаться в силе также в случае затруднений, какие могли бы возникнуть во время переговоров о мире между Россией и Японией.

Письмо Остен-Сакена Ламздорфу [1]).

Личное.

Берлин, 22 октября (4 ноября) 1904 г.

Дорогой граф.

Ваше письмо от 14 октября, содержавшее в себе приказание нашего августейшего монарха выразить его высокое удовлетворение по поводу мер, принятых германскими властями для безопасного прохода нашей эскадры через Балтийское море, дало мне случай посетить имперского канцлера.

Граф Бюлов с живейшим удовольствием принял мое сообщение и сказал, что на другой же день передаст его императору Вильгельму.

Во время нашей беседы канцлер заговорил на тему о сообщениях, сделанных мне несколько дней назад бароном Гольштейном и переданных мною вашему сиятельству в весьма доверительном письме от 14/27 октября.

Равно как и бар. Гольштейн, граф Бюлов высказал, что его беспокоит возможность протеста со стороны С.-Джемского кабинета против снабжения немецкими торговыми домами нашей Балтийской эскадры углем.

«Если бы это случилось, — сказал мне имперский канцлер, — то мы, очевидно, были бы вынуждены запросить С.-Петербургский кабинет, должны ли мы отклонить этот протест, рискуя вступить в войну с Англией и стать вашими союзниками; или бы Россия предпочла отказаться от удобства снабжения углем, из запасов, составляющих собственность немецких торговых фирм, которым мы

[1]) Перевод с французского.

должны были бы в этом случае воспретить такую торговлю, как несовместимую с нейтралитетом Германии».

Разговор, последовавший затем, был, в сущности, лишь повторением того, что мне уже говорил барон Гольштейн. Поэтому я не буду утомлять ваше сиятельство подробным воспроизведением слов канцлера, тем более, что вероятность протестов со стороны Англии, как я уже сказал графу Бюлову, уменьшается по мере продвижения нашей эскадры вперед.

Не без удивления прочел я на столбцах газеты «Post» высказанные мне Бюловым и Гольштейном мысли по поводу стараний Франции найти мирное разрешение нашим осложнениям с Англией. «Post», как и оба германские государственные мужа, объясняет это тем, что Франция боится того, что ей придется исполнить свои обязанности союзницы в случае конфликта между нами и Англией.

Сию минуту узнал окольным путем, что статья в «Post» была инспирирована отделом печати (Presse-Bureau) министерства иностранных дел.

Какими соображениями руководился этот отдел? Это для меня необъяснимо.

Гулльские события вызвали здесь, как и во всех странах, полемику между органами печати. Довольно сдержанная при первых известиях об инциденте, полемика эта приняла в последующие дни, по примеру английской печати, характер более бурный, особенно в газетах передовых партий. Но эти газеты не нашли сочувствия в здравомыслящей части нации и встретили решительную оппозицию как в придворных сферах, так и в армии.

«Hamburger Nachrichten» очень разумно замечает, что адмирал Рожественский не мог действовать иначе, чем он поступил, не рискуя судьбою флота, вверенного его командованию. Надо надеяться, что в результате работ следственной комиссии будет признание правильности донесения начальника нашей Балтийской эскадры.

Благоволите принять и т. д.

Остен-Сакен.

Письмо Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

Весьма секретное и личное.

С.-Петербург, 28 октября 1904 г.

Дорогой и уважаемый граф.

Позвольте мне от души поблагодарить вас за ваше любезное личное письмо от 22 октября (4 ноября) 1904 года.

Ваши беседы с графом Бюловым и г-ном Гольштейном весьма интересны, и дополнением к ним служат телеграммы, адресованные

[1]) Перевод с французского.

императором Вильгельмом непосредственно нашему августейшему монарху. Интимная переписка обоих государей ныне более оживленна и более дружественна, чем когда-либо. К тем благоприятным для нас предложениям, которые идут к нам из Берлина, следует отнестись весьма внимательно, но в то же время с большой осторожностью. Ясно, что хотят воспользоваться современными обстоятельствами, чтобы выяснить себе сущность наших договоров с Францией и с точностью узнать, на что мы имеем право рассчитывать со стороны нашей союзницы. Затем не имелось бы ничего против того, чтобы поссорить нас немножко, внушив нам недоверие и заставляя нас определенно прижать французов к стене. Очевидно, в Берлине были бы рады усилению и продлению наших разногласий с Англией; лучше всего—совершенно изолировать Россию при помощи трогательных обещаний, благодаря которым она доверилась бы исключительно одной Германии, а последняя после этого, конечно, не упустила бы случая дать ей почувствовать всю тяжесть и цену этих железных уз. С другой стороны, дружба нашей могущественной соседки нам, очевидно, необходима ради спокойствия вдоль нашей длинной границы, ради снабжения нас углем и иною контрабандою и т. д., и т. д. Все это следует серьезно принять в расчет и стараться ничем не портить наших отношений с Берлином, но притом не упускать и Парижа. Только сохраняя равновесие, удастся извлекать выгоды, в пределах возможности, из обеих сторон.

Слава богу, что острый фазис Гулльского инцидента уже миновал, но все же мы еще не преодолели всех трудностей. Следует надеяться, что следственная комиссия сорганизуется и будет действовать без особых затруднений. Если бы показания наших моряков подтвердились неопровержимыми доказательствами, то это, действительно, было бы для нас большим торжеством.

Письмо Остен-Сакена Ламздорфу [1].

Личное. Весьма секретное.

Берлин, 4/17 ноября 1904 г.

Дорогой граф.

Ваше любезное и столь интересное письмо от 28 октября (10 ноября) сего года произвело на меня большое впечатление.

Уведомляя вас о сообщениях, сделанных мне бароном Гольштейном, которые несколько дней спустя подтвердил сам канцлер, я не мог не понимать тех задних мыслей, под влиянием которых были сделаны эти предложения.

Сближение Англии с Францией, сопровождавшееся попытками, правда неопределенными, со стороны С.-Джемского кабинета отка-

[1] Перевод с французского.

заться от своей враждебной неприязни к России, очень тревожит Берлинский кабинет, полагающий, что целью английской политики в настоящий момент является изоляция Германии.

В этом была бы реальная опасность для последней; вот почему канцлер, по обыкновению, старается разобраться в этих планах и, если таковые существуют, своевременно предотвратить их выполнение.

В самом деле, если бы попытки к улучшению наших отношений с Англией дали серьезные результаты, то Германия имела бы основание бояться, как бы попытки эти, которым благоприятствует уже совершившееся сближение между кабинетами С.-Джемским и Парижским, не привели к тройственному союзу, опасному для германских интересов и угрожающему безопасности империи.

Вполне допустимо, что, в виду этой грозной возможности, г. Гольштейн возымел мысль предотвратить ее при помощи контр-комбинации, а именно: тройственного союза с нами и Францией против Англии.

Момент мог показаться ему благоприятным вследствие того факта, что наша война с Японией была делом рук Англии.

Вот причина тех предложений, которые мне были сделаны на днях и, по словам вашего письма, были известны нашему августейшему монарху. Это последнее обстоятельство доказывает мне, насколько серьезным представляется Берлинскому кабинету современное политическое положение.

Склонный считать графа Бюлова до некоторой степени сторонником Англии, я был удивлен согласием канцлера на проекты барона Гольштейна, но два новых факта, кажется, позволяют мне разобраться в его игре.

Вскоре после моих свиданий с ним и с Гольштейном английский посол похвалился перед одним из моих коллег, что после девяти лет пребывания в Берлине он впервые будет иметь случай познакомиться с таинственным Гольштейном—«серым высокопреподоблем» (Eminence grise) [1]), как его здесь зовут, невидимым для всех, но держащим в своих руках нити германской политики.

Это знакомство произошло накануне отъезда в отпуск в Лондон сэра Франка Ласселя, и в сегодняшних английских газетах я нашел объяснение. В «Daily Telegraph» от 2/15 числа появилась статья, где говорится о необходимости для английской печати оставить неприязненный тон по отношению к Германии и где английское правительство приглашается к тому, чтоб сделать существующие отношения между обеими странами миролюбивыми. Эта статья указывает на хорошие результаты, достигнутые такою же политикою по отношению к Франции и Америке.

---

[1]) «Eminence grise»—называли капуцина Жозефа де-Трамблей (1577—1638), советника Ришелье.

Итак, это — вечная система равновесия, к которой прибегает граф Бюлов, прежде чем избрать определенный путь, и которая позволяет ему всегда иметь две тетивы на своем луке и отдавать преимущество одной перед другой лишь очень обдуманно.

Я склонен думать, что комбинация Гольштейна соответствовала желанию императора Вильгельма, а вмешательство сэра Франка есть уловка Бюлова на тот случай, если бы мы не выказали склонности согласиться на первую.

Не решаясь судить по существу о значении для наших интересов предложений, передать вам которые мне было поручено, я хотел только выяснить в этом письме, насколько серьезны упомянутые сообщения, на которые нельзя смотреть, как на простые фантазии, лишенные политического значения. Вам предстоит, дорогой граф, определить их цену по отношению к совокупности наших политических интересов.

Благоволите и т. д.

Остен-Сакен.

Письмо Вильгельма к Николаю [1].

Новый Дворец, 17/XI [2] *1904 г.*

Милейший Ники.

Твое милое письмо подтверждает еще раз, что наши совместные усилия направлены главным образом на то, чтобы локализировать настоящую войну и избежать войны европейской. Злоупотребляя твоим любезным разрешением, я беру на себя смелость предложить тебе в наших обоюдных интересах два изменения: одно изменяет мое предложение, другое — твою заключительную оговорку.

Если бы содержание договора стало известно—путем ли официального опубликования или просто благодаря нескромности,—то возможно, что фраза: «для того, чтобы локализировать русско-японскую войну», будет истолкована другими державами в том смысле, что договор имеет силу т о л ь к о в том случае, если Англия вступит в войну в качестве союзницы Японии, т.-е. что договор является угрозой в ы з ы в а ю щ е г о характера, направленной только против Англии. В действительности это отчасти так и есть. Но «toute verité n'est pas bonne à dire» (не всякую правду следует говорить). Мы видим, что английское общественное мнение в настоящий момент находится в нервном состоянии, близком к помешательству, чему несколько прелестных образчиков мы только что получили. При таком настроении Англия взглянула бы на этот договор, как на в ы з о в, и тотчас ускорила бы окончательную катастрофу, которой мы пытаемся избежать или которую, по крайней мере, стремимся отдалить. Поэтому я предлагаю фразу,

[1]) Перевод с английского. Копии письма Николая ни в Романовском архиве, ни в секретном архиве м-ра иностр. дел не сохранилось.

[2]) Нового стиля.

которую ты сам употребил, «afin d'assurer le maintien de la paix en Europe» (чтобы обеспечить сохранение мира в Европе), что будет вполне соответствовать нашей цели и чего ни в каком случае нельзя счесть провокацией. Мы думаем только о себе и воздерживаемся от того, чтобы указывать пальцем на кого бы то ни было, что, к тому же, в обществе считается невоспитанностью. (Никому, у кого совесть чиста я,—такой договор им не может быть неприятен, и злобным джинго в Англии будет очень трудно превратить факт заключения его в «casus belli» (повод к войне).

Это изменение редакции договора, по моему мнению, делает необходимым установить известный срок,—или краткий, с правом отказа от договора в любой момент года, или, если хочешь, более долгий. Продление действия договора, в случае если он отвечает желаниям обеих сторон,—на что я горячо надеюсь,—и полезен нашим народам, могло бы совершиться само собой, автоматически. Все это можно устроить вполне сообразно твоим желаниям.

Другое изменение касается вновь прибавленной заключительной оговорки. Не надо забывать, что если бы ты захотел, например, оставить договор неопубликованным, то возможна нескромность,—у стен есть уши, а у дипломатов языки, которые будут работать,—при таких условиях эту фразу будут истолковывать в том смысле, что я определенно обязался помогать тебе защищать завоевания России, а это немедленно придаст статье I чисто агрессивный характер. В таком случае весь политический мир пришел бы к выводу, что мы вместо оборонительного союза основали нечто в роде компании в целях аннексий, со включением, вероятно, секретных оговорок в пользу Германии. Результатом этого было бы всеобщее недоверие, очень для нас опасное, так как Америка, движимая подозрениями, что Россия с Германией готовы к наступательным действиям ради дальнейших эгоистических целей, примкнет тогда к Англии. Этого допускать нельзя ни в коем случае: ведь главная задача русских и германских дипломатов—предотвратить союз Америки с Англией. Если бы договор сделался известен путем официального опубликования или благодаря нескромности, необходимо, чтобы Бюлов, в ответ на запрос в парламенте, мог заявить, что нет никаких секретных статей, противоречащих оборонительному характеру договора или обеспечивающих Германии—au détriment des autres (в ущерб другим)—что-либо, кроме помощи в деле защиты мира в Европе в том случае, если бы ему кто-нибудь угрожал. Вот почему я предлагаю изменить редакцию этой фразы.

Руководящая мысль в ней, это—непрерывные за последние месяцы протесты русской печати против мирного конгресса, который, подобно конгрессу 1878 г., должен был бы сыграть роль посредника; твои газеты очень боятся, что он снова будет созван, а имеются признаки, что некоторые державы уже действуют в этом направлении, особенно Париж и Лондон. Конгресс этот постарается, конечно, сделать все,

чтобы уравнять положение победителей и побежденных и попробовать отнять у первых их завоевания и преимущества, как это было в 1878 году. Кроме того, эта фраза в своей новой формулировке раз навсегда исключает всякую возможность для Германии принять участие в подобном мирном конгрессе и в то же самое время отнимает у всех недоброжелателей и критиков удобный случай утверждать, будто мы преследуем какую-либо иную цель помимо стремления обеспечить мир, никого не провоцируя.

Таковы два моих предложения, которые я решаюсь представить на твое рассмотрение и которые, как я надеюсь, ты одобришь; цель их—не допустить Англию принять активное участие в этой войне и, если можно, воспрепятствовать Америке присоединиться к Англии.

Я не знаю, считаешь ли ты нужным сообщить тайную статью (III) Франции. Пусть будет так, как ты хочешь, но я думаю, что другие статьи удержат Францию, и она не отстранится от нас. Я уверен, что Делькассе в самом духе договора сейчас же почувствует тенденцию против конгресса, и, принимая во внимание, что он уже начал между Лондоном и Парижем, а также и с другими державами, переговоры по поводу созыва мирного конгресса для посредничества, он окажется в затруднении, потому что ему придется внезапно оборвать свои уже начатые переговоры.

Без сомнения, французы предпочли бы всякую группировку держав союзу á trois (втроем), как в 1895 г., но, как только русско-германский договор станет совершившимся ф а к т о м, наши соединенные силы окажут на Францию сильное влияние, которое ты уже предусмотрел в своей телеграмме от 29-го октября, где ты говоришь: «После того как мы войдем в соглашение, Франция будет вынуждена присоединиться». Конечно, это уже задача твоих дипломатов—уладить дело с Францией, в то время как Германия будет молча стоять за тобой. Демократы—штатские и франкмасоны Делькассе, Комб и К°—равным образом боятся как победы, так и поражения, и в тот момент, когда им станет ясно, что Франции не удастся остаться нейтральной, а необходимо примкнуть к той или другой стороне, они сделают все от них зависящее, чтобы удержать Англию от войны. Прекрасным средством охладить британское нахальство было бы произвести несколько военных демонстраций на персидско-афганской границе, где англичане считают появление твоих войск во время настоящей войны невозможным. Если даже у тебя сейчас нет достаточно войск для нападения на Индию, то тех, которые имеются, достаточно для Персии,—у нее нет армии, а давление на границу Индии со стороны Персии произведет в Англии чудеса и окажет замечательно успокаивающее действие на горячие головы джинго в Лондоне.

Я знаю сам и мне сообщали, что они боятся только этого, и что страх перед твоим вступлением в Индию из Туркестана и в Афганистан из Персии был настоящей и единственной причиной того, что пушки Гибралтара и британского флота три недели тому назад молчали. Гра-

ница Индии и Афганистан, это—единственная часть земного шара, где весь британский военный флот ничего не может поделать, и где пушки его бессильны отразить вторжение неприятеля. Потеря Индии—смертельный удар для Великобритании.

Я надеюсь, что таким образом наш договор достигнет своей цели сохранения мира в Европе.

Если пересмотренный проект и предложенные соображения будут тобой одобрены, то подписание может состояться немедленно. Я надеюсь, что Ламздорф получит от тебя приказ совершить все формальности. Дай бог, чтобы мы нашли истинный путь локализировать ужасы войны, и да благословит он наши планы. Привет Алисе. Верь мне, милейший Ники.

Всегда твой горячо любящий кузен и искренний друг

Вилли.

Проект [1]).

Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения сохранения мира в Европе, установили следующие статьи договора оборонительного союза.

Статья I.

В случае, если бы одна из двух империй подверглась нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь всеми своими морскими и сухопутными силами. Его величество император всероссийский предпримет необходимые шаги для того, чтобы сообщить Франции этот договор и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Статья II.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Настоящий договор останется в силе до тех пор, пока не будет заявлено о его расторжении за год вперед.

Тайная статья.

Высокие договаривающиеся стороны согласились действовать сообща в том случае, если бы действия, совершенные одной из них во время войны (настоящей?), как, например, доставка угля какой-либо воюющей державе, вызвали бы впоследствии протесты со стороны третьей державы по поводу якобы нарушения прав нейтральных.

---

[1]) Перевод с французского.

Из первого пункта статьи I вытекает, что Германия не присоединится ни к какому действию, каково бы оно ни было, в котором могли бы быть скрыты враждебные России намерения.

Телеграмма Николая Вильгельму [1].

(без даты)

Я полагаю, было бы разумным показать французам черновик договора перед тем, как подписать его. Пока он еще не подписан, есть возможность сделать некоторые маленькие поправки в тексте, тогда как, если он будет уже вполне одобрен нами обоими, покажется, что мы пытаемся заставить Францию принять договор. В этом случае все дело может потерпеть неудачу, чего, как я полагаю, и ты не можешь желать. Поэтому я прошу твоего согласия ознакомить правительство Франции с этим проектом, и, по получении ответа, я немедленно сообщу тебе телеграммой.

Ники.

Из телеграммы Вильгельма Николаю [2].

(от 13—26 ноября 1904 г. из Мошена при Куявах)

Очень благодарю за телеграмму. Ты дал мне новое доказательство твоей полной лояльности, решив не уведомлять Францию без моего согласия. Я, однако, твердо убежден в том, что было бы, несомненно, опасно уведомлять Францию, прежде чем мы с тобой не подпишем договора; последствия этого были бы диаметрально противоположны нашим желаниям. Лишь несомненная и определенная уверенность в том, что мы с тобой связаны договором о взаимной помощи, заставит Францию оказать давление на Англию в том смысле, чтобы последняя оставалась спокойной и не нарушала мира из боязни поставить Францию в опасное положение. Между тем, если Франция узнает, что русско-германский договор только в проекте, но еще не подписан, она тотчас предупредит своего друга (если не тайного союзника) Англию, с которой ее связывает «entente cordiale», и осведомит ее немедленно. Результатом такой информации будет, без сомнения, моментальное нападение двух союзных держав, Англии и Японии, на Германию в Европе, равно как и в Азии. Громадное превосходство их морских сил скоро покончило бы с моим небольшим флотом, и Германия на время осталась бы калекою. Это нарушило бы мировое равновесие в ущерб нам с тобой, и позднее, когда ты начнешь переговоры о мире, предоставило бы тебя один на один нежным попечениям Японии и ее торжествующих подавляюще-могучих друзей. Моим особым желанием, а также,— насколько я, понимал,—и твоим намерением, было--поддержать и укрепить это находящееся в опасности мировое равновесие путем соглашения между Россией, Германией

---

[1] Перевод с английского.
[2] Перевод с английского.

и Францией. Это возможно лишь в том случае, если наш договор станет прежде этого совершившимся фактом и если между нами в какой бы то ни было форме установится полное единомыслие. Предварительное же уведомление Франции приведет к катастрофе. Но если ты, тем не менее, считаешь для себя невозможным заключить договор со мной без предварительного согласия Франции, то будет гораздо безопаснее совместно воздержаться от заключения какого бы то ни было договора. Разумеется, я буду так же абсолютно безмолвствовать о наших переговорах, как и ты; как ты сообщил о них одному только Ламздорфу, так и я говорил об этом только с Бюловым, который гарантирует абсолютную тайну. Наши взаимоотношения и чувства останутся неизменно прежними, и я, как и прежде, буду стараться быть тебе полезным, поскольку это будет совместимо с моей безопасностью.

Доклад Ламздорфа Николаю [1].

Проект.

Разбор некоторых пунктов телеграмм и писем императора Вильгельма.

Политические обстоятельства данного момента указывают на необходимость известного соглашения между державами, желающими поддержать европейский мир. В своей телеграмме от 13/26 ноября е. в. император Вильгельм еще раз высказывает убеждение, что наилучшим средством к установлению политического равновесия было бы соглашение между Россией, Германией и Францией. Действительно, союз этих трех великих континентальных держав был бы залогом безопасности для каждой из них и для общего мира. Отношения личной дружбы между российским и германским монархами и существующие традиционные отношения между обеими соседними империями являются достаточной гарантией их солидарности и их полного согласия даже в том случае, если бы последнее не подтверждалось никаким документом. Труднее присоединить сюда Францию в той мере, в какой ее участие представляется желательным.

Германский император думает, что Франция склоняется на сторону Англии до такой степени, что является даже «тайной союзницей» последней. Между тем это предположение не подтверждается теми весьма положительными данными, какие у нас имеются о намерениях нашей союзницы. Несомненно, что в силу многих торговых, финансовых и иных соображений французское правительство желает поддержать добрые отношения с правительством Англии, но мы имеем полное основание думать, что оно не согласилось бы легкомысленно променять отношения, связывающие Францию с Россией, на союз с Англией.

[1]) Перевод с французского. Доклада с пометкой Николая в секретном архиве не имеется. Проект отпечатан на машинке. На документе имеется надпись рукою Ламздорфа: «Представлено государю императору 15 ноября. Возвращено его импер. величеством 25 ноября 1904 г.».

Германский император полагает, что побудить французское правительство оказать умиротворяющее влияние на Англию можно было бы, только сообщив ему о существовании договора между Германией и Россией, формально заключенного и подписанного. Его величество утверждает, что самый факт заключения такого договора не произвел бы того впечатления и не повлек бы за собой тех опасных последствий, какие оказались бы неизбежными, если бы был обнаружен только проект подобного договора. По всему, что нам известно о настроении нашей союзницы, мы думаем, наоборот, что для того, чтобы побудить ее к совместным действиям с Россией и Германией, следует осторожно убедить ее солидаризироваться с нашими намерениями, по существу оборонительными и мирными. Для достижения этой цели представляется желательным, чтобы Россия, как друг и союзник, действуя не запугиванием, а силою убеждения, могла сообщить Франции мысли, изложенные в прилагаемой заметке, и узнать, как она отнесется к этому. Такой предварительный шаг, если его совершить с желательной осторожностью, обязал бы Францию к соблюдению тайны, о которой ее попросили бы; но получилось бы совершенно иное при виде договора, заключенного и подписанного без ее ведома, с условиями которого ей было бы предложено сообразоваться. Подобное требование принять или отказаться (de prendre ou de laisser) скорее могло бы бросить ее в объятия Англии.

При подписании какого-либо соглашения, чем более значения ему придается, тем более необходимо бывает с точностью выяснить себе, насколько возможно выполнить принимаемые на себя обязательства. В проекте двойственного договора I статья гласит, что «российский император предложит Франции присоединиться к этому соглашению в качестве союзницы». Не предпочтительно ли до подписания этого договора выяснить, в какой мере достижима такая цель? Если бы пришлось вдруг отказаться от участия Франции, то условия проектируемого двойственного договора необходимо должны быть переработаны; однако, имея в виду отношения дружбы между Францией и Россией, мы считаем более чем вероятным, что наилучшим способом побуждения ее к принятию проекта, столь превосходно задуманного императором Вильгельмом, было бы сначала дружески внушить ей сочувствие к этой великой политической идее в ее целом, а затем посвятить ее в детали.

Заметка о весьма конфиденциальных сообщениях, которые могут быть сделаны французскому правительству [1]).

Враждебная и вызывающая политика, которой все чаще и чаще считает нужным придерживаться к другим державам британское правительство под влиянием сбитых с толку печати и общественного мнения Англии, внушило императору Вильгельму и мне опасение—

[1]) Перевод с французского.

как бы не был внезапно нарушен европейский мир по поводу любого инцидента, касающегося вопросов контрабанды, права нейтральных держав или чего иного, который английская заносчивость роковым образом превратила бы в конфликт. Дабы предотвратить эту опасность, мы считаем полезным заключение договора, и с к л ю ч и т е л ь н о о б о р о н и т е л ь н о г о, который взаимно обеспечил бы обеим соседним империям энергичную поддержку (помощью морскими и сухопутными силами) одной из них в том случае, если бы другая подверглась нападению со стороны какой-либо третьей европейской державы. Договор такого рода, подробности которого еще предстоит определить, мог бы действительно служить полезною, если не единственною, уздою для державы, которая считает себя вне всякой опасности даже тогда, когда сама нарушает права других и не признает себя обязанною с ними сколько-нибудь считаться. Однако мы не пожелали осуществить этот проект, не ознакомив предварительно с ним Францию и не предложив ей к нему присоединиться.

Это тройственное соглашение, громадное значение которого особенно сказалось бы при современных обстоятельствах, создало бы политическое положение, которое, очевидно, не было бы неблагоприятно для Франции; в то же время оно могло бы послужить к упрочению мира, который желают сохранить в Европе Россия и ее союзница как ради собственных интересов, так и ради блага всего человечества.

Обязательность а б с о л ю т н о й т а й н ы разумеется сама собой.

Из письма Вильгельма Николаю [1]).

(от 21/XII 1904 г.)

Мнение мое по вопросу о соглашении остается неизменным; нельзя посвящать Францию в наши переговоры, п р е ж д е чем мы придем к окончательному соглашению. Лубэ и Делькассе, несомненно, опытные государственные люди, но так как это — не принцы и не императоры, то и в вопросе, требующем д о в е р и я, каким является этот вопрос, я не могу относиться к ним так же, как к тебе, мне равному, к моему кузену и другу.

Поэтому, если ты все-таки считаешь необходимым ознакомить французское правительство с нашими переговорами, п р е ж д е чем мы придем к окончательному решению, то я считаю, что для всех участников выгоднее по-прежнему оставаться вполне независимыми друг от друга и самостоятельно итти к своим целям, насколько допускает положение. Я твердо убежден, что наши надежды на то, что мы можем быть полезны друг другу, могут получить свое осуществление не только во время войны, но и после нее, во время мирных переговоров, потому что интересы наши на Дальнем Востоке во многих отношениях вполне совпадают.

---

[1]) Перевод с английского.

Договор.

Björke [1]), 24/11 Juillet 1905.

Leurs Majestés de toutes les Russies et d'Allemagne, afin d'assurer le maintien de la paix en Europe, ont arrêté les Articles suivants d'un traité d'Alliance défensif:

Article I.

En cas où l'un des deux Empires serait attaqué par une Puissance Européenne son allié l'aidera en Europe de toutes ses forces de terre et de mer.

Article II.

Les hautes parties contractantes s'engagent à ne conclure de paix séparée avec aucun adversaire commun.

Article III.

Le présant traité entrera en vigueur aussitôt que la paix entre la Russie et le Japon sera conclue, et restera valide tout qu'il ne sera pas denoncé une année à l'avance.

Article IV.

L'empereur de toutes les Russies, après l'entrée en vigueur de ce traité, fera les démarches nécessaires pour initier la France à cet accord et l'engager a s'y associer comme alliée.

WILHELM I. R. [2]) NICOLAS.
von Tschirschky und Bögendorf. A. Birileff.

Перевод.

Бьёрке 24/11 июля 1905.

Их величества императоры всероссийский и германский, в целях обеспечения мира в Европе, установили нижеследующие статьи оборонительного союза:

Статья I.

В случае, если одна из двух империй подвергнется нападению со стороны одной из европейских держав, союзница ее придет ей на помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

---

[1]) Договор написан на листе почтовой бумаги со штампом «Полярная Звезда».
[2]) Imperator Rex.

Статья II.

Высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать отдельно мира ни с одним из общих противников.

Статья III.

Настоящий договор войдет в силу тотчас по заключении мира между Россией и Японией и останется в силе до тех пор, пока не будет заявлено о его расторжении за год вперед.

Статья IV.

Император всероссийский, после вступления в силу этого договора, предпримет необходимые шаги к тому, чтобы ознакомить Францию с этим договором и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Вильгельм I. R. Николай.
фон Чиршский и Бёгендорф. А. Бирилев.

Из письма русского посла в Париже Нелидова к Ламздорфу [1])

от 27 июля (9 августа) 1905 г. из Шатель Гийон.

Последнее, что я сделал перед отъездом из Парижа, это—сообщил г-ну Рувье содержание вашей телеграммы, касающейся свидания в Бьёрке. Министр был очень доволен этим дружественным сообщением, хотя он мне и повторил, что по этому поводу у него не было ни малейшего беспокойства. Он мне, впрочем, сознался, что одну минуту он был смущен, когда г-н Витте, которому он сообщил о первых слухах, касающихся свидания, ему сказал, что он им не верит, а через несколько часов это свидание стало уже совершившимся фактом. Ваше письмо, которое г-н Витте ему почти дословно сообщил, пришло очень кстати, чтоб рассеять всякий зародыш возможного сомнения.

Когда мы заговорили о Марокко и о новом направлении французской политики, г-н Рувье мне признался, что он никогда не верил, чтоб это являлось действительной целью действий германского императора за последнее время. Он стремится положить конец политике г-на Делькассе.

Министр меня уверил, что основой политики, которой он предполагал следовать, остался бы тоже союз с Россией; Франция не нуждается в другом. «Чем моя политика отличается от политики моего предшественника? — сказал он мне. — Тем, что я желаю иметь хорошие отношения как с Англией, так и с Германией, но мы не собираемся заключать с нею более близкое соглашение, равно как не намерены

[1]) Перевод с французского.

и ослаблять уже существующее между нами и Англией». И на мое замечание, что некоторые газеты идут настолько далеко, что даже говорят о немецком союзе, г-н Рувье горячо возразил, что это было бы «абсолютно невозможно». Он сказал мне, что ему особенно было бы желательно—избежать, во что бы то ни стало, войны в Европе между европейскими державами. И тут он высказал мысль, достойную финансиста, ставшего министром иностранных дел. «В прежние времена легко было вести войны, ибо это делалось на наличные деньги. Пока были деньги, продолжали драться; когда денежные сундуки опустошались, заключали мир. В настоящее время все делается в кредит. Нации все тесно связаны одна с другой узами кредита. Когда идет война в других частях света, она не так еще сильно чувствуется в Европе. Но если бы она вспыхнула у нас, то это было бы общим крушением и разгромом. Все были бы разорены. Вот почему я смотрю на европейскую войну, как на самое большое бедствие, которое может случиться,—и обязанность каждого правительства прилагать все свои усилия, чтобы ей помешать».

Письмо Ламздорфа Нелидову [1].

Весьма секретное и строго конфиденциальное.

С.-Петербург, 1 сентября 1905 г.

Господин посол.

Вашему превосходительству известно, как высоко ценит наш августейший монарх отношения, столь счастливо установленные с 1891 года с Францией, нам дружественной и союзной; ваша деятельность, как посла в Париже, весьма содействовала упрочению этих отношений. Почитая узы, связывающие Россию с Францией, за незыблемую основу своей политики, наш августейший монарх, верный принципу, что оба правительства «будут приходить к соглашению по всякому вопросу, могущему грозить нарушением общего мира», полагает, что, при современных обстоятельствах, могло бы быть весьма желательным в общих интересах установить строго-оборонительное соглашение между некоторыми великими континентальными державами, чтобы обезопасить их от нападения какой-нибудь другой европейской державы.

Наш августейший монарх убежден, что, несмотря на трения, происшедшие в последнее время между Германией и Францией, император Вильгельм горячо приветствовал бы присоединение Франции к подобному соглашению между русским и немецким правительствами.

Это — вопрос, требующий большой осмотрительности, и к нему можно приступить лишь после очень осторожного зондирования почвы в Париже и выяснения, даст ли Франция вообще свое со-

[1]) Перевод с французского.

гласие на присоединение, и в какой форме последнее могло бы состояться. Его величество рассчитывает, что ваша опытность и ваше столь часто испытанное искусство могут дать нам ответы на эти важные вопросы, держа их в самой строжайшей тайне.

Примите и т. д.

Ламздорф.

Письмо Нелидова к Ламздорфу [1]).

Личное.
Весьма секретное.

Париж, 8/21 сентября 1905 г.

Господин министр.

С особым вниманием и чрезвычайным интересом ознакомился я с содержанием весьма секретного и личного письма, которое ваше сиятельство оказали мне честь адресовать 1-го сентября. Оно затрагивает столь важный и требующий столь большой осторожности вопрос, что я счел своим долгом отнестись к нему с особым вниманием и всесторонне его изучить, чтоб достойно оправдать доверие, которое, по приказанию нашего августейшего монарха, вы ко мне проявили. Вследствие этого я позволю себе почтительнейше и вполне откровенно изложить мою мысль, каково должно быть отношение французского правительства к возможности оборонительного соглашения между некоторыми великими континентальными державами, с целью обезопасить их от нападения какой-либо другой европейской державы. Подобное соглашение было бы направлено против Англии. Но между Францией и Англией существует соглашение, заключенное в апреле месяце прошлого года, которое ее вполне обеспечивает не только от нападения, но даже от конфликта с ее соседкой по ту сторону Ламанша. Всякое соглашение с другими державами, направленное против Англии, только бы ослабило действие этого соглашения, которым Франция дорожит и вынуждена дорожить, тем более, что главная и наиболее существенная гарантия ее безопасности—ее союз с нами, вследствие нашего политического ослабления, несколько утратил свое значение.

Надо принять во внимание, с другой стороны, что Франция, которая страшится более всего необходимости прибегнуть к оружию, присоединившись к предложенному соглашению, подверглась бы опасности оказаться втянутой в войну, которая не сможет удовлетворить ни одного ее прямого интереса, но будет угрожать многим и притом существенным.

---

[1]) Перевод с французского.

На подлиннике синим карандашом условная пометка Николая Романова.

Эта война, наконец, могла бы привести ее к защите интересов Германии,—отношения с которой у нее далеко не удовлетворительны,—против Англии, дружба которой все более и более ценится во Франции и составляет после союза с Россией основу ее современной политики.

Не подлежит сомнению, что присоединение к русско-германскому соглашению Французской республики доставило бы императору Вильгельму большое удовлетворение. Но такое присоединение было бы для Франции равносильно отказу от всяких претензий или надежды на реванш,—надежды, которая хотя и является только мечтой, но поддерживала подъем патриотического вожделения нации, которое так желают уничтожить крайние партии, масоны и интернационалисты.

Поэтому я убежден, что малейший намек на подобного рода соглашение не только не имел бы никакого практического результата, но мог бы даже ослабить абсолютное доверие, которое я всеми силами старался установить в наших отношениях с Францией, потому что здесь усмотрели бы в этом небрежность, если не пренебрежение к истинным стремлениям и существенным интересам союзной страны.

Больше. Чтобы сделать подобный поворот в своей политической ориентации, Франция должна была бы иметь во главе своего правительства государственного деятеля, способного принять на себя ответственность за столь радикальную меру и отдающего себе вполне отчет в ее значении. Но, конечно, не г-н Лубэ, накануне окончания своего семилетия, пожелает прокладывать совершенно новый и очень смелый путь международных отношений, и не г-н Рувье, еще новичок в политике, мало уверенный в личном своем положении, не обладающий ни авторитетом, ни опытом, необходимыми для выполнения подобного дела.

Я буду, однако, продолжать свои исследования по этому важному вопросу, хотя этот план сам по себе, на мой взгляд, имеет много сторон, подлежащих изучению особо тщательному.

Я позволю себе представить вашему сиятельству несколько соображений по этому поводу, когда к этому представится надежный случай и прошу вас, господин министр, принять и т. д.

Нелидов.

Письмо Ламздорфа Нелидову [1]).

Строго личное.

Четверг 15/28 сентября 1905 г.

Дорогой и уважаемый Александр Иванович.

Выражаю вам горячую благодарность за ваше доброе личное и весьма секретное письмо, которое я поспешил повергнуть на усмотре-

[1]) Перевод с французского.

ние императора, но я не могу еще сообщить вам о впечатлениях нашего августейшего монарха, так как их величества, отбыв на несколько дней в финляндские шхеры, продлили свое пребывание «в море далече», и два вторника кряду у меня не было личного доклада.

Нетерпеливо жду, не будут ли ваши дальнейшие исследования более благоприятными, но сильно сомневаюсь, чтобы французы согласились примкнуть к договору, хотя бы лишь оборонительному, направленному против Англии.

Совершенно между нами,—кажется, в Бьёрке были несколько неосторожны и не вполне дали себе отчет в истинных целях императора Вильгельма: совершенно разрушить франко-русский союз и получить возможность окончательно скомпрометировать нас в Париже и Лондоне.

Россия, изолированная и неизбежно зависимая от Германии, — вот его давняя мечта. Он старался удалить г. Делькассе, так как в его лице видел помеху; думаю, что по той же причине он был бы в восторге от моего исчезновения. Не скрываю, что стою за возможно лучшие отношения с Германией, но при условии сохранения нашего союза с Францией; жертвовать последним ради сомнительной и трудно осуществимой комбинации трех держав—кажется мне политикой неправильной. Если нам хочется устраивать дела немцев, сомневаюсь, чтобы французы пошли на это, и ни одно правительство республики не окажется достаточно сильным для такой попытки.

Извините за это маранье. Приезд милого друга Витте отнимает у меня сегодня много времени.

Сердечный привет от искренно преданного

Ламздорфа.

Письмо Нелидова Ламздорфу [1].

Лично. Весьма секретно.

Париж, 22 сентября (5 октября) 1905 г.

Господин министр.

Так как я имел возможность несколько больше исследовать вопрос, которого касалось ваше весьма секретное письмо от 1-го сентября, то считаю долгом дать отчет вашему сиятельству.

Возможность эту мне представил сам г-н Рувье в разговоре, который я имел с ним вчера. Для него было неожиданностью то, что значительная часть русской печати и многие английские газеты высказываются за соглашение между правительствами в Петербурге и Лондоне, что является следствием русско-японского союзного дого-

---

[1]) Перевод с французского. На подлинном условная пометка Николая Романова.

вора. Подобное решение было бы, конечно, сказал он мне, наилучшим, чтоб укрепить мир, в котором Россия, пожалуй, еще более нуждается, чем другие державы. После испытаний, перенесенных во время последней войны, и вовлеченная в чрезвычайно серьезный внутренний кризис, наша империя, по его мнению, конечно не станет в настоящий момент и помышлять о новых завоеваниях, а потому она может, ничего не теряя, притти к соглашению с Англией по вопросам разграничения взаимных интересов в Азии.

Я ответил министру, что рядом с этой тенденцией, которая, конечно, имеет сторонников в русской прессе и русском обществе, есть еще и другая, находящая отзвук в компетентных сферах. Англо-японский трактат создает безусловно гегемонию морских держав и тем самым становится угрозой для всех остальных, интересы которых, таким образом, подвергаются опасности. Поэтому хорошо было бы составить лигу континентальных держав, которая, будучи противопоставлена Англии и Японии, восстановила бы равновесие сил.

Я припомнил при этом случае г-ну Рувье, что мысль о подобной лиге не новая: уже Наполеон I готов был пользоваться ею, как средством воздействия на ту же самую Англию, которая становится угрозой для всеобщего мира. Франция была бы, пожалуй, не менее заинтересована, чем Россия и Германия, иметь гарантию безопасности ее владений, особенно находящихся вне Европы. Министр мне возразил, что эти последние оставались бы всегда во власти морских преобладающих сил двух морских союзниц, к которым в данном случае присоединилась бы, вероятно, и Америка — тогда как никакая опасность не угрожает Европейскому континенту.

«Впрочем,—закончил он,—у нас союз есть и нам его достаточно: это—ваш. И мы рассчитываем крепко его держаться. Входить же в какие-либо иные комбинации мы совершенно не расположены. Мы дружны с Англией и Италией, мы желаем быть в хороших отношениях с Германией, и я полагаю, что я имею некоторую заслугу в том, что добился между нами менее натянутых отношений и сближения. Но мы так же мало собираемся вступать в союз с Берлином, как и еще теснее сближаться с Лондоном».

Я очень старался, господин министр, показать, что взгляд, изложенный мною, поддерживается частью нашей прессы и имеет сторонников в России.

Из этого, полагаю, я могу вывести заключение еще с большей уверенностью, что Франция ни в каком случае не расположена примкнуть к комбинации, которая, как мне сказал г-н Рувье, повела бы к разделению держав на два лагеря и подвергла бы их тем самым еще большей опасности конфликта, который принял бы размеры всеобщего пожара.

Примите и т. д.

Нелидов.

Письмо Нелидова Ламздорфу [1].

Строго личное
и весьма секретное.

Париж, 22 сентября (5 октября) 1905 г.

Дорогой и многоуважаемый граф.

Вы не поверите мне, как я был счастлив убедиться из вашего столь интересного письма «строго личного» от 15/28, что мои взгляды на политическое положение настоящего момента вполне согласуются с вашими.

Безусловно, нам грозит опасность остаться в зависимости от Германии, если, заключив с нею союз, мы этим уничтожим союз с Францией, в то же время продолжая быть в плохих отношениях с Англией. Мы тогда можем быть вовлечены, ради прекрасных глаз императора Вильгельма, в войну с Англией и Японией, где мы многое можем потерять. Союз с Францией нам ни в коем случае не мешает оставаться в лучших отношениях с Германией и притти к соглашению или, по меньшей мере, объясниться с Лондоном, тогда как, принимая на себя обязательства по отношению к Берлину, мы рискуем, помимо нашего желания и ради чуждых нам интересов, быть вовлеченными в конфликты, утратив, несомненно, поддержку Франции.

Дело в том, что сферы действия по отношению к нам Германии и Англии различны. Мы сталкиваемся с этой последней в Азии, где Германия нам ничем помочь не может, в то время как нашим интересам в Европе Великобритания ни в какой мере не угрожает.

С Германией мы приходим в соприкосновение исключительно на континенте, и ее коммерческое соперничество с Англией нас непосредственно не затрагивает. Наш главный интерес именно заключается в том, чтоб оставаться вне возможного или вероятного конфликта между ними, не испытывая непосредственно его последствий и сохраняя хорошие отношения с обеими.

Граф Витте, в своем разговоре со мной здесь, как будто бы склонялся к союзу с Германией, ибо, сказал он, «все пересоюзятся, а мы останемся одни». Это было бы в том случае, если бы мы оставили союз с Францией и бросились бы в объятия Германии, это означало бы нашу полную изоляцию в деле защиты наших интересов в Азии. Но то, что г-н Витте с своим проницательным умом тоже допускает, это — необходимость объясниться с Лондоном. Это, мне кажется, должно бы быть сделано без промедления, прежде чем мы взяли на себя какие-либо другие обязательства. Это нам дало бы безопасность, которая делает всякую другую комбинацию излишней.

---

[1]) Перевод с французского. На подлиннике условная пометка Николая Романова красным карандашом.

Простите, дорогой граф, за эти размышления, выраженные наскоро. Я был бы очень счастлив, если бы они встретили ваше одобрение и могли бы способствовать выяснению тяжелого положения, которое для нас создалось и которое требует всестороннего освещения.

Примите и т. д.

Нелидов.

Письмо Ламздорфа Нелидову [1]).

Весьма секретное и личное.

С-Петербург, 23 сентября 1905 г.

Господин посол.

Я не преминул представить на усмотрение императора весьма секретное письмо вашего превосходительства от 8/21 сентября сего года. По возвращении своем из финляндских шхер его величество соизволил передать мне свои приказания по вопросам, затронутым в этом документе.

Нашему августейшему монарху благоугодно было признать справедливость некоторых личных замечаний вашего превосходительства, но его императорское величество находит, что мы должны, тем не менее, попытаться привлечь французское правительство к оборонительному союзу с Россией и Германией,—союз этот мог бы принести лишь выгоды стране, нам дружественной и союзной. Чем более дорожишь договором, тем более стараешься его упрочить, придавая ему формы, наиболее соответствующие современной обстановке. Мы ничуть не желаем отказаться от основ нашего соглашения 1891—1893 г.г., но мы не можем не признать тех коренных изменений, которые произошли с тех пор в политическом положении Европы.

Действительно, со времени возникновения знаменитой лиги мира — Тройственного Союза,— направленной против Франции и России, мы, очевидно, должны были притти к соглашению, чтобы отразить грозившие нам опасности, и мы подписали обязательства, которые нас удачно от них предохраняли в течение 15 лет. Ныне Тройственный Союз является, в сущности, лишь историческим воспоминанием, и Германия, которая тогда казалась наиболее агрессивной, настойчиво предлагает присоединиться к нам, чтобы образовать, с целью исключительно мирною, единый союз континентальных держав, способный противостоять английским стремлениям, находящим себе резкое подтверждение в новом англо-японском трактате.

Поэтому, казалось бы, что для дружественной и союзной нам Франции не менее желательна, чем для самой России, переработка нашего с ней договора согласно современным условиям мировой политики. Пересмотр не есть уничтожение; наоборот, он ведет к усо-

[1]) Перевод с французского.

вершенствованию и укреплению. В сущности, единственная опасность нападения на Францию, без сомнения, грозит ей ныне лишь со стороны Германии: разве не было бы разумно и целесообразно обезопасить себя от подобной случайности посредством оборонительного союза, заключенного совместно с Россией?

Но Парижский кабинет, пожалуй, будет в затруднительном положении ввиду своего «сердечного согласия» («entente cordiale») с Англией? По этому поводу вы можете заявить, что это согласие беспрепятственно может существовать рядом с о б о р о н и т е л ь н ы м союзом с Россией и Германией, но что этот последний, конечно, получит большее значение на практике. Впрочем, «сердечным соглашениям» с Англией вообще суждено жить не долее, чем розам, оставляя в воспоминаниях большее или меньшее количество шипов.

Итак, нашему августейшему монарху угодно, чтобы, с присущим вам искусством, вы о с т о р о ж н о сделали все возможное, чтобы склонить Францию присоединиться к строго оборонительному союзу между Россией и Германией. Как только Парижский кабинет выразит свое согласие, мы сможем обсудить и самый текст договора.

Примите и т. д. *Ламздорф.*

Из письма Николая Вильгельму [1]).

(без даты).

Тебе, конечно, известно, что через несколько дней Портсмутский мирный договор будет ратифицирован. Тогда наше Бьёркское соглашение должно войти в силу. Этот в высшей степени ценный документ следует еще подкрепить или пояснить для того, чтобы дать всем заинтересованным сторонам возможность честно и смело выполнять свои обязанности.

Важнее всего привлечь Францию в наш оборонительный союз и создать континентальную лигу, согласно статье IV Бьёркского договора.

Но если бы Франция отказалась присоединиться к нам, то не только отпала бы статья IV, но в корне изменился бы и весь смысл ст. I, ибо обязательства, о которых она говорит в настоящей редакции, касаются (указывают на) [2]) других европейских держав, в том числе и Франции—союзницы России...

Во время твоего пребывания в Бьёрке я не имел при себе подписанных моим отцом документов, которые ясно определяют принципы нашего союза с ней и, конечно, исключают все, что могло бы привести к столкновению с ней.

При попытке выяснить, возможно ли побудить французское правительство присоединиться к нашему соглашению, на первых же шагах

---

[1]) Перевод с английского.

[2]) В подлиннике сохранены оба слова написанными одно над другим.

обнаружилось, что это является трудной задачей и что потребуется много времени для того, чтобы привести его к этому по его доброй воле. Иначе можно толкнуть Францию в объятия противника, и она может не сохранить предложений в тайне. Поэтому я полагаю, что Бьёркский договор не должен быть проводим в жизнь (входить в силу [1]) до тех пор, пока мы не узнаем, как к нему отнесется Франция.

В случае, если она абсолютно откажется присоединиться к нашим государствам, необходимо будет изменить редакцию ст. I и IV так, чтобы они вполне соответствовали обязательствам России по отношению к Франции с момента возникновения Тройственного Союза в 1890 году.

Письмо Ламздорфа Нелидову [2]).

Строго личное.

Понедельник, 26 сентября (9 октября) 1905 г.

Дорогой и многоуважаемый Александр Иванович.

Официальное мое письмо, прилагаемое к этим строкам, было уже написано по высочайшему повелению, когда я получил вчера столь важный пакет, доверенный вами нашему очередному курьеру.

Я счастлив убедиться, что мы сходимся во взглядах, и прошу вас верить, что мои мысли о возможности русско-французско-германского союза ничуть не изменились; но чтобы вы могли вполне дать себе отчет в том, что здесь происходит, я вынужден сделать вам л и ч н о сообщение, которое прошу оставить т о л ь к о д л я с е б я и не упоминать о нем в ваших письмах. Оно должно храниться в с о в е р ш е н н о й т а й н е. Я должен вам сообщить, что вот уже почти год, как император Вильгельм твердит нашему бедному дорогому августейшему монарху о необходимости подписать им вдвоем договор об оборонительном союзе и о б я з а т ь Францию, как нашу союзницу, примкнуть к нему. Мне удалось воспрепятствовать этой грубой попытке, дав понять императору, что главная, если не единственная цель Вильгельма заключается в том, чтобы поссорить нас с Францией и за наш счет выйти с а м о м у из положения изолированности. Из долголетнего опыта я вынес убеждение, что для того, чтобы быть действительно в хороших отношениях с Германией, нужен союз с Ф р а н ц и е й. Иначе мы утратим независимость; «а тяжелее немецкого ига я ничего не знаю». Не переставая поддерживать самые сердечные отношения с Берлином, мы до сих пор весьма тактично сопротивлялись всем усилиям скомпрометировать нас. Но вот, во время злополучного свидания в Бьёрке, императору Вильгельму удалось, при помощи коварной лести, уверить нашего дорогого императора в том, что он один—ему верный друг и опора и что единственным спасением для России и Европы был бы новый

[1]) В подлиннике сохранены оба выражения.

[2]) Перевод с французского.

тройственный союз, к которому, по его мнению, Франция примкнет весьма охотно; после чего он заставил подписать императора нечто вроде договора об оборонительном союзе с Германией против всякой европейской державы, которая напала бы на одну из двух империй. Тут же Вильгельм сумел взять с императора слово скрывать от всех (от них же первый есмь аз) то, что было подписано и должно было вступить в силу лишь после заключения нами мира с Японией.

Наш августейший монарх признался мне во всем этом 30 августа (12 сентября) при отъезде в Финляндию. Я не скрыл от его императорского величества, что его вынудили сделать нечто невероятное, и что обязательства, которые он на себя принял, находятся «в неблаговидном противоречии» с обязательствами, принятыми на себя по отношению к Франции его августейшим отцом в 1891—1893 годах. Итак, нужно, чтобы до обмена ратификаций Портсмутского договора, император Вильгельм согласился переработать свой договор таким образом, чтобы последний не мог иметь никакого отношения к Франции, или же добиться от французского правительства пересмотра нашего союзного договора, в смысле более или менее полного ее присоединения к оборонительному тройственному союзу, направленному, очевидно, против Англии.

Я не скрыл от императора, что я сомневаюсь в возможности успеха подобной попытки, на что его величество, под впечатлением всех прекрасных уверений Вильгельма, мне возразил: «Я все-таки думаю, что если ловко за дело взяться, то можно бы этого достигнуть».

Вот что заставило меня обратиться к вам с прилагаемым официальным письмом. А пока, по моей просьбе, император написал императору германскому, предупреждая его, что подписанный в Бьёрке документ не может войти в силу ранее, чем предпринятые во Франции попытки не выяснят нам взглядов французского правительства, или не будут переработаны условия, установленные двумя императорами в июле 1905 г., согласно с нашими обязательствами по отношению к Франции, существующими со времени основания Тройственного Союза—Лиги мира.

Вот, милейший Александр Иванович, та новая передряга, в которую мы ни за что, ни про что ввязались после стольких странных авантюр последних двух лет. Можете себе представить, насколько все это утешительно!

Но надо постараться выпутаться с наименьшим ущербом. Несомненно, что императора Вильгельма взбесит это отступление, и не постарается ли он, с отличающей его неразборчивостью в средствах, наделать в Париже и Лондоне разоблачений, вредных для России? Главное—важно сделать все, чтобы поддержать и сохранить наши дружественные отношения с Францией. Я уверен, что вы сумеете предотвратить всякое недовольство на нас в Париже. Разрыв союза России с Францией был бы истинным бедствием, от которого вы избавите

нашего возлюбленного государя и нашу родину, уже перенесшую столь тяжелые испытания.

Простите за эту ужасную мазню, которую прошу вас уничтожить по прочтении. Я очень спешу воспользоваться оказией, какую представляет мне отъезд в Париж г. Горяинова.

Горячий привет от искренно и верно-преданного

Ламздорфа.

Из письма Ламздорфа Нелидову [1].

Четверг 29 сентября (12 октября) 1905 г.

Мне почти нечего прибавить к письму, которое два дня тому назад доставил вам г. Горяинов. Император написал Вильгельму II все, что нужно, дабы предупредить его, что его величество не может считать подписанный в Бьёрке документ вступившим в силу, прежде чем не будут выяснены осторожно, но отчетливо намерения союзной Франции или переработан текст вышеупомянутого документа в таком смысле, чтобы он не шел вразрез с нашими обязательствами по отношению к дружественной и союзной нам державе.

Наш августейший монарх не сомневается в том, что император германский вполне согласится с его взглядами; я, со своей стороны, не столь в этом уверен. В результате неизбежно получится более или менее чувствительное охлаждение. Главное—чтобы вся эта досадная путаница не произвела никакого впечатления в Париже и осталась там совершенно неизвестной.

Телеграмма Вильгельма Николаю [2].

(От 29/IX 1905 г. из Глюксбургостзее.)

Исполнение договора не противоречит,—как мы согласились в Бьёрке,—франко-русскому союзу, конечно, при условии, что последний не направлен прямо против моего государства.

С другой стороны обязательства России по отношению к Франции могут иметь значение лишь постольку, поскольку она своим поведением заслуживает их выполнения. Твоя союзница явно оставляла тебя без поддержки в продолжение всей войны, тогда как Германия помогала тебе всячески, насколько это было возможно без нарушения законов о нейтралитете. Это налагает на Россию нравственные обязательства также и по отношению к нам: do, ut des (даю, чтобы ты дал). Между тем нескромность Делькассе обнаружила перед всем миром, что Франция, хотя и состоит с тобою в союзе, вошла, однако, в соглашение с Англией и была готова напасть с по-

---

[1]) Перевод с французского.

[2]) Перевод с английского.

мощью Англии на Германию в мирное время, пока я делал все, что мог, для тебя и твоей страны, е е с о ю з н и ц ы! Это—эксперимент, которого она не должна повторять, и от повторения которого, с м е ю н а д е я т ь с я, т ы о г р а д и ш ь м е н я! Я вполне с тобой согласен, что потребуется время, усилия и терпение для того, чтобы заставить Францию присоединиться к нам, но в будущем разумные люди сумеют заставить себя слушать и окажут влияние! Разрешение Марокккского конфликта удовлетворило всех, так что атмосфера благоприятствует лучшему взаимному пониманию. Наш договор является очень хорошим фундаментом для дальнейшей постройки. Мы подали друг другу руку и дали свои подписи п е р е д б о г о м, который слышал наши обеты. Поэтому я думаю, что договор этот можно хорошо провести в жизнь. Но если ты желаешь каких-либо изменений отдельных статей, в указаниях на будущее, или в предвидении различных случайностей, как, например, безусловного отказа Франции,—что невероятно,—я с удовольствием пойду навстречу всем предположениям, какие ты сочтешь нужным сделать мне. Пока мы сговоримся насчет последних, договор должен исполняться нами, как есть. Вся ваша влиятельная печать: «Новости», «Новое Время», «Русь», за последние две недели стала резко германофобской и англофильской. Отчасти эти газеты, конечно, подкуплены большими суммами английских денег. Однако это заставляет мой народ быть настороже и сильно вредит возникающим между нашими государствами отношениям. Все эти обстоятельства показывают, что времена теперь смутные, и что мы должны держаться определенного пути; подписанный нами договор есть средство итти прямо, не касаясь вашего союза, как такового. Что подписано, то подписано! И бог был нам свидетелем! Буду ждать твоих предложений. Сердечный привет Алисе.

Вилли.

Письмо Нелидова Ламздорфу [1]).

Л и ч н о е.
С о в е р ш е н н о с е к р е т н о.
№ 1. *Париж, 2/15 октября 1905.*

Господин министр.

Ваше личное и совершенно секретное письмо от 23 сентября, которое вашему сиятельству угодно было мне переслать через г-на Горяинова, разошлось с моими письмами, которые я имел честь вам отправить 22-го. Последние заключали в себе именно разъяснения по нескольким важным пунктам, касающимся отношений между Францией и Германией.

---

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка Ламздорфа: «Получено 7 октября 1905 г.» и условный знак-пометка Н. Романова синим карандашом.

С тех пор взаимные отношения обеих держав еще более обострились. Опубликованные газетой «Matin» разоблачения по поводу обстоятельств, приведших к отставке господина Делькассе, и следовавшие за этим переговоры о Марокко, а также слащавые разговоры князя Бюлова с одним из редакторов газеты «Temps»,—все это очень неприятно подействовало на общественное мнение Франции, уже достаточно возбужденное медленным и томительным ходом переговоров. Все ясно видели, что действия немцев имели в виду запугать и сбить с толку Францию, отдалить ее от Англии и, втянув ее в орбиту германской политики, удалить ее от России, союз с которой стал бы для нее после этого уже бесполезным. Ведь не следует забывать, что этот союз, явно направленный против Германии, был особенно важен для Франции, потому что гарантировал ее против нападения на нее с Востока. Исчезни эта опасность, союз потерял бы свое значение. Вследствие этого здесь, меньше чем когда-либо, помышляют о соглашении с Германией, и не может быть и речи о союзе: г. Делькассе, с которым я на-днях долго беседовал, совершенно убедил меня в этом мнении, прибавив, что ни один министр во Франции не посмел бы предложить какую-либо комбинацию, связывающую Францию с Германией. Он был бы немедленно низвергнут. Настолько велика стала, я не скажу, неприязненность, но недоверие к соседней империи и ее императору. С ним хотят жить в мире, избегать всякого повода к недоразумениям, покончить обоюдным соглашением с затруднениями по Марокккскому вопросу, по поводу которых было так трудно объясниться, но никто не мог бы итти дальше этого, и было бы неосторожно пытаться толкать на это Францию.

Имея в виду категорическое желание нашего августейшего монарха, сохранить прежде всего неприкосновенным наш союз с Францией, я полагал, господин министр, что при таких обстоятельствах мой долг верноподданного его императорского величества налагал на меня обязанность быть крайне осторожным и воздержаться от предложения господину Рувье пересмотра наших соглашений 1891 и 1893 годов, с целью привлечь к участию в этом и Германию. Подобное предложение было бы в глазах французов равносильно отказу от союза и могло бы только повлечь за собою для нас самые печальные последствия. Это предложение, правда, было бы и излишним после того, как я узнал мнение г-на Рувье относительно континентального союза и получил отрицательный ответ, о котором я вам уже докладывал в моем весьма секретном письме от 22 сентября. Считаю необходимым присовокупить, что, отвергая возможность подобной комбинации, министр иностранных дел мне сказал, что граф Витте уже касался в разговоре с ним этого вопроса. После этого я узнал, что у председателя совета министров создалось об этом очень неблагоприятное впечатление, и оно было усилено разговором г-на Витте с редактором газеты «Temps», которому Витте очень хвалил императора Вильгельма и жаловался на французскую прессу. Это здесь вообще всех взволновало.

Общественное мнение Франции, возбужденное более, чем когда-либо, находится настороже, и малейшее выступление с нашей стороны в пользу Германии, конечно бы, его встревожило и окончательно сбило с толку. И если бы подобное впечатление оказалось длительным и союз с Россией считался бы пошатнувшимся,— можно было бы ожидать еще более тесного сближения между Францией и Англией, а мы знаем, что союз этих двух держав оказался для нас роковым в половине прошлого столетия в вопросах, непосредственно затрагивающих наши интересы, и особенно — в восточном.

Во всяком случае, все новые комбинации, которые могли бы явиться на смену той, которая в настоящее время создает нам столь спокойное положение в Европе, могли бы оказаться для нас опасными, между тем, окончив только что столь несчастную войну и переживая чрезвычайно серьезный внутренний кризис, нашей главной заботой должно быть стремление, во что бы то ни стало, избегать новых осложнений.

Позволяю себе привести вашему сиятельству еще одно соображение по этому поводу. Мы в настоящее время подготовляем во Франции колоссальную финансовую операцию. Конечно, не одна симпатия заставляет французов доверить нам их сбережения. Они выгодно и верно помещают капитал. Но политическая дружба в данном случае играет большую роль. Если бы мы слегка только затронули основы нашего союза, который, конечно, был направлен против Германии, немедленным последствием было бы изменение общественного настроения. Наши враги торжествовали бы и не упустили бы случая раздуть искру недоверия, которая вспыхнула бы, и нашему займу не только угрожала бы неудача, но он мог бы совсем не состояться.

Неужели для того, чтобы обеспечить германскую империю от вражды англичан, было бы разумно повредить нашей собственной безопасности; ведь союз с Германией, даже оборонительный, повредил бы нашей безопасности точно так же и в Азии, где Германия нам ничем помочь не может, а в Европе Англия нам нисколько не угрожает.

Прошу вас, господин министр, извинить меня за то, что я привожу все эти соображения с откровенностью, для меня обязательной по отношению к моему государю и к тому, кто под его руководством направляет внешнюю политику нашей родины.

Все, что здесь изложено, есть результат глубокого убеждения, основанного на самом добросовестном изучении вопроса.

Представляя с полным доверием на благосклонное и просвещенное усмотрение вашего сиятельства, прошу и т. д.

Нелидов.

Письмо Нелидова Ламздорфу [1]).

Личное.
Весьма секретно.
№ 2.

Париж, 5/18 октября 1905 г.

Господин министр.

Мое письмо за № 1 было уже переписано, и я ожидал только случая его отправить, но в это самое время мне представилась возможность иметь разговор с г-ном Рувье, видеть которого мне помешали его отсутствие в течение нескольких дней и мое нездоровье. Наш разговор принял вполне интимный характер, и я нашел этот случай особенно благоприятным для того, чтоб еще раз, конечно, с большой осторожностью, выяснить его взгляд на возможность включения Германии в наш союз с Францией.

Мы беседовали о Марокканском деле, об отношениях между Францией и Германией, об Англо-японском трактате и о проявляемом в Лондоне желании войти по этому поводу в переговоры с нами. Министр обещал свое полное содействие на случай, если помощь французской дипломатии могла бы быть для нас хоть несколько полезна.

Я нисколько не скрывал от него, что у нас существует большое недоверие по отношению к Англии и к прочности тех соглашений, которые могли бы быть с ней заключены. Я не мог воздержаться, чтобы при этом случае не передать, не называя, конечно, имени автора, меткого и поэтичного выражения вашего сиятельства о розах и шипах, которое ему очень понравилось. «А вы сами,—сказал я ему,—вполне ли уверены, что, несмотря на связывающее вас соглашение, Англия в один прекрасный день не причинит вам больших неприятностей? Не находите ли вы, что было бы хорошо принять меры предосторожности в целях обезвреживания англо-японского соглашения, противопоставив ему лигу континентальных держав?»

«Нам нечего ждать от англичан,—ответил мне г-н Рувье.—Мы им уступили то, что они уже фактически имели, и нам очень трудно войти во владение тем, на что было дано согласие. Соглашение континентальных государств, очень сильное на суше, будет бессильно противостоять агрессивным планам, которые англо-японцы могут иметь относительно своих морских владений. Мы, впрочем, ни в каком случае, не расположены изменять наши отношения к великим державам. Мы друзья с Англией и Италией; мы делаем все, чтоб сохранить хорошие отношения с Германией, но наш единственный союз остается только с Россией, и мы им дорожим».

---

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка Ламздорфа: «Получено 7 октября 1905 г.», и условная пометка Николая Романова синим карандашом.

«Мы тоже,—возразил я,—но не думаете ли вы, что он еще более выиграл бы, если бы был усилен принятием Германии, в целях исключительно оборонительных конечно. Не лучше ли обеспечен был бы мир, если бы вам вовсе не пришлось изменять своего отношения к Англии?».

На это господин Рувье с большим чувством дал мне следующий ответ, после которого, мне казалось бы, совершенно невозможно делать новые попытки с целью сближения Франции с Германией. «У нас нет никаких воинственных стремлений по отношению к кому бы то ни было,—сказал он,—мы дали явные доказательства нашего миролюбия. Вот уже 35 лет, как после несчастной для нас войны, у нас взяли две провинции и заставили уплатить за мир несколько миллиардов. Нация покорилась, и с тех пор мы старались избегать всяких поводов к недоразумениям и ссорам. Я сам недавно имел смелость заставить несколько страдать самолюбие моей родины, чтоб избежать осложнений, которые грозили обостриться. Но с нас требовать больше ничего нельзя. Нация не потерпела бы бóльшей близости с Германией. Она не может забыть, что она от нее перестрадала, о чем еще недавно так неосторожно и бесполезно нас заставили вспомнить. Союз с Германией невозможен. Правительство обязано считаться с чувствами страны...».

Г-н Рувье просил меня никому не говорить о том, что он только что сказал о Германии. «Я не желал бы,—добавил он,—чтоб мои слова стали известны и увеличили бы еще больше сильное раздражение, которое существует между двумя странами, несмотря на состоявшееся соглашение по вопросу о Марокко».

Я в свою очередь просил его смотреть на наш разговор, как на совершенно интимный, и о нем тоже не говорить. «Это идея г-на Витте»,—сказал он мне во время разговора. «Это—идея, очень распространенная у нас,—добавил я,—и потому вполне естественно, что я хотел себе дать ясный отчет в том, как вы смотрите на этот вопрос».

Мы расстались самым дружеским образом,—и я имею основание думать, что благодаря принятым предосторожностям наш разговор не будет оглашен и во всяком случае не будет истолкован, чего я больше всего опасался, во вред нашему союзу.

Примите и т. д. *Нелидов.*

Из письма Нелидова Ламздорфу [1]).

Совершенно
лично и секретно.

От 5/18 октября 1905 г.

Ваше совершенно доверительное письмо от 26-го, сопровождавшее полу-официальное и секретное, хотя и личное, письмо от 23, произвело на меня, как вы себе это, конечно, и представляете, очень тягостное

[1]) Перевод с французского. На подлиннике пометка Ламздорфа: «Получено 7 октября 1905».

впечатление. Я был ошеломлен тем, что вы мне в нем сообщаете о Бьёрке, и я искренно сожалел вас, которому пришлось исправлять, или по крайней мере заглаживать столь серьезную ошибку. К счастью, вы нашли путь, чтоб избежать беды, хотя и не без урона для того, кто в нее попал бессознательно,—когда прикасаешься к саже, нечего удивляться, что измажешься.

Когда я получил ваши два письма, моей первой мыслью было объяснить вам (в моем письме за №1), почему мне казалось бесполезным и даже опасным затрагивать в настоящий момент вопрос о пересмотре наших соглашений с Францией. Общественное мнение более чем когда-либо возбуждено. Недавние разоблачения заставили французов понять, что император Вильгельм старался их одурачить, и ни за что на свете они не пожелают попасться в ловушку дружбы и союза, которую им расставляют из Берлина, хотя, надо сознаться, довольно неловко.

Впрочем, господин Рувье отсутствовал на прошлой неделе, а я тоже не выходил из дома вследствие простуды. Но, к счастью, третьего дня мне представился удобный случай побеседовать чистосердечно с министром. Я вам дал об этом отчет в моем втором письме, так как мое первое, хотя переписанное и подписанное, не могло быть отправлено, как я рассчитывал, в субботу.

Письмо Ламздорфа Нелидову [1]).

Пятница 14/27 октября 1905 г.

Дорогой и многоуважаемый Александр Иванович.

Мы переживаем все ужасы всеобщей забастовки или, чтобы выразиться точнее,—разгара революции. Бог знает, когда и как все это кончится? Император продолжает оставаться в Петергофе, что не облегчает хода дел ввиду затруднительности сношений с его величеством. От всей души благодарю вас за ваши столь добрые, ободряющие и любезные письма, которые очень меня тронули и доставили мне истинное облегчение.

Ваши весьма секретные письма за №№ 1 и 2 были представлены на усмотрение нашего бедного, дорогого государя, который высоко оценил их.

Я н и к о г д а не сомневался в том, что Франция откажется, особенно при современных условиях, пускаться в авантюру втроем с Россией и Германией. К счастью, император дал, наконец, себе отчет, и я умолил его величество о п р е д е л е н н о з а я в и т ь императору Вильгельму в письме, впрочем, весьма дружественном, что Россия сохранит н е р у ш и м ы м и взаимные обязательства, связывающие ее с Францией, ей

[1]) Перевод с французского.

дружественной и с о ю з н о й, пока последняя не пожелает добровольно примкнуть к двум империям как третий член их соглашения.

Простите за отрывочность и небрежность этих строк. Я очень спешу отправить курьера, так как можно опасаться, что с завтрашнего дня остановится и Финляндская железная дорога. Говорят, что исступленные руководители современного движения рассчитывают на недостаток войск. Наша армия находится в Манчжурии, а для подавления беспорядков в о в с е й Р о с с и и потребовалось бы более 100.000 благомыслящих людей. В больших городах имеется лишь необходимый комплект вооруженных сил, а в Петербурге—всего около 20.000 человек!

Молитесь за нашу бедную дорогую родину и за нашего несчастного императора.

Горячий привет от любящего и совершенно преданного

Ламздорфа.

Письмо Ламздорфа Остен-Сакену [1]).

В е с ь м а с е к р е т н о е и с т р о г о л и ч н о е.

Его величество император изволил уполномочить меня осведомить ваше сиятельство с о в е р ш е н н о д о в е р и т е л ь н о и исключительно для в а ш е г о личного сведения о некоторых событиях, которые произошли в то время, когда вас не было в Берлине.

Когда император Вильгельм прибыл в Бьёрке, он неожиданно предложил нашему августейшему монарху заключить следующий оборонительный, союз оформив его договором:

I. В случае если, одна из двух империй, Россия или Германия, подверглась бы нападению со стороны е в р о п е й с к о й д е р ж а в ы, то ее союзница окажет ей помощь в Европе всеми своими сухопутными и морскими силами.

II. Обе высокие договаривающиеся стороны обязуются не заключать сепаратного мира ни с одним общим противником.

III. Настоящий договор войдет в силу, как только будет заключен мир между Россией и Японией, и останется действительным до тех пор, пока не будет заявлено об его расторжении за год вперед.

IV. Его величество император всероссийский после того, как этот договор войдет в силу, предпримет необходимые шаги, чтобы ознакомить Францию с этим соглашением и побудить ее присоединиться к нему в качестве союзницы.

Текст этого договора, з а р а н е е з а г о т о в л е н н ы й, был в вполне законченном виде предложен нашему августейшему монарху

---

[1]) Перевод с французского. Печатается с проекта письма, бывшего на докладе у Николая. На письме имеется пометка Николая синим карандашом «с» и Ламздорфа «Царское село. 10 ноября 1905».

императором Вильгельмом, и оба государя подписали его на «Полярной Звезде» в двух экземплярах вблизи Бьёрке 11/24 июля 1905 года.

Было решено держать это в полнейшей тайне.

В момент подписания указанного соглашения ничто не позволяло еще предвидеть скорого окончания русско-японской войны.

Наоборот, можно было рассчитывать, что будет достаточно времени, чтобы осторожно подготовить присоединение французского правительства к этой политической комбинации.

Происшедшие с тех пор события, к сожалению, не могли способствовать сближению между Германией и Францией; все заставляет, наоборот, думать, что Франция в настоящее время гораздо менее будет склонна присоединиться к предполагающемуся тройственному согласию.

С другой стороны, Россия не имеет причин покинуть так внезапно свою союзницу и не может также ее к чему-либо принудить. Для того, чтобы влияние России в этом, требующем осмотрительности, вопросе оказалось действительным, потребуется много времени, настойчивости и осторожности.

Таким образом осуществление цели, указанной в ст. IV соглашения в Бьёрке, трудно достижимо и не может быть осуществлено в ближайшем будущем. Но не следует обманывать себя в том, что самый смысл и содержание этого соглашения с этой целью именно и связаны.

Соглашение трех континентальных держав явилось бы гораздо более могущественным, чем соглашение двух держав, которые, в случае, если бы договор не был сохранен в полной тайне, оказались бы, по всей вероятности, изолированными от всех других и невольно способствовали бы образованию враждебной им коалиции.

И император Вильгельм, и наш августейший монарх признают, что раз что подписано — то подписано, но его величество считает, что простая лойяльность обязывает Россию равным образом соблюдать то, что было подписано в царствование в бозе почившего императора Александра III и что в настоящее время не может быть уничтожено одним росчерком пера.

После подписания Портсмутского мирного договора, в то время, когда еще этот акт не был ратифицирован и не вошел еще в силу, наш августейший монарх написал императору Вильгельму и предупредил его, что невозможно получить от французского правительства согласие на немедленное присоединение к договору оборонительного союза, подписанного в Бьёрке; а потому необходимо отсрочить вступление этого договора в силу до того момента, когда Франция согласится к нему примкнуть, или же должны быть изменены статьи I и IV его текста.

В настоящее время наш августейший монарх обращается к императору германскому с письмом [1]), которое при сем прилагается и кото-

---

[1]) Копии письма ни в Романовском архиве, ни в секретном архиве м-ра ин. дел не сохранилось.

рое вы, ваше сиятельство, озаботитесь доставить возможно скорее и возможно более надежным путем.

В этом письме наш августейший монарх пишет императору Вильгельму, что, принимая во внимание все предшествовавшее, и чтобы быть в состоянии выполнить с безукоризненной верностью обязательства, взятые на себя по отношению к Германии, Россия вынуждена в настоящих условиях, не изменяя ничего в тексте договора оборонительного союза, подписанного в Бьёрке 11/24 июля 1905 года, дополнить его следующей

декларацией:

«Ввиду затруднений, препятствующих немедленному присоединению французского правительства к договору оборонительного союза, подписанного в Бьёрке 11/24 июля 1905 года,—присоединению, предусмотренному статьей IV вышеупомянутого договора, само собой разумеется, что статья 1 этого акта не может иметь никакого применения в случае войны с Францией, и что взаимные обязательства, связывающие эту последнюю с Россией, сохранят свою силу вплоть до установления тройственного согласия.»

Все это сообщается вашему сиятельству по высочайшему повелению, исключительно для вашего личного сведения, и подлежит полнейшей тайне.

Примите и проч.

Из письма Вильгельма Николаю [1]).

(от 28/XI [2]) 1905 г.)

Канцлер, которому я читал выдержки из твоего письма, сказал мне, что наше чисто оборонительное соглашение ни в каком случае не может быть в противоречии с французским договором, заключенным твоим отцом. Если бы это было так, то это значило бы, что, согласно французскому договору, Россия обязана поддержать Францию даже и в случае наступательной с ее стороны войны против Германии! Но подобный случай—Россия, поддерживающая Францию в ее наступательной политике против нас,—казался нам до сих пор не стоящим даже и минутного обсуждения; ведь твой дорогой отец часто говорил мне, что он всегда будет открыто противиться какой бы то ни было наступательной войне; притом он находился со мной в очень дружеских и близких отношениях. Например, в 1891 году, во время маневров около Нарвы, он откровенно высказал мне свое отвращение к французскому республиканскому строю, высказывался в пользу восстановления монархии в Париже и просил меня помочь ему в этом. Если твое французское соглашение, как и

---

[1]) Перевод с английского.

[2]) Нового стиля.

наше, чисто оборонительное, тогда нет никакого несоответствия между ними, одно другого не исключает, и никаких дальнейших заявлений не требуется.

С другой стороны, я понимаю, что для тебя было бы удобнее не заявлять публично о союзе со мной, в тот момент, когда международные революционеры широко распространяют по всему миру гнусную ложь, будто я стараюсь оказать на тебя влияние в пользу реакции.

Письмо Остен-Сакена Ламздофру [1]).

Строго личное.

Берлин, 16/29 ноября 1905 г.

Господин министр.

С последним очередным курьером я имел честь получить написанное по высочайшему повелению строго личное и конфиденциальное письмо вашего сиятельства из Царского Села от 10 ноября сего года.

Да будет мне позволено при вашем любезном посредстве повергнуть к стопам нашего августейшего монарха чувства моей верноподданнической признательности за это драгоценное свидетельство высочайшего доверия и принести одновременно самые торжественные уверения в том, что содержание этого письма будет сохранено мною в абсолютной тайне.

Мне кажется, что дополнительной декларации — в случае ее принятия — будет достаточно для того, чтобы гарантировать нас от всяких неожиданностей и послужить сдерживающим началом против всяких увлечений в политике берлинского кабинета. Я считаю, впрочем, что берлинский кабинет сознает неравенство шансов в борьбе с Англией, — особенно без помощи французского флота, — и это до некоторой степени затрудняет возможность наступления такого положения, при котором мы должны были бы выполнить наши обязательства.

Потребовался бы слишком явный вызов со стороны Англии для того, чтобы вынудить императора Вильгельма поднять перчатку. Я не думаю, что лондонский кабинет склонен проводить политику вызова.

Зато мы впредь совершенно избавлены от возможности соглашения между Германией и Англией в ущерб нашим интересам,—возможности страшной, которой нам теперь нечего бояться.

Таковы размышления, на которые навело меня изучение положения, созданного свиданием в Бьёрке, и которые я позволяю себе представить на усмотрение вашего сиятельства.

Примите и т. д. *Остен-Сакен.*

---

[1]) Перевод с французского.

Телеграмма Николая Вильгельму [1].

(без даты)

Очень благодарен за твое милое письмо, которое доставило мне большое удовольствие. Наш союз с Францией—оборонительный. Полагаю, что посланная мною тебе декларация могла бы оставаться в силе до тех пор, пока Франция не присоединится к нашему новому соглашению. Я, конечно, сделаю все, от меня зависящее, чтобы на Марокканской конференции было достигнуто всеобщее соглашение. Сердечный привет от нас обоих.

Ники.

Письмо Остен-Сакена Ламздорфу [2].

Частное.

Берлин, 17/30 ноября 1905 г.

Дорогой граф.

Пользуюсь очередным курьером для того, чтобы ответить на ваши последние письма.

Свидание в Бьёрке, несомненно, создало очень серьезное положение, требующее, ввиду привычки императора Вильгельма закусывать удила, с нашей стороны крайней осмотрительности, чтобы не быть втянутыми в чуждые нашим интересам столкновения. Нам следует с удвоенным вниманием следить за возрастающим антагонизмом между Германией и Англией,—единственной причиной конфликта, который может в настоящее время нарушить мир в Европе. Последняя речь Ландсоуна, в которой он, говоря о коварном монархе, имел в виду германского императора, и переданная прессой сплетня о приписываемой королю Эдуарду шутке, который якобы назвал германский флот «Spielzeug» (игрушкой) монарха, глубоко обидели его величество. Отражение этого вы найдете в тронной речи, произнесенной в воскресенье, при открытии рейхстага.

Сама эта речь даст пищу уже и без того столь острой полемике между прессой обоих государств и будет держать общественное мнение в атмосфере нервной напряженности.

Все это, бесспорно, тревожные симптомы. Я не могу, однако, думать, чтобы они могли повести к вооруженному столкновению, как это предсказывают уже многие робкие умы. Здравый смысл нации и особенно благоразумие правительств государств, входящих в состав германской империи, окажутся, я полагаю, довольно сильными для того, чтобы обуздать пыл императора Вильгельма и воспрепятствовать воинственным попыткам.

---

[1]) Перевод с английского.

[2]) Перевод с французского.

Повторяю: единственным темным пятном на европейском горизонте является соперничество между Германией и Англией. Что касается Франции, то она перестала быть объектом раздора, и если нам трудно будет приблизить ее к тому, чтобы смогли осуществиться надежды, питаемые германским императором, мы сможем, я надеюсь, поддержать мирные отношения между нею и ее восточным соседом. Это главное! Остальное в руках божьих!

Примите и т. д. *Остен-Сакен.*

Записка Остен-Сакена Ламздорфу.

Возвращаю при сем подлинник доклада [1]), который вы, дорогой и многоуважаемый граф, мне присылали, и прошу вас быть вполне уверенным в моем по этому поводу молчании.

Ваше письмо, так же как и черновики моих писем, при сем прилагаемых, преданы сожжению.

18 ноября. (1 декабря) 1905 г. *Остен-Сакен.*

«Именной указатель».

Александр III, русский император с 1881 по 1894 г.

Бенкендорф, Александр Константинович, граф, русский посол в Англии с 1902 по 1917 г.

Бирилев, Алексей Алексеевич, морской министр с 1905 по 1907 г.

Бюлов, граф, германский имперский канцлер с 1900 по 1909 г.

Витте, Сергей Юльевич, граф, с 1904 по 1905 г. — председатель комитета министров. С октября 1905 г. по апрель 1906 г.—председатель совета министров.

Гольштейн, первый советник министерства иностранных дел Германии в 1904 г.

Делькассе, Теофил, французский министр иностранных дел с 1898 по 1905 г.

Камбон, Поль, французский посол в Англии с 1898 г.

Комб, Жюстин-Луи-Эмиль, французский председатель совета министров с 1902 по 1905 г.

Ламздорф, Владимир Николаевич, граф, русский министр иностранных дел с декабря 1900 по 1906 г.

Лансдоун, Генри Чарльз, английский министр иностранных дел с 1900 по 1905 г.

Лассель, Франк, английский посол в Германии с 1895 по 1908 г.

Лубэ, Эмиль, президент Французской республики с 1899 по 1906 г.

Нелидов, Александр Иванович, русский посол во Франции с 1903 по 1910 г.

Остен-Сакен, Николай Дмитриевич, граф, русский посол в Берлине с марта 1895 по 1912 г.

Рожественский, Зиновий Петрович, свиты е. в. контр-адмирал. В 1904 г. командир 2-ой эскадры флота Тихого океана.

Рувье, Морис, французский министр финансов с 1902 по 1905 г. С 1905 по 1906 г. председатель совета министров и министр иностранных дел.

Рузвельт, президент Соединенных Штатов Америки с 1901 по 1905 г.

Чиршский и Бёгендорф, прусский посланник в Мекленбурге с 1902 по 1906 г. Сопровождал Вильгельма II во всех его поездках. В 1906 г. назначен статс-секретарем по иностр. делам Германии.

Эдуард VII, английский король с 1901 по 1910 г.

---

[1]) Перевод с французского. Доклада при записке в деле Секретного Архива никакого не сохранилось.

Финансовые совещания союзников во время войны [1]).

(Доклады министра финансов П. Л. Барка.)

1.

Совещание трех министров в Париже 20—23 января 1915 года.

В программе, сообщенной канцлером английского казначейства Ллойд-Джорджем через великобританского посла в Петрограде, были указаны нижеследующие вопросы, подлежавшие обсуждению в совещании трех министров союзных держав, которое должно было состояться в Париже по почину великобританского правительства: 1) о порядке изыскания средств, необходимых для покрытия военных расходов союзных государств, 2) об оказании финансовой помощи дружественным, но до сих пор остающимся нейтральными правительствам, 3) о способах производства расчетов по заказам военного снаряжения как в нейтральных странах, и в частности в Соединенных Штатах Америки, так и в Англии и 4) об охранении золотых запасов России, Франции и Великобритании.

---

[1]) Печатаемые здесь документы хранятся во II отделении Экономической секции Госуд. Архивного фонда в Ленинграде, в делах архива общей канцелярии министра финансов. Они дают отчет о трех поездках в Париж и Лондон русского министра финансов П. Л. Барка, предпринятых в январе и сентябре 1915 г. и в июне 1916 г. для принятия участия в совещаниях министров финансов союзных стран. О сентябрьской поездке 1915 г. и июньской 1916 г. сохранились подлинные всеподданнейшие доклады министра с собственноручными резолюциями на них Николая II. О январской поездке 1915 года доклада в делах архива не имеется; сохранились лишь текст отчета, представленного министром комитету финансов, и черновой экземпляр (с поправками), по всей вероятности, приготовлявшегося всеподданейшего доклада, текст которого в значительной своей части совпадает с текстом отчета комитету финансов, но заключает в себе некоторые любопытные подробности, опущенные в отчете. Здесь печатается пространная редакция.

В дальнейшем предполагается опубликовать полные протоколы состоявшихся в названные три срока совещаний и переписку, происходившую в связи с этими совещаниями.

Текст документов подготовлен к печати Б. А. Романовым.

Редакция.

Для императорского правительства, однако, помимо перечисленных вопросов, представлявших, конечно, общий интерес, наиболее существенным являлось: а) обеспечение в течение ближайших месяцев, а если возможно, в течение всего 1915 года заграничных платежей, б) изменение условий кредитования в Англии, в основу коего была положена высылка из России в Англию золота, в известном соответствии с размерами кредитов, открываемых императорскому правительству великобританским казначейством и в) заключение контрактов с союзными правительствами на поставку им из России хлеба, в видах восстановления нашего экспорта, прерванного войною, и улучшения курса нашего рубля за границею, сильно понизившегося за отсутствием вывоза товаров из России. Вследствие сего после общего обмена мнений, из коего выяснилось, что военные расходы союзных держав составляют теперь около 15 миллионов рублей в день на каждого, при чем расходы Великобритании с увеличением контингента должны возрасти через несколько месяцев и превысят 20 миллионов рублей в день, мною было заявлено, что для заграничных платежей императорскому правительству потребуется в течение 1915 года около 100 миллионов фунтов стерлингов. Из этой суммы 70 миллионов фунтов предназначается на все платежи, связанные с военными заказами, и 30 миллионов на платежи по заграничным займам. Та и другая потребность была определена мною с некоторым запасом, так как военные заказы постоянно возрастают; с другой же стороны, ввиду большей выгоды получения платежей по нашим купонам за границею, надлежит предвидеть, что заграничные платежи по займам в 1915 году превысят обычный размер. По данным, которые ко времени совещания имелись в распоряжении министерства финансов, для военных заказов требовалось до 589 миллионов рублей и для оплаты наших займов—до 272 миллионов рублей, а всего до 861 миллиона рублей в заграничной валюте.

Императорское правительство должно быть вполне обеспечено надлежащим количеством заграничной валюты в соответственные сроки, а так как реализация крупных займов на открытом рынке как во Франции, так и в Англии представляется ныне невозможною, то императорское правительство рассчитывает, что союзные державы откроют ему надлежащие кредиты, с тем, чтобы позаимствования в счет этих кредитов покрывались из выручки займов, которые имеют быть реализованы в удобное для сего время.

На-ряду с этим мною было категорически заявлено, что при открытии нам кредитов не может быть и речи об одновременной высылке нами за границу золота, при чем приведены были веские мотивы, не позволяющие нам такую высылку. Это заявление вызвало возражения как по отношению к размерам заграничных кредитов, так и по отношению к отказу высылки золота. Ллойд-Джордж указал, что Англия уже открыла императорскому правительству два кредита: первый—в 12 миллионов фунтов стерлингов и второй—в 20 миллионов фунтов стерлингов, и посему эти кредиты должны войти в общий итог в 100

миллионов фунтов стерлингов, вследствие чего дальнейшая потребность императорского правительства должна быть исчислена не более 68 милл. фунт. стерлингов. Кроме того, он говорил о полной невозможности для его правительства оказывать денежную поддержку в крупных размерах, если английский рынок не будет подкрепляться соответственной доставкой золота. Рибо, с своей стороны, приводил данные о крупных расходах французского государственного казначейства и указывал на полную невозможность для него принимать на французское министерство финансов обязательство открывать на-ряду с этим крупные кредиты союзникам, тем более, что вся бельгийская армия содержится ныне на счет французского правительства.

Из дальнейших прений стало ясно, что англичане очень обеспокоены положением своего центрального эмиссионного банка, Bank of England, которое является чрезвычайно напряженным. С самого начала войны великобританским правительством были приняты очень широкие и вместе с тем смелые меры в области кредита. Эти меры достигли вполне своей цели и поддержали нормальное течение хозяйственной жизни страны, но некоторые из них тяжело легли на английский банк, и пока доверие существует в стране, положение этого банка может считаться обеспеченным, в случае же наступления каких-либо чрезвычайных обстоятельств, мощный, но вместе с тем хрупкий механизм кредита может подвергнуться полному разрушению, если не будет обеспечена надлежащая помощь извне. Между прочим, военный заем в 350 милл. фунт. ст. ($3^1/_2$ миллиарда рублей), об успешной реализации коего в публике оповестили все газеты, фактически в $^3/_7$, т.-е. в размере 150 милл. фунт. ст., остался неразмещенным в английском банке, который, кроме того, обязался в течение трех лет выдавать свободно ссуды под обеспечение облигаций сего займа в размере полной их стоимости по цене подписки.

Ввиду сего для достижения соглашения между тремя министрами, надлежало найти такую формулу, которая обеспечивала бы взаимную поддержку в моменты действительной нужды или опасности. В этих целях мною было вновь подтверждено Ллойд-Джорджу, что мы не можем допустить, чтобы открытие нам заграничных кредитов ставилось в причинную связь с высылкой золота и обусловливалось непременною доставкою звонкого металла: наша кредитоспособность вне всяких сомнений, и посему такая постановка дела представляется для меня совершенно неприемлемой. С другой стороны, однако, я понимаю, что и английский рынок может нуждаться в помощи, например, в случае отлива золота из Англии в Америку, и когда наступит такой момент реальной опасности, то, конечно, Англия, с своей стороны, в праве рассчитывать на помощь союзников, но в таком случае не только России, но также и Франции, которая особенно заинтересована в том, чтобы лондонский рынок не подвергался никаким потрясениям.

При такой постановке вопроса, вполне о моей точки зрения справедливой, помощь, в виде присылки на лондонский рынок звонкого

металла, ставится в связь не с открытием того или иного кредита императорскому правительству, а с реальной опасностью, которая может угрожать английскому банку и которая может быть учтена соответственным сокращением его золотых запасов. На-ряду с этим само собою разумеется, что солидарность интересов требует, чтобы такая помощь была оказана Англии не только со стороны России, а также и со стоны Франции.

Эта формула очень быстро была усвоена Ллойд-Джорджем, который на нее согласился, обещал к следующему заседанию приготовить расчет соотношения золотых запасов английского банка к запасам нашего государственного банка и французского банка на случай усиленного истребования золота и даже готов был не возражать против заявленного мною требования на заграничную валюту в размере 100 милл. фунт. ст., независимо от кредитов, уже открытых нам великобританским правительством.

Следующее заседание совещания, по счету второе, было самым тяжелым. Ллойд-Джордж принес проект составленного им соглашения, в коем он прежде всего попробовал уменьшить заявленную мною потребность в заграничной валюте в размере 100 мил. фунт. ст. до 80 милл. фунт. ст., ссылаясь на то, что за несколько дней перед тем в Лондоне был подписан контракт о предоставлении нам 20 милл. фунт. ст., и так как кредит еще не использован, то на эту сумму надлежит уменьшить заявленную мною цифру в 100 милл. фунт. ст. Я возражал, что мы собрались в Париже для достижения соглашения относительно будущего плана действий, а не относительно прошлого; то, что уже сделано, должно считаться законченным, и мы не можем возвращаться к нему в наших прениях. Ллойд-Джордж очень быстро согласился с моими доводами и не настаивал на предложенной им поправке. Когда же мы перешли к обсуждению вопросов о возможной помощи английскому банку со стороны Франции и России и остановились на проектированной Ллойд-Джорджем схеме доставки золота в Англию в том случае, если золотые запасы английского банка понизятся, выяснилось полное разномыслие во взглядах трех министров финансов. Схема Ллойд-Джорджа была очень проста и как бы подкупала своей простотой: по его мысли, надлежит считать золотые запасы трех эмиссионных банков как бы общим достоянием, и, в случае сокращения запаса в английском банке, убыль делится на три части, при чем другие два банка обязываются пополнить две части убыли в равных долях; с другой стороны, в случае увеличения запасов золота, английский банк обязывается по одной трети увеличения уступать двум другим банкам. Я возражал против такого автоматического передвижения металла, указывая, что помощь должна быть оказана, но только в случае реальной опасности и с соблюдением двух непременных условий: 1) чтобы теперь же был установлен предел этой помощи и 2) чтобы золото было передаваемо английскому банку в виде временной ссуды, с возвратом в определенный срок, а не в виде продажи золота. Рибо же стоял на

совершенно непримиримой позиции. По его мнению, французский банк не мог бы взять на себя при каких бы то ни было обстоятельствах выслать золото за пределы Франции; его золотой запас является обеспечением всего кредита страны, только благодаря золоту, банкноты банка, несмотря на их огромный выпуск, не обесцениваются, и Рибо не может допустить, чтобы основы государственного кредита подвергались потрясениям. Мнение Рибо получало особый вес ввиду поддержки председателя совета министров Вивиани, который, очевидно, для этой цели впервые присутствовал в совещании. Оживленные прения затягивались и не приводили ни к какому результату; было решено прервать заседание и продолжить его на следующий день, при чем, по взаимному соглашению Ллойд-Джорджа со мной, было постановлено собраться не ранее 5 часов дня, дабы использовать все утро на разные шаги дипломатического свойства в видах достижения какого-либо компромисса.

После заседания Рибо задержал меня у себя, и, когда мы остались втроем с Вивиани, оба министра чрезвычайно озабоченно указали мне на полную невозможность пойти в таком капитальном вопросе на уступки, на что я ответил, что я высказал свой принципиальный взгляд и нахожу, что Ллойд-Джордж прав. С своей стороны, я буду очень рад, если им удастся убедить англичан, и Ллойд-Джордж откажется от условия высылки золота в английский банк, когда этому банку будет угрожать опасность, но что я сильно сомневаюсь в возможности такого отказа. Рибо и Вивиани высказали свое большое огорчение по поводу того, что Ллойд-Джордж не сообщил им предварительно перечня своих предложений, которые он намеревался представить совещанию; что в таком случае они отказались бы от совещания, теперь же они не видят никакого выхода из создавшегося положения, если Ллойд-Джордж будет настаивать на своих условиях.

Вечером я виделся с Ллойд-Джорджем, который мне категорически заявил, что помощь золотом в минуту реальной опасности является для него краеугольным камнем соглашения, и что он готов уехать ни с чем, если французы на это не пойдут. Ввиду сего мною были предприняты различные шаги, отчасти самостоятельно, отчасти совместно с Ллойд-Джорджем, чтобы найти пружины для давления как на французский банк непосредственно, так и на правительственные круги для достижения компромисса. В этих целях на следующий день утром была выработана с Ллойд-Джорджем крайняя формула уступки с его стороны, заключавшаяся в том, что английский банк будет считать свое положение угрожающим только в том случае, если истребования от него золотом превысят 10 милл. ф. стерл. (100 мил. рублей); тогда он в праве рассчитывать на поддержку двух дружественных эмиссионных банков, которая гарантируется ему в пределах до 12 милл. фунт. ст., считая по 6 милл. фунт. ст. от каждого банка.

Первые мои попытки за завтраком у президента республики убедить его использовать свое влияние, чтобы найти компромисс в вопросе о золоте, встретили решительный отказ со стороны президента; тогда

я решил обратиться к Делькассе, моему соседу слева, а после завтрака пытался убедить Вивиани, который в конце концов склонился в пользу компромисса. Тем временем были приняты также меры воздействия на французский банк, и в этом деле огромную услугу оказал барон Эдуард Ротшильд, единственный член совета Banque de France, имеющий большое влияние на управляющего этим банком Pallain и на весь ход дел эмиссионного французского учреждения. Барон Эдуард Ротшильд был приглашен на частное совещание с Ллойд-Джорджем и со мною и был ознакомлен с последнею выработанною нами формулою, при чем обещал нам полное свое содействие.

В результате всех усилий третье заседание совещания после небольших сравнительно прений закончилось вполне мирно, и тогда же был одобрен нижеследующий текст официального оповещения, которое на следующий день появилось в газетах:

«Les ministres des finances de France, d'Angleterre et de Russie se sont réunis à Paris pour examiner les questions financières que fait naître la guerre.

Ils sont d'accord pour déclarer que les trois puissances sont résolues à unir leurs ressources financières aussi bien que leurs ressources militaires, afin de poursuivre la guerre jusqu'à la victoire finale.

Dans cette pensée, ils ont décidé de proposer aux gouvernements respectifs de prendre à leur charge par portions égales les avances faites ou à faire aux pays qui combattent actuellement avec eux ou qui seraient disposés à entrer prochainement en campagne pour la cause commune.

Le montant de ces avances sera couvert tant par les ressources propres des trois puissances que par l'émission d'un emprunt à faire en temps opportun au nom des trois puissances.

La question des rapports à établir entre les banques d'émission des trois pays a fait l'objet d'une entente particulière.

Les ministres ont décidé de procéder de concert à tous les achats que leur pays ont à faire chez les nations neutres.

Ils ont pris les mesures financières nécessaires pour faciliter à la Russie ses exportations et pour rétablir dans la mesure du possible la parité du change entre la Russie et les nations alliées.

Ils ont décidé de se réunir à nouveau suivant les circonstances. La prochaine conférence aura lieu à Londres» [1]).

---

[1]) Перевод:

Министры финансов Франции, Англии и России собрались в Париже для рассмотрения финансовых вопросов, выдвинутых войной. Они признали необходимым объявить, что три союзные державы решились объединить как финансовые, так и военные свои средства для продолжения войны до окончательной победы.

С этой целью они постановили предложить своим правительствам произвести между собой равномерное распределение всего отпущенного или имеющего быть выданным в виде аванса как тем странам, которые уже сражаются на их стороне, так и тем, которые в дальнейшем приняли бы участие в борьбе за общее дело.

Вечером Рибо прислал участникам совещания проект соглашения трех министров, редакция коего была, однако, так составлена, что не могла не вызвать самых решительных возражений с моей стороны. Относившаяся до императорского правительства часть соглашения заключала в себе заявление русского министра финансов о потребностях русской казны в заграничной валюте в размере 100 фунт. ст., в отношении же способов реализации этой валюты на рынках Парижа и Лондона было лишь указано, что означенный вопрос подлежит дальнейшему соглашению между отдельными правительствами. Такая редакция совершенно не соответствовала происходившим суждениям, и, во избежание нежелательных прений во время заседания совещания, которое было назначено в $9^1/_2$ часов утра, я был в кабинете Рибо задолго до начала заседания. Здесь мне пришлось натолкнуться на совершенно непостижимое отношение Рибо, который мне объяснил, что все, что он может сделать,—это допустить в удобное время реализацию русского займа на парижском рынке, но что он не имеет никаких полномочий на то, чтобы французское правительство непосредственно открыло кредит императорскому правительству. На это я возразил, что такой ответ не имеет никакого реального значения для императорского правительства, так как на парижском рынке, как известно Рибо, никакого русского займа теперь реализовать нельзя. При этом я прибавил, что мною совершенно ясно с самого начала совещания была намечена схема удовлетворения потребности императорского правительства в заграничной валюте, которая не вызывала принципиальных возражений; если же этот, наиболее существенный для России, вопрос должен остаться открытым, то я предположенного проекта соглашения подписать не могу. Когда прибыл Ллойд-Джордж, я его предупредил, что, вероятно, все дело придется начинать с начала, так как капитальный для меня вопрос остается для Рибо неясным; вместе с тем, дабы воздействовать на самолюбие Рибо и одновременно побудить Ллойд-Джорджа выступить против него, я предожил, чтобы кредиты, необходимые императорскому правительству, были открыты не в равных долях Англией и Францией, а в большей части первою из союзниц, так как положение Франции крайне стесненное. Такая аргументация приобрела мне немедленно союзника в лице Ллойд-Джорджа, который повторил, что фактическое положение Англии далеко не так блестяще,

---

Покрытие всех расходов по авансированию должно быть произведено частью из собственного наличного запаса трех союзных держав, частью при помощи займа, имеющего быть своевременно выпущенным от имени трех держав.

Вопрос об установлении взаимоотношений между эмиссионными банками трех государств послужил предметом особого соглашения. Министры решили действовать согласованно при всех закупках, имеющих быть произведенными их государствами в нейтральных странах.

Они приняли необходимые финансовые меры для оказания помощи России в деле ее экспорта и для восстановления по мере возможности паритета вексельного курса России и союзных наций. Они решили собраться вновь в зависимости от обстоятельств. Следующее совещание состоится в Лондоне.

как могло бы казаться по фасаду, указав на приведенное уже им напряженное состояние счетов английского банка, и прибавил, что он не может допустить, чтобы в этом деле тягота обязательств, принимаемых на себя Англией, была более той, которая упадет на долю Франции. Это вопрос принципа, от коего он отступить не может. После долгих, упорных прений Рибо, видя что ни со стороны Ллойд-Джорджа, ни с моей на уступки рассчитывать нельзя, согласился на предложенный мною текст следующего содержания:

«Le ministre des finances de Russie a indiqué que les besoins du trésor impérial pour le service de la dette, les achats et les commandes à l'étranger s'élèvent pour 1915 à 100 millions de livres sterling.

En attendant que cette somme puisse être obtenue sur les marchés anglais et français par l'émission, sous les auspices des deux Gouvernements d'Angleterre et de France, d'emprunts publics qui seraient divisés par parties égales entre les-dits marchés, il est entendu que les gouvernements Anglais et Français feront au gouvernement Russe, sur ses demandes successives, des avances directes et ce jusqu'à concurrence d'une somme de 25 millions de livres sterling (625 millions de francs) pour chacun d'eux. Le remboursement des dites avances sera imputé sur le produit des emprunts»[1]).

В соглашении, которое вслед за сим было подписано тремя министрами, весьма существенными для России являются также пункты 6 и 7. В п. 6 указывается на желательность сосредоточения в одном органе военных заказов союзных держав в нейтральных странах; имеется в виду главным образом Америка, где в настоящее время союзники производят большие заказы через разных посредников, которые поднимают цены и зачастую являются лицами, не заслуживающими доверия, в результате чего союзные державы, в лучшем случае, переплачивают большие деньги на своих заказах, а иногда даже не получают тех материалов и припасов, на которые рассчитывают, в определенные сроки. Великобританское правительство уже сосредоточило все дело заказов военного и морского ведомств в Америке в руках нью-йоркской банкирской фирмы Моргана. Исполнение по вопросу о порядке производства военных заказов за границею передано военному агенту

---

[1]) Перевод:

Русский министр финансов указал, что потребность государственного казначейства для производства платежей по займам и для оплаты заказов и закупок за границей достигает на 1915 год 100 миллионов фунтов стерлингов.

В ожидании реализации этой суммы на английском и французском рынках путем выпуска, при содействии обоих правительств — английского и французского—государственных займов, распределенных между названными рынками в равных долях, английское и французское правительства принимают на себя выдачу русскому правительству, по мере представлений последнего, авансов в сумме до 25 миллионов фунтов стерлингов (625 миллионов франков) каждое.

Погашение этих авансов будет произведено за счет поступлений от реализации займов.

в Париже графу Игнатьеву, который имеет испросить по сему предмету надлежащие инструкции от военного министра.

В п. 7 указывается на необходимость принятия всех мер, направленных к восстановлению вывоза товаров из России, прекратившегося почти совсем после закрытия проливов и замерзания архангельского порта. Имеется в виду направить вывоз на Владивосток и Дальний, а также по возможности усилить отпуск товаров через Швецию и Балканы. Последнее направление, впрочем, едва ли может быть серьезно принято во внимание ввиду недостаточной провозоспособности железнодорожного пути на Салоники и сомнительности пути на Деде-Агач. Организация вывоза из России в разных направлениях одинаково важна для России и для союзных держав, так как экспорт товаров является единственно правильным и целесообразным способом получения заграничной валюты, союзные же государства чрезвычайно заинтересованы в получении из России хлеба по нормальной цене, тем более что доставка хлеба из Америки потребует оплаты его золотом и может повести к сокращению золотых запасов эмиссионных банков, тогда как уплата России может быть произведена путем компенсации в счет открытых Англией и Францией кредитов. В видах заключения контрактов на поставку пшеницы французскому и английскому правительствам были выяснены в переговорах с министром торговли Томсоном в Париже и Ренсименом в Лондоне потребности обоих правительств и условия, которые могли бы лечь в основу контракта. Кроме того, по пути через Балканы мною были собраны сведения о провозоспособности балканских железных дорог, о тарифах и о пропускной способности портов в Салониках и Деде-Агаче. Подробная записка по сему предмету будет представлена на рассмотрение совета министров.

В соглашении имеются еще существенные указания на те второстепенные государства, которые участвуют ныне в войне в союзе с Россией, Англией и Францией или могут в дальнейшем примкнуть к этим державам своим активным выступлением; соглашением предусматривается возможность оказания денежной поддержки означенным государствам со стороны трех великих держав, принимающих на себя необходимые на сей предмет расходы в равных долях. При этом расходы, уже произведенные, остаются долгом по отношению к тем державам, которые произвели соответственные выдачи, открытие же дальнейших кредитов распределяется поровну между тремя великими державами. Все произведенные авансы имеют быть покрыты в будущем из выручки займа, который подлежит реализации по окончании войны под гарантией трех великих держав. По этой части соглашения затруднения для императорского правительства могли бы возникнуть главным образом в том случае, если бы авансы, упадающие на долю России, подлежали оплате в иностранной валюте, которой мы не располагаем в надлежащем количестве, вследствие чего мною было указано, что доля России может быть уплачиваема только в рублях, перевод же рублей в иностранную валюту не может лежать на нашей обязанности. Интересы император-

ского правительства в этом отношении вполне ограждены дальнейшим обменом писем между французским и русским министрами финансов. Рибо пошел даже далее моих пожеланий, сообщив в своем письме от 6 февраля н. ст., что часть авансов второстепенным державам, упадающая на Россию, может быть выплачена за ее счет Францией и Англией, и что со стороны французского правительства препятствий к сему не встречается. Наибольшие затраты потребует, конечно, Бельгия, кредиты коей исчислены примерно на ближайшие 6 месяцев в размере 500 м. франков или 187.500.000 рублей, что составит на долю каждой великой державы по $62^1/_2$ милл. рублей, или около 330.000 р. в день, при ежедневной себестоимости войны в 14—15 милл. руб.

Окончательный текст соглашения был подписан тремя министрами финансов 23 января (5 февраля) в следующей редакции:

«A la suite des entretiens, qui ont eu lieu entre les ministres des finances des trois pays alliés, il a été décidé:

1. Une déclaration sera communiquée à la presse pour rendre public le parfait accord des trois gouvernements et affirmer la résolution où ils sont d'unir leurs ressources financières aussi bien que leurs ressources militaires.

2. Comme première conséquence de ce qui précède la proposition sera faite aux trois gouvernements de prendre à leur charge, par portions égales, les avances faites ou à faire aux pays qui combattent avec la Triple Entente ou qui seraient disposés à entrer prochainement en campagne pour la cause commune.

Le montant de ces avances sera couvert, soit par les ressources propres des trois puissances, soit par le produit d'un emprunt à émettre en temps opportun, au nom des trois puissances.

A cet égard il est rappelé que les avances déjà consentis s'élèvent à:

Pour la Belgique: 500 millions de francs, avancés moitié par la France, moitié par l'Angleterre.

Pour la Grèce: 20 millions, avancés par la France et 1.810.000 livres sterling avancés par l'Angleterre.

Pour la Serbie: 90 millions de francs, avancés par la France, 900.000 livres sterling, avancés par l'Angleterre et 110 millions, qui sont actuellement avancés par les trois alliés.

Pour le Monténégro: 500.000 francs, avancés par la France.

Pour la Roumanie: 5 millions de livres sterling, avancés par l'Angleterre.

Les avances ainsi faites resteront en l'état jusqu'à l'émission du premier emprunt, qui servira à leur consolidation et sur le produit duquel leur remboursement sera d'abord imputé.

Par contre les nouvelles avances faites sur les ressources propres des trois pays alliés seront supportées, par tiers, par chacun d'eux.

3. A la demande de la Banque d'Angleterre, le ministre des finances de Russie, au nom de la Banque de l'Etat Russe, adhère à la combinaison

suivante, que le ministre des finances de France promet de recommander à la Banque de France.

«Si l'encaisse-or de la Banque d'Angleterre (y compris la réserve spéciale or des «Currency notes») venait au cours des prochains six mois, à diminue rde plus de dix millions sterling (c'est à dire à tomber au-dessous de quatre-vingt millions sterling) la-dite Banque aurait la faculté de demander à la Banque de France et à la Banque d'Etat de Russie qu'il lui soit avancé, par moitié par chacune des deux Banques, une somme en or effectif ne dépassant pas au total douze millions sterling.

La Banque d'Angleterre s'engagerait à rembourser effectivement l'or ainsi prêté dans un délai maximum d'un an après la cessation des hostilités.

La Banque de France se réserverait, si la Banque d'Angleterre y trouve également convenance, d'imputer sur le montant de son prêt les dollars, qu'elle posséderait en Banque aux Etats-Unis».

4. Le gouvernement anglais ne s'opposera pas à ce que les obligations à court terme, libellées en francs, que doit créer prochainement le gouvenenement français, soient introduites sur le marché de Londres.

5. Le ministre des finances de Russie a indiqué que les besoins du trésor impérial pour le service de la dette, les achats et les commandes à l'étranger s'élèvent pour 1915 à 100 millions de livres sterling.

En attendant que cette somme puisse être obtenue sur les marchés anglais et français par l'émission, sous les auspices des deux gouvernements d'Angleterre et de France, d'emprunts publics qui seraient divisés par parties égales entre les-dits marchés, il est entendu que les gouvernements Anglais et Français feront au gouvernement Russe, sur ses demandes successives, des avances directes et ce jusqu'à concurrence d'une somme de 25 millions de livres sterling (625 millions de francs) pour chacun d'eux. Le remboursement des dites avances sera imputé sur le produit des emprunts.

6. Les trois ministres sont d'accord pour estimer qu'il est de l'intérêt commun des alliés de centraliser, en ce qui concerne les fournitures de guerre, leurs commandes et leurs paiements aux Etats-Unis. A cet effet une organisation commune sera etudiée aussitôt que possible entre les trois gouvernements.

7. Le gouvernement russe convient de faciliter par tous les moyens possibles l'exportation du froment et des autres produits dont les alliés pourraient avoir besoin» [1]).

---

[1]) Перевод:

В результате переговоров, имевших место между министрами финансов трех союзных держав, было решено:

1) Передать прессе текст декларации для опубликования достигнутого тремя правительствами совершенного согласия и подтверждения принятого ими решения объединить их средства, как финансовые, так и военные.

2) В согласии с предыдущим прежде всего будет сделано представление трем правительствам о необходимости принять на себя в равных долях все авансы,

Пребывание в Лондоне.

Поездка в Лондон была предпринята мною по настоянию министра иностранных дел, который считал крайне необходимым выказать этим одинаковое внимание нашей второй союзнице. Хотя пребывание мое в Лондоне продолжалось всего два дня и не имело в виду совершения какой-либо финансовой операции, но широкий взгляд англичан на настоящие события, практическая их деловитость и полная готовность оказать нам посильное содействие дали возможность не только обменяться взглядами с наиболее влиятельными государственными деятелями и представителями делового мира, но и подписать контракт о выпуске на лондонском рынке через посредство английского банка бонов нашего казначейства на 10 миллионов фунт. ст. В силу соглашения, подписанного тремя министрами финансов в Париже, предоставление нам заграничной валюты поставлено таким образом, что как английское, так и французское правительства сами заинтересованы в том, чтобы по возможности скорее создать благоприятные условия для реализации наших займов на свободном рынке. Дело в том, что впредь до реализации таких займов оба правительства обязались предо-

---

как произведенные, так и имеющие быть отпущенными странам, сражающимся на стороне тройственного согласия, и тем, которые в дальнейшем присоединились бы к борьбе за общее дело.

3) Покрытие всей суммы этих авансов будет произведено либо из собственного наличного запаса трех союзных держав, либо из поступлений от реализации займа, имеющего быть своевременно выпущенным от имени трех держав.

В этом отношении устанавливается, что произведенные авансы достигают:

Для Бельгии: 500 миллионов франков, из коих половина отпущена Францией, половина—Англией.

Для Греции: 20 миллионов, отпущенных Францией, и 1.810.000 фунт. стерлингов, отпущенных Англией.

Для Сербии: 90 миллионов франков, отпущенных Францией, 900.000 фунтов стерлингов, отпущенных Англией, и 110 миллионов, отпускаемых в настоящее время тремя союзниками.

Для Черногории: 500.000 франков, отпущенных Францией.

Для Румынии: 5 миллионов фунтов стерлингов, отпущенных Англией.

Отпущенные таким образом суммы будут считаться авансами до выпуска первого займа, коим они обеспечены, и из поступления от реализации коего в первую очередь будет произведено погашение этих сумм.

В противоположность этому—новые авансы, отпускаемые из наличного собственного запаса трех союзных держав, будут приняты ими на себя в третьих долях каждой из них.

По представлении английского банка русский министр финансов от имени русского государственного банка присоединяется к нижеследующему положению, которое французский министр финансов имеет предложить и французскому банку:

«Если золотая наличность английского банка (включая и специальный золотой запас «текущих счетов») в течение ближайших шести месяцев уменьшится более, чем на 10 миллионов стерлингов (т.-е. упадет ниже 80 миллионов стерлингов), названный банк имеет право сделать представление французскому и русскому государственным банкам об отпуске ему аванса наличным золотом в сумме, не

ставлять нам авансы непосредственно из сумм казны, и чем скорее наступает момент реализации займов, тем скорее погашаются произведенные выдачи; если же займы, как в Лондоне, реализуются ранее выдачи авансов, то на соответственную сумму уменьшаются кассовые выдачи подлежащих казначейств.

Благодаря содействию английского банка, который взял на себя открыть в своих кассах подписку на боны казначейства, выпуск этого займа был сделан на исключительно выгодных условиях: al pari, из 5%, т.-е. по той же цене, по которой были выпущены в Лондоне 5% боны французского казначейства, с уплатой комиссии в ¼% английскому банку, ¼% нашему банкиру Бэрингу, с коим был заключен контракт, ⅛% куртажа и расходов на гербовый сбор и печатание бонов.

Всего расходы составили менее 1%, тогда как обычно одна банкирская комиссия составляет по внутренним займам 2%, а по заграничным эта комиссия превышала иногда 4%.

В Лондоне посол гр. Бенкендорф просил меня побывать у лорда Китченера, который выразил желание переговорить со мною и в довольно продолжительной беседе несколько раз возвращался к вопросу о том, что великобританское правительство готово оказать во всем содействие императорскому правительству, в частности военное министер-

---

превыщающей 12 миллионов стерлингов, с уплатой таковой суммы обоими банками в равных долях.

Английский банк обязуется возместить отпущенное ему таким образом золото не позднее, чем по истечении одного года со времени прекращения военных действий.

Французский банк, в случае если английский банк сочтет это для себя приемлемым, оставляет за собой право произвести покрытие своего займа долларами, коими он располагает в банке Соединенных Штатов».

4) Английское правительство не будет препятствовать допущению на Лондонский рынок имеющих быть выпущенными французским правительством в ближайшем будущем краткосрочных обязательств во франках.

5) Русский министр финансов указал, что потребности русского государственного казначейства для производства платежей по займам и для закупок и заказов за границей достигают на 1915 год 100 миллионов фунтов стерлингов. В ожидании реализации этой суммы на английском и французском рынках путем выпуска государственных займов под гарантией двух правительств, английского и французского, и с распределением этих займов в равных долях между указанными рынками, английское и французское правительства обязуются отпускать русскому правительству по представлениям последнего авансы в размере до 25 миллионов фунтов стерлингов со стороны каждого из них. Погашение этих авансов будет отнесено на счет поступлений от реализации займа.

6) Три названных министра признали желательным в интересах общего дела союзников централизовать заказы и платежи Соединенным Штатам, относящиеся к предметам военного снабжения.

С этой целью при первой же возможности тремя правительствами будет рассмотрен вопрос об общей организации.

7) Русское правительство обещает всеми возможными средствами облегчить вывоз пшеницы и других продуктов, в коих могли бы нуждаться союзники.

ство желало бы установить полную координацию военных действий союзников. По мнению лорда Китченера, можно было бы достигнуть огромных результатов не только силою оружия, но также в смысле деморализации неприятеля планомерностью наступления, которое могло бы начинаться на всех фронтах в один и тот же день и в один и тот же час и точно так же одновременно останавливаться. Такая координация в действиях союзников внесла бы большое замешательство в ряды германцев и австрийцев. Что же касается наших военных заказов, то лорд Китченер выразил полную готовность исполнить все, что в силах Англии,—просил только не обращаться к частным посредникам, а прямо к великобританскому правительству и прибавил, что он сам будет считать себя комиссионером императорского правительства.

Министр финансов (подпись).

2.

О финансовых соглашениях, заключенных с английским и французским министрами финансов и с управляющим английским банком.

При переговорах с великобританским и французским правительствами предстояло осуществить программу, намеченную комитетом финансов в заседании 23 августа сего года, в коей было постановлено для осуществления намеченной Францией и Англией кредитной операции в Америке согласиться на высылку за границу золота, в равных с нашими союзниками долях, на сумму, не превышающую 40 милл. фунт. стерл., при условии открытия нам кредитов в размере 400 милл. фунт. стерл., из коих 100 милл. фунт. стерл.—для обеспечения дальнейших выпусков кредитных билетов, и 300 милл. фунт. стерл.—на производство предстоящих нам за границею в течение года платежей [1]).

Таким образом, надлежало обеспечить государственному казначейству кредиты, необходимые для оплаты процентов и погашения по заграничным займам и для уплаты денег по заграничным заказам, вызываемым военными нуждами, в течение 1915 и 1916 г.г., на общую сумму около 3 миллиардов (300 милл. фунт. стерл.), при чем в составе этой суммы значилось предполагаемых заказов на 357,8 миллионов рублей и платежей, переходящих на 1917 год, 78 миллионов рублей; потребностей же, действительно подлежавших удовлетворению в 1915

[1]) Пометка синим карандашом рукою Николая II: *Нахожу, что переговорами вашими вы достигли весьма крупного результата для русского кредита.*

Рукою министра финансов П. Барка: «Собственною его императорского величества рукою начертано: «Нахожу, что переговорами вашими вы достигли весьма крупного результата для русского кредита». В Царской Ставке, 9 октября 1915 г. Министр финансов *Петр Барк*».

и 1916 годах, выяснилось ко времени поездки министра финансов всего на сумму 2.779,6 миллионов рублей.

При переговорах особенную трудность представляли платежи в Америке, так как смешанная англо-французская финансовая комиссия, посланная для заключения крупного займа в Северо-Американские Соединенные Штаты, еще не закончила своих трудов, но уже выяснила, что на особенно крупную финансовую операцию в Америке рассчитывать не приходится. Наибольшая сумма займа, о коей можно было говорить с американскими банкирами, и на условиях, не особенно выгодных для англо-французского кредита (около 6%), не превышала 100 миллионов фунтов стерлингов, между тем, одни только русские заказы, по тем данным, которые определились ко времени приезда министра финансов в Лондон, в два с половиною раза превосходили эту сумму.

Ввиду дополнительных сведений, полученных мною в пути, я решил выделить из общей суммы в 300 миллионов фунтов стерлингов кредиты, необходимые для Франции, несколько повысив их сумму— до 1½ миллиардов франков (562½ милл. руб. вместо 531,7 милл. руб.), оставив, вместе с тем, для Англии общий итог в 300 миллионов рублей.

Кроме того, вследствие чрезвычайно быстрого истощения эмиссионного права государственного банка мною было решено увеличить вдвое, со 100 миллионов фунтов стерлингов до 200 миллионов фунтов стерлингов, заграничный кредит, необходимый для пополнения счета сумм за границей государственного банка.

Переговоры с министром финансов Мак-Кенна по целому ряду причин были гораздо труднее и сложнее, чем в январе 1915 года с бывшим министром финансов Ллойд-Джорджем. На трудность предстоявших переговоров указывал и наш посол в Лондоне, граф Бенкендорф, в своей телеграмме, переданной мне министром иностранных дел в день моего выезда из Петрограда. По мнению графа Бенкендорфа, предполагавшаяся нами операция представлялась при современных условиях в общем невыполнимою. И действительно, многие заявленные Мак-Кенна в самом начале переговоров положения были для нас неприемлемы. Сущность этих положений заключалась в следующем:

1) открытие кредитов связывалось непосредственно с обязательной высылкой золота;

2) золото должно было итти на покрытие наших заграничных платежей, сокращая на соответственную сумму необходимые кредиты и составляя для нас прямой расход, т.-е. утрату желтого металла и соответственное сокращение эмиссионного права государственного банка;

3) открытие кредитов рассчитывалось не более, чем на 6 месяцев;

4) открытие кредита для обеспечения выпуска кредитных билетов принципиально отвергалось.

Таким образом, коренные разногласия в цифрах сводились к следующему: вместо пяти миллиардов рублей, необходимых нам для производства платежей за границею и увеличения заграничной наличности, служащей обеспечением выпуска кредитных билетов, нам предлагали всего 1.100 миллионов рублей, при условии безотлагательной, в течение месяца, высылки золота на 400 миллионов рублей, которое должно было итти на уплату наших расходов.

После долгих и чрезвычайно упорных переговоров удалось отстоять принципиальные требования и заключить соглашение, основные положения коего следующие: 1) необходимые нам кредиты, намеченные комитетом финансов, не только не сокращены, но увеличены на один миллиард рублей для обеспечения выпуска кредитных билетов; 2) высылка золота обусловлена не в соответствии с кредитами, а в виде самостоятельной операции и для надобности американского рынка, при чем золото посылается в Америку по мере действительной надобности в равных частях с Францией и Англией; 3) в отличие от соглашения с Францией русское золото дается только на время, оно покупается от нас Англией в обмен на ее обязательства, которые подлежат оплате золотом в течение 5 лет, независимо от того, будут ли к тому времени погашены наши долги, или нет; таким образом высылка золота не сокращает нашего обеспечения кредитных билетов в золоте, так как оно заменяется английскими обязательствами, подлежащими оплате золотом; 4) потребности торговли и промышленности в валюте могут быть удовлетворены согласно существующему современному порядку, если таковые находятся в связи с военными нуждами и подтверждены соответствующими удостоверениями военного ведомства; 5) для упорядочения в будущем американских заказов, насколько таковые оплачиваются за счет английских кредитов, новые заказы имеют быть передаваемы в Америку при непременном предварительном осведомлении представителей русского военного министерства в Англии; 6) английский банк берет на себя возобновить выпущенные в феврале сего года на лондонском рынке обязательства государственного казначейства, срок коих истекает в феврале будущего года.

По отношению к высылке золота надлежит отметить, что таковая была обусловлена необходимостью располагать достаточными средствами для давления на американский рынок в видах заключения там крупной финансовой операции. По этому предмету состоялось соглашение в Булони между французским и английским министрами финансов, к коему, по постановлению комитета финансов, примкнуло и русское правительство. По сравнению, однако, с обязательствами французского и английского министров финансов русскому министру финансов удалось выговорить следующие особые условия: 1) равноценная сумма золота (40 милл. фунт. стерлингов) высылается Россией только при обеспечении всех необходимых в течение предстоящих 12 месяцев заграничных кредитов; 2) золото высылается в виде временной ссуды, в обмен на обязательства английского правительства, подле-

жащие постепенному, в течение 5 лет, погашению с уплатою по ним золотом.

Высылка золота на приведенных условиях не может почитаться сколько-нибудь угрожающею прочности нашего денежного обращения. При прекращении размена, тот или другой размер золотых запасов в натуре в кладовых государственного банка не имеет ныне существенного значения. Когда же, с наступлением после войны нормального течения хозяйственной жизни государства, окажется возможным рассчитывать на возобновление размена кредитных билетов на золото,—уступленная государственным банком в качестве временной ссуды сумма золота опять вернется в его распоряжение, так как не позднее пятилетнего срока английское правительство обязалось оплатить золотом все выданные им при получении ссуды обязательства.

При начертании той статьи соглашения, которая предусматривает открытие в Англии кредита в 200 миллионов фунтов стерлингов для обеспечения выпуска наших кредитных билетов, со стороны управляющего английским банком сделано было заявление, что выдаваемые в связи с этою операциею обязательства нашего государственного казначейства должны приносить обычный процент. Однако путем настойчивого убеждения русскому министру финансов удалось обусловить выпуск означенных обязательств без процентов. Благодаря этому русская казна избавилась от дополнительного расхода в сумме свыше 100 миллионов рублей ежегодно впредь до погашения соответствующих обязательств.

В особом приложении намечен порядок предварительного рассмотрения заказов, вызываемых военными нуждами и передаваемых в Америку; порядок этот предположен по соглашению с представителями наших военного и морского министерств, находящимися в Англии и знакомыми также с американскими условиями. Вопрос о планомерном производстве союзниками заказов в Америке был уже предметом обсуждения во время первой конференции трех министров финансов в Париже в январе месяце 1915 года. Он был поднят Ллойд-Джорджем, который указывал на то, что несогласованное выступление союзников на американском рынке в качестве покупателей военного снаряжения и снабжения ведет в лучшем случае к чрезвычайному повышению цен вследствие конкуренции разрозненных покупателей, зачастую же приводит к непроизводительной уплате крупных авансов фирмам, совершенно не оборудованным или недостаточно оборудованным, которые не в состоянии сдать заказанные предметы. Тогда же Ллойд-Джордж предложил сосредоточить все заказы союзников в руках американской финансовой фирмы Моргана, с коей английское правительство уже заключило соответственное соглашение. Предложение Ллойд-Джорджа было одобрено и получило выражение в следующем постановлении:

«Les trois Ministres sont d'accord pour estimer qu'il est de l'intérêt commun des alliés de centraliser, en ce qui concerne les fournitures de

guerre, leurs commandes et leurs paiements aux Etats-Unis. A cet effet une organisation commune sera étudiée aussitôt que possible entre les trois Gouvernements» [1]).

Однако в дальнейшем только французское военное министерство примкнуло к постановке, предложенной англичанами,—отозвало свою специальную военную комиссию из Америки и воспользовалось услугами фирмы Моргана, заключив с нею соглашение по образцу английского, русское же военное министерство продолжало передавать заказы в Америку без всякого соглашения с союзниками.

Ныне как Мак-Кенна, так и лорд Китченер, не настаивая на непременном использовании фирмы Моргана, тем не менее, указывали на безусловную необходимость, в видах соблюдения общих интересов союзников, планомерной и согласованной передачи в Америку всех заказов, вызываемых военными нуждами.

Что касается наших военных заказов, исполняемых в Англии, то в этом отношении являлось бы также предпочтительным действовать через наших официальных военных представителей в Лондоне в согласии с английским правительством и не заключать контрактов через частных посредников, так как вывоз предметов военного снаряжения и снабжения не может иметь места без разрешения английского правительства.

Тот же вопрос о военных заказах во Франции был затронут французским министром финансов Рибо и нашел себе выражение в следующем постановлении:

«Le Ministre des Finances de Russie et le Ministre des Finances de France sont d'accord pour reconnaître qu'il est de l'intérêt des deux pays que les achats et commandes des munitions et de materiel de guerre ne soient faits qu'après entente avec le Ministère de la Guerre français, de manière à assurer au Gouvernement russe les prix les plus favorables et à empêcher une concurrence qui ne peut qu'être préjudiciable à la France aussi bien qu'à la Russie. Cette question fera l'objet d'un accord particulier entre le Ministre de la Guerre de France et le Ministre de la Guerre de Russie» [2]).

Независимо от соглашения с английским министерством финансов, состоялось соглашение между английским банком и мною по двум вопросам: 1) обеспечен новый выпуск обязательств государ-

---

[1]) Перевод:

Три названных министра признали желательным в интересах общего дела союзников централизовать поставки, заказы и платежи Соединенным Штатам, относящиеся к предметам военного снабжения. Соответствующая организация в возможно более скором времени будет предметом обсуждения трех правительств.

[2]) Перевод:

Русский и французский министры финансов признали желательным в интересах обеих держав, чтобы закупки и заказы по военному снаряжению не производились иначе, как по соглашению с французским военным министерством в целях

ственного казначейства на 100 миллионов рублей (10 милл. фунт. стерлингов) для погашения обязательств на равную сумму, срочных 20 февраля н. ст. 1916 года; 2) обеспечен кредит в английском банке с гарантией русского правительства для учета векселей русских банков на английские кредитные учреждения, в целях поддержания курса рубля на иностранную валюту.

По последнему вопросу последовал обмен писем между лордом Кечлиффом, управляющим английским банком, и мною с изложением главных оснований намеченной операции; что же касается до ее размеров и подробностей, то таковые должны выясниться на практике, и если размеры ее определятся в полном соответствии с действительными потребностями нашей торговли и промышленности, поскольку таковые не удовлетворяются другим путем, то соглашение с английским банком может принести большую пользу в деле поддержания устойчивости курса рубля на иностранную валюту.

Во Франции, в переговорах с Рибо и управляющим Banque de France Pallain, был также затронут вопрос об аналогичном соглашении с Banque de France и намечен известный план, который, однако, встретил категорические возражения с их стороны. Тем не менее, мысль эта не оставлена, и после подготовки почвы у заинтересованных кругов и лиц, имеющих влияние на решения совета Banque de France, я заручился согласием Pallain, что дело это будет поставлено на очередь агентом министерства финансов в Париже, т.-е. Рафаловичем, после выпуска французским правительством в ближайшем будущем первого внутреннего займа.

При заключении соглашения с французским министром финансов были приняты во внимание пожелания французского правительства относительно ограждения интересов держателей русских бумаг, утраченных или украденных во время войны, учреждения русских таможен во Франции и сбыта французских вин в России. Эти пожелания приведены в особом приложении и редактированы в очень осторожной форме, не связывающей русского правительства.

По сравнению с предположениями комитета финансов, преподанными к руководству министру финансов в заседании 23 августа сего года с предоставлением министру финансов права, в зависимости от обстоятельств, пойти на уступки, соглашения, достигнутые в Лондоне и Париже, представляют нижеследующие изменения: 1) кредиты, необходимые для производства заграничных платежей, намеченные в 3 миллиарда рублей (300 милл. фунт. стерл.), увеличены на 562½ милл. руб. (1,5 миллиарда франк.), составляющих предмет особого соглашения с французским министром финансов Рибо; 2) кредит, необходимый для увеличения заграничной наличности, обеспечиваю-

---

обеспечения русскому правительству наиболее благоприятных цен и во избежание конкуренции, в равной степени вредной как для России, так и для Франции.

Вопрос этот послужит предметом особого соглашения между французским и русским военными министрами.

щей выпуск кредитных билетов, увеличен вдвое, с 1 миллиарда до 2 миллиардов рублей; 3) ныне же обеспечено возобновление обязательств государственного казначейства на 100 милл. руб. (10 милл. фунт. стерл.), помещенных на свободном рынке, срок коим наступает 20 февраля н. ст. 1916 года; 4) заключено особое соглашение с английским банком для учета векселей русских банков на английские кредитные учреждения, в целях поддержания устойчивости курса рубля на иностранную валюту и 5) подготовлена почва для заключения подобного же соглашения с Banque de France в Париже.

Министр финансов *Петр Барк.*

3.

М. Ф.
Общая канцелярия министра финансов
№ 1982.

О переговорах министра финансов в Париже и Лондоне в июне и июле 1916 года.

По инициативе французского министра финансов Рибо должна была состояться в конце мая в Париже конференция четырех министров финансов союзных держав: Великобритании, Италии, Франции и России, для обсуждения главным образом вопроса о способах расплат по заказам, помещаемым союзниками в нейтральных странах и в частности в Америке. Время созыва конференции несколько раз изменялось и было, наконец, назначено на середину июня. При проезде моем через Лондон выяснилось, однако, что политические обстоятельства несколько задерживают выезд из Англии канцлера казначейства, который вместо 16/29 июня полагал прибыть в Париж 20 июня (3 июля). Не желая терять даром времени, я решил воспользоваться несколькими днями в Париже, чтобы договориться с министром финансов Рибо относительно возобновления наших военных кредитов во Франции после 1 октября н. ст. 1916 г., и по приезде в Париж немедленно приступил к обмену мнений с ним по этому предмету [1]). При этом, имея в виду потребности нашего торгового оборота с Францией, а равно потребности русских торгово-промышленных и банковых предприятий, поместивших свои акции и облигации во Франции, в необходимых средствах по оплате обязательств во Франции, я поднял вопрос об увеличении ежемесячного кредита с 125 до 150 миллионов франков. По докладе сего дела в совете министров,

---

[1]) Пометка синим карандашом рукою Николая II: *Благодарю министра финансов за проявленные знание дела и стойкость.*

Рукой мин. фин. П. Барка: „Собственною его императорского величества рукою начертано: «Благодарю министра финансов за проявленные знание дела и стойкость». В Царской Ставке, 6 августа 1916 года. П. Барк".

г. Рибо мне ответил, что французское правительство готово войти в обсуждение вопроса об увеличении кредитов на надобности, связанные с торгово-промышленным оборотом, с тем, чтобы половина всей задолженности императорского правительства, которая окажется ко времени заключения мира, была оплачена русскими товарами (хлебом, лесом, спиртом), которые имеют быть закуплены русским правительством как во время войны, так и по заключении мира и доставлены французскому правительству.

Эти условия были отвергнуты мною в самой категорической форме как в переговорах с г. Рибо, так и в беседе с президентом французской республики, которые оба пытались меня убедить в полной приемлемости для нас сделанного предложения, поясняя, что это чрезвычайно удобный способ взаимных расчетов, и ссылаясь на то, что в прежних соглашениях о наших военных кредитах было предусмотрено, что оба правительства обязуются производить платежи в своей стране одно за счет другого, с тем, чтобы эти платежи за сим компенсировались по курсу дня взаимного расчета.

Мои возражения сводились к следующим основным положениям:

1. Императорское правительство пользовалось заграничным кредитом исключительно под гарантию своей подписи, всегда выполняло свои обязательства и никогда не давало никаких дополнительных гарантий; приобретение же товаров впрок и хранение их впредь до высылки во Францию, на предмет оплаты половины задолженности, явится дополнительной гарантией по открываемым кредитам, на каковое условие императорское правительство согласиться не может.

2. Вывоз товаров для продажи их на заграничных рынках явится для нас по окончании войны единственным нормальным средством для восстановления курса нашего рубля. Хлеб, лес, спирт и другие товары являются для нас равноценными золоту, так как за них нам будут платить золотой валютой; если же мы теперь возьмем на себя обязательство поставлять по заключении мира огромное количество товаров не за наличный расчет, а в уплату по нашей задолженности, то мы на много лет лишаем себя всякой возможности восстановить нормальную стоимость нашей денежной единицы и наносим непоправимый ущерб нашему денежному обращению.

3. Предшествовавшие соглашения о военных кредитах, действительно, предусматривали взаимные платежи союзных правительств, но только на время войны, а не по заключении мира, при чем совершенно не имелось в виду заготовлять запасы товаров впрок. Во исполнение этих соглашений императорское правительство поставляет французскому правительству хлеб и спирт и теперь взяло на себя продолжение некоторых поставок во время настоящей навигации. Что же касается до консолидации наших краткосрочных кредитов во Франции, то всегда предусматривалось, что такая консолидация должна последовать путем долгосрочного займа, о чем специально

упомянуто как в первом соглашении трех министров финансов 23 января (5 февраля) 1915 года, так и во втором соглашении двух министров финансов 21 сентября (4 октября) 1915 года.

Твердая определенность моих заявлений побудила совет министров французской республики отказаться от выставленных условий ликвидации нашей задолженности, при чем г. Рибо мне пояснил, что хотя предположенное мною увеличение кредитов, несомненно, имеет в виду интересы также французских граждан, как это было мною указано, но что, ввиду исключительных обстоятельств военного времени и связанного с ним тяжелого положения французского казначейства, частные интересы должны быть принесены в жертву общегосударственным потребностям, и посему он не считает себя обязанным приходить на помощь частным лицам и учреждениям.—Не вдаваясь в дальнейшую полемику, я, тем не менее, не мог скрыть от г. Рибо, что такая точка зрения, высказываемая им немедленно вслед за экономической конференцией, где была провозглашена общность экономических интересов союзников и желательность немедленного установления тесных торговых отношений, является не вполне логичной. С своей стороны, г. Рибо выступил с предложением реализовать на свободном рынке трехлетние обязательства русского государственного казначейства. Побудительные причины такого предложения были следующие:

1. Г. Рибо не решался приступить к крупной французской кредитной операции на свободном рынке, не будучи уверен в ее успехе, между тем возможный неуспех русской операции его не особенно заботил. 2. Banque de France неоднократно настаивал перед г. Рибо на известной ликвидации задолженности французского казначейства перед банком, поступления же по русским bons de Trésor, которые, по мысли г. Рибо, должны были итти полностью на погашение наших позаимствований у французской казны, облегчили бы положение Banque de France; 3) наконец, взносы по русским bons de Trésor являлись бы способом извлечения французских банкнот из обращения, усиленные выпуски коих тревожат г. Рибо.

С точки зрения наших интересов, краткосрочный заем на свободном рынке в настоящее время представлялся невыгодным; мы могли ны поместить наши bons de Trésor из действительного процента не ниже $6^1/_2{}^0/_0$, а может быть и дороже, тогда как позаимствования у французской казны обходятся нам, при учете, около $5^1/_4{}^0/_0$; консолидаци я предлагалась на очень короткий, трехгодичный, срок и по его истечении требовала бы дальнейших забот о новой кредитной операции. Поэтому предложение г. Рибо могло представить для нас известный интерес только при двух условиях, а именно: 1) если бы сумма займа была достаточно велика для образования из выручки известного остатка, который был бы в нашем свободном распоряжении, 2) если бы срок займа был удлинен. Ввиду сего я изъявил согласие на выпуск bons de Trésor сроком не короче 5 лет на сумму 2 мил-

лиарда франков, с тем, чтобы 1.600 милл. франков были предназначены на погашение нашей задолженности и 400 миллионов были предоставлены в наше свободное распоряжение. Из дальнейших переговоров с г. Рибо и бесед с разными финансовыми деятелями выяснилось, однако, что мысль о реализации на свободном рынке русского займа была внушена г. Рибо частными банками, которые рассчитывали заработать на этой операции, но что в среде правительства, в палате, а также в Banque de France господствует убеждение, что на свободном рынке прежде всего должен быть реализован национальный, французский заем, в особенности ввиду успешных военных событий, всякие же кредитные операции на французском рынке союзников могут лишь следовать за выпуском национального займа. Ввиду такого настроения можно было вперед сказать, что переговоры о русском займе не могут принять конкретной формы, и хотя таковые и продолжались между г. Рибо и мною, но г. Рибо ни разу не совещался по этому предмету с банковыми кругами, и вопрос остался в области обмена мыслей. Результаты переговоров двух министров финансов изложены в препровожденной при письме г. Рибо от 8 июля н. ст. 1916 года ноте, заключающей в себе суждения французского совета министров о кредитах, открываемых нам во Франции. В этой ноте имеются указания, что французское правительство не встречает препятствий к тому, чтобы ежемесячные кредиты, определенные ныне в 125 милл. фр. и далеко нами не использованные, были повышены, если бы г. Тома, заведующий всем делом снабжения, признал возможным увеличить количество предметов, изготовляемых во Франции для нужд русской армии.

Во время переговоров с г. Рибо выяснилось, что конференция четырех министров финансов не может состояться в Париже вследствие кабинетного кризиса в Англии, вызванного осложнениями в Ирландии и лишающего канцлера казначейства возможности покинуть Лондон. Ввиду сего министры финансов получили приглашение собраться в Лондоне, где, наконец, и состоялась конференция, в составе министров финансов Англии, Италии, Франции и России и при участии генерала Беляева и г. Тома. Конференция продолжалась всего два дня и не привела ни к каким определенным результатам. Главная забота г. Рибо заключалась в возможности для союзников обеспечить платежи в Америке по огромным заказам и поставкам, и его мысль сводилась к необходимости создать общую организацию для планомерного объединения всего дела производства заказов, закупок и расчетов. Выработанный по этому плану проект г. Тома был, однако, категорически отвергнут великобританским правительством, несмотря на то, что в первом заседании канцлер казначейства не представил принципиальных возражений против основной мысли г. Рибо. Конференция закончилась, как многие конференции, обменом любезностей и кратким протоколом, в коем изложено скромное постановление об образовании в Лондоне особой комиссии из-

представителей четырех союзных держав для взаимного осведомления о наиболее крупных заказах и покупках в нейтральных странах.

По окончании работ конференции наступило самое тяжелое для министра финансов и генерала Беляева время сложных и длительных переговоров с канцлером казначейства об обеспечении надлежащих заграничных кредитов для нужд нашей армии. В среде великобританского правительства в этом деле определились совершенно отчетливо два противоположных течения. Военное министерство, во главе с Ллойд-Джорджем, и министерство снабжений, созданное также Ллойд-Джорджем и сохранившее все его методы и приемы, с полною искренностью и убежденностью стояли на том, чтобы удовлетворить в возможно широких размерах наши военные потребности; канцлер же казначейства Мак-Кенна, примыкая на словах к взгляду о необходимости полного военного снабжения союзников и прежде всего России, не считаясь с финансовыми жертвами, на деле прибегал ко всевозможным ухищрениям, чтобы поставить преграды нашим военным расходам за границею, опираясь, между прочим, на поддержку лорда Керзона, заведующего торговым мореплаванием. По настоянию представителей императорского правительства, в протокол финансового соглашения включено суждение о том, что для обеспечения окончательной победы над врагом признано необходимым обеспечить все потребности русской армии и поднять ее снабжение до надлежащего уровня.

Открывая заседание конференции четырех министров финансов, Мак-Кенна пояснил, что общая задача всех союзников состоит в том, чтобы предоставить все имеющиеся у них средства на нужды войны, но прибавил, что приходится считаться с естественными пределами в деле военного снабжения, а именно:

1) с емкостью американского промышленного рынка, 2) с находящимися в распоряжении союзников средствами перевозки, главным образом с тоннажем судов, 3) с фактическою возможностью для англичан находить способы расплаты в Америке за покупки и заказы союзников. При этом Мак-Кенна указал, что ввиду предстоящих президентских выборов в Америке нет возможности рассчитывать там на совершение крупной кредитной операции в ближайшее время и посему до конца года остается расплачиваться только теми средствами, которые ныне находятся в распоряжении Англии, а это обстоятельство, в свою очередь, побуждает его ограничивать принимаемые на английское казначейство денежные обязательства за счет союзников непродолжительным сроком, не выходящим за пределы 1 января 1917 года.

Вместе с тем, по его мнению, все военные заказы должны быть выдаваемы с таким расчетом, чтобы поставка их в действующие армии могла быть закончена до 1 июля 1917 года. В дальнейших переговорах с министром финансов и генералом Беляевым Мак-Кенна пытался

доказать, что приемная способность наших портов и провозоспособность наших путей сообщений не обеспечивают доставки всего количества грузов, подлежащих заказу в счет новых кредитов, засим приводил цифры тоннажа, остающегося в распоряжении английского правительства, далеко недостаточного для перевозки предстоящих заказов и покупок, перечислял цифры, свидетельствовавшие о загруженности американского промышленного рынка, неспособного справиться с новыми крупными заказами, и, наконец, указывал на недостаточность платежных средств, коими английское казначейство может располагать в Америке [1]). Канцлер казначейства все свои рассуждения приурочивал к американскому рынку, поясняя, что даже при исполнении заказов в самой Англии казначейство оплачивает в пределах страны только стоимость рабочего труда, что же касается сырых продуктов, материалов и предметов продовольствия, то все эти товары являются привозными, и казначейство должно за них расплачиваться, главным образом в Америке.

Министр финансов и генерал Беляев поставили себе следующие задачи при ведении переговоров с канцлером казначейства: а) в области военной: 1) опровержение данных о затруднительности своевременной перевозки предстоящих военных заказов и покупок, 2) обеспечение достаточных кредитов для производства необходимых планомерных заказов, 3) получение права немедленной передачи крупных заказов, а не распределения их по месяцам в соответствии с ассигнуемыми кредитами, 4) передача заказов с таким расчетом, чтобы поставка была обеспечена по срок 1 июля 1917 года, но не в действующей армии, а в месте производства заказа, т.-е. главным образом в Америке, и с тем, чтобы в особых случаях допускались исключения в смысле превышения этого срока по взаимному согласию обоих правительств, 5) поставка тяжелой артиллерии из английских запасов с в е р х ассигнуемых кредитов; б) в области финансовой: 1) побуждение английского казначейства уделить часть кредитов на поддержание курса рубля, 2) облегчение формальностей при платежах за покупки и заказы ниже 5.000 ф. ст., 3) возобновление на новый срок, по окончании войны, срочных обязательств государственного казначейства, 4) указание на необходимость по окончании войны консолидации краткосрочных обязательств государственного казначейства, 5) установление надлежащего процента, платимого по этим обязательствам.

---

[1]) По словам канцлера казначейства, английское правительство могло бы располагать свободными судами, вместимостью не более 500.000 тонн, между тем исчисленные министерством снабжения русские военные заказы на $78^1/_2$ милл. ф. ст. превышают 1 миллион тонн. До войны заказы на сталь в Америке составляли 4 миллиона тонн, ныне таковые составляют уже 9 миллионов тонн. За счет всех союзников английскому казначейству приходится уплачивать в Америке не менее 200 милл. долларов в месяц, что составит по этому расчету свыше 1 миллиарда долларов до 1 января 1917 года.

Обстановка, в коей происходили переговоры, была чрезвычайно неблагоприятна. Великобританское правительство было занято улажением ирландского кризиса, и канцлер казначейства должен был делить время между нашими совещаниями, срочными заседаниями кабинета и парламентом, где на его долю выпадало защищать финансовый билль о некоторых новых налогах, а равно представление о новых военных кредитах, при чем выступления его в палате встречались недружелюбно ввиду недоразумений, возникших вследствие его не вполне понятных объяснений о размерах предстоявших расходов. С своей стороны, премьер Асквит должен был защищаться от нападок прежних членов правительства как по ирландским делам, так и по неудачным военным экспедициям в Дарданеллах и в Месопотамии, по коим палата требовала особого расследования и привлечения виновных к ответственности. Ввиду этих обстоятельств наши заседания не могли происходить беспрерывно, отменялись, задерживались, нервное настроение членов английского правительства сказывалось на ведении переговоров,—решенные уже вопросы подвергались новому пересмотру, изложение принятых решений запаздывало и т. п. Тем не менее, твердая, но вместе с тем спокойная настойчивость, которую представители императорского правительства стремились проявить, повидимому, заставила англичан пойти на огромные уступки против первоначально намеченного ими плана, и соглашение было достигнуто по всем важным вопросам, кроме одного, а именно, поставленного англичанами условия о новой высылке золота, притом в удвоенном против прежнего соглашения размере. Генералу Беляеву, благодаря имевшимся в его распоряжении данным, легко было опровергнуть доводы канцлера казначейства о недостаточной, будто бы, приемной способности наших портов, недостаточной провозоспособности наших путей сообщения, а также недостатке в тоннаже судов. Представленные по сему предмету цифровые сведения побудили канцлера казначейства в дальнейших прениях к этому вопросу более не возвращаться. Гораздо труднее было добиться удлинения сроков кредитов, с соответственным их увеличением, и назначения срока поставок 1 июля 1917 года не в действующей армии, а в месте исполнения заказов,—таковое условие давало возможность использовать всю будущую навигацию 1917 года. Помимо настойчивых объяснений, при переговорах с канцлером казначейства пришлось оказывать давление иным путем,—через других членов кабинета, через посредство нашего посла, который был в постоянных сношениях с министерством иностранных дел и с премьером, а также путем частных бесед с влиятельными деятелями в военном министерстве и министерстве снабжения.

После длительных переговоров и настояний удалось, наконец, добиться этих уступок, равно как и обусловить, что заказы имеют быть выдаваемы на крупные суммы немедленно по заключении соглашения и вне зависимости от размеров месячных кредитов в 25 милл. ф. ст., а именно, в течение августа и сентября 1916 года могут быть

помещены заказы на семьдесят пять миллионов ф. ст. и в течение октября и ноября 1916 года по 37½ милл. ф. ст. в месяц. Общие кредиты были определены в 150 милл. ф. ст. на полгода, считая с 1 октября 1916 года по 1 апреля 1917 года. Кроме того, было выговорено, что тяжелая артиллерия, которая может быть поставлена министерством снабжения, должна быть оплачена особо, без отнесения ее стоимости на кредиты в 150 милл. ф. ст.

В области чисто финансовой в числе вопросов, по коим было достигнуто соглашение, наибольшие затруднения представил вопрос об ассигновании особых кредитов для поддержания курса рубля на рынке. Основная точка зрения как Рибо, так и Мак-Кенна заключалась в том, что кредиты, открываемые их правительствами, могут быть предназначены только на удовлетворение нужд, связанных с военною обороною, а также на платежи по нашим заграничным займам, все же остальные международные расчеты должны производиться вне правительственных кредитов, и если требуются суммы для поддержания курса рубля, то таковые должны быть получаемы путем особого соглашения между эмиссионными банками. Необходимо было заставить канцлера казначейства отказаться от этой принципиальной точки зрения, которая вполне разделялась также управляющим Bank of England лордом Cunliffe'ом и находила в нем убежденного защитника. По этому предмету пришлось вести очень тяжелые переговоры с канцлером казначейства и продолжительные беседы с лордом Cunliffe'ом и отдельными членами кабинета. В результате удалось добиться согласия канцлера казначейства на ассигнование ежемесячного кредита в 1½ миллиона ф. ст., предназначенного специально на поддержание курса рубля. Это условие явилось огромною принципиальною уступкою со стороны канцлера казначейства и имеет очень большое значение для устойчивости нашего денежного обращения. Кредиты, коими министерство финансов располагало путем особых соглашений с Banque de France и Bank of England, открывались с большими запозданиями и были недостаточными для того, чтобы сосредоточить с успехом все валютное дело в руках министерства финансов, и только содействие английского казначейства могло бы облегчить весьма тяжелую и сложную задачу министерства финансов по поддержанию в пределах возможности устойчивости нашего рубля на время военных действий, когда естественный регулятор нашего курса — экспорт наших товаров в нормальных размерах — отсутствует. Кроме того, удалось повысить совершенно свободный кредит, находящийся в нашем распоряжении на покупку различных товаров, с 2 милл. ф. ст. до 2½ милл. ф. ст. в месяц, что, в свою очередь, должно несколько облегчить производство курсовых операций. Уступки по другим вопросам, имеющим также серьезное, но все же второстепенное значение по сравнению с курсовым делом, были достигнуты гораздо легче. Ныне обусловлено, что платежи по заказам и поставкам менее 5.000 ф. ст. могут быть производимы без предварительного

сношения с казначейством. Засим указано, что все обязательства государственного казначейства, коим наступает срок платежа, возобновляются на новый срок, на один год после заключения мира, при чем оговорено, что наш краткосрочный долг имеет быть консолидирован путем займа на английском рынке при содействии великобританского правительства. Эту оговорку я признавал весьма важным включить ныне же для предупреждения каких бы то ни было попыток со стороны великобританского правительства предъявлять нам в будущем особые условия для погашения нашей задолженности, путем ли поставки товаров, по примеру французов, зачета причитающегося с них золота и т. п.

Наконец, представлялось весьма существенным договориться о разумном размере процента, уплачиваемого нами по учитываемым обязательствам государственного казначейства. В прежнем соглашении размер был определен на один процент выше дисконта Bank of England, что является нормальным условием банковых кредитов. Министерство финансов было, однако, заинтересовано в некотором изменении этого условия на случай повышения учетной ставки Bank of England, что именно произошло во время наших переговоров, когда ставка Bank of England была повышена с 5% до 6%. По прежнему соглашению автоматически повышался и процент по нашим обязательствам, который, таким образом, должен был составить 7%. Этот размер был признан мною несоответственным, и посему, после некоторых настояний и вопреки мнению лорда Cunliffe'a, канцлер казначейства согласился на то, чтобы министерство финансов уплачивало проценты в размере ставки Bank of England, если бы таковая была повышена сверх 5%. Таким образом, процент, платимый нами теперь по нашей задолженности, не повышен и составляет попрежнему 6%, несмотря на изменившееся положение денежного рынка.

Неустраненным разногласием при переговорах осталось предъявленное канцлером казначейства условие о новой высылке золота в размере, удвоенном против соглашения 1 октября 1915 года, когда при кредите в 300 милл. ф. ст. министерство финансов приняло на себя обязательство выслать 40 милл. ф. ст. золотом, ныне же канцлер казначейства изъявил согласие на открытие кредита в 150 милл. ф. ст. при высылке золотом в 40 милл. ф. ст. или же предложил другой вариант,—высылку золота в 20 милл. ф. ст. при кредите в 75 милл. ф. ст. Мною были приведены очень пространные объяснения, почему высылка золота является для нас неприемлемой, и подробно были развиты отдельные положения, с указанием, каким образом образовался наш золотой запас, какова разница условий, в коих находятся Россия, Англия и Франция, и каковы могут быть последствия передвижения желтого металла из наших пределов. Высылка золота, в особенности в повышенном размере, представлялась мне в данном случае тем менее приемлемой, что великобританское правительство при исполнении финансового соглашения 1 октября 1916 года посту-

пило некорректно в деле высылки золота. Министр финансов обязался выслать 40 милл. ф. ст. при условии высылки золота в равных частях Францией и Англией, которые заключили особое по сему предмету соглашение в Булони 22 августа 1915 года, и в счет этих 40 милл. ф. ст. императорское правительство по просьбе англичан выслало уже 20 милл. ф. ст.; между тем, в разговоре с г. Рибо в Париже выяснилось, что Франция ни одного соверена в счет 40 милл. ф. ст., обусловленных соглашением в Булони, не выслала, основываясь на толковании, что эта высылка предназначалась для подготовки американского рынка к англо-французскому займу, по реализации же этого займа надобность в высылке золота отпала. Заявление г. Рибо было мне подтверждено канцлером казначейства в Лондоне. Об этом инциденте мною официально было доведено до сведения нашего посла в Лондоне, с пояснением, что императорское правительство должно считать себя свободным от дальнейшей высылки золота по соглашению 1 октября 1915 года, пока французское правительство не выполнит обязательств, установленных в Булони 22 августа 1915 года. Вопрос этот оставался не исчерпанным до нашего отъезда, и только в Христиании я получил через английскую и нашу миссию депешу от виконта Грея с извещением, что г. Рибо уведомил канцлера казначейства о принятии им всех мер воздействия на управляющего Banque de France в целях побуждения Banque de France выслать 40 милл. ф. ст. золотом в Америку.

Нервная настойчивость, с коей англичане добиваются дальнейшей высылки золота, свидетельствует об их искреннем убеждении, что только благодаря усиленному снабжению желтым металлом американского рынка Англия в состоянии поддерживать в этой стране свой кредит, столь необходимый для производства расплат по закупкам и заказам всех союзников на американском рынке. Я указывал канцлеру казначейства на ошибочность такой политики, так как золотые запасы всех союзников недостаточны для удовлетворения все возрастающих платежей в Америке, и что, идя по этому пути далее, мы все окажемся банкротами, что надо было обязать американцев финансировать их собственными средствами наши заказы, в коих их страна крайне заинтересована, и что без крупных кредитов в Америке союзники не будут в состоянии в дальнейшем пользоваться американским рынком. Канцлер казначейства вполне согласился со мною, но пояснил, что, к сожалению, с начала военных действий американцев приучили получать в уплату за заказы золото или равноценные золоту процентные бумаги американские или нейтральных держав, что кредитная операция была совершена осенью 1915 года на сравнительно небольшую сумму в 500 милл. доллар., нового же займа нельзя заключить в Америке до окончания президентских выборов. Вследствие сего приходится пока прибегать к прежним способам расплаты в Америке,—к высылке золота и процентных бумаг, а так как запас последних на исходе, то необходимо усилить высылку

желтого металла. Вот почему всякое открытие новых кредитов Англиею должно быть сопряжено с соответственным подкреплением ее золотой наличности, иначе Великобритания вынуждена будет прекратить размен на золото и перейти к бумажно-денежному обращению, что, в свою очередь, повлечет за собою общую финансовую катастрофу, так как заграничный кредит Англии будет подорван, и Англия не будет более в состоянии расплачиваться в Америке за счет союзников, которые должны будут оплачивать приобретаемые ими товары исключительно звонким металлом в полной стоимости товаров. Прения о золоте были чрезвычайно упорны и продолжались несколько дней, при чем для вящшего моего убеждения меня посещали министр юстиции, viscount Reading, который являлся все время советником канцлера казначейства, лорд Cunliffe и лорд Ревельсток. Вначале я стоял на полном отказе от какой бы то ни было высылки золота, под конец же, когда большинство условий было решено в нашу пользу и осталось только несколько вопросов, я в последней доверительной беседе наедине с канцлером казначейства предложил компромисс, в виде частичного удовлетворения пожеланий англичан. В течение всех переговоров я все время поддерживал точку зрения, что при открытии заграничных кредитов не может быть никакой речи об одолжении, оказываемом одним союзником другому, дело идет об объединении всех сил и всех ресурсов для победы над общим врагом, поэтому все союзники одинаково заинтересованы в том, чтобы каждый из нас был достаточно силен и снабжен всеми средствами как военными, так и финансовыми для продолжения борьбы, и посему я, как и на прежних конференциях, не могу допустить принципа открытия кредитов в том или ином соотношении с высылкою золота. Открытие кредитов необходимо независимо от вопросов о золотых запасах, вопрос же о золоте должен быть обсуждаем совершенно отдельно, с точки зрения охраны платежеспособности Bank of England, в коей опять-таки одинаково заинтересованы все союзники. Придерживаясь все время этого принципа, я доказывал канцлеру казначейства, что Bank of England может обойтись без присылки золота из России, в крайнем же случае может обратиться за бóльшим содействием к Banque de France. Предлагая компромисс в последней доверительной беседе, я высказал канцлеру казначейства, что готов взять на себя ответственность за присылку золота в 20 милл. ф. ст. вместо 40 милл. ф. ст., но при условии, чтобы поставка тяжелой артиллерии была произведена сверх кредитов в 150 милл. ф. ст., каковой вопрос оставался еще открытым, и лишь в том случае, если представится реальная опасность большого дренажа золота из касс Bank of England, когда общая золотая наличность в Англии, которая за время войны колебалась между 90 и 80 милл. ф. ст., упадет ниже 70 милл. ф. ст. Кроме того, мною была обусловлена уплата процентов по Exchequer bonds, получаемых государственным банком взамен высылаемого золота и оплачиваемых при наступлении сроков желтым металлом.

Согласившись на ряд моих условий, канцлер казначейства не признал возможным понизить количества золота, которое представляется, по его мнению, необходимым для ограждения английского кредита на мировом рынке, при чем полагал, что первые 20 милл. ф. ст. должны быть высланы, если английская наличность упадет ниже 80 милл. ф. ст., вторые же 20 милл. ф. ст., если наличность упадет ниже 70 милл. ф. ст. Таким образом, вопрос о количестве золота, подлежащего высылке, остался в разногласии и был представлен мною по приезде в Петроград на разрешение совета министров и комитета финансов, которые в состоявшемся 27 июля сего года соединенном заседании вполне согласились с моим по этому вопросу мнением, признав необходимым, чтобы, при условии открытия нам кредитов в Англии на 150 милл. ф. ст., высылка золота была ограничена 20 милл. ф. ст. в два приема, по 10 милл. ф. ст., в случае падения общей золотой наличности английского банка и английского казначейства ниже 70 милл. ф. ст. Об этом постановлении совета министров и комитета финансов мною немедленно же было сообщено по телеграфу, через министерство иностранных дел, императорскому послу в Лондоне, для сообщения английскому правительству с выражением надежды императорского правительства на то, что великобританское правительство, зная, насколько трудным представляется для нас вопрос о высылке золота, и, с другой стороны, насколько важным является не допускать дальнейших задержек в деле помещения срочных военных заказов, не будет препятствовать немедленному открытию новых кредитов в 150 милл. ф. ст., совершенно необходимых для надлежащего снабжения нашей армии боевым снаряжением в целях доведения войны до победоносного конца.

Во время пребывания министра финансов и генерала Беляева во Франции и Англии разрешены были некоторые конкретные дела, относящиеся до разных ведомств. Так, в Париже путем переговоров с Брианом, Самба и бельгийским министром путей сообщения обеспечена поставка нашему министерству путей сообщения 150 бельгийских паровозов, путем переговоров с английским министерством снабжения обеспечен заказ 500 паровозов, 7.000 вагонов и 6 милл. пуд. рельсов. В Лондоне обеспечены некоторые срочные платежи морского министерства в Японии, тому же министерству обеспечен кредит на покупку шести английских пароходов, обслуживающих ныне морское ведомство на арендном праве. Переговорами с английским министерством иностранных дел, Imperial Bank of Persia и казначейством обеспечена доставка значительного количества серебра в Персию, где ощущается большая нужда в звонкой монете, необходимой для расплаты за продовольствие нашей армии. Путем переговоров с частными банками обеспечен кредит на покупку воска для ведомства св. Синода. Совместное пребывание в Лондоне с итальянским министром финансов Carcano было использовано для установления непосредственных кредитных отношений между русскими и итальянскими

банками. Хотя английское казначейство не встречает препятствий к оплате наших заказов в Италии, и не исключена возможность производства таких платежей и через Францию, тем не менее, непосредственные отношения между двумя странами являются всегда предпочтительными. Прямой заем России в Италии я признавал неудобным и нежелательным, установление же частного банкового кредита вполне соответствовало бы нашим интересам, и в таком порядке намечен кредит свыше 200 милл. лир для оплаты военных заказов автомобилей и авиационного имущества.

В тех же целях установления непосредственных кредитных отношений между Россиею, Норвегиею и Швециею были использованы остановки в Христиании и Стокгольме, где, при содействии наших посланников, происходили осведомительные беседы с местными финансовыми деятелями и установлена схема дальнейших переговоров между русскими и норвежскими, а также шведскими банками.

О вышеизложенном приемлю долг всеподданнейше доложить вашему императорскому величеству.

Министр финансов *Петр Барк.*

(М. Ф.
Общая канцелярия министра финансов,
№ 2029).

Дневник А. Н. Куропаткина [1]).

(С 14 февраля по 25 марта 1904 г.)

Торопец, 14 февраля 1904 г.

Приехал сегодня в Торопец проститься с матушкой...

Перед отъездом обменялся с ген.-ад. Алексеевым важными депешами. Более двух недель тому назад, тревожась уводом с Квантуна 3-й В. С. стрелковой бригады, я телеграфировал Алексееву, не признает ли он необходимым, в виду вероятной отчаянной попытки японцев взять Дальний, направить на Квантун 9-ю стр. бригаду, где она могла бы закончить свое формирование. Алексеев ответил, что он еще не видит необходимости изменять высочайше утвержденный план сосредоточения. Неделю тому назад я снова (по получении депеши Линевича, которая раскрыла мне полную разброску привозимых в южную Манчжурию войск) телеграфировал Алексееву, что наиболее важными задачами в настоящее время признаю: 1) увеличение обороноспособности Порт-Артура и 2) принятие энергичных мер, чтобы наши «вынужденно» разбросанные части не потерпели поражения по частям.

Алексеев просил меня высказаться определеннее. В четверг перед отъездом (12 февраля) я телеграфировал ему в общем следующее:

1. Что при конструктивной неготовности еще сухопутной обороны Порт-Артура гарнизон в 12 баталионов стрелков очень недостаточен. Что необходимо отправить на Квантун хотя еще два полка, дабы мы могли отстаивать Цзинь-чжоуский перешеек 8—10 баталионами или Дальний 8 баталионами. При неудаче эти 10 баталионов должны отступить в Порт-Артур и усилить его гарнизон. Что японцы с 4—6 дивизиями могут задаться овладеть Порт-Артуром ускоренною осадою

---

[1]) Редакция «Красного Архива» сочла небесполезным воспроизвести здесь имеющуюся в ее распоряжении часть дневника А. Н. Куропаткина, как продолжение той части дневника этого автора, которая была уже опубликована во II томе «Красного Архива». Печатаемая часть названного дневника говорит о событиях рус.-японской войны и подчас содержит в себе перечисление мелких подробностей, как-то: личных впечатлений главноком. от осмотра войск, разных распоряжений и т. п.; эти подробности, могущие представить некоторый интерес только для узкого круга специалистов, в настоящем издании опущены. Составление алфавитного указателя к дневнику и просмотр рукописи принадлежит А. Н. Зайончковскому. *Ред.*

и штурмом, и если им это удастся, то, прочно укрепившись на перешейке и в Порт-Артуре, а также прочно заняв Корею, они будут ждать перехода нашего в наступление, даже не задаваясь целью теснить нас из Южной Манчжурии.

2. Что надо готовиться к прорыву японцами нашего расположения и прорыву железной дороги. Что в этом случае надо не подставить свои разбросанные части по частям под удары превосходных сил противника. Что наши молодецкие части рвутся сцепиться с японцами, и чем более проявят геройства отдельные части, атакованные превосходными силами и обходимые с флангов, тем большего поражения этих частей придется ожидать.

3. Что недостаточно прочное обеспечение Порт-Артура может вынудить командующего армией для выручки этого пункта перейти в наступление еще недостаточно сосредоточенными силами.

4. Что удаление бригады пехоты на два перехода от главных сил у нас признается тревожным, если войска этой бригады ввяжутся в упорный бой с превосходным в силах противником. (Упорно будут защищать позиции с фронта и в это время обходом могут быть поставлены в критическое положение.) Что движение полка в два баталиона вперед от главных сил на полперехода уже опасно, если не твердо требовать отступления перед превосходными силами. Что наши отдельные полки выдвинуты отдельно на несколько переходов. Что на них надо смотреть только, как на репли для конницы, и упорного боя ими не допускать.

5. Что наши слабые силы, составляющие только дивизию пехоты и дивизию конницы, разбросаны по району, имеющему по фронту (вдоль железной дороги от Мукдена до Сен-ю-чена) 200 верст и в глубину (от железной дороги к Ялу и далее в Корее к Анчжу) 300 верст.

6. Что при сборе главных сил у Ляояна и Мукдена наши авангарды можно выдвинуть с опасностью к Хайчену и еще с большей опасностью к Фыхуанчену. Что выдвижение одной бригады к р. Ялу за 200 верст опасно; что выдвинутый туда корпус войск при осторожном действии действительно может задержать переправу противника на нижнем Ялу. (Но не должен допустить быть разбитым.)

7. Что выдвинутое вперед положение г.-м. Мищенко с несколькими сотнями казаков и батареею (в Корее к Анчжу) опасно. Что японская конница сидит на более крупных и с более быстрыми аллюрами конях, чем наши казаки. Поэтому при встрече с весьма превосходными силами нашим казакам будет трудно отступить. Что вообще надо беречь нашу конницу, иначе нам не удастся воспользоваться ее превосходством в числе над конницею противника.

8. Что требуется иметь на случай отступления, дабы задержать превосходные силы противника, укрепленные позиции у Ляояна, Мукдена и особенно в Телинском дефиле.

Эту же депешу повторил и Линевичу.

Уже послав эту депешу, получил депешу Алексеева, в которой он высказывает свои общие предположения о действиях противника. Прежде всего, он свидетельствует, что сосредоточение идет успешно (чего я не нахожу). Затем, по его мнению, японцы уже высадили в Корею армию в 4 дивизии и этой армией к середине марта могут подойти к Ялу. Затем, по мнению Алексеева, вторая армия того же числа дивизий тоже, вероятно, высадится в Корее. Что касается третьей армии 4—5 дивизий, то Алексеев допускает, что через две недели, когда отойдет от берегов лед, японцы отважутся сделать высадку этой армии (подобно 1895 г.) где-либо на Квантуне. В депеше этой Алексеевым признается, что японский флот получил перевес на море.

Пока сосредоточение спутывает наши подразделения войск на корпуса... Весьма, однако, выгодно, что две бригады 31 и 35 пех. дивизий, в изменение первоначального предположения, собраны в Харбине, где и будут укомплектовываться...

Несмотря на всю разбросанность, наше расположение может быть усилено и исправлено, если нам дадут 6 недель времени. При угнетенном положении нашего флота японцы могут и не дать нам этого срока. Тогда придется трудно и, быть-может, мы вынуждены будем отступить из южной Манчжурии.

Появились какие-то тревожные слухи о шайках в Монголии. Алексеев доносит, что в двух северных провинциях Манчжурии спокойно, но что в южной Манчжурии начинается брожение, поддерживаемое китайскими властями.

Всю эту неделю представлялся высочайшим особам по случаю моего назначения командующим манчжурской армией. Государь был чрезвычайно ласков. Утвердил мои разные предположения. Оставил у себя записку, в которой я еще до моего назначения высказывал несколько мыслей о том, что мы должны преследовать как цели в предстоящей борьбе с Японией (копию с этой записки я дал г.-л. Жилинскому по его просьбе).

Государыня Александра Федоровна очень горячо говорила мне о необходимости согласно действовать с Алексеевым. Кажется, она не сознает, что Алексеев ничего не понимает в сухопутной войне.

Мария Федоровна приняла меня очень тепло. Приказала явиться перед отъездом еще раз. Ужасалась всему случившемуся. Спрашивала, как могла произойти война, когда государь хотел мира. Я просил государыню [разрешить] ответить с полною откровенностью; государыня просила этого. Тогда я сказал, что война была предрешена в тот день и час, когда Безобразов вышел из кабинета государя статс-секретарем и с портретом государя. Тогда государь решил, что его министры не тот избрали путь, который приведет к миру, что подписанное им заключение совещания, кажется, 26 марта, по которому мы очищали южную Манчжурию, уходили с р. Ялу и предоставляли ино-

странцам права, ими ранее приобретенные,—ошибка; что такое решение, знаменуя нашу слабость, приведет к войне. Напротив, средства, предложенные Безобразовым, Вогаком, Абазою, всею шайкою (так я их и назвал) приведут к миру. Средства эти заключались в том, чтобы всюду увидеть наши интересы, даже там, где их нет, не очищать Манчжурии, начать еще более шуметь в Корее, продвинуть наши войска к Ялу, вновь занять Инкоу, вновь занять Мукден, перестать уважать права других держав в южной Манчжурии. Надеялись этими мерами внушить всем спасительный страх. Хотели обнаружить силу. В действительности, при полной неопределенности своих планов на Манчжурию, мы дали японцам полное право думать, что мы хотим наложить руку и на Корею. Как я и доносил из Токио, такие действия не могли быть иначе поняты Японией,—и в результате произошла война. Государыня слушала внимательно и тоже с сокрушением высказывалась о вреде безобразовской шайки.

15 февраля.

Великий князь Алексей Александрович говорил мне, что война стала неизбежна давно. Что мы на Дальнем Востоке будем сводить счета огромной исторической важности. Что начинается расовая борьба. И он, однако, выразил сожаление, что борьба эта начинается ранее, чем мы к ней приготовились. Говорил, что это он постарался вместе с другими, чтобы государь назначил меня. Очень тепло простился. О моряках не говорил.

Великий князь Александр Михайлович накануне сидел у меня два часа и знакомился с положением дел на Дальнем Востоке. Говорил, что не надо останавливаться над жертвами, чтобы выйти победителем из борьбы флотов. Очень горевал, что мы наделали столько промахов. Говорил, что они вели морскую игру за Алексеева и японцев и каждый раз принимали, что японцы нападут на нас изменнически. Уроки этой игры не послужили в пользу. Бранил Старка.

Когда я был у него, пришла и Ксения Александровна. Очень радушно предложила чаю; пришла в домашнем капоте. Александр Михайлович подробно рассказывал о повреждениях судов в Порт-Артуре после минной атаки. У «Цесаревича» пробоина 18 футов длины и 14 футов высоты. Послали 200 опытных рабочих с Балтийского завода. Починят, но требуется время. Согласился со мною, что цензовый закон не выгоден для нашего флота. Что механики являются носителями традиций судов, ибо весь состав офицеров, не исключая и командира, быстро меняется. Говорил про эскадру Рожественского. Недоволен Алексеевым.

Великий князь Михаил Александрович встретил тепло. Расспрашивал про японскую армию, особенно конский состав. Сказал, что он не знал, что их кони в коннице по некоторым статьям, — рост, аллюры, — выше наших казачьих. Желал успеха. Как и государыня

Мария Федоровна, говорил, что они все очень обрадовались, когда государь назначил меня командующим армиею.

Великий князь Николай Николаевич обещал деятельно защищать меня, когда начнется разочарование от моего назначения, когда все увидят, что победы еще нет, а поражения продолжаются. Твердо поддерживал меня в мнении, что войну надо вести без оглядки на средства и жертвы. Мы должны одержать самый полный успех.

Вел. кн. Владимир Александрович встретил меня очень взволнованный. Вся эта история его глубоко огорчает. Говорил мне, что я должен возвратиться победителем или вовсе не возвращаться. Я ответил, что не хочу подражать Дюкро перед вылазкою из Парижа, но сделаю все, что в моих силах, не жалея себя. Князь простился со мною со слезами на глазах, очень растроганный. Он был против моего назначения, ибо считал, что мое присутствие в Петербурге необходимее, чем на Дальнем Востоке.

Мария Павловна тоже встретила и проводила меня со слезами. Ни великий князь, ни княгиня ни словом не обмолвились о том, что их два сына будут на войне. Особенно Борис меня тревожит. Как бы он не стал кутить и давать дурной пример окружающим.

Великий князь Константин и Елисавета Маврикиевна встретили очень дружески. Князь благословил иконою для штаба армии. Много говорил о силах и средствах наших и японских.

Ольга Александровна и Петр Ольденбургский меня растрогали. Я дожидался приезда вел. княгини с полчаса, в течение которых молодой Ольденбургский говорил мне о той общей радости в царской семье, которая явилась, когда узнали о моем назначении. Ольга Александровна, прекрасная в своей чистоте, с заплаканными глазами говорила мне, как она и брат Миша были рады, что меня назначили. Что она обняла государя, когда услышала об этом, что мое назначение приветствуется всеми радостно, как залог успеха, что они все будут молиться за меня. Отпуская меня, она сконфуженно с глазами, полными слез, передала мне небольшой образок Спасителя с надписью на обороте: «Спаси и охрани». Я был тоже тронут и решил из всех поднесенных мне образков надеть и носить образок, полученный от Ольги Александровны, ибо верю, что нет более чистого существа, чем она, нет более чистой молитвы...

Евгения Максимиллиановна говорила о Красном Кресте. Я ей посоветовал две вещи: 1) посылать табак здоровым нижним чинам и 2) послать несколько ассенизационных отрядов для борьбы заблаговременно с эпидемическими болезнями. Внесет в комитет.

Вечером в четверг, перед отъездом домой, государь прислал мне теплый рескрипт за 6-летнее министерство и знаки алмазные Александра Невского. В рескрипте он просит божией помощи для успешного выполнения «самоотверженно» принятого мною на себя подвига. Тут разумеется, что я сам вызвался подчиниться Алексееву, дабы не

ставить государя в тяжкое положение: сменять Алексеева в такие трудные минуты и этим гласно признать свою ошибку.

Государь поручал мне передать свой царский привет и благословение войскам.

В Торопце власти и население принимали меня тепло. Помолился в соборе корсунской божией матери у всенощной и сегодня у обедни. Отслужили напутственный молебен. Ректор духовного училища и настоятель корсунского собора протоиерей отец Владимир (Щукин) сказали речи. Речь отца Владимира вызвала слезы у присутствующих.

Граждане через голову Шерапова поднесли мне икону, копию с корсунской божией матери. Приложился к чудотворной иконе. Она спасала Торопец от татар и литовцев. Икону пронесли надо мною.

19 февраля.

Возвращение в Петербург было сопровождаемо народными манифестациями на станциях. Выходили жители окрестных деревень, представители всех сословий. Приносили хлеб-соль, благословляли иконами; пожарные, ученики стояли выстроившись; говорили речи, пели «боже царя храни», кричали «ура». Многие благословляли меня при отходе поезда и плакали...

Отношу все это, конечно, не к себе, а к идейному началу. Масса находит успокоение, утешает себя надеждами, наделив своего временного кумира качествами, которыми он даже и не обладает. В словах, отовсюду слышащихся: «Куропаткина назначили, Куропаткин победит», надо различать скрытый страх перед поражением и подбадривание себя...

Но сила в общем голосе большая. Доверие массы облегчает двигать ее на подвиги. Не надо только распускаться и относить к себе лично то, что принадлежит массе. Надо понимать психологию массы и уметь поддержать доверие к себе.

Государь 17 февраля дал мне свой большой фотографический портрет с надписью: «Алексею Николаевичу Куропаткину 1898—1904 года. Николай». Говорил мне много очень лестных слов. Очень, очень тепло относится.

20 февраля.

Сегодня похоронили Петра Семеновича Ванновского. Крупный и сильный был человек. С удивительною настойчивостью проводил в жизнь свои взгляды. Для армии сделал очень много. С такими сотрудниками, как Обручев и Лобко, Ванновский свершил за свое министерство огромный труд. Для меня лично П. С. Ванновский с 1864 года сделал очень много. Поступил к нему юнкером в Павловское военное училище летом 1864 года и до сих пор помню впечатление, произведенное на нас серьезною, деловою речью Петра Семеновича, смысл которой заключался в том, что мы уже не дети. Очень многим обязан той школе, которую нам дал Петр Семенович. Мы вышли хорошо подго-

товленными как в научном, так и в строевом отношении офицерами. Явившись в Туркестан осенью 1866 года, я и мои товарищи по училищу Каньшин, Губин (убит под Самаркандом в 1868 г.) удивляли всех знанием устава гарнизонной службы. Ходили смотреть на смену караулов, производимую нами по всем правилам. Я лично писал Петру Семеновичу об убитых офицерах нашего баталиона: Кантице, [1]) Губине. Петр Семенович служил торжественные панихиды, собирал корпус в сборное зало, читал вслух мое письмо. Позже встречал Петра Семеновича в Киеве и на войне 1877—1878 г.г. Особенно приблизил он меня к себе с 1882 года, когда я прибыл в главный штаб молодым генерал-майором с двумя георгиевскими крестами. 8 лет службы в главном штабе я пользовался особым расположением Петра Семеновича. Он же содействовал назначению меня начальником Закаспийского края и 8 лет управления краем поддерживал меня. Наконец, уходя с поста военного министра, Петр Семенович назвал государю меня кандидатом на пост военного министра вместе с генералами Обручевым и Лобко. Интересно, что за несколько дней до смерти, когда я был у Петра Семеновича и говорил ему о затруднении государя в выборе мне преемника, Петр Семенович с живостью и серьезно произнес: «Скажите государю, чтобы он взял меня в военные министры на время вашего отсутствия».

Я передал эти слова государю через несколько часов, как получена была печальная весть об его смерти. Государь сказал: «Очень был бы доволен взять его в министры в это трудное время».

22 февраля.

Сегодня пришло известие, что японцы подходили к Владивостоку и обстреливали его.

25 февраля.

Сидел долго у Победоносцева. Он очень недоволен ходом дел. Говорил, что государь его уже не слушает 9 лет. Что даже в Японии есть совет стариков, а у нас советчики часто уличные негодяи: Безобразов, Абаза и другие. Бранил Мещерского. Все ломают, ничего не строят. Сломали старую школу, не создали новой.

Сидел у меня С. Ю. Витте. Очень много высказал добрых пожеланий. Говорил, что от меня будет зависеть привести Алексеева к молчанию, если он будет мешать мне. Что Алексееву при возвращении придется объехать Петербург, иначе его освищут.

Сегодня прощался с государем и имел у него последний доклад по манчжурским делам в течение двух часов.

Государь император приказал:

1. От имени государя передать ген. Сухотину распоряжение усилить охрану Сибирской железной дороги.

---

[1]) Так в оригинале.

2. Представить его величеству копию с представленной мною государю записки.

3. Всем войскам передать царский привет и благословение. Заранее передать им царскую благодарность.

4. Государь император разрешил писать ему и отсылать с фельдъегерями. «Их будет не мало для сего,—прибавил государь,—и я могу писать вам».

5. Его величество обещал, если возникнет со стороны наместника то или другое нарекание на меня, ранее решения затребовать мое объяснение.

6. Государь император приказал передать г.-а. Алексееву свое желание, чтобы третьи баталионы были скорее втиснуты в свои полки.

7. Приказал передать письмо г.-а. Алексееву.

8. Государь подписал мне рескрипт, в котором указано, что государь доверяет мне пользование в полной мере правами, предоставленными положением об управлении войск в военное время командующему армиею. Что в направлении военных действий я действую самостоятельно, руководствуясь общими указаниями наместника.

9. Государь приказал мне жить с наместником дружно и хорошо.

Государь много расспрашивал о моих предположениях, о действиях японцев. Ему начало приходить в голову, не пожелают ли они остаться только в Корее и заставить нас выбивать их оттуда. Я снова ответил, что все зависит от степени их уважения к нашему флоту. Если они отнесутся к нему с презрением, то могут решиться даже на высадку в Дальнем или Талиенване. Тогда, заняв сильно перешеек, они 4 дивизиями обрушатся на Порт-Артур и постараются овладеть им. Указал, что при растянутости линии, массе мертвых пространств, недостаточности гарнизона—это возможно. Высказал государю о возможности, загородив Корейский пролив, произвести высадку близ Владивостока, где мы их не ждем. Высказал, что нам выгоднее, чтобы они вошли в Манчжурию.

Государь говорил мне, что он пишет Алексееву о необходимости дать мне самостоятельность. Указывает на статьи «положения». Указывает, что высокий разум Алексеева должен подсказать ему правильный способ для действий. Хочет, чтобы мы совсем разбили японцев и заключили мир без вмешательства других держав.

Государь не одобрял, что моряки любят мешаться в непосредственное командование сухопутными войсками.

Государь не видит особой надобности до разрыва связи с Манчжуриею давать адмиралу Макарову права командующего армией над сухопутными войсками, расположенными на Квантуне.

Я говорил государю о том, что он слишком щедро дал георгиевские кресты за подвиг «Варяга». Государь долго спорил, но потом и сам признал это. Я сказал государю: «Ваше величество, ведь

вам никто об этом правды не скажет. Говорил ее смело для пользы дела один неисправимый солдат Куропаткин». Государь ответил: «Правда, Алексей Николаевич, никто мне так правду не говорит, как вы».

Затем неожиданно мне государь, давая самые лучшие пожелания, сказал: «Я вовсе не ревнив к славе. Если бы я был ревнив к чьей-нибудь славе, то не послал бы теперь вас командовать армиею. Вы уже имеете славу свою и на вас легла тень,—нет, не тень, а свет славы Скобелева, и вы едете увеличивать эту славу. Верьте, что я встречу вас покрытого славою с радостью».

«Вас провожают,—говорил далее государь,—молитвы всего народа и всей моей семьи. Они помогут вам. Трудно верить, как мои рады вашему назначению, как верят вам...»

Я обещал не пожалеть сил, чтобы оправдать высокое ко мне доверие. Просил терпения. Просил спокойно отнестись даже тогда, когда начнут получаться вести о неудаче.

Государь поцеловал меня несколько раз. Несколько раз подходил, вернее, возвращался, жал руку и целовал. С своей стороны я просил его перекрестить меня и поцеловал ему руку. Прощание было трогательное.

Сегодня же я представлялся двум государыням. Приняли чрезвычайно ласково. Дали по образку. Особенно ласково провожала Мария Федоровна. Я без счета целовал у нее то одну, то другую руку и был крепко тронут. Обе государыни благословили меня. Александра Федоровна дала своей прекрасный портрет.

Сегодня же завтракал и прощался с семьею кн. Юсуповых. Простились тепло. У чудной хозяйки были слезы на глазах. Она благословила меня маленьким образком со звездочкою иверской божией матери. Просила носить. Я тоже был растроган. Крепко люблю Зинаиду Николаевну, как чудного человека. В ее присутствии я чувствую себя радостнее, и кругом все становится светлее, но чувство вполне, вполне платоническое...

28 февраля.

Объехал великих князей. Попрощался с милой графинею Карловой. Простились родственно. Милая, просвещенная семья. Детки крепко меня целовали.

2 марта (на ходу поезда).

29 февраля провел в Москве. С утра поехал в Сергиевскую обитель. Отслужил краткую обедню. Приложился к мощам преподобного Сергия, благословлявшего Александра Невского [1]) на борьбу с татарами. В армию на время войны мне дали святую икону, которая видела Петра, была в войне со шведами с Шереметевым, была ранее с царем Алексеем Михайловичем под Смоленском против Литвы, была в Сева-

[1]) Такой анахронизм—в оригинале.

стополе в 1855 году; была в армии в 1877—1878 годах. Просил прислать особого иеромонаха, который состоял бы при этой иконе. Поднесли иконы. Общество хоругвеносцев поднесло хоругвь.

В два часа был у Сергея Александровича. Выстроились в зале все старшие чины. Поднесли мне нагрудный образок св. Георгия Победоносца. Сказал небольшую речь.

Около трех часов пополудни и вместе с Сергеем Александровичем поехал в дворянское собрание. Было наполнено представителями Москвы. Митрополит пред чудотворною иконою иверской божией матери служил молебен и сказал прекрасное слово. Затем представлялись и подносили образа город, земство, крестьяне (несколько волостных), старообрядцы, и затем от лица дворян кн. Трубецкой прочел хорошую речь и передал мне стяг: работа Васнецова, вышивка—дам.

Я сказал громко речь, приготовленную мною по пути в Сергиеву пустынь. Многие плакали. Впечатление в общем получилось очень сильное. Я тоже с трудом удерживал подступавшие к глазам слезы.

На улице массы народа кричали «ура». Поехал к вел. кн. Сергею Александровичу. Был принят им и Елисаветою Федоровною с теплым чувством. Говорили серьезно и сердечно. Елисавета Федоровна с глазами полными слез благословила меня образком, перекрестила рукою, поцеловала в лоб. Я крепко поцеловал ее руки и сказал, что молитва ее за нас будет чиста.

В речи своей в собрании нарочно подчеркнул, что такие проводы отношу не к себе, а ко всему воинству, выставленному царем для борьбы с врагом, что о том, как провожала меня Москва, доложу наместнику и передам в армию.

От вел. князя заехал поклониться еще раз иверской божией матери, заехал к старому инвалиду, искренно меня любящему гр. Шувалову и затем на поезд. На вокзале еще принял несколько депутаций. Провел с женою и сыном два-три часа. Обедали в поезде. Пригласил к обеду москвичей: кн. Мещерского, кн. Голицына (голову), Кристи (губернатора), Трепова (полиц.) и военных: Малахова, Бильдерлинга, Соболева. Обедали бодро. После обеда посидели у жены. Выпили шампанского (за обедом я не допускал). Пришел старый приятель жены и мой по войне 1877—1878 г.г. Глебов, сидел славный Трубецкой, пришел Леон Голицын, шумный, но всегда патриотичный...

Перед отходом поезда перебрались в парадные комнаты, где я и простился со всеми провожавшими меня. Милая, сильная, умная жена моя не выдержала и заплакала. Сын был возбужден, но не заплакал. Все повторял: «Папа, ты к нам возвратишься, папа, ты к нам возвратишься»...

Брат жены, милый Александр Михайлович, расплакался более других. Перецеловался с друзьями своими и надежными, преданными

людьми: Левашевым, Вернандером, Рудановским, Шевалье, с дамами— Левашевою и баронессою Остен-Сакен.

По пути в вагоны на платформе плотно стояла тысячная толпа и кричала «ура»...

Вчерашний день на каждой остановке нас встречали толпы народа с образами, молитвою, пением «боже царя храни». Особенно трогательно, людно и беспорядочно было в Пензе. Едва удалось отделить массу публики от поезда.

Сегодня, в 7 ч. утра, в Самаре очень тепло и людно встречали и провожали меня. Поднесли образ от города и от оренбургского казачьего войска. Говорили речи.

От Самары, слава богу, пошли потише. Все меня пугают слишком большие овации, слишком большие надежды. Все кажется, что ранее надо заслужить это. На станциях хотя и стоит много народа, но можно гулять во время остановок, а то вчера гулять было нельзя.

На одной из станций ко мне навстречу пришел 63-летний старик с солдатским Георгием, Львов, служивший в 4-й роте 1 Туркестанского стр. баталиона у меня. Крест получил в Кокандском походе. Поцеловались, я дал ему 15 руб. Старик заплакал.

Встретил и бегло осмотрел эшелон одной из батарей 7-го артил. дивизиона, направляющийся в Порт-Артур... Все идут охотники.

3 марта.

Вчера, в 12 ч. ночи, была теплая встреча в Уфе. Встречал губернатор Соколовский, духовенство, дворянство, земство, масса народа, весь гарнизон. Поднесли иконы; губернаторша поднесла букет.

Сегодня особенно теплые встречи были в Златоусте, где масса рабочих приветствовала шумно и сердечно. Иконы и служение молебна. Рабочие поднесли два ящика с 8 хорошими шашками для подарков отличившимся. Офицеры просятся в поход.

В Миасе священник сказал трогательное слово. Масса лиц плакало. Плакал и он сам. Одну из икон поднесли от Красного Креста дамы.

Особенно многолюдно и торжественно встречали в Челябинске... Вывели несколько десятков стариков оренбургцев, значительною частью станичных атаманов. Многие георгиевские кавалеры, бывшие со мною в боях, некоторые кресты получили под моим начальством. Встреча была трогательная. Говорили речи, пожелания...

По пути осмотрел четыре воинских эшелона. В общем идут в большем порядке... Хорошо кормлены, тепло одеты, достаточно просторно размещены.

11 марта. Забайкальская область, на ходу поезда.

Сегодня въезжаю в пределы Манчжурии. Через всю Сибирь и Забайкалье едем монотонно, но без каких бы то ни было задержек.

Природа томительно уныла. Все покрыто снегом. В Забайкалье снега лежит мало. Население оседлых пунктов по пути встречало довольно тепло, но такого возбуждения и любопытства не было. Смотрели внимательно и серьезно. Только женщины обнаруживали то же любопытство, что и в Европейской России.

Сухотин встретил меня в Петропавловске и проводил до Омска. Наговорились вволю. Живой, энергичный человек. Очень убеждал меня быть лично осторожнее, чтобы не убили и не ранили. Характеризовал меня так: «Ты будешь осторожен в военных делах относительно употребления войск и не будешь осторожен относительно себя». Обещал этот дружеский совет принять к сведению.

Сибирь несет тяжелые жертвы и несет безропотно. В четыре-три года вторая мобилизация. Кроме ста тысяч запасных, будут призваны четыре срока ратников ополчения на сформирование 24 дружин ополчения. Все исполнят. 4-й Сибирский корпус готов к походу, но в офицерах еще большой некомплект. Нижние чины—народ здоровый, крупный, мрачный несколько. В бою будут хороши.

Офицеры, особенно из запаса, не всюду хороши. Много прапорщиков запаса, в сущности мало подготовленных...

По дороге деятельность наладилась. Начальник дороги Павловский работает энергично. Предъявил и к нему требование, которое я ставил в Петербурге по усилению пути. Нашел в нем полное сочувствие. В первую очередь он просит отпустить ему $6^1/_2$ милл. рублей, и он число воинских поездов увеличит до 10; затем уже в этом году обещает увеличить до 12—14, если отпустят ему относительно небольшие средства и дадут заимообразно подвижной состав.

Военное движение до Байкала идет в порядке и не обременяет дороги. Кажется, что воинские поезда встречаются реже, чем то следовало бы...

Довольствие войск по пути организовано хорошо. Теплою одеждою снабжены обильно. Случаи продажи одежды были одиночные.

Сухотин возбудил вопрос, чтобы не выпускать из сибирского в. округа 14 милл. пудов хлеба, закупленного на вывоз. Не нашел поддержки у министров. Опасается, что может в сем году представиться необходимость подвозить хлеб для населения. Я сочувствую ему и высказал мнение, что до 6 милл. пудов надо бы купить как резерв хлеба для населения, которым могли бы и мы воспользоваться.

Призыв всех запасных, а потом и ратников ополчения может, действительно, крепко обессилить работоспособность сибирского населения и повести к недороду.

Кутайсов, провожавший меня от Иркутска до Байкала, говорил совсем несуразно. По его словам, когда последовало высочайшее соизволение на разрешение для поднадзорных поступить в войска на войну, дабы загладить свой поступок, то все поднадзорные от этой милости отказались. Некоторые прислали невероятно дерзкие заявле-

ния, что если они и поступят в ряды армии, то только с одною целью: убить государя...

Кутайсов передал мне о возмущении политических в Якутске. Говорил, что в массе прокламаций выражается сочувствие японцам и приглашаются действовать против нас, что в Томске неспокойно.

На Байкале меня встретил князь Хилков. Осунулся, похудел, совершенно расстроил нервы. Очевидно, взял себе задачу не по своим физическим силам, но выполнил ее с успехом: 65 паровозов (в разобранном виде) и 1.600 вагонов удалось передать по рельсовому пути, установленному по льду, несмотря на массу трудностей и почти ежедневные трещины во льду. Некоторые части паровозов катились по рельсам, везомые несколькими лошадьми; котел, остов ставились на две платформы, которые катились по рельсам тремя запряжками (парными) в санях. Вагоны катились по рельсам.

Передвижение нижних чинов тоже было организовано прочно. В день можно было посылать несколько эшелонов, но более четырех, кажется, и не посылали. Этого пока хватает. На каждых четырех человек наряжались сани, в которых везлись вещевые мешки, полушубки, если день теплый. В санях везлись все вещи солдат в сундучках, очень иногда больших, офицерское и ротное имущество, которое не уместилось на казенном обозе. Переход 44 версты. Шли бодро. Посредине пути устроен остановочный пункт. Дают обед. Кроме того, устроено две остановки, на которых дают чай. В Танхое остановочного пункта, к сожалению, не организовано. Открыта Красным Крестом хорошая обширная чайная. Тут все солдаты еще раз получают горячий чай.

Сомневаюсь, чтобы было особенно полезно на морозе тепло одетому (на озере Байкале) напиться горячего чаю и затем опять выходить на мороз. Пожалуй, простудных заболеваний прибавится, но пока не слышно.

Телеграфировал о необходимости обработать как военную дорогу тракт: Иркутск—Култук, нужный нам, когда на озере Байкале будет распутица...

Станция Борзя.

Проезжаем местностями малоснежными. Корм до сих пор хорош. Скот: верблюды, рогатый скот, табуны лошадей пасутся. Пастухи более буряты. Проезжанные станицы имеют вид довольно зажиточных. На станциях много народа: казаки, калмыки, русские поселенцы. Обветренные, черные лица указывают на суровый климат. Но наружный вид весьма здоровый. На некоторых станциях видел значительные заготовки леса.

Меня встретили и проводили до Читы г.-м. Парчевский, за атамана, и Ренненкампф, начальник льготной дивизии. Парчевский—живые глаза, но много в ужимках польского. Дела еще хорошо не знает, но к работе способен. Ренненкампф совсем молодец, и если ему поможет бог, сделает не мало хороших дел.

Парчевский говорил мне, что население, прельстившись высокими ценами, распродало свой хлеб и теперь не имеет хлеба на обсеменение полей. Ему надо 100 вагонов зерна. Очень неприятное дело...

Железная дорога охраною только обозначена: на 1.200 верст поставлено 400 человек...

12 марта. Ст. Фулярди.

Проехали сутки по Манчжурской дороге. Ехали благополучно. Охрана всюду организована надежно. Меня провожают генерал Чичагов и полковник Хорват (нач. дороги). В числе охраны мне представились четыре-пять дружин из служащих. Стояли молодцами, с берданками, со значками.

Через туннель прошли насквозь. Но тупик за туннелем еще крут, и приходится пересоставлять поезд. Многие станции, как, например, Манчжурия и Бухеду, сильно разрослись. Женское население уменьшилось, но еще осталось.

Хорват и Чичагов жалуются на неопределенность организации власти. Они получают приказания от наместника, Линевича и от Волкова.

Хорват надеется, если ему дадут подвижной состав, скоро справиться с задачею, которую я поставил еще в июне прошлого года: 7 пар воинских поездов на магистрали и 12 пар воинских поездов на южной ветви...

Всю дорогу от Москвы я собирал у себя для чтения по очереди: генералов Харкевича и Величко и полковника Данилова; все три профессора. Успели прочесть за 13 дней: 1) труд Харкевича из войны 12 года «Барклай-де-Толли»; 2) записки Хрущова об обороне Севастополя, 3) Симанского «1896 г. Японо-китайская война».

Читали последнюю очень внимательно, с картами. Поучительны действия японского флота, действия дессантные. Сухопутные действия тоже поучительны, но менее, ибо сопротивление китайцев было очень слабое. Тем не менее, видно умение начальствующих лиц определенно ставить задачи для действий и вести подготовку войск энергично, несмотря на снежные бураны, и приводить эти решения в исполнение.

К чтению приглашались: ген. Губер, полк. Кнорринг, полк. граф Бобринский, подполковник Сиверс. Днями мне читали еще вслух доктор Дейкун и подполковник Сиверс роман Бильзе «В маленьком гарнизоне», наделавший столько шума в Германии.

Один я со вниманием прочел и перечел труд Хвостова «Южная Манчжурия».

Завтра утром в Харбине, где проведу несколько часов, а послезавтра—в Мукдене у Алексеева.

14 марта. Мукден.

Представлялся наместнику. Встретились дружественно. Кажется, дело наладится. Наместник мне повторил несколько раз, что, сознавая

полную невозможность командовать сухопутными войсками, он до войны и уже во время войны просил государя уволить его от должности наместника и заменить лицом, которое могло бы командовать армиею. В привезенном мною письме от государя наместнику он прочел, что государь сам вспоминает об отказе его от должности. В этом же письме государь уже писал и о том, что мир должен быть заключен без посредства какой-либо третьей державы.

Адм. Алексеев относительно действий флота говорил мне, что он дал указания, чтобы наши эскадры, порт-артурская и владивостокская, приготовились бы до усиления их эскадрою Рожественского и не дали возможности японцам разбить их по частям до соединения всей флотилии вместе. Просит выслать в разобранном виде 10 миноносок в Порт-Артур. Полагает, что эскадра Рожественского из 6 эскадр. броненосцев, подкрепленная диверсиею из Порт-Артура, может пробиться к Порт-Артуру. Обещал без моего ведома не трогать частей вверенной мне армии. Брать их на другие театры только по соглашению со мной.

Адмирал Алексеев по политическим соображениям считает желательным не допускать японцев в Манчжурию (восстанут китайцы). Поэтому он за усиление наших войск на Ялу. Без меня этого усиления не произвел. Очень был рад, когда услышал, что и по моему мнению надо передвинуть на Ялу 6-ю бригаду (дивизию). Я высказал также мнение, что желательно отправить туда Линевича для объединения всех сил, на Ялу расположенных и расположенных в районах, соседних с ялинским.

Между прочим, я высказал адм. Алексееву мнение, что никакой беды не вижу во вторжении японцев в Манчжурию и пресечении ими связи с Порт-Артуром. Они ослабят себя, уйдя от своей базы, а мы будем усиливать себя с каждым днем.

Адм. Алексеев думает, что японцы, сбившись в своих расчетах, утратили несколько свою самоуверенность.

Он же думает, что если мы нанесем им серьезное поражение месяца через три, и они запросят пардона, то государь будет склонен пойти на мир, но Алексеев полагает, что надо настаивать, чтобы вычистить от японцев всю Корею и ранее не останавливаться.

Адм. Алексеев опасается высадки японцев на правом берегу Ляохе.

Алексеев согласился на предложенных мною Сахарова в начальники полевого штаба, Губера—в интенданты, Харкевича—в генерал-квартирмейстеры, Забелина—в начальники военных сообщений. Алексеев сам заявил мне, что по чрезмерной доброте ген. Волков не годится быть начальником тыла. Что для этой роли более всего подходит Надаров. С этим я охотно согласился. Надо устроить Волкова.

17 марта.

Начался третий день моего пребывания в Ляояне, главной квартире армии. Все нашел, как я ожидал. Для небольшого корпуса войск,

ныне собранного в южной Манчжурии, сделано не мало, но для подготовки действий большой армии почти ничего не сделано. Ни Линевич, ни Холщевников с этою задачею справиться не могли. Ввиду относительно медленного способа действий японцев, мы имеем еще несколько времени готовиться. Но уже с Ялу от Мищенко и от Кашталинского начинают поступать тревожные известия. Вчера было у Мищенко довольно горячее дело, в котором мы потеряли 4 офицеров и около 20 нижних чинов. Японцы уже в 60 верстах от р. Ялу. Лед на Ялу тронулся. Готовим переправу Мищенко на шаландах.

В стороне Инкоу мы выставили, согласно с моим советом из Петербурга, 9 и 1 стр. дивизии не в полном составе, с резервом у Дашичао и с передовыми отрядами в Инкоу и Гайчжоу.

В Ляояне и его окрестностях собрались две бригады 31 и 35 дивизий, два полка (5 батальонов) 6 стр. дивизии; в Асандзяне на укрепленной нами позиции 5 стр. дивизия (8 батальонов) и в Мукдене один полк 6 стр. дивизии.

Всего вчера было собрано на южном театре 56 батальонов (считая и 4 стр. дивизию).

Отдал приказание 6 стр. дивизии выступить на Ялу. Командующий дивизиею г.-м. Трусов ленив и не энергично распоряжался. Отнесся к выпавшей на его долю задаче апатично. Через 12 часов после получения приказания о выступлении им еще не были уяснены себе самые элементарные данные о наступлении, о состоянии дороги, о способе продовольствия, о том, сколько чинов идет в поход, сколько остается, о помощи обозу и т. д. Пришлось, осмотрев вчерашнего числа два выступающих полка и три батареи, дать Трусову, командирам полков и командиру артиллерийской бригады подробные указания. Отложил поход на два дня, чтобы организовать в полном порядке движение, устроить довольствие хлебом на этапах, купить запасных лошадей в помощь обозу, купить лямки, исследовать пути, разобраться в имуществе, оставить лишнее в порядке, как временную базу, и проч.

Части 2 Сибирского корпуса расположены вблизи дороги в китайских фанзах. Полагаю, что грязно. Говорят, нет. Приказал усиленно чистить и, как только будет можно, перейти к лагерному расположению. Приказал усилить занятия. На-днях сделаю двухсторонний маневр. Приказал строить при группах войск укрепления, усиленные местными преградами для практики войск. Усиленно требую проложения дорог в тыл, проложения дорог к Феньшуньлинскому хребту, усиленной постройки укреплений, устройства переправ на Ляохе. Очень и очень запоздали по всем этим работам.

Остановился на начальнике штаба армии—ген. Сахарове (к-р 1 Сиб. корпуса), интенданте — г.-м. Губере, начальнике военных сообщений — г.-м. Забелине, генерал-квартирмейстере — г.-м. Харкевиче. Дежурный генерал г.-м. Благовещенский был мною избран ранее. Начальник этапов—г.-м. Икскуль; начальник дорожного управления—г.-м. Мейснер.

С согласия наместника полагаю необходимым по управлению тылом Волкова заменить Надаровым. Волкова просить в Военный Совет.

Линевич возвратился в Приамурский район...

21 марта.

Вчера, в вербное воскресенье, слушал всенощную в ляоянской церкви-школе. Служило епархиальное духовенство и протянули службу на $2^1/_4$ часа времени.

Певчие нижние чины—порядочные.

Осматриваюсь, работаю со своими новыми помощниками; объезжаю войска и местность. Вчера выбрал линию укреплений для Ляояна. Кажется, будет довольно сильная позиция. Работы предстоит много...

Интенданту Губеру утвердил иметь в районе сосредоточения 2-месячный запас продовольствия на всю армию (передовая база), в Куанченцзы (промежуточная база)—месячный запас, в Харбине (главная база)—шестимесячный запас на всю армию. Принимаем ряд мер к обеспечению армии мясом. Фураж надо возможно шире заготовить месячный. Требуется подвести с апреля до сентября до 7 милл. пудов интендантских грузов, что можно будет сделать, только значительно усилив провозную способность Восточно-Китайской железной дороги.

Осматривал сегодня открытый георгиевскою общиною Красного Креста лазарет. Все в порядке. Много сестер милосердия. Старший врач—Боткин. Старшая сестра Иванова. Обедали у меня. Помещения приспособляют хорошо. Излишней роскоши в постельном и носильном белье не заметил...

23 марта.

Осмотрел сегодня вторые бригады 31 и 35 дивизий... Размещены полки хорошо. Фанзы просторные, вычищены. Отношения к жителям установились самые хорошие; начали возвращать женщин. Приглашают к обедам офицеров... Существуют опасения, что русские лошади от местного фуража скоро слепнут (через год)...

В Харбине провел несколько часов. Работа там идет большая, но несколько беспорядочно. Не установились отношения властей, и власти выбраны не все удачно. В посещенном госпитале не нашел должной внешней чистоты...

24 марта. Инкоу.

Приехал рано утром. Верхами отправились в обход китайского города к форту. По пути заехали, осмотрели нашу канонерскую лодку Сивуч. Не нашел ее в порядке. Имеет запущенный вид и в команде не нашел обычной бодрости. Сознание бессилия и плохое судно (тихоход), видимо, всех угнетают. Между тем, вооружение порядочное...

Офицеры имеют несколько угнетенный вид. Подбодрил команду несколькими словами. В случае попытки японцев высадиться у Инкоу, Сивуч должен помогать, подойдя к форту, своею артиллериею...

От станции до форта мы сделали около 14 верст верхом. Местность печальная. Все больше ехали кладбищами. Многие гроба обнажены. Мертвые от эпидемии зарыты слабо, и местность мало дезинфицирована. Только-что стало просыхать. Но и теперь еще по сторонам дороги не всюду проберется конный отряд. Подавать помощь передовым войскам от станции к форту будет, пока местность совершенно не просохнет, затруднительно...

«Форт» представляет из себя довольно обширное земляное укрепление, в котором мы теперь строим блиндажи, пороховые погребки и построили небольшую жилую казарму. Верхняя приподнятая часть форта отлично видна с моря и должна представлять, как и весь форт, прекрасную цель...

От Дашичао первая помощь может быть подана весьма быстро двумя поездами, которые подвезут один полк. Остальные три полка двинутся походным порядком и через 6—8 час. прибудут к станции Инкоу. Только бы резерв из Дашичао не отвлекли демонстрациею у Гайчжоу.

То, что я видел у Инкоу, показывает, что производство высадки японцев у Инкоу на левом берегу Ляохе будет весьма затруднительно, особенно после того, как мы поставим мины. Старшие начальники полагают, что японцы не решатся высаживаться у Инкоу и скорее рискнут на высадку у Гайчжоу.

Переправа у Инкоу на правый берег. Ничего не сделано, чтобы обеспечить нашим войскам, если в том встретится необходимость, переправиться на правый берег Ляохе.

25 марта.

Страстная неделя. Четверг. Благовещение. В этот день, когда птицы, по народному поверью, не вьют гнезда, я продолжал объезд армии. Сделал до 28—30 верст верхом...

Именной указатель.

Абаза, А. М., свиты контр-адмирал.
Александр Михайлович, вел. кн.
Алексей Александрович, вел. кн., ген.-адмирал.
Алексеев, Е. И., ген.-адъют., адм., гл-щий морск. и сух. силами против Японии.
Безобразов, А. М., статс-секретарь.
Бильдерлинг, А. А., ген. от кав., командир 17 корпуса.
Бобринский, Г. А., гр., состоящий в расп. ген. Куропаткина.
Благовещенский, А. А., ген.-м., деж. ген. шт. манчж. армии.
Борис Владимирович, вел. кн.
Ванновский, П. С., ген.-ад., бывш. воен. мин. и мин. нар. просвещения.
Вернандер, А. П., инж., ген.-инсп. по инж. части.
Величко, К. И., инж., ген.-м.
Владимир Александрович, вел. кн., главнокомандующий войсками гвардии.
Вогак, К. И., св. ген.-майор.
Волков, В. С., ген.-л., нач. тыла манчж. армии.
Голицын, В. М., кн., моск. гор. голова.
Голицын, Л. С., кн., изв. винодел.
Губер, К. П., ген.-м., инт. манчж. армии.
Данилов, Н. А., ген. шт. полк.
Евгения Максимил., жена пр. А. П. Ольденбургского.
Елизавета Маврикиевна, в. кн., жена в. кн. Конст. Константиновича.
Елизавета Федоровна, в. кн., сестра имп. Александры Фед., жена в. к. Сергея Александровича.
Жилинский, Я. Гр., ген.-л., нач. шт. у адм. Алексеева.
Забелин, А. Ф., ген.-м., нач. воен. сооб. манчж. армии.
Карлова, Нат. Фед., гр., жена герц. Георг. Георг. Мекленбургского., рожд. Воллярская.
Каштalинский, Н. А., ген.-м. нач. 3 В. С. стр. дивизии.
Кнорринг, А., полк., сост. при воен. мин.
Константин Константинович, вел. кн., глав. нач. воен.-учебн. заведений.
Кристи, Гр. Ив., моск. губернатор.
Ксения Алекс., в. кн., жена в. кн. Александра Михайловича.
Кутаисов, гр., иркут. ген.-губернатор.
Левашев, Н. Н., ген.-л., нач. упр. воен. сообщений.
Линевич, Н. П., ген.-от-инф., ком. войсками до прибытия Куропаткина.
Лобко, П. Л., ген.-от-инф., госуд. контролер.
Макаров, С. О., адмирал.
Малахов, Н. Н., ком. грен. кор., ген.-от-инф.
Мария Павловна, в. кн., жена в. кн. Влад. Александровича.
Мещерский, В. П., кн., ред. журнала «Гражданин».
Мещерский, вероятно **С. Б.,** кн., Волокол. у. предвод. дворянства.
Мейснер, Е. А., ген.-м.
Михаил Александрович., вел. кн.
Мищенко, П. И., ген.-м., нач. Заб. каз. бригады.
Надаров, И. П., ген.-л., нач. тыла манчж. армии.
Обручев, Н. Н., ген.-ад., чл. гос. сов.
Ольга Александровна, в. кн., жена пр. П. А. Ольденбургского.
Остен-Сакен, бар., жена полк., сост. при Куропаткине.
Парчевский, П. А., Забайкал. воен. губернатор.
Петр Александрович, пр. Ольденбургский.
Победоносцев, К. П., ст.-секр., об.-прок. св. синода.
Реннэнкампф, П. К., ген.-л., нач. Заб. каз див.
Рожественский, З. П., св. контр.-адм.

Рудановский, К. А., ген.-м., командир. 2 бр. 1 гв. п. див.
Сахаров, Вл. Вик., ген.-л.
Сергей Александрович, в. кн., моск. ген.-губ.
Сиверс, полк. ген. шт., секр. Куропаткина.
Соболев, Л. Н., ген.-л., н. шт. моск. окр.
Соколовский, И. Н., уфим. губернатор.
Старк, О. В., вице-адм.
Сухотин, Н. Н., ген.-от-кав., омск. ген.-губернатор
Трубецкой, П. Н., кн., моск. губ. предв. дворянства.
Харкевич, В. И., ген.-л. ген. шт.
Хилков, М. И., кн., мин. пут. сооб.
Холщевников, И. В., ген.-л., воен. губ. Забайкал. области.
Хорват, Д. Л., пол., нач. Вост.-Кит. ж. д.
Чичагов, Н. М., ген.-л., нач. заам. окр. отд. корп. погр. стражи.
Шувалов, Пав. Андр., гр., ген.-ад.
Юсупова, З. Н., кн., жена кн. Фел. Фел., св. ген.-м.

Переписка Н. А. Романова и П. А. Столыпина *).

1906.

1.

1) Краткое объяснение причин роспуска Думы.

2) Неодобрение и порицание тем, кот. позволили себе грабить, жечь и захватывать чужую собственность.

3) Заявление, что все дальнейшие заботы мои, как отца о своих детях, будут направлены к справедливому обеспечению крестьян землею [1].

2.

Прошу вернуть мне телеграммы, полученные мною по случаю роспуска Думы.

Н.

(11 июля).

3.

[*Июль* [2]].

Принял Львова [3]. Гучкова [4]. Говорил с каждым по часу.

Вынес глубокое убеждение, что они не годятся в министры сейчас. Они не люди дела, т.-е. государственного управления, в особенности Львов. Поэтому приходится отказаться от старания привлечь их в совет мин. Надо искать ближе.

Нечего падать духом. *Н.*

---

*) Переписка Н. Романова с П. А. Столыпиным, состоящая из записок и писем Николая Романова к Столыпину и докладов Столыпина, печатается с подлинных документов, хранящихся во II Отделении Госархива Р.С.Ф.С.Р. Документы эти хранились, по всем данным, в Царско-Сельском Александровском дворце. Записки и письма Николая, все собственноручно написанные, частью чернилами, частью карандашом, собраны в особой кожаной папке, имеющей на первой странице надпись карандашом «Ц. С. Алекс. Дворец, Советский кабинет, кованный сундук». Доклады П. А. Столыпина взяты из архива Царско-Сельского дворца из Отдела «Государственная Дума» (Дело № 515, листы 66—83). Доклады все написаны от руки собственноручно Столыпиным. *Ред.*

4.

Прошу дать знать Самарину [5], что я желаю его видеть сегодня 18 июля, в 7 час.

Н.

5.

Июль.

Подыскивая возможных кандидатов на должность главноупр. зем. и землеустр., кроме Н. Н. Львова, я вспомнил о херсонском губернском предводителе С у х о м л и н о в е [6]. Говорят, что он в Петербурге. Постарайтесь увидеться с ним для беседы. По вынесенному затем впечатлению можно будет судить о будущем.

Н.

6.

Июль.

Я вспомнил про нашу беседу вчерашнюю, по поводу вашего желания о появлении статьи, объясняющей причину отказа общественных деятелей вступить в министерство.

Но так как Львов обещал вам ничего не писать в газетах, мне кажется нужным, чтобы вы его и других предупредили заранее о появлении такой статьи.

Мне известно о пущенном слухе, будто я переменил свое мнение о пользе привлечения людей со стороны, что, разумеется, не так.

Я был против вступления ц е л о й г р у п п ы лиц с какой-то программой.

Н.

7.

Красное Село. 2 августа 1906 г.

Обращаю серьезное внимание ваше на прилагаемые телеграммы. Распорядитесь немедленно поставить об этом в известность местную власть. Если сельские общества действительно уполномочили своих доверенных обратиться ко мне с такого рода ходатайствами, то им нужно будет разъяснить всю дерзновенность их поступка и предупредить о тяжких последствиях, на которые они себя обрекают. Это должно быть сделано от моего имени, с напоминанием места манифеста 9 июля [7] относительно ослушников моей воли.

Чем скорее это будет сделано, тем будет лучше.

Николай.

8.

Непрекращающиеся покушения и убийства должностных лиц и ежедневные дерзкие грабежи приводят страну в состояние полной

анархии. Не только занятие честным трудом, но даже сама жизнь людей находится в опасности.

Манифестом 9 июля было объявлено, что никакого своеволия или беззакония допущено не будет, а ослушники закона будут приведены к подчинению царской воле. Теперь настала пора осуществить на деле сказанное в манифесте.

Посему предписываю совету министров безотлагательно представить мне: какие меры признает он наиболее целесообразными принять для точного исполнения моей непреклонной воли об искоренении крамолы и водворения порядка.

Николай.

14 августа 1906 г.

P. S. Повидимому, только исключительный закон, изданный на время, пока спокойствие не будет восстановлено, даст уверенность, что правительство приняло решительные меры, и успокоит всех [8].

9.

27 авг. 1906 г.

На последнем докладе вы мне сказали, что к воскресенью, т.-е. к сегодняшнему дню, будут арестованы те лица в Петергофе, которые готовят террористические акты.

Между тем я узнал от Трепова [9], что еще ничего не сделано.

Считаю свое невольное заключение в «Александрии» не только обидным, но прямо п о з о р н ы м.

30 августа будет парад в моем присутствии, и к этому дню Петергоф д о л ж е н б ы т ь обезврежен.

Невозможно дольше ждать с ликвидацией здешней «облавы»— иначе или случится новое покушение, или анархисты улизнут. И то, и другое будет вящшим скандалом перед всем миром.

Николай.

10.

После нашего разговора сегодня относительно поездки в море государыня [10] и я решили отправиться отсюда в четверг, 31-го днем [11].

Я вас приму 5 сентября, в 2 часа.

Николай.

28 авг. 1906 г.

11.

Вернулись сегодня, 21 сентября, благополучно—здоровыми и отдохнувшими вполне.

Раньше возвращаться не стоило, так как погода была прекрасная, и хотелось ее использовать до конца. А главное, у меня совесть была

чиста, будучи убежден, что дела за моим отсутствием нисколько не останавливались.

Буду рад вас видеть в скором времени.

Николай.

12.

Ваше императорское величество.

Если долг генерал-адьютанта Дубасова [12] побудил его просить милости для покушавшихся на его жизнь, то мой долг ответить на вопрос ваш: «что вы думаете?» всеподданнейшею просьбой возвратить мне его письмо и забыть о том, что оно было написано.

Мне понятно нравственное побуждение Дубасова, но когда в Москве мятежники покушались на чужие жизни, не он ли железною рукою остановил мятеж?

Тяжелый, суровый долг возложен на меня вами же, государь. Долг этот, ответственность перед вашим величеством, перед Россиею и историею диктует мне ответ мой: к горю и сраму нашему лишь казнь немногих предотвратит моря крови; благость вашего величества да смягчает отдельные, слишком суровые приговора,—сердце царево—в руках божьих,—но да не будет это плодом случайного порыва потерпевшего!

Министр внутренних дел

Столыпин [13].

3 декабря 1906 г.

13[1]).

Царское Село. 10 декабря 1906 г.

Петр Аркадьевич.

Возвращаю вам журнал по еврейскому вопросу не утвержденным.

Задолго до представления его мне, могу сказать, и денно и нощно, я мыслил и раздумывал о нем.

Несмотря на самые убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому делу,—внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя никогда меня не обманывала. Поэтому и в данном случае я намерен следовать ее велениям.

Я знаю, вы тоже верите, что «сердце царево в руцех божиих».

Да будет так.

Я несу за все власти, мною поставленные, перед богом страшную ответственность и во всякое время готов отдать ему в том ответ.

Мне жалко только одного: вы и ваши сотрудники поработали так долго над делом, решение которого я отклонил.

---

[1]) Письмо опубликовано ранее в журнале «Былое», 1917, №№ 5—6.

Относительно помощи голодающим и способа объединения всего дела я говорил с ее величеством. Она охотно примет под свое покровительство высшее направление помощи. Очень важный вопрос о выборе достойного лица в виде помощника ей.

Мы еще никого не имеем в виду; прошу вас с своей стороны подумать об этом. У меня в 1891 году таковым был Плеве [14].

Николай.

14.

Ваше императорское величество.

Только что получил ваше повеление относительно оставления без последствий журнала по еврейскому вопросу.

Вашему величеству известно, что все мои мысли и стремления направлены к тому, чтобы не создавать вам затруднений и оберегать вас, государь, от каких бы то ни было неприятностей.

В этих видах, а не из желания испрашивать каких-либо изменений решения вашего по существу, я осмеливаюсь писать вашему величеству.

Еврейский вопрос поднят был мною потому, что, исходя из начал гражданского равноправия, дарованного манифестом 17 октября, евреи имеют законные основания домогаться полного равноправия; дарование ныне частичных льгот дало бы возможность Государственной Думе отложить разрешение этого вопроса в полном объеме на долгий срок.

Затем я думал успокоить нереволюционную часть еврейства и избавить наше законодательство от наслоений, служащих источником бесчисленных злоупотреблений.

Все это послужило основанием в обнародованном с одобрения вашего величества правительственном сообщении объявить, что коренное решение еврейского вопроса является делом народной совести и будет разрешено Думой, до созыва которой будут отменены неоправдываемые обстоятельствами времени наиболее стеснительные ограничения.

Затем еврейский вопрос был предметом обсуждения совета министров, журнал которого и был представлен вашему величеству, что, несмотря на полное соблюдение тайны, проникло, конечно, в прессу и в общество, ввиду участия многих лиц в составлении и печатании этой работы.

Теперь для общества и еврейства вопрос будет стоять так: совет единогласно высказался за отмену некоторых ограничений, но государь пожелал сохранить их.

Ваше величество, мы не имеем права ставить вас в такое положение и прятаться за вас.

Это тем более неправильно, что вы, ваше величество, сами указывали на неприменимость к жизни многих из действующих законов

и не желаете лишь в порядке спешности и чрезвычайности даровать от себя что-либо евреям до Думы.

Моя всеподданнейшая просьба поэтому такова: положите, государь, на нашем журнале резолюцию приблизительно такого содержания: «Не встречая по существу возражений против разрешения поднятого советом министров вопроса, нахожу необходимым провести его общим законодательным порядком, а не на основании 87 статьи законов основных, так как 1) вопрос этот крайне сложен, 2) не представляется, особенно в подробностях, бесспорным и 3) не столь спешен, чтобы требовать немедленного разрешения за два месяца до созыва Государственной Думы».

При таком обороте дела и министерство в глазах общества не будет казаться окончательно лишенным доверия вашего величества, а в настоящее время вам, государь, нужно правительство сильное.

Затем, если бы вашему величеству было угодно, можно было бы резолютивную часть журнала переделать и, не настаивая на 87 статье, испрашивать разрешения вашего величества, внести ли вопрос в Думу, или разрешить его в порядке чрезвычайном.

Простите мне, ваше величество, но я знаю, чувствую, что вопрос этот громадной важности. Если ваше величество не одобрите мои предположения и не разрешите мне прислать для наложения резолюции журнал, о возвращении которого никто пока не знает, позвольте приехать со словесным докладом в среду в $9^1/_2$ часов вечера.

Вашего императорского величества верноподданный

П. Столыпин.

10 декабря 1906 г.

15.

Ц[арское] С[ело]. 11 декабря 1906 г.

Из предложенных вами способов я предпочитаю, чтобы резолютивная часть журнала была переделана в том смысле—внести ли вопрос в Думу или разрешить его в порядке ст. 87.

Это самый простой исход.

Приезжайте, когда хотите, я всегда рад побеседовать с вами.

Николай.

1907.

16.

В четверг, в 11 час. утра, у меня соберется совещание по поводу мер, которые нужно принять по отношению к Финляндии.

Прошу вас присутствовать.

Не будет ли вам удобнее переночевать в Царском после вашего доклада. *Николай.*

30 января 1907 г.

17.

Имею счастье доложить вашему величеству, что заседание Думы [15]. под председательством д. т. с. Голубева [16] прошло благополучно.

Члены Думы правой партии после молебна дважды пропели гимн и огласили залы Таврического дворца возгласами «ура».

После привета Голубева от имени вашего величества правые встали, и член Думы Крупенский [17] громко провозгласил в честь вашего величества «ура», подхваченное всею правою стороною; левые не встали, но не решились на какую-либо контр-манифестацию.

Председателем Думы выбран Головин [18], кадет, председатель московской губернской земской управы (356 шарами против 102). Приветственная речь Головина была прилична.

Председатель совета министров

Столыпин.

20 февраля 1907 г.

18.

Ц[арское] С[ело]. 20 февраля 1907 г.

Благодарю вас, Петр Аркадьевич, за донесение о состоявшемся открытии Думы.

По-моему, лучше, что уже выбран председатель,—все-таки меньше неопределенности.

Поведение левых характерно, чтобы не сказать неприлично.

Вероятно, завтра придется принять Головина.

Будьте бодры, стойки и осторожны.

Велик бог земли русской.

Николай.

19.

Приемлю долг доложить вашему величеству, что сегодня мною прочитано в заседании Государственной Думы сообщение правительства [19].

После бурных нападок левых с призывом к открытому выступлению и стойкого отпора правых, мною произнесена речь, прилагаемая при сем в стенограмме [20].

Государственная Дума постановила принять простой переход к очередным делам.

Настроение Думы сильно разнится от прошлогоднего, и за все время заседания не раздалось ни одного крика и ни одного свистка.

Председатель совета министров

Столыпин.

6 марта 1907 г.

20.

Приемлю долг доложить вашему величеству, что меня сильно озабочивает забастовка судовых команд в Баку [21], во всех портах Каспийского моря, грозящая прекращением вывоза нефти и полною остановкою всей нашей заводской промышленности.

Я предупреждал об этом наместника [22], с разрешения вашего величества, шесть недель тому назад и рекомендовал ему увеличить гарнизон и принять другие меры. Однако кавказское начальство предупреждению не поверило и ничего не предприняло

Теперь, по моему мнению, настоятельно необходимо: немедленно послать в Баку не менее двух полков (там теперь всего 3.500 штыков) и под охраною войск поставить на суда новые команды, а забастовщиков, хотя бы 1.000 человек, выслать из края.

На посылку соответственной телеграммы наместнику испрашиваю разрешения вашего величества.

В Государственной Думе продолжается словоизвержение зажигательного характера, а о работе не слышно. По вопросу о военно-полевых судах нам удалось, однако, свести вопрос на-нет. Я не напоминаю Думе о необходимости работать и рассмотреть бюджет, так как это напоминание растолкуют нашим якобы желанием заключить заем.

Сильное осложнение вносит убийство в Москве сегодня Иоллоса [23], бывшего члена Государственной Думы и приятеля Герценштейна [24].

Председатель совета министров

Столыпин.

14 марта 1907 г.

21.

Вполне разделяя ваши соображения о необходимости принятия указанных вами мер в Баку, прошу вас послать наместнику настоятельную о том телеграмму.

Николай.

15 марта 1907 г.

22.

В деле плодотворной работы Государственной Думы [25] громадное значение имеет правильное и беспристрастное направление прений председателем. Между тем Ф. А. Головин почти не останавливает левых ораторов, что особенно ярко вылилось в речах Алексинского [26], Наливкина [27], по делу о привлечении к следствию членов Думы. Речи эти крайне резкого и неприличного характера были произнесены беспрепятственно, попытка же возразить им со стороны члена Думы Люце [28] была остановлена председателем.

Крайние речи по аграрному вопросу [29], рассылаемые по всей России, а также печатные письма от имени депутатов [30] представляют серьезную опасность для спокойствия деревни.

Газетные слухи о решении комиссии о безработных (председатель—Горбунов [31], секретарь—Алексинский) вступать в прямые сношения с рабочими также наводят на размышления.

Кончина ст.-секр. Фриша [32] выдвигает вопрос о назначении ему преемника.

Сколько я ни думал над этим—другого имени, кроме почтенного Акимова [33] мне не приходит в голову.

Во всяком случае, до свидания с вами я этого вопроса не решу.

Н.

31 марта 1907 г.

23.

Вчера, 1 апреля, утром мною получена записка Головина. Я ее отправил бар. Фредериксу [34] и написал ему, что, предварительно назначения времени приема Головину, последний должен письменно изложить мне сущность тех вопросов, о которых он желает мне доложить.

Я стараюсь оттянуть это скучное дело.

Надеюсь, вы поправитесь скоро. До свидания.

Николай.

2 апр. 1907 г.

24.

Приемлю долг послать вашему величеству, ввиду завтрашней аудиенции Головина, еще одну стенограмму, в которой отмечены обвинения Родичевым [35] правительства в мошенничестве, при чем он не был остановлен председателем.

Смею напомнить, что крестьянин Кирносов [36], тоже не остановленный председателем, заявил о том, что его прислали «взять землю, а не покупать ее».

Я уверен, что твердое слово вашего величества Головину будет первым грозным предостережением против революционирования народа с думской кафедры.

Сегодня я был в Думе; впечатление тусклое и серое. В комиссиях, по словам наших чинов, не умеют взяться за работу ввиду неподготовленности и неумения работать вообще.

Дума «гниет на корню», и многие левые, видя это, желали бы роспуска теперь, чтобы создать легенду, что Дума создала бы чудеса, да правительство убоялось этого и все расстроило.

Ожидаю с нетерпением результатов аудиенции, данной сегодня вашим величеством Акимову, и завтрашнего знаменитого разговора с Головиным.

Видел сегодня князя Васильчикова [37] и на-днях сведу его с Коковцевым [38].

Председатель совета министров

Столыпин.

9 апреля 1907 г.

25.

Вчера говорил с Акимовым. Как честный слуга он, очевидно, принял покорно назначение свое председ. гос. совета.

Разговор с Головиным сегодня прошел успешно. Я ему высказал все, что имел на душе и в мыслях,—не резко.

Он старался выгораживать себя довольно слабо. Настроен оптимистично, думая, что Госуд. Дума после пасхи заработает!

Николай.

26.

Приемлю долг доложить вашему величеству, что, обдумывая вопрос об имеющих последовать назначениях в государственный совет и зная о намерениях вашего величества, я не могу не высказать некоторых опасений по отношению к кандидатуре Дмитрия Хомякова [39]: он известен как убежденный славянофил и сторонник общины, в настоящее же время вся правительственная политика направлена к насаждению мелкой частной собственности, одинаково ненавистной и революционерам, и славянофилам.

Я уже высказывал эти свои соображения вашему величеству, теперь же убедился, что их разделяет и М. Г. Акимов, и поэтому осмеливаюсь вновь их повторить.

Вчера посетил меня Головин, в высшей степени предупредительный и высказывающий убеждение, что Дума поправеет. Однако он, видимо, побаивался сегодняшнего заседания и вполне сознавал, что в случае отказа Думы в утверждении контингента новобранцев она будет распущена [40].

Теперь 5 часов, а должны говорить еще 45 ораторов. Думаю, что вопрос все же пройдет, так как роспуска панически боятся. О результате, согласно приказанию вашего величества, немедленно доложу.

Председатель совета министров

Столыпин.

16 апреля 1907 г.

27.

Приемлю долг доложить вашему величеству, что, как видно из прилагаемого стенографического отчета, члену Думы Зурабову (армянин), оскорбившему армию [41], было сделано замечание, и он лишен был слова.

Между тем, на вопрос Головина, сделанный мне по телефону во время перерыва заседания, о том, какой исход дела я признавал бы

желательным, я ответил ему, что министры не вернутся в зал заседаний, если Зурабов не будет на это заседание из Думы исключен.

Не исполнив этого условия и будучи, вероятно, смущен моим распоряжением о том, чтобы сегодня вечером представители министерства не являлись в думские комиссии, Головин просил, чтоб я его принял, и был у меня в 12 часов ночи.

Он очень смущен и говорит, что не мог выполнить мое желание, ввиду отказа польского коло голосовать за исключение Зурабова,—без поляков же не образовывалось большинства, и предложение было бы отклонено, что еще ухудшило бы положение.

Я ему объяснил, что, во всяком случае, сделанным Зурабову замечанием я не считаю уничтоженным оскорбление, нанесенное в Думе русской армии, и что, пока Дума не даст достаточного удовлетворения армии, военный министр в Думе не покажется.

При этом я позволил себе упомянуть, что знаю, насколько чувствительно ваше величество относитесь ко всему, касающемуся чести армии, и что Дума должна помнить и об обязанностях своих к вам, государь, как к верховному вождю армии.

На вопрос Головина, что я советую ему делать, я сказал ему, что Дума в глазах правительства покажет желание удовлетворить армию, если 1) примет переход к очередным делам с выражением уважения к доблестной русской армии и уверенности в беззаветной ее преданности родине и царю и 2) если Головин завтра же сделает визит генералу Редигеру [42] с извинением за происшедшее.

Головин обещал мне все сделать, чтобы провести первое мое предложение и обещал завтра же быть у военного министра. Не мог я не высказать Головину, что в каждом иностранном парламенте такого Зурабова разорвали бы на клочки или, по крайней мере, отхлестали бы.

Председатель совета министров

Столыпин.

17 апреля 1907 г.

28.

На поздравительные телеграммы по случаю дня моего рождения прошу отвечать изъявлением всем моей благодарности.

И.

6 мая 1907 г.

29.

Представляя настоящий всеподданнейший доклад, приемлю долг доложить, что князь Челокаев [43] был сильно настроен против тамбовского губернатора Муратова [44], так как находил его слишком ретроградным. Теперь князя Челокаева сожгли, и он, вероятно, изменив свои взгляды, будет ходатайствовать о мерах строгости.

Независимо от сего, считаю долгом известить, что я справлялся о московском Тютчеве [45], которого ваше величество предполагали назначить в государственный совет и получил о нем самые лучшие сведения, как о весьма порядочном человеке самого лучшего направления. Что касается профессора Янжула [46], то говорят, что он очень состарился и уже мало пригоден к работе.

Председатель совета министров

Столыпин.

13 мая 1907 г.

30*).

Приемлю долг доложить вашему величеству, что все готово к предъявлению Государственной Думе в пятницу требования об устранении из своей среды 55 членов и к роспуску Думы в случае ее отказа в этом [47].

Одновременно будет предъявлено требование о разрешении немедленно заключить под стражу 15 наиболее уличаемых членов Думы, которые вместе с тем являются и цветом левых партий. Совет министров признал невозможным требовать разрешения ареста всех 55 членов, так как это имело бы характер не серьезного судебного обвинения, а политической мести. Но так как обвинение и требование исключения из Думы будет касаться всех пятидесяти пяти, то в случае попытки скрыться они все будут задерживаться полициею.

Избирательный закон переписывается и будет послан вашему величеству к подписи завтра.

Наместник усиленно просит не исключать совсем Кавказа [48], но мне представляется лучшим временно приостановить там выборы.

Манифест будет также готов завтра и прислан на окончательное благовоззрение вашего величества: в нем вчера в совете министров сделано два-три ничтожных исправления в выражениях.

Председатель совета министров

Столыпин.

30 мая 1907 г.

31.

Имею счастие представить при сем вашему величеству переписанный манифест к подписанию.

Если потребовались бы еще какие-либо исправления, то можно успеть его переписать еще раз.

В указе о роспуске Думы для правительствующего сената, уже подписанном вашим величеством, я впишу назначенный вами срок созыва новой Думы (1 ноября) и, соответственно этому, срок начатия выборов.

---

*) Письмо опубликовано ранее в. ж. «Былое» 1918 г. № 2.

При сем прилагаю к подписанию вашего величества указ об отсрочке до 1 ноября и заседаний государственного совета.

Завтра вношу известное вашему величеству требование в Думу, и если в субботу она его не выполнит, то, согласно приказанию вашего величества, объявлю высочайший манифест и указ о роспуске. Новый избирательный закон будет представлен к подписанию завтра, в пятницу.

Председатель совета министров

Столыпин.

32.

Только что получены мною исторические слова вашего величества, которые я позволил себе прочесть господам министрам.

Совет заседал до трех часов ночи, все было готово к роспуску. Манифест и все документы напечатаны, но ожидались подлинные документы за подписью вашего величества, чтобы дать сигнал для обнародования.

Верьте, государь, что все министры, несмотря на различные оттенки мнений, проникнуты были твердым убеждением в необходимости роспуска, и колебаний никто не проявлял. Думе дан был срок, она законного требования не выполнила и по слову вашему перестала существовать.

Я крепко верю, что господь ведет Россию по предуказанному им пути и что вашему величеству предстоит еще счастье видеть ее успокоенною и возвеличенною.

Простите, ваше величество, за плохой почерк предыдущего донесения,—объясняется он переутомлением, так как не приходится спать неразобранное вашим величеством слово было—надпись «утверждаю».

Председатель совета министров

Столыпин.

2 июня 1907 г.

33.

Петр Аркадьевич.

Вас, может быть, удивило, что я на-днях утвердил доклад и основные соображения ген. Вендриха [49] относительно приступа к сформированию эксплоатационного корпуса. Мысль эта меня давно интересовала, я ее нахожу принципиально правильною и для России безусловно необходимою.

Действительно, систематическая организация личного состава железнодорожных служащих и рабочих ж.-д. мастерских, т.-е. элемента весьма неспокойного и недисциплинированного, в кадры или дружины—представляется мерою весьма полезною.

Я слышал, что в М. П. С. предполагалось созвать совещание для разработки этого вопроса. Но вы сами знаете обычный результат и волокиту таких рассмотрений в министерствах, в особенности,

когда разбираемое дело многим является не по вкусу. Поэтому я решил дать самому автору и убежденному проповеднику этого проекта возможность провести его в жизнь.

Посмотрим, выйдет ли что на деле; во всяком случае, от опыта, первоначально введенного на обоих столичных жел.-дор. узлах, ничего дурного произойти не может. Вероятно, Шауфус [50] будет обижен,— что же делать!

Я имею всегда одну цель перед собой: благо родины: перед этим меркнут в моих глазах мелочные чувства отдельных личностей.

Уверен, вы меня понимаете, любезный Петр Аркадьевич.

Я торопился, поэтому написал карандашом.

Николай.

23 окт. 1907 г.

34.

Петр Аркадьевич.

С предположениями вашими относительно предстоящих распоряжений по Финляндии я согласен. Так как Зейн [51]—генерал, то мне кажется, что назначение его помощником ген.-губ. должно состояться военным приказом. Будучи вызван сюда и узнав о состоявшемся решении без его ведома, Герард [52] немедленно попросится оставить должность ген.-губ. и уже более в Гельсингфорс не вернется.

Поэтому Зейну придется сразу исправлять должность ген.-губ., тем более, что ген. Бекман [53] будет в Выборге.

Очень важно теперь же приступить к выработке текста указа и правительственного сообщения, в которых нужно ясно и определенно изложить причины объявления Выборгской губернии на военном положении. Считаю также полезным опубликование оповещения от имени выборгского военного генер.-губерн. населению этой области—немедленно по вступлении его в должность. Лучше заранее все подготовить спокойно.

Относительно приема Гос. Думы [54] я пришел к следующему заключению: теперь принимать ее рано, она себя еще недостаточно проявила в смысле возлагаемых мною на нее надежд для совместной работы с правительством.

Следует избегать преждевременных выступлений с моей стороны и прецедентов.

Эту точку зрения безусловно разделяет и государыня императрица.

Поживем, увидим!

Николай.

9 ноября 1907 г. Ц[арское] С[ело].

35.

Какая неприятная досада, что приходится откладывать решенное крупное дело.

Не понимаю, каким образом могли разгласиться слухи?

Неужели наша русская болтливость?

Прилагаю и прошу вас прочесть эту записку, доставленную мне с месяц тому назад Дейтрихом [55].

Невольно задумываешься над мыслью о своевременности приведения обеих мер в исполнение разом.

Это желательно серьезно обсудить.

Николай.

11 ноября 1907 г.

36.

Вполне согласен, что необходимо продолжать приготовление в войсках для введения их в Выборгскую губернию и довести эти приготовления до конца, а затем обождать подходящего момента.

Я сам передам военному министру о назначении Зейна, однако, твердо не знаю, нужно ли дополнительное приказание и статс-секретариату?

Теперь приезд Герарда ничему не помешает.

Николай.

12 ноября 1907 г.

37.

Случилось то, что я предвидел. После длинного и тягостного разговора моего с Герардом он на словах просил и затем прислал прошение об увольнении от должности. Удерживать его дольше нельзя. Теперь надо назначить ген. Бекмана генерал-губернатором. Об этом я предупредил в. к. Николая Николаевича [56]. Прошу вернуть мне письмо Герарда.

Н.

1 декабря 1907 г.

38.

Я не ответил членам Гос. Думы на две их вчерашние телеграммы, которые послал вам в отдельном пакете.

Прошу представить мне два проекта таковых.

Удручен внезапною кончиною Философова [57]. Еще новая забота для вас в приискании преемника ему.

Н.

7 декабря 1907 г.

39.

С Кауфманом [58] объяснился.

Он просил об одном,—чтобы Герасимов [59] не был уволен раньше его ухода.

С этим я согласился. Мне кажется, что увольнение обоих одновременно докажет всей России, что мною не одобрялась политика мин-ва народн. просвещения.

Сейчас из моего кабинета вышел Герард. Он вовсе не кипятился, как при последнем докладе, и теперь относится спокойно к прежде волновавшим его вопросам. Он мне назвал имя знатока финляндских дел—сенатора Судейкина [60], бывшего при покойном Плеве управляющим делами статс-секретариата, как полезного члена вашего совещания. Наведите о нем справку.

Николай.

22 декабря 1907 г.

40.

Танееву [61] даны указания относительно увольнения Герасимова в отставку.

Разделяю соображения ваши по поводу неудобства, связанного с появлением рескрипта на имя Шварца [62].

Желаю и вам, Петр Аркадьевич, здоровья, бодрости души и тела и всякого успеха в 1908 году.

Николай.

30 дек. 1907 г.

1908.

41.

Прошу просмотреть прилагаемые дела.

Думаю, что проект закона о промыслах заслуживает внимания. Не можете ли вернуть мне эти доклады в четверг утром?

Н.

22 января 1908 г.

42.

Вот все, что мне удалось найти в моих бумагах за время гр. Витте [63], касательно Финляндии (октябрь—декабрь 1905 г.).

Можете приказать снять копии с этих документов и затем вернуть их мне.

Николай.

6 марта 1908 г. Ц[арское] С[ело].

43.

Ц[арское] С[ело]. 11 марта 1908 г.

Извиняюсь и прошу вас, Петр Аркадьевич, приехать ко мне с докладом не завтра, в среду, а в четверг, в 10 час. вечера.

Я очень занят эти два дня и освобожусь к четвергу. Меня очень озабочивают морские вопросы; о них мы поговорим при докладе.

Николай.

44.

Только что получил от ген. Бекмана прилагаемый доклад. Ему, конечно, виднее на месте значение и последствия предлагаемой им меры.

Поэтому я думаю согласиться на роспуск сейма [64]. Но предварительно желаю знать ваше мнение, которое прошу прислать мне завтра, во вторник.

Н.

7 марта 1908 г.

45*).

Вследствие бури и невозможности сесть на яхту в Кронштадте, мы решили поехать в Ревель [65] по жел. дор. прямо к порту, как мы это сделали в 1904 году осенью.

Н.

46.

Посылаю вам на прочтение это обращение прошлого сейма Финляндии от 1 ноября 1907 года и только что переданный мне министром-статс-секретарем. Я написал на полях доклада Лангофа [66] «оставить без последствий», потому что этого сейма уже нет. Но очень хотелось отписать им крепкое слово, точно так же и Думе за ее слепое и ничем не оправдываемое отклонение кредита на воссоздание флота. И это как раз накануне прибытия короля английского.

Николай.

25 мая 1908 г.

47.

Прошу представить мне доклад по поводу прилагаемых газетных вырезок. Их передала мне сегодня великая княгиня Вера Кон-

*) На подлинном помечено: «получено 24 мая 1908 г.»

стантиновна [67]. Составьте доклад в виде объяснительной записки, которую я мог бы передать вел. княгине.

Н.

31 октября 1908 г.

48.

Я ошибочно согласился сегодня, утром, на ваш приезд ко мне с докладом завтра, в 10 час. вечера.

Мне в о о б щ е неудобно принимать в субботу и в воскресенье по вечерам. Поэтому, если доклад терпит, то отложите его до понедельника, в 10 час. вечера.

Отчет якутского губерн. [68], посылаемый мною сегодня, заслуживает особого внимания совета министров; в нем есть очень характерные цифры.

Николай.

28 ноября 1908 г.

1909.

49.

Предупреждаю вас, что я сегодня имел с А. П. Извольским [69] серьезный разговор, после которого он более не будет просить об уходе.

Вам говорить с ним по этому поводу не нужно.

Николай.

13 января 1909 г.

50.

Царское Село. 24 янв. 1909 г.

Петр Аркадьевич.

В конце прошлого года было испрошено мое соизволение на открытие подписки для сооружения храма в память моряков, погибших в прошлую войну с Японией.

Совесть моя повелевает мне восполнить тот невольный пробел, который таким образом получился; а именно, немедленно озаботиться об увековечении памяти павших воинов на далеких полях Манчжурии.

На основании этой мысли предлагаю вам возбудить на заседании совета мин-в следующие вопросы:

1) ограничиться ли собранием средств путем всероссийской подписки на сооружение церкви-памятника, или

2) кроме такого храма, устроить и привести в порядок кладбища, находящиеся в Манчжурии;

3) обсудить, каким образом возможно объединить деятельность уже существующего комитета под почетным покровительством королевы Ольги Константиновны [70], с имеющим образоваться военным;

4) я нахожу нужным, чтобы оба эти учреждения состояли под общим покровительством государыни императрицы Александры Феодоровны, и

5) в какой форме следует объявить о моей воле,—указом ли сенату, или рескриптом?

Я придаю всему этому делу большое значение и желаю, чтобы было понято в России, что инициатива идет от меня.

Николай.

51.

Царское Село. 25 апреля 1909 г.

Петр Аркадьевич.

После моего последнего разговора с вами я постоянно думал о вопросе о штатах мор. ген. штаба.

Ныне взвесив все, я решил окончательно представленный мне законопроект не утверждать.

Потребный расход на штаты отнести на 10 мил. кредит.

О доверии или о недоверии речи быть не может.

Такова моя воля.

Помните, что мы живем в России, а не за границей или в Финляндии (сенат), и поэтому я не допускаю и мысли о чьей-либо отставке. Конечно, и в Петербурге, и в Москве об этом будут говорить, но истерические крики скоро улягутся.

Поручаю вам выработать с военным и морским министрами в месячный срок необходимые правила, которые устранили бы точно неясность современного рассмотрения военных и морских законопроектов.

Предупреждаю, что я категорически отвергаю вперед вашу или кого-либо другого просьбу об увольнении от должности.

Уважающий вас

Николай.

52.

Прошу уведомить всех министров, чтобы во время моих плаваний и путешествий они не присылали всяких приложений и подношений при письменных докладах.

Н.

29 мая 1909 г.

1910.

53.

Ц[арское] С[ело]. 8 февраля 1910 г.

Сегодня я принял Гершау-Флотова [71], подробно расспрашивал его о витебских делах и пришел к твердому заключению, что его убирать из губернии было бы ошибкой. Я ему сам высказал мое желание, чтобы он оставался там губернатором.

Николай.

54.

Желаю к завтрашнему дню благовещения даровать помилование Гурко [72], о чем известите министра юстиции и его самого.

Николай.

55.

Петергоф. 30 мая 1910 г.

Петр Аркадьевич.

Прошу вас оповестить всех гражданских министров, чтобы они во время моего отсутствия не посылали при письменных докладах никаких приложений, планов и т. п.

Прикажите доставлять мне всю обычную телеграфную корреспонденцию, агентские телеграммы—по телеграфу в Балтийский порт.

Предупреждаю вас об этой подробности потому, что в прошлые стоянки на рейде «Штандарт» телеграммы доставлялись из глав. морского штаба в больших пакетах два раза в неделю с фельдъегерем.

Всякий смысл телеграммы при этом, конечно, терялся.

Желаю вам хорошо отдохнуть и до свидания до Риги.

Николай.

56.

22 сент. 1910 г.
Burg Friedberg.

Петр Аркадьевич.

С удовольствием узнал о благополучном возвращении вашем из интересной поездки по Сибири [73]. Буду ожидать письменного доклада вашего и Кривошеина [74] по поводу всего виденного вами и с предположениями относительно дальнейших мер по переселению. Прочное землеустройство крестьян внутри России и такое же устроительство переселенцев в Сибири—вот два краеугольные вопроса,

над которыми правительство должно неустанно работать. Не следует, разумеется, забывать и о других нуждах—о школах, путях сообщения и пр., но те два должны проводиться в первую голову.

Два слова о Финляндии.

Случилось то, что мы предвидели,—сейм отверг представленные ему для заключения законопроекты [75].

Поэтому мне приходит в голову следующее соображение. При покойном Бобрикове [76] было два аналогичных случая. На имя генерал-губернатора был издан рескрипт с порицанием происшедшего, с пояснением моей точки зрения, с изъявлением моей воли относительно предстоящего направления данного вопроса и с напоминанием в конце рескрипта о сомнительной пользе дальнейшего существования или созыва сеймов.

Предлагаю издание подобного акта, как мысль. Если вы ее найдете подходящею, разрешаю обсудить ее в совете министров, в противном случае объясните письменно причину.

Итак, за мое отсутствие два министра ушло [77]. Сазонов [78] и неизвестный Кассо [79] займут их места.

Дай бог, чтобы они оправдали свое назначение.

Живем мы здесь спокойно. Лечение ее величество переносит хорошо, но оно еще далеко не кончено [80]. Я много разъезжаю на моторе и знаю теперь окружающую местность не хуже Петербургской губернии. Что за дороги?!.

До свиданья. Крепко жму вашу руку.

Николай.

1911

57.

Статья вашего брата во вчерашнем № «Нового Времени» мне не понравилась [81]. Вдумайтесь в отмеченные мною места—относительно армии и закона 9-го ноября. Разве оба мероприятия произошли от Гос. Думы?

И.

10 января 1911 г.

58.

Я решил теперь же командировать в гор. Царицын для расследования и доклада мне известных обстоятельств флигель-адъютанта Мандрыку [82]. Народ должен знать, что царю близки его горе и его радости.

Николай.

2 февраля 1911 г.

59 *).

Улучш. законодат. о евреях.
Бессараб. губ.
Об углублении канала в наш. рукаве Дуная до 30 ф.

60.

Прошу приказать вести счет телеграммам, получаемым мною от союза рус. народа и за сим представить мне общую ведомость.

Н.

Примечания.

[1]) Записка Н. Романова без даты. Записку следует отнести к 1906 г., так как изложенные в ней положения вошли в содержание манифеста 9 июля 1906 г. о роспуске I Госуд. Думы. Так как записка находится среди бумаг Столыпина, надо предполагать, что она была или черновиком не дошедшего письма к Столыпину или же записью блокнота перед аудиенцией.

[2]) Подлинник без даты, но следует это письмо отнести к июлю 1906 г., так как в это время после роспуска I Государственной Думы правительством велись переговоры с Гучковым, Львовым, Самариным и друг. о вступлении их в кабинет. В правительственном сообщении от 24 июля 1906 г. говорилось: «отдельные обще. ственные деятели, из которых Н. Н. Львов и А. И. Гучков были приняты его величеством, в продолжение аудиенции полагали, что они в целях мирного проведения реформы могут оказать большую пользу, не уходя в настоящую минуту от общественной деятельности, которая им свойственна».

[3]) *Львов, Николай Николаевич* (1867) земский деятель; член I, III и IV Гос. Думы (к.-д.; мирн. обн.; прогрессист).

[4]) *Гучков, Александр Иванович*, лидер октябристов, председатель III Государственной Думы в 1908 г.

[5]) Подлинник даты не имеет. Письмо следует отнести к 1906 году, так как в июле этого года с Самариным велись переговоры о вступлении в правительство.

Самарин Федор Дмитриевич, член государ. совета по выборам от двор. обществ.

[6]) *Сухомлинов, Николай Федорович*, камергер, предводитель дворянства Херсон. губ.

[7]) Манифест 9 июля 1906 г. сопровождал роспуск I Государственной Думы. В манифесте от 9/VII о земельном вопросе было сказано следующее: «Да восстановится же спокойствие на земле русской и да поможет нам всевышний осуществить главнейший из царственных трудов наших—поднятие благосостояния крестьянства. Воля наша к тому непреклонна, и пахарь русский, без ущерба чужому владению, получит там, где существует теснота земельная, законный и честный способ расширить свое землевладение». По адресу «ослушников» закона в манифесте сказано следующее: «Да будет же ведомо, что мы не допустим никакого своеволия или беззакония и всею силою государственной моши приведем ослушников закона к подчинению нашей царской воле».

---

*) Письма №№ 59 и 60 без дат. *Ред.*

[9]) Военно-полевые суды введены 19 августа 1906 г. и существовали по 20 апреля 1907. В заседании 13 марта 1907 происходили начавшиеся 12 марта прения по законопроекту об отмене в.-пол. судов. Выступал Столыпин. Дума избрала комиссию из 16 лиц для передачи в нее законопроекта.

[9]) *Трепов, Дмитрий Федорович* (ум. 1906), генерал-лейт., спб. генерал-губернатор и затем дворцовый комендант.

[10]) *Александра Федоровна* (1872—1918), жена Николая Романова.

[11]) 31 августа 1906 г. Н. Романов отправился в финляндские шхеры.

[12]) *Дубасов, Федор Васильевич* (1845—1912), ген.-ад., адмирал, член госуд. совета; московский ген.-губернатор с ноября 1905 по июль 1906 года. Руководил подавлением московского восстания в декабре 1905 года.

Покушение на Дубасова произведено 2 дек. 1906 г. Березиным и Воробьевым в Петербурге (в Таврическом саду). По приговору военно-полевого суда покушавшиеся повешены. Дубасов получил контузию и чрез несколько дней после покушения был произведен из вице-адмиралов в адмиралы.

[13]) *Столыпин, Петр Аркадьевич* (1862—1911), председатель совета министров, мин. вн. дел., член госуд. совета, гофмейстер. 1899 — Ковенский губ. предв. дворян.; 1902 — Гроднене. губ; 1903 — Саратов. губ.: с 26 апреля — мин. вн. дел., с 8 июля 1906 — председ. сов. министров с оставлением в должн. мин. вн. дел. Убит охранником Багровым.

[14]) *Плеве, Вячеслав Константинович*, министр внутренних дел 1902—1904. Особый комитет помощи голодающим в местностях, пострадавших от неурожая, был образован 17 ноября 1891 г. под председательством Николая, тогда наследника. Плеве заведывал делопроизводством этого комитета.

[15]) II Госуд. Дума была открыта 20 февраля 1907, существовала по 3/VI 1907, имела 53 заседания. Председатель ее был Ф. А. Головин, тов. председ. Н. Н. Познанский (прис. пов.) от Харькова, левый и М. Е. Березин (земский деятель) от Саратова, трудовик, секретарь М. В. Челноков, к.-д. Ко дню открытия Думы партийный состав ее был таков: правых — 63, октябристов и умеренных — 34, к.-д. — 117, польских депутатов — 39, левых (в их числе трудовики)—97, социалистов (с.-д., с.-р., и н.-с.) — 83, беспартийных — 22.

[16]) *Голубев, Иван Яковлевич* (1841), д. т. с., товарищ председателя госуд. совета с 20 мая 1906 года.

[17]) *Крупенский, Павел Николаевич* (1863), член I (правый) и III (националист) Государственной Думы.

[18]) *Головин, Федор Алексеандрович* (1866), 1898—1906 председатель моск. губ. земской управы, председатель II Госуд. Думы, к.-д.

[19]) Декларация, прочитан. Столыпиным в засед. Гос. Дум. 6 марта 1907, содержала длинный перечень законопроектов, выработанных министерством и внесенных в Думу. Декларации аплодировали только правые; центр и левые молчали.

[20]) К письму приложена стенограмма известной речи Столыпина, заканчивающейся словами: «Не запугаете!»

[21]) 10 марта 1907 г. в Баку среди судовых команд пароходов (135) возникла забастовка, охватившая вскоре и другие порты Каспийского моря. Пассажирское и товарное движение остановилось. «Для принятия мер к немедленному восстановлению спокойствия» был командирован из Петербурга отд. корпуса жандармов г.-м. бар. Таубе.

[22]) Наместник на Кавказе—гр. Воронцов-Дашков, Илларион Иванович (1836—1916) ген.-ад., ген.-от-кавалерии.

[23]) *Иоллос, Григорий Борисович* (1859—1907), литератор, член I Госуд. Думы и тов. председателя бюджетной комиссии. Убит в Москве членами «союза русского народа».

[24]) *Герценштейн, Михаил Яковлевич* (1859—1906), известный экономист. пр.-доц. моск. университета, видный член I Государственной Думы; к.-д. Убит черносотенцами в Териоках.

[25]) Письмо без даты. Оно написано не раньше 30 марта 1907, так как упоминаемые в нем прения при обсуждении сообщения министра юстиции о привлечении к суду членов Гос. Думы (соц.-дем.: Кузнецова, Геруса и Купстоси) происходили в заседании Думы 30 марта 1907.

[26]) *Алексинский, Григорий Алексеевич* (род. 1880), корректор, член II Госуд. Думы от СПБ., соц.-демократ, член группы «Единство», в настоящее время один из деятелей белогвардейской эмиграции.

[27]) *Наливкин, Владимир Петрович* (род. 1852), член II Госуд. Думы от Ташкента, б. помощн. военного губ. Ферганской области, соц.-дем.

[28]) *Люце, Людвиг Готлибович*, член II Госуд. Думы, октябрист.

[29]) Аграрный вопрос обсуждался II Госуд. Думой в течение 10 заседаний. По этому вопросу произносили речи 89 ораторов. Из социал-демократов выступило 9 ораторов, с.-р.—10, дашнакцутюнов—2, народн. соц.—5, трудовиков—11, кадетов — 16, октябристов — 13 и правых — 15.

[30]) Печатные письма о деятельности Госуд. Думы, рассылавшиеся в большом количестве по провинции с.-д. депутатами, фигурировали в качестве вещественных доказательств по делу о с.-д. фракции II Госуд. Думы.

[31]) *Горбунов, Григорий Арсеньевич* (1871), врач, член II Госуд. Думы от Терской области, с.-р., чл. III Думы.

[32]) *Фриш, Эдуард Васильевич* (1833 — 1907), председатель государственного Совета.

[33]) *Акимов, Михаил Григорьевич* (1847), б. мин. юстиции, ст.-секр., председатель госуд. совета (с 10 апреля 1907).

[34]) *Фредерикс, Владимир Борисович* (1838), граф, ген.-ад., ген.-от-кав., министр император. двора 1897—1917.

[35]) *Родичев, Федор Измайлович* (1856) член I, II (от Тверской губ.), III и IV Госуд. Думы, к.-д. В заседании Думы от 6 апреля 1907 г., Родичевым во время обсуждения вопроса о признании выборов членов Госуд. Дум. от Тамбовской г. было сказано следующее: «Задача нашей Думы напомнить стране, что существуют такие первоначальные условия честности в выборах, которые обязательны для всякого правительства» и, обсуждая тамбовские выборы, он продолжал: «когда перед нами вскрывается картина того, что невежливо может быть названо «выборным мошенничеством», то мы должны поставить вопрос: достигло ли это мошенничество цели».

[36]) *Кирносов, Никита Савельевич* (1859), крестьянин, член II Госуд. Думы от Саратовской губ., с.-р.

[37]) *Васильчиков, Борис Александрович* (1863), шталмейстер, чл. госуд. совета, главноупр. землеустр. и земледелием.

[38]) *Коковцев, Владимир Николаевич* (1853), мин. финансов 1904 — 1905 и 24 апреля 1906—1 января 1914 г. член госуд. совета, сенатор, с 1914, граф.

[39]) *Хомяков, Дмитрий Алексеевич*.

[40]) 16—17 апреля 1907 г. Госуд. Дума в закрытом заседании обсуждала и приняла законопроект военного министерства о контингенте новобранцев на 1907 г. большинством 193 против 129 голосов.

[41]) *Зурабов, Аршак Герасимович* (1873), журналист, член II Госуд. Думы от Тифлиса, соц.-дем., выступал в закрытом заседании Думы 16 апреля 1907 при обсуждении законопроекта о контингенте новобранцев. Как видно из стенограммы Г. Думы 2 созыва за № 1105 Зурабовым было сказано следующее: «Исходя из того соображения, что современная армия, во-первых, отрывает от производительного труда главные массы трудящегося населения, что ложится тяжелым бременем на самое общество, что современное нам самодержавное правительство, беря эти самые общественные силы, главным образом, трудящиеся, направляет их против самого народа,—признавая все это и признавая также, что наша армия в самодержавном государстве не будет никогда приспособлена, сколько бы с этих скамей ни говорили, в целях внешней обороны, что вот такая армия будет великолепно

воевать с нами и вас, господа, разгонять и будет всегда терпеть поражения на Востоке...» На этом месте Зурабов был прерван и лишен слова. Стенограф. отчет не подлежал на основании статей 44—46 учр. Г. Думы (Св. зак. т. I, ч. 2 изд. 1906) оглашению в печати. Инцидент протекал и был исчерпан следующим образом: присутствовавшие в Думе министры немедленно удалились, Головин сделал Зурабову замечание, лишив его слова, и в тот же день вечером посетил Столыпина и выразил ему сожаление. На другой день рано утром был с визитом у военного министра и затем, открывая заседание Г. Думы, сделал следующее заявление: «Вчера мы были свидетелями печального инцидента в Гос. Думе: по отношению нашей доблестной русской армии было высказано здесь мнение, которое, конечно, должно быть признано для нее обидным». Заканчивалось заявление словами: «Гос. Дума, без сомнения, протестует против тех выражений по отношению к русской армии, которые были высказаны здесь одним из членов Думы». В деле по личной переписке председателя Госуд. Думы 2 созыва, хранящейся в Петрограде, имеется в связи с Зурабовским инцидентом следующая переписка:

Письмо члена Думы с.-дем. фракции Салтыкова к председателю Головину, и ответ военного министра Редигера на письмо Головина о возможности опубликования в печати речи Зурабова. Приводим текст этих документов.

I) Господину Председателю Государственной Думы. Ввиду многочисленных односторонних совершенно искажающих действительность сообщений в печати о сущности и обстоятельствах речи депутата Зурабова обращаюсь от имени социал-демократической фракции с просьбой о выдаче соответствующего—по ст. 46 «учрежд. Госуд. Думы»—разрешения на оглашение в печати полного текста речи Зурабова. Отсутствие в этой речи каких-либо стратегических соображений или специальных исчислений состава армии позволяет надеяться, что препятствий к оглашению речи не может встретиться.

24 апреля 1907 г. Член Думы Салтыков.

Пометка карандашом: Послано В[оенному] М[инистру].

II) Военный Министр
по Главному Штабу.
3 мая 1907 г.
№ 584.

Ф. А. Головину, Председателю Государственной Думы.

Милостивый Государь Федор Александрович.

На письмо ваше от 2-го сего мая имею честь уведомить, что я не признаю возможным изъявить согласие на оглашение в печати текста речи депутата Зурабова, произнесенной им в закрытом заседании Государственной Думы при рассмотрении законопроекта о величине контингента новобранцев призыва сего года.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Редигер.

[42]) *Редигер, Александр Федорович* (1853), ген.-от-инф., военный министр, член госуд. совета.

[43]) *Челокаев, Николай Николаевич* (1830), князь, гофмейстер, тамбовский губ. предводитель дворянства, член госуд. совета.

[44]) *Муратов, Николай Павлович* тамбовский губернатор.

[45]) *Тютчев, Иван Федорович* (1846—1909), сын поэта, почетный опекун, гофмейстер, с января 1908 г. член госуд. совета.

[46]) *Янжул, Иван Иванович* (1846), академик, заслуж. орд. проф., доктор финансового права; член статистического совета при министерстве внутренних дел.

[47]) Требование к Госуд. Думе об устранении из своей среды 55 членов Думы на предмет привлечения их к следствию и взятия 15 человек под стражу было внесено правительством 1 июня 1907 для немедленного исполнения. В список были включены следующие депутаты: И. П. Озол, Г. А. Алексинский Л. Ф. Герус, А. Г. Зурабов, И. И. Кириенко, П. А. Аникин, В. А. Анисимов, В. М. Серов, Махорадзе, И. Г. Церетелли, А. Л. Джапаридзе, Г. Е. Белоусов, С. Н. Салтыков, В. И. Митров и В. Е. Мандельберг. Дума уклонилась от немедленного исполнения и передала это требование на решение особой комиссии. 3 июня появился указ Николая сенату о роспуске II Госуд. Думы и о назначении новых выборов, начиная с 1 сентября и с указанием открытия новой Думы на 1 ноября 1907 г. В опубликованном одновременно манифесте роспуск Думы объяснялся медленностью рассмотрения и отклонением представленных правительством законопроектов, обращением права запросов (по поводу злоупотребления администрации) в метод борьбы с правительством, в составлении частью Думы заговора против царя и в неисполнении Думой требования о выдаче обвиняемых. Одновременно означенный манифест от 3/VI 1907 г. изменил избирательный закон в Госуд. Думу, ибо по толкованию манифеста при существующей избирательной системе Госуд. Дума «пополнялась членами, не явившимися настоящими выразителями нужд и желаний народных».

[48]) Избирательный закон 3/VI 1907 г. Кавказа не исключил, но уменьшил количество депутатов: вместо 29 депутатов Кавказ мог посылать по новому закону только 10.

[49]) *Вендрих, Альфред Альфонсович*, ген.-лейт., военный инженер, начальник управления железных дорог.

[50]) *Шаффгаузен-Шенберг-Экг-Шауфус, Николай Константинович*, военный инженер, министр путей сообщения 1906—1909 г.

[51]) *Зейн, Франц Александрович*, ген.-лейт., 1907—1909 пом. финл. ген.-губ., с 1909 финл. ген.-губернатор.

[52]) *Герард, Николай Николаевич* (1838), финляндский ген.-губернатор 1905—1908, сенатор, член госуд. совета.

[53]) *Бекман, Владимир Александрович*, ген.-от-кав. финляндский генерал-губернатор.

[54]) Речь идет о III Госуд. Думе.

[55]) *Дейтрих, Владимир Федорович* (1850), б. пом. финл. ген.-губернатора, с 1905 член госуд. совета.

[56]) *Николай Николаевич*, великий князь, главнокомандующий войсками гвардии и петербургского военного округа 1905—1914 г.

[57]) *Философов, Дмитрий Александрович* (1861—1907), б. госуд. контролер, министр торговли и промышленности, шталмейстер, с 1906 член. госуд. совета.

[58]) *Кауфман, Петр Михайлович* (1857), министр народного просвещения 1906—1907, сенатор, член госуд. совета.

[59]) *Герасимов, Осип Петрович*, т. с., тов. министра народного просвещения.

[60]) *Судейкин, Власий Тимофеевич*, сенатор.

[61]) *Танеев, Александр Сергеевич*, ст.-секр., член госуд. совета, главноуправляющий соб. его величества канцелярией, обер-гофмейстер.

[62]) *Шварц, Александр Николаевич*, член госуд. совета, сенатор, заслуженный профессор, министр народного просвещения.

[63]) *Витте, Сергей Юльевич* (1849—1915), госуд. деятель.

[64]) Очередная сессия сейма в Финляндии открыта 30 января 1908 г. Сейм распущен 22 марта 1908.

[65]) 27 мая 1908 г. в Ревеле происходило свидание Николая с английским королем Эдуардом VII.

[66]) *Лангоф, Август Федороеич*, ген.-лейт., министр ст.-секр. В. К. Финл.

[67]) *Вера Константиновна*, великая княгиня, дочь в. кн. Константина Николаевича, вдова герцога Вильгельма-Евгения Вюртембергского.

К письму приложены вырезки статей Ив. Трегубова и А. Пругавина о запрещении евангелистам молитвенных собраний.

[68]) Якутский губернатор в 1908 г.—*Крафт, Иван Иванович.*

[69]) *Извольский, Александр Петрович* (1865), с 1906 по сентябрь 1910 мин. иностранных дел; с 21 сентября 1910 посол в Париже.

[70]) Королева эллинов *Ольга Константиновна* (1851), дочь в. кн. Констант. Николаевича, жена греческого короля Георга I.

[71]) *Гершау-Флотов, Бернгард Бернгардович*, витебский губернатор, в д. гофмейстера.

[72]) *Гурко, Владимир Иосифович*, товарищ министра внутренних дел. Был судим в 1907 г. уг. кас. деп. сената за превышение и противозаконное бездействие власти по делу по поставке фирмой Лидваля продовольствия голодающим. В 1910 г. Гурко получил камергера. Подлинник письма без даты.

[73]) Совместная поездка Столыпина и Кривошеина в Сибирь была посвящена землеустройству и переселенческому вопросу. Возвратились из поездки 20 сентября 1910 г.

[74]) *Кривошеин, Александр Васильевич* (1858), гофмейстер, государственный деятель; с 21 мая 1908 главноуправляющий землеустройством и земледелием.

[75]) Финляндский сейм был распущен 25 сентября 1910 за отказ от обсуждения внесенных на его заключение законопроектов об уравнении в правах с финляндскими гражданами других русских подданных и о производстве финляндским казначейством платежей государственному казначейству взамен отбывания финляндскими гражданами личной военной повинности.

[76]) *Бобриков, Николай Иванович* (1839—убит 1904), ген.-адъют. С 1898 по 4 июня 1904 г. финляндский ген.-губернатор. Проводил обрусительную политику.

[77]) Осенью 1910 г. ушли министр иностр. дел А. П. Извольский и мин. народн. просвещения Шварц. 26 сентября министром народного просвещения назначен директор московского лицея Кассо, а Извольского заменил тов. мин. ин. дел С. Д. Сазонов, назначенный министром 8 ноября 1910 г.

[78]) *Сазонов, Сергей Дмитриевич* (1860). В 1906—1909 чрезв. посланник в Ватикане; 1909—1910 тов. мин. иностр. дел; после ухода Извольского в 1910 г. управляющий министерством и с 8 ноября 1910 по 1916 министр иностр. дел.

[79]) *Кассо, Лев Аристидович*, министр народного просвещения 1910—1914.

[80]) С июля по ноябрь 1910 г. Николай II и Александра проживали в Фридберге, вблизи Наугейма.

[81]) Статья Аркадия Столыпина под заглавием «Октябристская Госуд. Дума и ее критики» помещена в № 12509 «Нового Времени» от 8 янв. 1911 года. Перечисляя заслуги III Думы, Столыпин говорит: «Третья Дума вложила меч в руки безоружной России», и в той же статье дальше он пишет: «III Дума провела и одобрила правительственный закон, который для экономического положения России составит такую же эру, какую составил для России гражданский закон об освобождении крестьянства». Речь идет о законе 9 ноября 1906 года.

[82]) *Мандрыка, Александр Николаевич*, флигель-адъютант, капитан лейб-гвардии 4 стрелкового импер. фамилии батальона. Командировка его находилась в связи с появлением в Царицыне иеромонаха Илиодора, переведенного синодом в январе 1911 г. в один из монастырей тульской епархии и оттуда бежавшего обратно в Царицын.

Письма участников процесса 193-х.

Авторами публикуемых ниже писем о процессе 193-х являются подсудимые по этому громкому процессу и лица, близко с последними соприкасавшиеся по революционной работе. Письма эти были отобраны при обыске у свидетельницы по делу 193-х В. П. Чепурновой. О них упоминает в своих мемуарах В. Н. Фигнер. В настоящее время они хранятся в числе так наз. «вещественных доказательств» в архиве быв. III отделения соб. е. и. в. канцелярии. (Ленинградский Историко-Революционный Архив.)

Имя Чепурновой в связи с ее арестом в Колпине 18 декабря 1877 г. несколько раз мимоходом упоминалось в литературе и до появления автобиографии В. Н. Фигнер. Результаты, к которым этот арест неожиданно привел, оставались неясными даже для тех, кто непосредственно был в том заинтересован.

Переписка, отобранная у В. П. Чепурновой, дает возможность на основании архивных материалов [1]) более или менее подробно осветить этот любопытный эпизод [2]).

Вера Петровна Чепурнова, уроженка Самарской губернии, дворянка по происхождению (в 1877 г. ей было 45 лет от роду), не принимая лично активного участия в революционном движении, сочувственно относилась к революционной молодежи семидесятых годов.

В меблированных комнатах, содержательницей которых она являлась в Самаре, пропагандисты нередко находили себе гостеприимный приют. Так, напр., следственные власти, тщательно выяснявшие в 1879 г. шаг за шагом деятельность и местопребывание А. К. Соловьева (после его неудачного покушения на Александра II), установили, между прочим, что в 1877 г. в меблированных комнатах В. П. Чепурновой некоторое время проживал и А. К. Соловьев. В июне 1877 г., как показывала сама Чепурнова, приблизительно две недели проживала у нее Марья Павловна Лешерн фон-Герцфельд и тогда же квартиру ее посещал «Григорий Иванович Лебединцев», т.-е. А. И. Иванчин-Писарев. На допросе в Самаре 1 марта 1878 г. Чепурнова, между прочим, по-

---

[1]) Дело III отделения соб. е. и. в. канцелярии, III эксп., 1877 г., № 334 «О задержании на станции «Колпино» дворянки Веры Чепурновой с бумагами предосудительного содержания», т. II «Дознания по обыску, произведенному при задержании дворянки Веры Петровны Чепурновой» (первый том дознания не отыскался, пользуемый II том включает материалы предварительного жандармского дознания, ведшегося в Самарской губ.) и вещественные доказательства, отобранные при аресте В. П. Чепурновой.

[2]) Нижеследующие страницы вступительного слова к публикуемым письмам, как и сами письма, являясь результатом изучения первого тома мемуаров В. Н. Фигнер, пишущий эти строки, склонен рассматривать как документальный комментарий к цитированным строкам «Запечатленного труда».

казывала: «Вера Николаевна Филиппова (Фигнер) приехала ко мне в сентябре месяце (1877 г.) с письмом от Лешери, прожила у меня 4—5 дней и потом говорила, что уезжает в Петербург. Приезжала она в Самару (с целью) искать место фельдшерицы. Вскоре она вернулась и приходила ко мне и говорила, что получила место фельдшерицы, но где, не знаю».

Неоходимо подчеркнуть, что последнее Чепурнова показывала уже после того, как она была задержана с изобличавшими ее документами, устанавливавшими ее связь с Фигнер. Она, без сомнения, знала, где именно последняя устроилась фельдшерицей, но не считала, очевидно, возможным говорить об этом тогда, когда жандармы усердно разыскивали В. Н. Фигнер.

Вызванная особым присутствием сената, разбиравшим знаменитое дело «о пропаганде» (193-х), В. П. Чепурнова в октябре 1877 г. приезжала в Петербург. Вызова ее, как свидетельницы, добился защитник Е. Е. Лазарева (судившегося и оправданного по тому процессу), прис. пов. Корш. Находясь в столице, свидетельница Чепурнова часто навещала подсудимого Лазарева в тюрьме и матерински заботилась об его довольствии.

В столице ее встретили радушно, как надежного человека. Заехала она на квартиру Л. И. Сердюковой, откуда вскоре переселилась на квартиру И. А. Гольдсмита, где и жила до возвращения в Самару.

Через И. А. Гольдсмита,—редактора-издателя распространенного журнала «Слово»,—Чепурнова завязала широкое знакомство [1]).

В ожидании допроса Чепурнова пробыла в Петербурге около двух месяцев. В декабре 1877 г. она подверглась в судебном заседании допросу. Показания ее были «как нельзя более в пользу» Е. Е. Лазарева—отмечает подпольный отчет о процессе, выпускавшийся землевольцами.

К моменту отъезда на руках у Чепурновой оказалось до двадцати доверительных писем самого разнообразного содержания.

О предстоящем отъезде В. П. Чепурновой и о взятых ею на себя поручениях оказалось своевременно осведомленным и III отделение.

18 декабря 1877 г. она выехала из Петербурга и была задержана на ст. Колпино. Дело о В. П. Чепурновой в секретной экспедиции III отделения начато производством за четыре дня до того, 14 декабря, какой датой помечено и первое имеющееся в деле агентурное донесение.

«13 сего декабря,—говорится в этом донесении,—сообщающий был у помещицы Веры Петровны Чепурновой. Она сказала, что намерена ехать в Самару 14-го числа с почтовым поездом в спальном вагоне и при этом упомянула, что повезет с собою много кое-каких поручений от содержащихся (в тюрьме) преступников и других пропагандистов, выпущенных на поруки. Поручения эти состоят из писем, книг и отчета по политическому процессу (193-х), печатающегося тайно».

Агент («сообщающий»), беседовавший с Чепурновой (установить его имя пока не представилось возможности), посещал квартиру Гольдсмита для строго определенной цели. Его задача заключалась в том, чтобы установить местонахождение подпольной

---

[1]) В то время И. А. Гольдсмит считался радикалом и пользовался некоторой популярностью в революционных кругах. Несколько позже Гольдсмит оказался агентом правительства.

землевольческой типографии, которая довольно аккуратно выпускала очередные отчеты о заседаниях особого присутствия по процессу. Задание это он не выполнил,— открыть типографию ему не удалось: она вообще не была тогда обнаружена.

Тогда же, 14 декабря, последовало надлежащее распоряжение на имя начальника петербургского жандармского полицейского управления железных дорог Познанского. В предписании было указано, что Чепурнова, «как полагают, везет с собою тайно напечатанные на маленьких листочках отчеты заседаний особого присутствия» (о письмах, характерно, в предписании умалчивается). III отделение предлагало Познанскому «произвести у Чепурновой обыск, но так, чтобы не обратить внимания публики».

Чепурнова, видимо, рассчитывала выехать 14 декабря, но случайно задержалась на несколько дней, что видно из обнаруженного у нее письма Евгении Николаевны Фигнер к сестре Вере Николаевне.

Выехала она 18 декабря и в тот же день, как сказано, подверглась обыску и аресту на ст. Колпино. Обыск обнаружил у нее большое количество писем и отчетов о процессе, как печатных (подпольных), так и рукописных.

Из общего количества писем, находившихся у Чепурновой и перехваченных жандармами, мы публикуем только шесть: Л. И. Сердюковой, А. И. Корниловой и С. И. Гольдсмит к В. Н. Фигнер, А. И. Ливанова и В. А. Осташкина к родным и В. В. Филадельфова к А. Н. Гавриловой. В. Н. Фигнер Чепурнова отвозила еще два письма: от сестры Ев. Ник. и матери Екатерины Христофоровны.

В публикуемых письмах мы находим ценный материал для истории и характеристики эпохи и отдельных представителей движения семидесятых годов. Они непосредственно отражают ход процесса о «пропаганде», отношение к нему и настроение подсудимых. Под свежим впечатлением событий здесь описываются тюремные невзгоды; имеется новый материал об истязании розгами Боголюбова-Емельянова, что вызвало, как известно, выстрел В. И. Засулич в Ф. Ф. Трепова (см. письмо Филадельфова). Надо подчеркнуть, что Ливанов, Осташкин и Филадельфов—рядовые деятели движения. И личности их, рядовых деятелей, поражают стойкостью, верой в правоту своего дела.

Письма бросают яркий свет на невыясненную до настоящего времени историю неудавшейся попытки освобождения И. Н. Мышкина. В исторической литературе установился взгляд, что провал был результатом предусмотрительности жандармов, перехитривших революционеров в момент перевозки Мышкина. Дело объясняется проще. Жандармы узнали о подготовляемом побеге из письма Л. И. Сердюковой к В. Н. Фигнер и приняли соответствующие меры.

Не говоря уже о распоряжениях по Петербургу, о докладах Александру Романову и т. п., еще 21 декабря 1877 г., т.-е. за месяц до окончания процесса, III отделением о предполагавшемся побеге было сообщено для принятия зависящих мер в Харьков— конечный пункт следования Мышкина в каторжную централку.

По поводу ареста В. П. Чепурновой следствие велось в разных направлениях. Не были обойдены, разумеется, и авторы публикуемых писем, при чем вопрос об освобождении Мышкина привлек сугубое внимание допрашивавших жандармов. Тут не столь важно, что показали допрашиваемые, сколько самый факт допроса их по данному поводу.

«Относительно предъявленного письма, писанного Сердюковой к Верочке (Л. И. Сердюкова на допросе), заявила, что фамилию и место жительства адресатки назвать не может. Писано же было это письмо под впечатлением суда, когда вид ее товарищей

возбудил в ней самое живое участие к их судьбе. Первая мысль об их освобождении явилась у нее, и она нескольким близким своим знакомым говорила об этом,—и, следовательно, первые шаги для осуществления ее плана были, так сказать, уже сделаны. Перовская, напр., по ее просьбе съездила к Армфельд за деньгами, но неуспешно. После этой неудачи как Дмитрию, так и Николаю Ивановичу (назвать которых не желает) были ею написаны письма, чтобы они не приезжали в С.-Петербург, так как без денег освобождать как бы то ни было невозможно. Ввиду вышеизложенного и поездки Тумановой, сделанной последнею тоже по ее (Сердюковой) просьбе, так как требуемые сведения не были посланными ей доставлены, то практического результата вся обстановка этого дела иметь не может».

А. И. Корнилова показала, что «никакого плана освобождения Мышкина не знает, никто этого ей никогда не говорил, и она ни у кого не спрашивала, а потому считает странным, если кто-нибудь мог сказать, что она об этом рассказывала».

Равным образом категорически отказалась от участия в разрабатывавшемся плане освобождения Мышкина С. Л. Перовская.

«Дочь действительного статского советника Софья Львовна Перовская на предложенные вопросы показала: никаких поручений к Армфельд она не имела, и Любовь Сердюкова относительно денег также никаких поручений не давала. Выезжала ли в течение декабря куда-либо, не желает дать никаких разъяснений, а равно и о своих знакомых показывать не желает». Начальник петербургского губернского жандармского управления, из отношения которого (№ 99 от 18 января 1878 г. в III отделении) заимствованы только что процитированные строки показания Перовской, добавлял к тому, что «секретное отделение, отзывом от 11 января за № 290, уведомило, что Перовская за последнее время никуда из Петербурга не выезжала, и что генерал-лейтенант Слезкин (нач. московского губернского жанд. управ.) отзывом за № 16 от 5 января уведомил, что Софья Перовская, приезжавшая к Наталье Армфельд, в течение прошлого декабря замечена не была».

Ничего не подтвердила и Р. Б. Туманова.

Этими допросами, о которых впервые приходится печатно упоминать, дознание о подготовке освобождения Мышкина формально закончилось. Разобраться в противоречиях Сердюковой и Перовской жандармам оказалось не под силу. С одной стороны, они охотно готовы были верить Сердюковой во всем, но, с другой стороны, они считались с формальными данными, указывавшими, например, что Перовская никуда не отлучалась и, в частности, в Москву не приезжала (как будто она не могла совершить поездку конспиративно). Но в общем власти прекрасно понимали, что допрашиваемые указанием на то, что «практического результата вся обстановка этого дела иметь не может», стараются на всякий случай отвлечь их бдительность и, не считаясь с этим, приняли свои меры.

И не столь наивны были все замешанные в деле лица, в первую очередь Перовская, чтобы после обнаружения письма Сердюковой к В. Н. Фигнер и после формальных допросов по поводу затеянного освобождения Мышкина возлагать еще какие-либо надежды.

То же письмо Л. И. Сердюковой к В. Н. Фигнер и другие письма к ней же навели жандармов на мысль, что в Самарской губ. имеется группа пропагандистов, находящихся в тесных сношениях с Петербургом. И сразу же для следственных властей обнаружилась центральная фигура — В. Н. Фигнер. Авторы писем отказались назвать

ее. Л. И. Сердюкова, напр., заявила, что «фамилию и местожительство адресатки назвать не может». А. И. Корнилова «объяснить не желает», кому именно предназначалось ее письмо. «Кто такая Вера Николаевна, объяснить не желает» и С. И. Гольдсмит. Но уже на первых же допросах и В. П. Чепурнова, и мать В. Н., Екатерина Христофоровна, вынуждены были признать, что «Вера Николаевна» эта — В. Н. Филиппова-Фигнер, которая живет в Самаре. Начались поиски. Местным самарским властям было приказано розыскать В. Н. Фигнер, выяснить ее связи и ликвидировать кружок, в отношении которого в Петербурге располагали действительно «компрометирующим» его членов материалом. Розыски оказались безуспешными, так как, как указывает В. Н. Фигнер и что подтверждается следственным материалом (не по делу Чепурновой, а по делу А. К. Соловьева), самарцы — В. Н. Фигнер, А. И. Иванчин-Писарев, Юр. Богданович, А. К. Соловьев — были телеграфно оповещены о случившемся и, разумеется, быстро скрылись оттуда.

В вопросе о том, что вынудило эту группу землевольцев покинуть Самарскую губ., существует разногласие между В. Н. Фигнер и А. И. Иванчиным-Писаревым. Объяснение первой известно. Второй приписывает этот случай другому обстоятельству. Местными властями, по его словам, было перехвачено письмо к нему Е. Н. Фигнер, по которому нетрудно было определить его роль в качестве «волостного писаря». Дело близилось к обыску и аресту, но, предупрежденный приятелями, он заблаговременно бежал оттуда, приехал в Самару, вызвал В. Н. Фигнер, Ю. Н. Богдановича, А. К. Соловьева и убедил их немедленно уехать в Петербург. Там, пишет он, «нас ждало известие что, если бы не случай с письмом Е. Н. Фигнер, грозивший мне арестом, то через несколько дней у нас произошел бы «провал» по другому поводу». Повод — арест В. П. Чепурновой [1]).

Здесь нет надобности подробно останавливаться на отмеченных разногласиях и критически сопоставлять показания обоих со следственным материалом. Но указать должно, что ближе к истине показание В. Н. Фигнер. Именно арест В. П. Чепурновой и взятые у нее письма повлекли за собою вынужденный отъезд землевольцев из Самарской губ.

Эти обстоятельства, не говоря уже об остальных, отмеченных выше доводах, дают право на оглашение писем.

Р. М. Кантор.

---

[1]) См. А. И. Иванчин-Писарев. «Из воспоминаний о хождении в народ». П. 1914 г. Изд. «Заветы», стр. 73—78.

I. Письмо Л. И. Сердюковой [1] к В. Н. Фигнер *).

Дорогая, милая моя Верочка. Вы сердитесь на меня беспощадно за мое молчание, я сознаю свою вину, но ей богу так было гадко на душе, что, кажется, бежала бы от всего света. Поверите ли, что я просто насильно заставляла себя ходить навещать В. П. [2], все разговоры претили мне до невозможности. Во время суда москвичей, на что вы походили сами [3], а я, связанная с чайковцами трехлетней дружбой, должна была просто испытывать пытку, присутствуя на суде в качестве зрительницы. Друзья же мои, привезенные из крепости, походили больше на призраки, чем на людей. Шишко [4] я даже не узнала, и спросила Бардовского [5] он ли это или нет? Писать вам о суде считаю совершенно лишним, так как Анна Арсеньевна [6] посылает полные отчеты. Вы также, верно, знаете об истории с Мышкиным и о том, что после нее 20 человек были снова перевезены в крепость и там содержатся очень строго без свиданий, без переписки с родными и без книг, приносимых с воли [7]. Перевод этот подействовал убийственно на оставшихся арестантов. Несколько человек требовало письменно также перевода в крепость, но заявления эти оставлены без последствий. Женщины дошли до того, что жаждали, чтобы их перетащить в крепость, и там они хотели нарочно морить себя голодом, думая, что этим можно настращать власти и заставить их перевести обратно хотя наиболее больных мужчин, напр., Феликса [8], Чарушина [9] и Синегуба [10]. На Сашу [11] и Кувшинскую [12] просто страшно даже смотреть было. К несчастью, на более слабых протестантов перевод этот подействовал запугивающим образом, и многие, хотевшие раньше протестовать, устранились от протеста. Затем, как бы в смягчение такого события, суд начал освобождать, теперь освобождено до 50 чел. Наши [13] никто не хотели воли, но ввиду того, что мы затевали организовать партию освобождения осужденных, а для этого прежде всего были нужны люди и люди, волей-неволей протестанты согласились и за Морозова [14], Зубка [15], Лопатина [16], Тихомирова [17], Сашу [18] и др. были поданы защитникам прошения, но—увы!—мужчин никого не освободили, а женщин ввиду того, что они принадлежат к породе низшего разряда и что действуют так зря, под влиянием одного чув-

*) Дата не поставлена; письмо относится к середине декабря 1877 г.

ства, поосвободили. Но радости от освобождения не было ни на иоту. Саша чуть не плакала, а Завадская [19] так совсем плакала.

Не знаю, сумеем ли что-нибудь сорганизовать прочное и солидное для освобождения. Деньги 9000 (рублей) надеемся взять под вексель у Армфельд [20], она, наверно, даст; Перовская [21] поехала уже к ней. Выписали для этой цели Дмитрия и Николая Ивановича [22]. Об этом проекте я сообщаю только вам одной, дорогая моя, бесценная Верочка. Саша [23] сделала оплошность и говорила сначала об этом со многими, теперь горько раскаивается. Я не знаю, знает ли об этом что-нибудь В. П. [24].

Туманову [25] я упросила съездить в Харьков к самой Дмоховской [26], она узнает там все в подробностях о централке; сношения с заключенными там существуют и от них можно узнать о способе их перевозки туда. Из тонких намеков Здановича [27] в письме, писанном еще из одного из острогов, видно, что случаи для освобождения на пути весьма часто представляются. Ах, если бы удалось освободить Мышкина. Это редкий и действительно из всех выдающийся человек; страстная приверженница чайковцев, я все-таки отдаю ему предпочтение перед всеми. Мне кажется только, что его сгноят в крепости, как Нечаева. Я поражена просто в Мышкине совокупностью таких редких качеств, как громадная энергия, сила воли, необъятная смелость, всепоглощающая преданность делу и рядом с этим самая глубокая и нежная любовь к старухе-матери, простой солдатке. Да, это редкий человек, и утратить его более чем жалко.

Теперь, Верочка, у нас все исключительно заняты этою одною мыслью, все остальное на заднем плане. Да и вообще у всех наших чайковцев после долголетнего сиденья такое состояние явилось, что все боятся воли, нежели хотят ее. Чувствуют себя совсем чуждыми этому миру и не представляют себе, как бы они взялись за дело, если бы вдруг очутились свободными гражданами. Вот и мне лично предстоит большое счастье: на-днях должна решиться судьба мужа [28], и он, вероятно, будет освобожден, но мне ужасно страшно за него. Сама я втянулась в эту пустую, бесцельную жизнь, а он—что он теперь будет делать. Кроме того, дома он найдет совсем испорченного сына и ослепшую жену. Верочка, дорогая моя, вы не поверите, как я ужасно иногда чувствую себя,—я сознаю, что я должна разойтись, что я не могу быть его товарищем по делу, что я сделаюсь совсем дряхлым и гадким человеком, но вместе с тем я не могу разойтись с ним, я просто умру без него, и хотя мне жизнь даже противна, а вовсе не привлекательна, я все-таки не могу решиться на самоубийство и этим просто спасти его. Сам же он никогда не разорвет первый, он привязался ко мне, да и какая-то непонятная благодарность будет удерживать его от этого. Ах, как я была бы счастлива, если бы естественная смерть прекратила мою пустую и даже вредную жизнь. Простите, Верочка, что я коснулась совсем неинтересного предмета, но это такое мое наболевшее место, что я нехотя заговорила об этом.

Отчего вы не ответили мне на счет Корша; я очень давно послала вам письмо и спрашивала вас, как мне поступить с Головиным, который требует, чтоб я ему отдала половину той суммы, которую Корш отдал мне. Он уверяет, что Рожд. должен был отдать половину. Я просила Корша, чтобы он не отдавал денег Головину до тех пор, пока я не получу от вас ответа; мне кажется, что эта сумма составляет гонорар Корша, и если Корш обещал только одному Рожд. и если у Рожд. не было никаких условий с Головиным, то отдавать Головину нет никакой необходимости. Напишите мне об этом поскорее, дорогая Верочка [29].

Из новостей могу вам сообщить, что приехал Ледрю, жив и невредим. Он был в народе, выдавал себя за наборщика, вынес самое отрадное впечатление от пропагандистов. Говорит, что устроились очень хорошо, дело ведут крайне прилично и осторожно и пользуются любовью и уважением народа. Не знаю, насколько основательно он сделал подобные выводы, но побывал он в очень многих местах. Дорогая, милая Верочка, черкните мне хоть несколько строк о вашем житье-бытье. Неужто у вас все еще продолжается такое угнетенное душевное настроение, какое было, когда вы мне писали в последний раз? Я думаю, что оно несколько сделалось легче, так как первые впечатления мрачной действительности должны быть действительно ужасны, но я уверена, дорогой, хороший человек, что вы с вашей впечатлительной натурой никогда не привыкнете относиться к окружающей действительности более или менее хладнокровно; я думаю, что вы будете все страдать и страдать от этого, и бог ведает, что из этого выйдет. Верочка, я страшно сожалею о вас, я вспоминаю ваши частые слезы при разных грустных случайностях жизни, мне просто страшно подумать даже, что́ вы переживаете теперь. Я глубоко уверена, что вы заставили себя сжиться с этою средою, что вы пожертвуете собою ради ее, но что вы будете страшно страдать и мучиться все время.

(Дописано карандашом): Больше не удалось написать, а хотелось бы еще. Крепко, крепко целую вас, моя дорогая, хорошая Верочка.

Л. С.

II. Письмо А. И. Корниловой к В. Н. Фигнер.

Сверх всякого ожиданья, дорогая Верочка, строчу вам в доме своем. У нас ветер переменился: нас окончательно признали мальчишками, неразумно-увлеченной толпой, действовавшей под влиянием 20—30 человек. Большинство, вероятно, отделается административной ссылкой, и вся злость будет вымещена на этих 20—30 наиболее энергичных и выдающихся личностях. Вы легко можете себе представить, как тяжело уходить из тюрьмы при таких условиях, а еще тяжелее то, что не можете иметь твердой уверенности, что удастся облегчить участь обреченных на гибель. Такая пустота и в людях, и в средствах, что не на кого надеяться. Да если бы еще эта пустота

происходила вследствие отвлечения сил на другие дела, а то ведь и этого нет. Что может быть хуже бессильной злобы. Между тем такая злоба немилосердно душит нас, и мало надежды найти для нее сколько-нибудь удовлетворительный исход. Счастье ваше, дорогой друг, что вам удалось отсюда вырваться. Как идет ваша работа? Лучше ли вы себя теперь чувствуете? Начинаете ли свыкаться с новой средой? В каком состоянии ваши нервы? Не страдает ли здоровье? Напишите поскорее, дорогая Верочка: ваше письмо доставит мне так много утешения в это тяжелое для меня время. Особенно примите во внимание, что скоро придется выслушать смертный приговор лучшим моим друзьям. Извините, дорогая, что не пишу вам ничего толком, право не в состоянии.

Ваша *Саша.*

III. Письмо С. И. Гольдсмит [30] к В. Н. Фигнер.

Правда, Вера Николаевна, я ждала от вас письма, чтобы писать вам после его получения. Мы расстались хорошо, но могли бы расстаться еще лучше, и мне не было вполне известно, хотите ли вы переписываться со мной. Я была очень рада, когда получила ваше письмо, и нахожу основания, приведенные вами, для переписки настолько вескими, что буду писать вам и в том случае, если вам не захочется или нельзя будет отвечать.

Я знаю ваши условия деятельности, но очень хотела бы знать, насколько вы приспособляетесь к новой жизни, которую вы, конечно, как и все, сильно идеализировали. Я верю вполне в вашу энергию, знаю, что вы не отступите, но человеку, привыкшему жить умственной жизнью, вообще жутко приходится, а вам, жившей последнее время почти исключительно жизнью интеллигентной, при вашей организации, ваших способностях, резко направленных на деятельность в интеллигенции,—вам, наверное, много придется работать над собой. О вас часто, очень часто приходится пожалеть, досадовать на то, что вы уехали от того дела, которое давалось само в руки, но если из вас выйдет народный деятель, какого радостно видеть, то забудьте все теоретические рассуждения. Люди для интеллигенции скорее найдутся. Теперь дело у питерской молодежи так поставлено, что нужно ехать из Питера изучать и наблюдать, а организация и цели ближайшего будущего выяснятся сами собой; организация признается возможной только на месте и только тогда, когда выяснятся местные требования. Рядом с тем бывают и сходки, на которых говорится об организации здесь. Предлагают образовать группы, которые, обсудив план действия, организовавшись, посылают своих депутатов к другим группам, и эти, в свою очередь, сговариваются. Это план Яценко и компании, потому он и представляется в таком общем, неопределенном виде, и с таких сходок, конечно, расходятся недовольные. Защитники организации, вытекающие из непосредственного наблю-

дения, хотят хорошей теоретической, научной подготовки. Сообщив вам в общей форме настроение молодежи, насколько я его поняла, перейду к сообщению о наших общих знакомых и друзьях.

Начну с Сашеньки [31], которая для меня наиболее интересна. Она отпущена на поруки, несмотря на ее буйное поведение на суде, настолько буйное, что ее назвали «Стенька Разин». Она стала еще умнее и лучше, хотя ей сделаться лучше, чем она была, казалось бы невозможным. Дорого она ценится и особым присутствием,—за нее взяли десять тысяч деньгами, тогда как для других достаточно одного обязательства выплатить такую или иную сумму. На поруки отпускают преимущественно женщин и мужчин. Из наших же общих знакомых мужчин не выпустили никого. Впрочем, из них теперь никто и не пошел бы на поруки после заявления Рогачевой [32], что она, мол, на поруки выходить не желает, что сама об этом просить не стала бы, и что желание взять ее на поруки принадлежит защитнику. После такого заявления потребовалось прошение самого подсудимого,—просьба защитника считается недостаточной,—а подписаться самому, конечно, невозможно и унизительно после того резкого протеста, который был заявлен на суде.

О суде вам писать не приходится,—вы имеете отчеты [33], много знаете, вероятно, из писем Генички [34], затем вам расскажет Вера Петровна [35], но я отчасти рада, что вы не в Питере, потому что слишком тяжело видеть друзей оскорбленными, измученными, больными, но, с другой стороны, это люди, за которыми все святое, все светлое,—сила, которую никто не поборет—ни суд, ни армия, ни тюрьмы... Стоило быть в день речи Мышкина, чтобы никогда не забыть этот день.

Затем вам новость интересная—Сердюкова выпускают на несколько дней и высылают на Кавказ [36]. Люба [37] теперь поглощена ожиданием. Скоро и она уедет, и я одна буду провожать заключенных.

Я довела письмо к вам до кануна отъезда Веры Петровой. Хочется и вам писать и с ней посидеть в последний вечер. Она такая славная! Мы с ней очень подружились и мне жалко, очень жалко расставаться с ней. Пойду с ней побеседовать, хотя многого не написала, что хотела, но напишу в другой раз. Живите хорошо, так хорошо, чтобы сюда долго не возвращаться. Напишу еще о личных ваших делах. Деньги ваши уплачены после вашего отъезда. Больше по этому поводу лучше писать не буду. Передайте мой привет Александру [38] и Юрию [39].

17 декабря 77 года.

(Приписано): Пишу так бестолково и неразборчиво потому, что сегодня вернулась из Москвы и, что называется,—ни ручками, ни ножками.

IV. Письмо А. И. Ливанова [40] к матери.

«Дом Предварительного Задушения».
1877 г. Декабря 7-го дня.

Милая, дорогая мама. Наконец-то, после почти трех с половиною лет явилась возможность потолковать с тобою по душе, вполне откровенно, не стесняясь, как прежде, узкими рамками условий полицейско-прокурорской цензуры. Да, шутка сказать, почти $3^1/_2$ года сижу в тюрьме, в одиночном заключении. Сколько за это время пришлось передумать, перечувствовать, выстрадать. Просто ужасно становится, когда начинаешь припоминать себе картину всех своих странствий по тюремным щелям. Но за всем тем я должен сознаться, что я собственно дешево пока отделался. Конечно, я слаб, худ, иногда хвораю, но все-таки серьезных, органических повреждений в моем теле нет. А как то же время и такие же условия отозвались на множестве моих товарищей! Многие умерли, другие сошли с ума, третьи покончили самоубийством; и всех таких мучеников наберется человек около семидесяти. А большинство уцелевших навсегда расстроило свое здоровье. И вот после такого-то избиения, после таких-то пыток и страданий, наши палачи нам говорят еще, что время, проведенное нами в тюрьме, не есть наказание, а только «сохранение» (ха-ха!) обвиняемых для суда, мера пресечения способов уклониться от суда. О, какое наглое и подлое лицемерие! Но это еще не все. Страдая сами и видя, как страдают, заболевают, умирают или сходят с ума многие из наших товарищей, мы с нетерпением ожидали суда. Мы имели наивность думать, что суд этот хоть сколько-нибудь приличный; что на суде будет публика, что в газетах будут печатать подробный отчет, что нам дадут возможность опровергнуть всю ту ложь и те грязные обвинения, которыми, как и следовало ожидать, оказался переполнен обвинительный акт. И что же оказалось? Залу заседания нарочно выбрали такую маленькую, что в ней мы только и то с трудом могли поместиться, а о публике уж и толковать нечего: для нее совсем не оказалось места. Далее. Вместо подробного отчета начали печатать краткие и даже извращенные сведения в «Правительственном Вестнике», а другим газетам предписано было перепечатывать буквально и от себя не прибавлять ни слова и вообще ничего не говорить о процессе [41]. Наконец, наша надежда на возможность выяснить дело в настоящем свете, представить свои объяснения о целях, средствах и причинах нашей деятельности тоже разлетелась на первых же заседаниях прахом,—зажимался рот при первой попытке говорить более или менее свободно, особенно, когда затрагивались прокурор, суд или правительство. Так что тем людям, которые хотели не только спасать свою шкуру во что бы то ни стало, но и поддержать достоинство своего дела, за которое они столько лет страдали, действительно, ничего не остава-

лось делать, как только плюнуть на весь этот суд, на всю эту комедию и отказаться принимать в ней какое бы то ни было участие: «как, мол, хошь, так и суди, а я плевать на вас хочу». Большинство товарищей так и решило. Но решение это еще более укрепилось, когда в заседании 24 окт(ября) было прочтено постановление о разборе нашего дела не совокупно, а по группам [42]. Наглее этого постановления ничего себе нельзя и представить. Во-первых, держали, держали нас, морили, морили из-за того только, что мы якобы составляем из себя одно «преступное сообщество», что мы все тесно связаны друг с другом, и вдруг оказывается, что есть возможность разбирать наше дело не совместно, а по группам. Во-вторых, постановление это составлено до начала суда, еще 11 октября, и, конечно, без участия нашего и защитников, хотя это составляет прямое нарушение закона. Потом, даже не удовлетворили ходатайства (основанного на двух статьях закона) защитников о том, чтобы каждому вновь приводимому в залу заседания подсудимому сообщалось все то, что происходило на суде до него. Вот ввиду таких-то обстоятельств большинство из нас решило уже окончательно не только не защищаться как лично, так и через защитников, не только не присутствовать в зале суда, но даже и не ходить туда. И действительно, когда на другой день пришли звать в суд первую группу (всех групп 17), к которой причислено 27 человек, то 19 из них отказалось итти, так что их принуждены были тащить силою при помощи жандармов [43]. Когда же их привели в суд, то они заявили, что они приведены были силою и что они, не желая принимать никакого участия в этом суде, требуют их удаления из залы заседания. При чем один из них, Синегуб (сидящий уже п я т ы й год в тюрьме) сказал, что так как наша надежда на то, что суд будет сколько-нибудь приличный, не оправдалась, то нам и не остается ничего более, как просить г.г. сенаторов об уводе нас в те камеры, в которых мы сидим столько лет. Это сочтено было оскорблением суда, и Синегуб был выведен жандармами. Другие товарищи заявили, что они вполне присоединяются к Синегубу; приказано было вывести и этих и т. д. Таким-то образом и произошло то, что теперь всюду называют нашим п р о т е с т о м [44]. За первой группой последовала вторая, в которой протестанты уж каждый от своего имени отказывались от участия в суде и объясняли причины этого отказа. Таким образом, протестантов, т.-е. отказавшихся от защиты, защитника и всякого участия в суде и требовавших удаления из залы заседания, набралось до 116 человек из 192, а остальные будут присутствовать и защищаться. Я сам, конечно, принадлежу к протестантам. Ты, быть может, спросишь, милая мама, какая же цель этого протеста. А вот какая: 1) Мы не хотим своим участием придавать хотя бы некоторый в и д законности этой подлой и наглой комедии, именуемой российским судом над политическими «преступниками». А что это действительно комедия, что приговоры составляются заранее, не по данным судебного следствия, а по соображениям третьего отделения,—это давно уже известно: это дока-

зали все политические процессы прежних времен. Да и странно было бы от сенаторов особого присутствия ожидать хоть какого-нибудь беспристрастия. Ведь они холопы, рабы и покорные слуги того правительства, которое хватает нас без разбору сотнями, морит по острогам, крепостям и десятками отправляет на каторгу, сажает в центральные каторжные тюрьмы. 2) Мы покажем обществу, молодежи, рабочим, которые интересуются нами, что мы люди, беззаветно и всецело преданные своему делу, что нас не сломила 3-летняя тюрьма, что при виде безобразий и беззаконий мы не склоняем покорно выю, а протестуем, идем вперед почти на верную гибель... 3) Мы питаем некоторую надежду, что после нашего протеста особое присутствие уничтожат совсем и политические дела передадут на рассмотрение обыкновенных судов; или, по крайней мере, прикажут особому присутствию на будущее время проявлять побольше беспристрастия и вообще не творить тех беззаконий и безобразий, которые оно творило до сих пор. Ведь мы боремся теперь за свободу славян и против произвола турецкого правительства, суда и администрации. А между тем, что же у нас творится дома: чем наш домашний произвол и вообще все наши порядки отличаются от турецких? Сами находимся в рабстве, а ведем войну за освобождение. Смешно, право. Поэтому в Питере среди нас и защитников преобладает мнение, что правительство не заставит особое присутствие вынести особенно суровый приговор. К тому же мы сидим уже по 3, по 4 года и более, а относительно 116 человек придется произнести приговор без выслушания их самих и их защитников. В Питере, кроме того, почти все убеждены, что настоящий порядок вещей не может долго продолжаться, что скоро он должен несколько измениться к лучшему. И изменение это будет не насильственное, а, по крайней мере, повидимому, добровольное со стороны правительства: оно должно произойти по причине внутренней несостоятельности русского правительства, в силу исторического хода вещей. Дело в том, что народ год от году беднеет все более и более; недоимки возрастают и вообще платежные его силы истощаются. А тут еще частые неурожаи: теперь голод в Вятск. губ., в Казанской и в некоторых частях Петербургской и Архангельской губ. Война, внутренние и внешние займы, громадный выпуск ассигнаций (бумажных денег), застой промышленности и торговли способствуют еще более обеднению народа. Так что, кажется, скоро наступит время, когда и брать-то с него будет нечего. Естественно, правительство для поправления и пополнения финансов должно будет прибегнуть к какой-нибудь новой мере. Но никаких других мер, кроме обложения податями всех сословий, оно придумать не может. Это бы еще ничего. Но беда в том, что господа дворяне и купцы, во-первых, останутся недовольны таким обложением, а во-вторых, захотят знать, куда расходуются их деньги, захотят уже некоторый контроль над этим расходованием. Но отсюда уже один шаг до конституции, т.-е. до ограничения российского самодержавия, до выбора депутатов для составления земского

собора. Кроме того, настоящая война разоблачила всю несостоятельность правительства: потеря в людях вследствие неспособности русских генералов громадна; солдаты наги, босы, голодны и плохо вооружены; поставщики и покровительствующие им чиновники и генералы грабят, воруют, мошенничают и казнокрадствуют,—словом, набивка карманов в полном ходу. И потом, я указал уже на то противоречие самому себе, в котором очутилось наше правительство благодаря настоящей войне. Я сказал уже, что мы сами находимся в рабстве, а ведем войну за освобождение. Это смех и позор на всю Европу. Но это еще не все. Последние события на театре войны указывают, что Болгария и другие славянские земли будут отняты у Турции. Присоединить их к России нельзя, ибо против этого восстала бы вся Европа; значит, нужно будет образовать из них новое самостоятельное государство с каким-нибудь князем или принцем во главе. Но так как дело это будет делаться при участии европейских держав, в которых везде конституция, то, стало быть, и новый государь будет конституционным, а не самодержавным (к тому же ведь в Турции и теперь уже конституция, и, значит, ставить для славянских земель самодержавного деспота было бы лишением их тех вольностей, которые дарованы были им турками). Отсюда и выходит такое положение: мы освобождаем народы и даем им вольности, которыми не пользуемся у себя дома *). Из всего вышеописанного следует, что правительство наше по окончании войны необходимо должно будет дать конституцию, если не захочет в конец разориться и показаться смешным в глазах русского общества и целой Европы. Но конституция, кроме контроля со стороны общества государственных доходов и расходов, должна будет принести с собой и некоторые вольности, свободу печати, слова, сходок, ассоциаций, уничтожение и смягчение многих варварских законов, и в том числе законов, карающих так наз. государственные преступления и полную амнистию (забвение) всем арестованным и осужденным за эти «преступления». А если это так, то странно было бы произносить теперь слишком суровый приговор по нашему делу.

Разве только для того, чтобы ярче выставить потом на показ всему свету свое благородство и милосердие...

Ну, довольно, кажется, о всех этих материях. Поговорю теперь лично о своей персоне. Прежде всего, я должен сказать тебе, милая мама, что здоровье мое ничего, ладное. Я прежде было опасался, что у меня крайнее расстройство сердцебиения, могущее перейти в органический порок сердца. Но недавно я с этой стороны успокоился: меня свидетельствовал свой доктор, один из сидящих здесь моих товарищей, и нашел, что грудь, легкие у меня здоровы, в биении сердца тоже не замечается никаких особенных ненормальностей. Я только слаб, силы мало, да и нервная система немного расстроена, но это уже общая

*) Смотри на этот счет статью «Гаммы» [45] в № 19 недельной газеты «Русское Обозрение» (1877). (*Прим. А. И. Ливанова.*)

болезнь всех долго сидящих в одиночном заключении. Бывает иногда и лихорадка; по временам побаливает голова. Но все это не суть важно— были бы только легкие и сердце в порядке; питание тоже много значит, но оно у меня тоже порядочное. Так что, если меня, паче чаяния, и приговорят годков на 5 в каторгу и, значит, посадят в харьковскую центральную тюрьму, то я могу смело рассчитывать высидеть там узаконенный срок и остаться целым и невредимым. А узаконенный срок высидки в централке для приговоренного на 5 лет в каторгу—$2^1/_2$ года. Папин и Плотников [46]), приговоренные на 5 лет каторги, высидели уже в харьковской централке $2^1/_2$ года, и теперь харьковский губернатор, смотритель тюрьмы и мать Плотникова хлопочут о том, чтобы их послали в Сибирь на поселение (как это полагается по закону). Недавно мать Плотникова была у своего сына (я читал ее письмо) и рассказывает следующее. Тюрьма в деревне, в 40 вер(стах) от Харькова. Климат здоровый, на дворе сад. Свидания с близкими родными дозволяют, книги пропускают. Позволяют заниматься ремеслами и разными работами на дворе и в саду. Пища казенная хотя и плохая, но зато позволяют приносить с воли разные съестные припасы, чай и сахар. Словом, ничего, жить можно, да к тому же у нас везде отыщутся добрые люди, которые непрочь пособить нам: они нашлись и там... Вообще чорт не так страшен, как его малюют...[47]). Но я все-таки еще не совершенно уверен, что меня приговорят на каторгу. Дело в том, что меня обвиняют главным образом в пропаганде среди интеллигенции, между тем как правительство гораздо больше боится и не долюбливает тех, которые пропагандируют среди народа (крестьян, рабочих); у меня же на этот счет нет никаких доказательств, ни одного свидетеля. Так что, может быть, и ограничатся поселением... Разве вот за протест сделают надбавку. А надо признаться, что протестантов они, действительно, не очень-то любят... Так, напр., теперь многих защищающихся выпускают на поруки, а протестантам отказывают (подают адвокаты). И, кроме того, недели 2 тому назад 20 человек увезли в крепость и там запретили свидания с родными и общие прогулки (а здесь мы гуляем на дворе враз по 20 ч.), не позволяют носить с воли ни книг, ни денег. Кстати, я расскажу тебе, что со мной было, когда меня 25 ноября водили в суд. На вопрос председателя, признаю ли я себя виновным в том-то и том-то, я сказал, что прежде, чем отвечать на какие бы то ни было вопросы суда, я прошу позволения сказать несколько слов. Но меня прерывают и говорят, что им нужен только прямой ответ на вопрос. Я делаю попытку снова начать говорить, но меня снова прерывают: «А, не желаете отвечать: садитесь». Я сажусь, выслушиваю одного свидетеля и по уводе его встаю и говорю, что желаю сделать заявление; по получении позволения начинаю говорить следующее:

«Мое заявление будет не длинно и не будет заключать в себе ни для кого и никаких оскорблений, а потому я и надеюсь, что особое присутствие выслушает меня до конца. (Пауза.) Прежде чем началось разбирательство по настоящему делу, я высидел в тюрьме, в одиночном

заключении, более 3-х лет. В течение этого времени мне пришлось перенспытать всего: я часто сидел в пыли, грязи, без света и воздуха, в отвратительной атмосфере, наполненной миазмами и множеством плотоядных насекомых. Как такое продолжительное заключение и такие условия повлияли на мое здоровье,—я говорить не стану. Достаточно указать на тот факт, что за то же время и при тех же условиях, многие из привлеченных по настоящему делу умерли, другие сошли с ума, третьи, не вынося пыток одиночного заключения, покончили с собой разом... Из оставшихся в живых и здоровых умственно громадное большинство навсегда расстроило свое физическое здоровье. Но вот, наконец, настал суд. И я, действительно, по многим причинам хотел принимать в нем участие. Но когда в заседании 18 окт(ября) было отказано в просьбе прис. повер. Спасовича о перемене настоящей залы заседаний на более поместительную и о допущении числа публики, соответственного числу подсудимых; когда оказалось, что вместо подробного, стенографического отчета печатаются краткие, сухие, ничего не говорящие сведения о ходе суда; когда в заседании 15 ноября произошла ужасная сцена насилия, при чем двое из подсудимых были буквально вытащены из залы заседания, а один, Стопани, подвергся даже кулачной расправе, как это удостоверено одним из защитников и занесено в протокол [48]; когда, наконец, в ночь с 19 на 20 ноября, 20 из моих товарищей были тайно увезены из дома предв. закл. и посажены в крепость, где, как мне наверно известно, их лишили права общих прогулок и свиданий, не пропускают ни книг, ни денег. (На вопрос, откуда мне все это известно,—отвечаю: «из частных источников».) —По этому предмету уже было заявление со стороны защиты, и вы изволили ответить, что это (увоз в крепость) произошло не от вас. Но я беру на себя смелость утверждать противное; и у меня есть документ (вынимаю из кармана арестантский билет и верчу его в руках), удостоверяющий, что мы с 10 мая 77 г. числимся за особым присутствием и что, следовательно, способ и место заключения подсудимых вполне зависит от него.—Так, когда все это совершилось, то я окончательно пришел к убеждению, что, несмотря на мое желание и столь долгое ожидание, я не могу принять в этом суде никакого участия как лично, так и через защитника, а потому прошу удалить меня из залы заседания». (Ухожу.) Во время этой речи председатель раза два делал попытку остановить меня, но я напрягал все усилия, чтоб продолжать и продолжал. И, кроме того, я обеспечил себя предварительным заявлением, что не скажу ничего оскорбительного, а потому он и дал мне все-таки кончить. Впрочем, надо и то сказать, что мой протест был еще одним из умеренных. А что было до меня! И комедией-то весь суд называли, и слугами-то III отделения называли сенаторов, и говорили, что мы этот суд не признаем и общего с ним ничего не имеем; один назвал суд административной комиссией, составленной из чиновников правительства. А один так даже (Мышкин) назвал суд домом терпимости; нет, сказал он,—хуже: потому что в доме терпимости убивают с в о е

тело и торгуют им из-за нужды, а здесь г.г. сенаторы торгуют чужой жизнью из-за высоких приличных окладцев. Словом, суд оплеван, елико возможно. Получил приличное воздаяние за все прошедшие и предбудущие злодейства... Ну, однако, я хотел было толковать о своей персоне, а съехал опять на общее. Что же мне сказать тебе про себя-то еще? Разве вот что. Если меня отправят в централку, то я надеюсь, что и ты переселишься поближе ко мне. Жить будешь в деревне, жизнь не дорогая и для здоровья полезная. Будешь видеться со мной и помогать чем бог пошлет. Кроме некоторой надежды попасть в Сибирь на поселение и надежды на освобождение по случаю дарования российскому народу конституции, есть у меня в виду еще одно средство избавиться от удовольствия познакомиться с централкой. Средство это—женитьба, так как, по закону, женатых не сажают в централку, а отправляют прямо в Сибирь (а там и на каторге нашему брату житье отличное—недавно читал оттуда письмо). Но вот беда: во 1), пожалуй, не позволят, хотя по закону и можно, а 2) и невеста-то моя, кажется, еще не родилась, а та, которая родилась, что-то как будто в сторону начинает поглядывать... Ничего мне не присылает и не носит, на свидание по месяцу, по $1^1/_2$, а бывает и по два, не заходит; писем не присылает и вообще никаких объяснений по поводу своего нехождения не дает. Так что я, нет, нет, да и затяну: «Сяду я за стол, да подумаю: как на свете жить одинокому», или: «Один, один, бедняжечка, как некрут на часах». Но шутки в сторону; дело и в самом деле выходит совсем неладное. Ее уклонения от свиданий со мной и неисполнение моих самых пустяшных просьб и поручений происходят уже давно: чуть ли не с самого начала перевода меня из крепости сюда. Сначала это меня ужасно волновало, бесило и вообще производило крайне скверное действие. Ну, а потом, когда начала разбирать злость и заговорило самолюбие, когда такие поступки сделались обыкновенным явлением, то и я, конечно, стал относиться равнодушнее к такой, ничем не заслуженной невнимательности. Я, конечно, хорошо понимаю ее положение: 1) она—нездорова, а во 2) очень занята, много работает, так как иначе ей не было бы возможности существовать. Но я никогда не поверю, чтобы человек, если бы только он захотел, не мог найти 2—3 часов в неделю для свидания с другом, которого он хоть крошечку любит и который к тому же сидит в тюрьме. Меня бы, по крайней мере, не остановили тут ни нездоровье, ни занятия. Конечно, тут главная причина—трехлетняя разлука и происшедшее отсюда охлаждение; дело в порядке вещей, вполне естественное. Поэтому я особенно-то не претендую теперь и только пожимаю плечами, когда в дни свидания вижу, что опять остаюсь без свидания. Понятное дело, и у меня-то к ней нет той привязанности и той любви, которую я некогда питал к ней. У меня остается только воспоминание о прошлом и личная симпатия. Так что если меня приговорят только в Сибирь на поселение, то я ни в коем случае не женюсь на ней, если бы даже она выразила на то свое согласие и желание; это уже решено. Только вот не знаю, как быть в том случае, если

меня приговорят на каторгу: с одной стороны, желательно было бы женитьбой избавиться от централки, а с другой—как же жениться, если не любишь. Это уж выходит брак по расчету... В конце концов вопрос этот остается нерешеным, да и решить-то его теперь трудно по той простой причине, что я вот около двух месяцев не имею свидания и, значит, не могу знать: как и что теперь и почему... Вообще нельзя не сознаться, что дела мои с этой стороны плохи... *)

Ну, милая мама, не пора ли уже и закончить беседу, а то я и так слишком зарапортовался. Как ты теперь поживаешь? как здоровье? Я очень и очень жалею, что ты не можешь теперь приехать ко мне. А теперь бы самая пора; сюда понаехали отцы, матери, сестры и братья наши со всех концов России: все ждут с нетерпением решения нашей участи... Получила ты мое письмо, которое было ответом на твое последнее письмо? Я писал через прокурора; решительно нельзя писать через эту скотину: он держит недели по две и более, по пустякам возвращает и не пропускает. Так что нам с тобой надо устроить переписку помимо прокурора. Я просил одного приятеля, чтобы он дал подательнице этого письма адрес для тебя, по которому бы ты могла писать мне и прислать сюда какой-нибудь надежный самарский адрес. Если мой приятель адреса не дал, то отвечай на первый раз мне по следующему адресу: Присяжному поверенному Сергею Семеновичу Соколову, на Сергиевской улице, д. № 34, кв. 3,—это на наружном конверте, а на внутреннем: для передачи Ал. Ив. Ливанову. Наружный адрес не пиши своей рукой. Сообщи также и адрес, по которому бы я мог безбоязненно писать тебе. Письмо пошли лучше всего заказное: оно надежнее. А я к тому времени приготовлю другой адрес еще более надежный. Деньги у меня пока есть; на этот месяц и на генварь, вероятно, хватит. Теперь у нас казенная пища немного лучше, так что денег выходит меньше, чем прежде. Горнова говорила мне как-то, что ты приготовила мне белья, носков и шарф. Белье у меня пока есть, но в носках и шарфе нуждаюсь; но дело в том: как передать. Ведь не по почте же посылать такие драгоценные вещи: «овчинка не будет стоить выделки». Разве вот не случится попутчик. Жаль, что ты не была до сих пор знакома с родственниками самарцев, привлеченных по одному со мной делу. Ты постарайся познакомиться; многие из них теперь здесь, а другие, может быть, еще только думают ехать сюда; так вот, можно послать с ними. Познакомиться же с ними ты, вероятно, можешь через подательницу этого письма. Она женщина хорошая, добрая, славная. У нее же ты, вероятно, можешь взять подпольный отчет по нашему делу, речь Мышкина и разные другие интересные вещи. Я же лично посылаю тебе только то место обвинительного акта, которое касается меня, и казенный отчет о судебном следствии по нашей группе, из которого, к сожалению, ты почти ничего не извлечешь. Обвинительный акт печатается целиком в «Правит. Вестнике», «Голосе», «Новом Времени»

*) Не говори, пожалуйста, ей об этом ни слова. (Прим. А. И. Ливанова.)

и в «С.П-Бургских Ведомостях». По самарскому делу в конце акта есть еще обо мне кое-что. Письмо это я начал писать, как видно из заголовка, еще 7-го числа, а оканчиваю, по некоторым причинам, только теперь, т.-е. 9-го. Сегодня окончилось судебное следствие по всем группам; 13-го начнет говорить прокурор, а затем защитники. Так что прения, мож(ет) быть, окончатся к рождеству, но приговор вынесут, вероятно, не ранее генваря или числа 28 декабря. Как поживают Татьяна Андреевна и Александра Дмитриевна? Передай, пожалуйста, от меня им самый низкий поклон и самый теплый привет. Удивительное дело. Вот они мне не родные, а интересуют меня больше и люблю я их больше, чем всех моих родственников, взятых вместе, за исключением разве тетушки Александры Михайловны, которую я тоже уважаю и люблю. (Поклон ей.) Вот что значит нравственная связь. Я всегда с удовольствием вспоминаю время, проводимое у них. Да и как давно я их знаю. Ведь чуть ли не с 14 л. я начал ходить к ним. О Митеньке я ничего не говорю, ибо знаю, что его теперь у вас нет, но я постараюсь разузнать, где он, и, вероятно, обменяюсь с ним письмами, а мож. б., даже увижусь. Ну, милая, дорогая мама, до свидания.

Целует тебя несчетное число раз любящий сын твой

Александр.

P. S. Не был ли у тебя мой кум? Напиши, если что знаешь о нем.

V. Письмо В. А. Осташкина [49] к родным.

Я начал было подробно писать вам о своих мытарствах в течение этих трех слишком лет по отечественным кутузкам, о впечатлениях, вынесенных мною из подобного рода странствований, о теперешнем своем житье-бытье, о настоящем процессе—этой шутовской комедии с трагической развязкой; я хотел также выяснить вам сущность, причины и значение протеста, заявленного нами (всех протестантов, мужчин и женщин,—116 или около того; в нашем самарском кружке протестовало только 6 чел.: Осипов, Филадельфов, Петропавловский, Лазарев, Никольский [50] и я) на, с позволения сказать, суде; последнее тем более необходимо, что даже здесь, в Питере (да что я,—даже в среде самих подсудимых), многие из интеллигенции смотрят на наш протест не с надлежащей точки зрения, неверно или вовсе не понимают его смысла,—ну, а вам-то, сидящим в глуши, уже и вовсе простительно не видеть того, что творится за тысячи верст, имея возможность только судить по бесцветным, бессодержательным газетным отчетам (если помещаемая там галиматья может быть названа отчетом), в которых мы фигурируем в качестве каких-то непонятных сфинксов,—все это, я полагаю, знать вам небезынтересно, но в данную минуту, я вижу, что мне не удастся сделать все это как следует, почему я и пришлю вам подробные сведения с первой же оказией, которая, конечно, не заставит

себя ждать. Ну, а пока скажу несколько слов об ожидающей меня участи. Г. Желеховский [51], получивший уже, как своим отношением к заключенным вообще, так и обвинительным актом в частности, заслуженную репутацию от'явленного негодяя в глазах всех порядочных людей,—ну, так вот эта самая гадина вчера и третьего дня изрыгала потоки инсинуаций наглой лжи (все это было так глупо, непоследовательно, голословно, что вряд ли ему удастся поймать многих на эту удочку), сравнивая им же самим созданное тайное общество с шайкой мазуриков, воров, имеющих агентов в различных частях Российской империи,—впрочем, об этом после,—а главное, особому присутствию (этому дому терпимости, как окрестил его на суде Мышкин) предлагалось отнестись без всякого снисхождения, беспощадно к 24 подсудимым (в том числе 5 баб), как к главным виновникам, коноводам, по милости которых будто бы и заварилась вся эта каша, затем, хотя и более мягко, чем к первым, но все же заслуживающим более или менее строгое наказание, как действующим сознательно, следует отнестись к другим 12 лицам, в число которых, по воле судеб, зачем-то попал и ваш покорнейший слуга. Прокуроришка объяснил, как мне передавали, это обстоятельство тем, что он-де как близким своим знакомством с главою револ. общества—Войнаральским [52], так и своим поведением на суде (мне ничего не дали сказать) доказал, что 3 года одиночного заключения не исправили его, а потому... Наконец, все остальные, по мнению обвинит. власти, представляют из себя не более, как мягкий воск, из которого вожаки и коноводы лепили все, что им вздумается в силу чего к ним следует отнестись возможно снисходительнее. Есть, еще несколько личностей, которые за свою подлость, за то, что выдали и погубили десятки людей, прежде товарищей, заслуживают полного снисхождения —этой чести удостоились и Городецкий с своей дорогой супругой [53]...

Говорят, что первую группу лиц ожидает каторга, вторая категория, вероятно, удостоится поселения, большинство, все остальные, получат исправит. наказания, т.-е. их наградят тюрьмой, арестантскими ротами и пр.

Как бы то ни было, мне важнее всего уверить всех вас вообще, и тебя, мать, в особенности, что если меня и мучит что, неотступно преследует, так это ваше беспомощное, бедственное положение и то новое горе, которое неминуемо обрушится на твою голову, если меня упрячут куда Макар телят не гонял. Меня отчасти, впрочем, утешает тот факт, что, так как мне говорили, ты, мать, сравнительно с другими еще бодро переносишь жестокие удары судьбы и не падаешь духом. За это я тебя и целую много, много раз. Я вполне также уверен, что ты не унизишься, не станешь просить пощады своему сыну у наших палачей и народных вампиров и не заставишь меня таким образом выходить из себя, испытывать невольное унижение и холопство перед теми, к которым я не могу относиться иначе, как с полнейшим презрением. Помни, что для меня дороже всего на свете успех народного, революционного дела,

торжество дорогих мне убеждений и идей и нравственная чистота собственной личности: лучше умереть в подземелье с спокойною совестью, нежели купить ценою унижения несколько лет тунеядного существования. Да и в эти три года и 5 месяцев пришлось испытать столько разных невзгод и всевозможных нравственных пыток, что уже, на зло опричникам, никакая каторга нас не пугает,—мы давно ко всему готовы и сумеем, надеюсь, гордо встретить всевозможные испытания и сложить свою голову, если потребуется, за великое, святое дело освобождения трудящегося человечества из рабства и эксплоатации.

Если меня сошлют в соседство к белым медведям, то и там я буду иметь сношения с вами, и не нужно думать, что, раз попав в сибирские тундры, мы пропадем у вас из виду. Вот для подобных-то официальных сношений не мешало бы тебе прислать мне надежный адрес, по которому письма наверное доходили бы до вас, т.-е. из места ссылки (адрес какого-нибудь вашего местного туза или присутственного места,— предосудительного, конечно, тут ничего быть не может).

Письма ваши все получил; из последнего видно, что Владимир все еще не нашел себе пристанища; ему, к несчастью, приходится обивать пороги в передних у разных ваших доморощенных высокопоставленных прохвостов; это меня, конечно, сильно печалит, хотя я и мог предвидеть, что брат, как вовсе незнакомый с практикой жизни, не скоро пристроится. Мне лучше бы хотелось видеть Владимира в роли приказчика, чем приказной строкой. Вряд ли он вынесет положении строчильной машины.

Много кой-что хотелось бы сказать, да пора кончать и итти отправить эту цидулку, а потому, оставляя до следующего раза подробную беседу, горячо, крепко целую вас всех, от души желаю, а тебя и прошу, мать, поменьше плакать и тужить обо мне; Ване советую почаще заглядывать в хорошие книги, рекомендовать которые может Владимир; сему последнему поскорее и по душе пристроиться к делу, ну, а тебе, отец, не хворать. Прощайте же, дорогие. Будьте здоровы.

Любящий вас всех *Виктор.*

P. S. О моем житье и его условиях можете расспросить подателя этого письма. Да, я позабыл сказать, что прокурор отказался обвинять самарцев: Янова, Спесивцева, Милоголовкина, Никитину и еще 6 человек из других групп.[54]

VI. Письмо В. В. Филадельфова[55] к А. Н. Гавриловой *).

Давно я изыскивал случая написать вам, но все неудачно. Наконец, давно желанный случай представился... писать же через прокурора у меня не было и нет ни малейшего желания, во-первых, потому,

*) Дата не поставлена; письмо относится к средине декабря 1877 г.

что госпожа цензура херит все им неприятное, во-вторых, считаю осквернением себя дозволить жандарму копошиться в своей душе, Вы уже знаете, что я просидел в ожидании скорого суда $3^1/_2$ года. С первой минуты моего ареста и до последних дней злой неволи со стороны властей, кроме несправедливости, за редкими исключениями, я ничего не видал. Чтобы сказанное мною не показалось вам голословным преувеличением, сообщу наиболее характерные факты. При допросах прямо заявляют, что чем-де больше скажешь, тем для тебя же лучше: выйдешь на волю, не то на каторгу. Сперва обращаются хорошо, как бы соболезнуя тебе, но лишь заметят, что частица «не» ставится тобою часто (не знаю, не слыхал и пр.), сейчас же тактику свою жандармы изменяют: начинается уловление твоей души. Начинают предлагать вопросы с закорючками; стараются продиктовать тебе показание; стращают, ублажают, льстят умом, развитием, образованием; не прочь выкинуть и колено в роде следующего: предъявляют мне письмо якобы от моего знакомого. В письме говорится: «шлю вам 2 тюка запрещенных книг: «Государственность и Анархия», журнал «Вперед» и т. д., и т. д. «Кто,—спрашивает крючкотворец,—прислал вам эти книги?».—«Не знаю», говорю. И что же оказывается. Никаких тюков никто не присылал; просто шпион Пудовкин [56] показал, что Филадельфову обещались прислать 2 тюка запрещенных книг. Ну, жандарм и стал меня расспрашивать «врасплох»:авось-де растеряется, набрешет на себя или на своих знакомых. Затем убеждает меня во всем признаться: «ваши товарищи (такие-то) все рассказали, поэтому в ваших интересах, г-н Филадельфов, подтвердить все это». Через 2—3 дня узнаю, что мои товарищи не только не давали показаний, но и дать их не могли, так как еще никто из них не разыскан.

Перехожу теперь к рассказу о том, как нас содержали в острогах. Я прошел целый ряд тюрьм: был в самарском остроге, в саратовском, в Тамбове — в части, в Москве—в знаменитой Пугачевской башне, в городской, рогожской частях, в тюремном замке, затем в Петербурге—в Петропавловской крепости, и наконец, в доме предварительного заключения, где обретаюсь и посейчас. В самар. остроге первое время нам не давали ни курить, ни книг, ни свиданий и только в последнее время дозволили мне видеться с отцом один раз минут на 15. Пища—хлеб таскун, да щи водянец. Арапов [57], отведав пищу нашу, воскликнул: «От такой пищи собака и та сбесится». Действительно,—. вскоре 2-е из нас заболели: Беляков [58]—расстройством желудка, а Фоминский—цынгою. 5 сентября 74 г. я очутился в Пугачевской башне—в Москве. Отвели меня в каморку длиною 3 и шириною 2 шага. Темно, холодно, сыро и грязно. Просидел я тут с неделю и получил лихорадку. Меня, как больного, перевели в лучшее помещение,—в городскую часть. Комнатка довольно светлая, но пол до того чист, что не разберешь, какой он: деревянный, каменный или земляной. Требую к себе товарища прокурора. Является Кларк [59]. Так и так, говорю, чухонцы, мол, свиней чище содержат, чем вы нас. Он посмотрел.

Позвал старшего и, показывая рукою на пол, говорит: «Посмотри. Что это? У тебя, братец, здесь скоро медведи забегают. Когда мылись полы?»— «С год тому назад, ваше высокородие», отчеканивает унтер. Сидеть по частям летом было еще ничего. Донимали нас только грязь, да вошь, так как нас по 2, да по 3 месяца не водили в баню и не сменяли белья... Но зимой в морозы... не приведи бог сидеть в проклятых частях матушки-Москвы. С 24 декабря 74 и 19 января 75 г. я квартировал в рогожской части. Каморка маленькая, грязненькая, темная... Но все это было ничего. На беду в ту пору стояли морозы. Топили наши камеры по-казенному, мало (должно быть, «экономию» хорошо изучили). Конура моя была в нижнем этаже каменного дома, и вдобавок, угловая. Холод и сырость невиданные... На стенах плесень. На окне лед. На подоконнике вода. Дохнешь, пар видно. Я спал, не снимая сапог, ни пальто, и то зачастую просыпался от холода. Я требую топить печь 2 раза в сутки. Мне говорят—нельзя: положения такого нет. Приезжает городской голова—член тюремного комитета—и он же, кажись, член общества покровительства животных. Я к нему с челобитной на сырость и холод... Осмотрев мою берлогу, он дохнул, увидел свой дух; провел рукою по стене, оставил на ней след своей жирной пятерни и, кроме того, запачкался плесенью. Несмотря на все это, покровитель животных не сделал никакого распоряжения. Он ограничился одним лишь замечанием: «Да, да,—шамкает лысина в енотке,—да... Вот так, немножко бы, немножко следовало протопить...» Немножко... А от этого «немножко» я спал не раздеваясь... По той же причине караульные жандармы по ночам вместо бога поминали чорта, да чью-то мать и не могли подолгу заснуть, хотя и ложились, не скидая ни сапог, ни курток, ни шинелей. Я мог бы привести еще подобного рода факты, но, полагаю, довольно и этих, чтобы составить себе понятие о том, как содержался я до суда, и не один я, а все, и не один, два месяца, а 2, 3 и 4 года. Само собою разумеется, что не везде было одинаково скверно: в одном месте плохо, в другом хуже, в третьем еще похуже, а в Петропавловской крепости... Слушайте: в крепости сидят, как вообще, в одиночных камерах, зато больших, светлых, чистых и теплых. Есть даже форточки. Белье барское: тонкое, чистое. В баню ходят ежемесячно. Кормят хорошо: в 8 час. утра 3 кружки жидкого чаю с 3 кусками сахару и с полбулкою хлеба. Обед из 3-х блюд—сытный и вкусный. В 8 ч. вечера то же, что и в 8 утра. Гулять водят через 2 суток на четверть часа. Это—с одной стороны. С другой—могильная тишина: слышно, как муха летит. Свиданий у меня не было. Говорить не с кем. Книги давали мне старые, никуда не годные, в роде Булгарина, Греча, Карамзина. Не видишь человеческого лица, не слышишь человеческого голоса. (Впрочем, теперь, говорят, и там завели сношения.) Просидел я тут год и 2 месяца, которые показались мне за 8 лет. Здесь я отупел и поглупел градусов на 40. Под конец сиденья стал подумывать о том, как бы покончить с собою... покончил бы, наверно, если бы не перевели меня вскоре затем сюда, в дом предварительного заклю-

чения. Насколько хороши условия гуманного одиночного сиденья, видно из того, что из числа арестованных по делу 74 до суда лишило себя жизни 10 чел. и 2 покушались, 29 сошло с ума, 35 умерло: кто от чахотки, кто от истощения, малокровия и т. п. Из моих земляков умерли: Беляков (от истощения) [58], Чернышев (от чахотки) [60], Попов (от катара желудка) [61] и сошли с ума: Дамаскин, Лукашевич (жена Осипова) [62] и Курдюмов [63], который теперь оправился. (Вечная память вам, честные люди, замученные в казематах за свои убеждения.) О том же, как живется нам в доме пр. закл., говорить я не стану, вам расскажет податель письма. Замечу только, что живем сравнительно хорошо. Между прочим, считаю не лишним сообщить вам кое-что о «Треповской истории» [64]: Нас водили гулять в клетки, построенные на дворе: по одному в каждую. Клетки до того малы, что негде поразмять костей. Мы стали перескакивать за барьер и гулять по всему двору гурьбою по 9 человек: и весело и вольготно. Начальство, разумеется, стало ворчать: как, мол, смеете безобразничать. Мы все заявили, что буде нам не позволят гулять по двору, мы отказываемся от всяческих прогулок... Начальство мялось-мялось, уступило: не морить же их в самом деле. Народ все молодой. Без движений нельзя. И так много ихнего брата перемерло, к тому же и теперь между ними кандидатов на казенный гроб не мало... Ладно... Гуляем эдаким манером день, два, неделю... В июле (77 г.) на двор к нам приявился самый что ни есть главный опричник, царский прихвостень: градоначальник генерал-лейтенант Трепов. Увидав политических арест. гулявшими по двору толпою (скопом, значит), спрашивает управляющего, почему-де вы допускаете у себя такие вольности. Тот замялся. Один из гулявших, некто Боголюбов (осужденный по делу демонстрации на Казанской площади 6 декабря 76 г.), подходит и начинает объяснять, что гуляют-де люди, судящиеся по разным делам, следовательно, от совместных прогулок интересы правосудия пострадать не могут. «Вас не спрашивают», рычит генерал. Боголюбов повернулся и пошел. Его превосходительство кричит Боголюбову: «долой шапку», и замахнулся на него, хотел сшибить фуражку. Боголюбов не токмо что не обнажил главы своей, но еще предерзостно отвел его превосходительную руку. Не стерпел генерал такого поругания, приказывает посадить дерзкого в карцер. Гулявшие, а равно и видевшие эту историю из окон стали кричать Трепову: «Как вы смеете обходиться с нами так дерзко!». Другие, более горячие, гикнули: «Вон его со двора!». «Опричник, мерзавец!»—послышалось из окон... Ну, как тут стерпеть старику-генералу, и вот он, забыв закон, велит дать Боголюбову 25 горячих: Боголюбову в поучение, а нам на устрашение... Весть, что Боголюбова велено высечь, мигом облетела всю тюрьму... Водворилась зловещая тишина... Вдруг до нашего слуха донеслись крики страдания: ай, ай, ай... Сомнениям не оставалось места... и... вся тюрьма, как по мановению волшебного жезла, застонала... Крик, шум, стук, биение стекол, ломка дверей, форток, столов... Я, грешный, тоже не вытерпел: кричал, звонил, ругался и

в довершение всего вынес фортку из двери вон... Среди этого, поистине, адского шума изредка слышались возгласы: «Управляющего!», «Трепова!»... Никто не идет... Немного спустя в тюрьму нагрянула свора полицейских. Начинают поочередно отпирать бунтовщиков, чтобы вести их в карцер. Дорогой, как вели, нас били, как только может бить дрессированный держи-морда; а чтобы не видно было того, кто бьет, на голову несчастного бунтаря набрасывали (неразобрано одно слово).

Вот как гуманно обходятся с нами... Все сие творилось, не забудьте, в Питере, в наше время, когда общество покровителей животных тащит мужика в часть за слишком усердное биенье лошади... Что же значит притча сия? Общество покровит. животных действует, а об обществах покровителей людей не слыхать...

Еще один небезынтересный факт: в дом пр. заключения захотел приехать некто знаменитый Грот,—влиятельная особа, член тюремного комитета и человек честный, гуманный. Хотел приехать с целью разузнать, нет ли жалоб со стороны арест(ованных) на плохое содержание и прочее. Накануне его приезда распустили слух, что приедет важное лицо прокурорского надзора с целью расследовать дело о беспорядках, произведенных заключенными 13 июля (помните Треповск(ую) ист(орию). Понятно, что мы, видя в Гроте прокурора, не сочли нужным заявлять ему о чем бы то ни было. В результате получилось следующее: в газетах пропечатали, что Грот посетил дом пред. закл. с целью войти в положение заключенных и принять от них жалобы и пр., но что все-де обстоит благополучно, хорошо. Ни один-де арест(ованный) не пожаловался. Как вы это находите? Теперь о нашем суде, об обвинительном акте. Наш обвинительный акт содержит в себе 350 стр., живых подсудимых 198 чел., свидетелей 500. Дела (показания подсудимых, свидет. и т. п.) 250 больших томов. Получили акт. Читаем и удивляемся: господи, твоя воля...[65]. Чего-чего не прописано там. Если верить прокурору, то мы (подсудимые)—воры, грабители; высшим благом считали житье на чужой счет; все мы подрыватели семьи, люди развратные; все мы лень и невежество возводим на степень идеала. Вот какими старается представить нас правительство пред глазами общества... Не то удивительно, что правительство марает нас грязью, ругает—это в порядке вещей, а удивительно то, что правительство с нахальством попирает здравый смысл и логику читающей публики. Вы знаете меня, Осипова, Осташкина, Чернышева, Лазарева, Белякова,—и все мы, по словам прокурора, тунеядцы, воры, грабители, развратные люди; словом, такие, что противно и плевать-то на нас. Акт печатается в виде прибавления к газете «Правит. Вестн.». Прочтите, увидите, как тоже расписали нас там. Кстати обратите внимание на милые показания Верочки и Левочки Городецких.

Никто из нас не ждал от них ничего подобного. Городецкий оправдывает свою жену (Боголюбову) в том, что «Верочка в ваших же интересах хотела представить нас в комичном виде». Верочка и представляет...

Вот дословные выдержки из ее показаний: «Филадельфова, Осипова и Осташкина я знаю. У Филад(ельфова) бывала, но редко, так как мне странным казалось бывать у х о л о с т о г о молодого человека. Они собирались на сходки, где читали Овена, Лассаля и др., но я была только раз: Филад(ельфов) не захотел, чтобы я посещала их сходки. После этого я с своей подругой Шестаковой стала читать Добролюбова, но мы не понимали его, постоянно спорили, наконец, бросили. Осипов и Филад(ельфов) доказыв(али) мне, что нужно распространять образование в народе и внушать ему необходимость самоуправления. Все разговоры сосредоточились на теме «Что делать». Установление программы действий было возложено на Осипова, который через несколько времени объявил, что план действий отыскан и в очень мудреных фразах возвестил необходимость «нравственной выработки». Затем Осип(ов) и Филад(ельфов) стали доказывать мне бесполезность занятий науками в гимназии, и так как мне надоели немецкие переводы, то я вышла из гимназии и поступила в фельдшерскую школу...

Осипов, между прочим, взялся писать разбор Чернышевского «Что делать», заранее уверив всех, что напишет такой разбор, который и через 100 л. будет современен. Такое обещание Осипова разрешилось ничем. Он объявил, что им придуман новый план действий—«строго-научная подготовка». Сходки бывали после того часто, но я не имела с этой компанией ничего общего. Эти господа не доверяли мне; смеялись надо мной; называли барышней и вообще относились ко мне с пренебрежением. Они ничего не делали, только ходили друг к другу в гости, да распивали чаи. Правда, я прежде увлекалась разными общественными вопросами, но теперь, с выходом замуж за Леву, я всецело предалась личному семейному счастью».

Судите сами, чего здесь больше: пошлой лжи, клеветы или глупости... Что же касается планов действий, чаепитий и пр., то я принимал в них участие без моего ведома. Смею думать, что и планы действий составлялись Осиповым без его на то согласия, в то время, когда Верочка сидела в самарском остроге. Поэтому эти планы действий должны носить имя их действительного творца, а не подставного секретаря компании, т.-е. планы Боголюбовские, а не Осиповские...

Так отличилась Верочка, жена, достойная своего мужа, «кающегося» дворянина Льва Городецкого.

Сам же Городецкий писал не показание, а просто донос.

Два листа испещрены фамилиями его знакомых, отличавшихся не только революционным направлением, но и либеральным духом. При чем Левочка дает краткую характеристику поименованных им лиц в роде того, что этот развит, но не предан делу, а тот глуп и т. п. Показания свои он заканчивает так: «Прежде я увлекался этими (т.-е. революционными) идеями, теперь же пришел к тому убеждению, что все идеи—химера. Все же мое прошлое было увлечением молодости». Этого мало. Левочка уверяет нас, что все это (оговор) было с его стороны ошибка: что он, Левочка, такой же революционер, каким был и

прежде, что он и теперь считает нас своими друзьями... Ну, кто из них лучше: муж или жена? «Оба полютче», сказал бы немец...

Оставим их наслаждаться личным семейным счастьем, основанным на стонах и воплях их бывших друзей и знакомых... Перейдем к суду.

По выдаче акта мы должны были вызвать свидетелей в семидневный срок. Как можно в такой короткий срок прочесть претолстущий обвинительный акт, все обдумать и вызвать свидетелей? Каких свидетелей? Не посоветовавшись с адвокатом, вызовешь, пожалуй, не тех, кого бы нужно, а письмо к адвокату приходит ровно через две недели. Правда, нам продолжили срок еще недели на 3, но условия вызова даны уже не те: там (в семидневный срок) вызовут всех, кого назначит подсудимый, здесь же (во время отсрочки) вызовут лишь тех, кого найдет нужным особое присутствие. Я, конечно,не успел воспользоваться первым сроком. Пришлось представить моих свидетелей на особое усмотрение (я вызвал: жандармского полковника Смалькова, двух дворян Ободовских и купца Мясникова). Вызвал их с тем, чтобы с помощью их опровергнуть ложь шпионов, доносчиков, вызванных в качестве свидетелей против меня... И как бы вы думали? Мне отказали во всех этих свидетелях «за их несущественностью»... Я хотел требовать отвода этих шпионов, как свидетелей «несущественных»... Мне говорят, этого сделать нельзя... Итак, на суд я должен был явиться с одним своим собственным языком, да с балалайкою (адвокатом Потехиным). Затем нас порешили сперва судить всех вместе (198 чел.). Согнали в тесное зало, как стадо баранов. Публики нет. Отчеты о заседаниях будут печататься с пропусками и искажениями. Потом, что еще того лучше, нас разделили на 17 групп и вздумали судить каждую группу отдельно, тогда как мы юридически составляли неделимое одно тайное сообщество. Ни заявления подсудимых, ни ходатайство защиты—ничего не было уважено.

После всего этого вы, надеюсь, не удивитесь, если я скажу вам, что из числа подсудимых 115 челов. отказались от всякой защиты и участия в суде, прося удалить их из зала заседаний: я, Осипов, Осташкин и Лазарев в числе отказавшихся...

Вот вам и «скорый, правый, милостивый суд»...

Избави бог и от особого суда, и от особых судей. Вижу, что письмо мое вышло отрывочно, неполно, а делать нечего, тороплюсь: срок отдачи близко...

В заключение всего я свидетельствую вам, Анна Никифоровна, мое глубокое уважение, даже больше... за ваше теплое, бескорыстное участие во мне... Я всегда с удовольствием вспоминаю вас и говорю вам мое сердечное спасибо.

От души желаю вам всего лучшего в мире.

Готовый к вашим услугам

Василий Филадельфов.

Передайте от меня мой привет Тиме, Любе, Маше и всем моим знакомым...

Жду заключения в крепость, а не все равно—угожу и на поселок с лишением всех прав и состояния, которых у меня не было.

Прощайте.... Я жив, здоров и пока бодр духом...

Если можно, сообщите содержание этого письма моему отцу. Я не знаю, что с ним: жив ли, помер ли. Пишу, пишу ему и не получаю ответа 4-й месяц. Его старый адрес был: Симбирск, Шатальная улица, дом Зимина...

(Приложение к письму В. В. Филадельфова.)

Вот еще кое-что, не лишенное интереса: есть приказ сечь политических преступников за продерзости, сделанные ими чинам III отделения, так, например, в силу этого приказа дали 25 розог Папину [66] и рабочему Козлову. За первое ручаюсь, второе передаю, как слух.

В Москве за стук и пение донимали сидящих женщин (таким) обр(азом): унтера и часовые начинают позволять себе вольности, говорят комплименты в роде того, что какая, мол, ты хорошенькая; а с одной так проделали следующую штуку. Когда она (не хочу назвать фамилии) пошла в баню и совсем разделась, к ней в костюме Адама входит унтер. Та, конечно, кричать, плакать... И сообщивший мне о последнем казусе дает слово, что он слышал, как офицер отдал приказ унтеру проделать с нею вышеозначенную штуку. На одну из женщин унтер стал кричать (орать) за то, что она стучит (говорит) с соседом... Эта несчастная в порыве негодования ударила о стену свой табурет. Унтер, взяв со стола книгу, ударил ею по голове арестованную со словами: «А-а... так ты эдак, ну, так вот тебе...».

Рабочего Кукина, когда ему было 15 лет с небольшим, арестовали за какую-то книжку заграничного издания...

Желая разузнать, кто ему дал ее, жандармы стращали этого Кукина розгами и держали целую неделю на уменьшенной порции пищи, так что он был впроголодь. Мало того, когда вели его на допрос, давали ему в виде подкрепления вина... Передаю это со слов самого Кукина. Во время арестов в Самаре жандармы распустили слух, что арестуют дворян за нежелание отбывать общей рекрутской повинности.

Пудовкин получил в награду всего 70 р., Байков же ни шиша. Дмитриев Мишка (рыжий портной) получил 300 р. за то, что выдал головой Войнаральского и Юргенсон [67]. Рабочего (политического арестованного, сидевшего вместе со мною в доме предварительного заключения) тащили со двора в карцер за волосы и при этом били за то, что он разговаривал с своим знакомым, смотревшим в окно. Заславский [68] (приговоренный к 10 годам каторги) всеми докторами признан сумасшедшим. Но инспектор (или доктор) больницы умалишенных в Питере не принял его, так как власти сдавали ему Заславского на условии личной ответственности в случае побега этого сумасшедшего.

Губернское же правление после того признало Заславского здоровым, и он, несчастный, должен сидеть в тюрьме на положении обыкновенных каторжников... Всех политических требуют заключения в центральных тюрьмах. Им не дозволяют ни общих прогулок, ни денег, ни книг. Пища прескверная. На привар отпускают по 2 к. на человека в сутки. Но теперь, говорят, изменилось к лучшему: свидания дозволены, книги, деньги получать можно.... и даже общие прогулки разрешены. Как обращаются в центральных тюрьмах, можно видеть из следующего (передаю как слух): рабочему Малиновскому [69], в то время как его тащили в карцер, переломили ребро... Рассказывайте всем и каждому *), что жандармы верят арестованному лишь в том случае, когда он делает показания в ущерб себе или своим товарищам, на все же остальное, говорящее в чью-либо пользу, не обращают внимания...

Примечания к письмам.

[1]) *Сердюкова* (ур. Корнилова), *Любовь Ивановна*—одна из сестер Корниловых, дочерей фабриканта фарфоровой посуды, принимавших видное участие в движении 1870-х годов. С 1872 г. Люб. Ив.—активный член кружка «чайковцев». В конце 1870-х г.г. подверглась административной высылке в г. Ишим, Тобольск. губ. С сентября 1881 г. по сентябрь 1886 г. состояла под гласным полицейским надзором в Томской губ. Умерла в Казани в 1892 г.

[2]) *Чепурнову, Веру Петровну.*

[3]) «Суд москвичей»—известный процесс 56-ти, разбиравшийся в особом присутствии сената в феврале—марте 1877 г.

[4]) *Шишко, Леонид Эммануилович* (1852—1910)—известный революционер, один из активнейших членов кружка «чайковцев». По процессу 193-х приговорен к каторжным работам на 9 лет. Его перу, как известно, принадлежат ценные воспоминания о том времени, к которому относятся все публикуемые письма. Воспоминания эти собраны в IV т. собрания его сочинений (изд. «Колос», П. 1918). О нем см. сб. «Памяти Л. Э. Шишко» («Современник», 1912, кн. 7).

[5]) *Бардовский, Григ. Вас.*—прис. пов., выступал защитником на главных политических процессах 1870-х г.г. (на процессах, напр., Дьякова, Серякова и Герасимова, о демонстрации у Казанского собора, 50-ти, 193-х, Ковальского в Одессе и др.). В июле 1879 г. Б-ский, будучи заподозрен в укрывательстве О. Любатович, был арестован. В тюрьме он вскоре же сошел с ума и умер. См. о нем в воспоминаниях о Любатович («Былое», 1906 г., кн. V, стр. 211—212). Его родной брат, мировой судья Петр Вас. Б-ский, принимал видное участие в польском революционном движении, судился в Варшаве в 1885 г. по делу «Пролетариата», приговорен к смертной казни и повешен.

[6]) *Бардовская, Анна Арсеньевна*—жена прис. пов. Гр. Вас. Бардовского.

[7]) Об известной речи Ип. Ник. Мышкина на процессе 193-х и о всех последствиях, которые влекло за собою его выступление, достаточно подробно говорится в следующих письмах, особенно А. И. Ливанова.

[8]) *Волховский, Феликс Вадимович* (1846—3/VIII 1914 г. н. с.)—судился и оправдан в 1871 г. по делу «нечаевцев», впоследствии видный эмигрант, один из основателей «Фонда вольной русской прессы» в Лондоне. К процессу 193-х

*) Конечно, людям молодым, которые могут очутиться в грозной лапе российского правосудия. *(Прим. автора письма.)*

привлекался за пропаганду среди рабочих в Одессе, где им в 1872 г. был организован специальный кружок. Последний поддерживал тесную связь с петербургским кружком «чайковцев». Литературу о В-ом см. в указателе А. А. Шилова «Что читать по истории русского революционного движения» (П. Госиздат. 1922 г., с.с. 96, 111—112, 114 и 211—212). К перечисленному там следует добавить статью С. Л. Чудновского «Отрывки из воспоминаний 1872—1873 г.г.».

[9]) *Чарушин, Ник. Аполлонович* (р. 1852 г.)—видный деятель петербургского кружка «чайковцев». О нем см. воспоминания Л. Э. Шишко и статьи С. Синегуба «Воспоминания чайковца» («Былое», 1906, №№ 8—10, и «Русская Мысль» 1907, №№ 9—11).

[10]) *Синегуб, Сергей Силыч* (1853—1907)—деятель кружка «чайковцев». В его «Воспоминаниях чайковца» («Былое», 1906, №№ 8—10, и «Русская Мысль» 1907, №№ 9—11) он подробно рассказывает о своей работе в кружке «чайковцев» и обовсем, что имело место на процессе 193-х.

[11]) *Корнилова, Александра Ивановна*, по мужу Мороз (р. 1853 г.)—сестра автора письма, деятельный член кружка «чайковцев», привлекалась к процессу 193-х за участие в пропаганде среди петербургских рабочих.

[12]) *Кувшинская, Анна Дмитриевна* (жена упомянутого Н. А. Чарушина)—член кружка «чайковцев», занималась пропагандой среди рабочих Выборгской стороны. О ней см. в воспоминаниях Л. Э. Шишко и С. С. Синегуба.

[13]) Т.-е. петербургские «чайковцы».

[14]) *Морозов, Николай Александрович* (р. 1854 г.)—известный впоследствии народоволец. См. его воспоминания «Повести моей жизни» 4 тома (М., изд. «Задруга»).

[15]) *Зубок-Мокиевский, Степан Васильевич*—прикосновенен к пропаганде среди рабочих Выборгской стороны; арестован в Москве, когда пытался установить связь с Лидией Фигнер, осужденной по процессу 50-ти и содержавшейся в полицейском доме Яузской части. По процессу 193-х приговорен к ссылке на житье в Тобольскую губ. (см. «Процесс 193-х», изд. В. Саблина, М. 1906 г., с. 22).

[16]) *Лопатин, Всеволод Ал-дрович*—брат известного революционера Германа Ал-дровича Лопатина. Вс. Ал. судился за попытку содействовать бегству Ф. В. Волховского. Об эпизоде этом см. в воспоминаниях Н. А. Морозова («Голос Минувшего», 1913, кн. XII, с. с. 160—161 или его «Повести моей жизни», т. II, М. 1918, с.с. 132—133). Сообщение последнего вызвало заметку самого В. А. Лопатина (см. «Голос Минувшего», 1914, кн. IV, с.с. 217—221).

[17]) *Тихомиров, Лев Александрович*—известный народоволец и впоследствии ренегат. Привлекался по процессу 193-х за принадлежность к кружку «чайковцев» и участие в пропаганде среди рабочих. Его воспоминания о том периоде изданы анонимно в переводе с французского языка («В подполье. Очерки из жизни русских революционеров 70—80 г.г.». П. 1907, изд. «Друг Народа»).

[18]) *Корнилова, Александра Ивановна.*

[19]) *Завадская*, по мужу Франжоли, Евгения Флориановна (1852—1883). Судилась и оправдана по процессу 50-ти.В 1878 г. административно выслана в гор. Сольвычегодск, откуда в следующем году бежала. Покончила самоубийством в Женеве летом 1883 г.

[20]) *Армфельд, Наталья Александровна*, по мужу Комова (1850—1887)—одна из первых русских пропагандисток. В описываемое время находилась в Москве. В конце 70-х г.г. вступила в киевский революционный кружок. При аресте в 1879 г. в Киеве оказала, в числе других, вооруженное сопротивление, за что киев. военно-окр.судом в мае 1879 г. осуждена на 14 лет каторги. Умерла на Каре. Об аресте и суде см. воспоминания Вл. Дебогория-Мокриевича (П., 3-е изд. Н.Глаголева, с.с. 374—409). Общая характеристика—в воспоминаниях Е. К. Брешко-Брешковской («Голос Минувшего», 1918 г., кн. X—XII, с.с. 192—207 или отд. оттиск, М. 1919, с.с. 26—41).

[21]) *Перовская, Софья Львовна*—привлекалась к процессу 193-х, как активный член кружка «чайковцев» и за пропаганду среди рабочих Выборгской стороны.

[22]) На допросе Л. И. Сердюкова категорически отказалась расшифровать эти имена. «Дмитрий»—не Дм. Ал-дрович Клеменц?

[23]) *Корнилова, Александра Ивановна.*

[24]) *Чепурнова, Вера Петровна.*

[25]) *Туманова, Рипсимия Борисовна.* Умерла в ссылке, в г. Тунке, Иркутск. губ., 20 января 1882 г.

[26]) *Дмовская, Настасья Вас.*—жена осужденного по процессу «Долгушинцев» (1874 г.) Льва Адольфовича Дмовского.

[27]) *Зданович, Георгий Феликсович* — осужден на каторжные работы по процессу 50-ти. До конца 1880 г. содержался в ново-белгородской тюрьме.

[28]) *Сердюков, Анатолий Иванович*,—муж автора письма,—член кружка «чайковцев». По окончании процесса 193-х административно выслан под надзор полиции в Тверь, где 5 апреля 1878 г. отравился карболовой кислотой и умер, оставив записку «В смерти моей никто не повинен» (см. д. III отд. о Чепурновой, л. 60).

[29]) Речь, видимо, идет здесь о гонораре прис. пов. Коршу, выступавшему защитником на процессе 193-х.

[30]) *Гольдсмит, Софья Ивановна*—жена И. А. Гольдсмита, редактора-издателя популярных в свое время радикальных журналов «Слово» и «Знание». В квартире Гольдсмитов останавливалась В. П. Чепурнова.

[31]) *Корнилова, Александра Ивановна.*

[32]) *Рогачева, Вера Павловна* (урожд. Карпова, по второму мужу Свитыч)—судилась по процессу 193-х. Оправдана, но административно выслана в Олонецкую губернию. В начале 80-х г.г. добровольно последовала в Сибирь за первым мужем Дм. Мих. Рогачевым, осужденным по тому же процессу 193-х на 10 лет каторги. Умерла в Иркутске в 90-х годах.

[33]) «Отчеты»—это «Отчеты о судебных заседаниях особого присутствия правительствующего сената по делу о революционной пропаганде в России», которые отдельными листовками печатались во время суда в подпольной землевольческой типографии.

[34]) *Фигнер, Евгения Николаевна* (по мужу Сажина)—родная сестра В. Н. Фигнер. Судилась в 1880 г. по делу террористов (Александра Квятковского, Степана Ширяева и др.) за участие в работе тайной народовольческой типографии, устроенной в Саперном пер.

[35]) По словам матери В. Н., Екатерины Христофоровны Фигнер, В. П. Чепурнова обещала вызвать В. Н. из Студенца в Самару, где в личной беседе рассказать ей обо всем, что делалось в Петербурге.

[36]) Выслали в Тверь, где вскоре же умер (см. прим. 29.)

[37]) *Сердюкова, Любовь Ивановна.*

[38]) *Иванчин-Писарев, Ал-др Ив.* (1849—1916)—под именем «Григория Ивановича Лебединцева» служил в то время волостным писарем в селе Страхове, Бузулукского уезда, Самарской губ. Об этом периоде его жизни и революционной деятельности см. подробно в его воспоминаниях («Из воспоминаний о хождении в народ», П. 1914 г. изд. «Заветы» с.с. 45—77). Автобиография его напечатана в 1 т. с. «Скифы» (П. 1917). Там же и воспоминания о нем В. Н. Фигнер.

[39]) *Богданович, Юрий Николаевич* (1856—1888)—также находился в Бузулукском уезде, Самарской губ. Впоследствии видный народоволец, участник дела 1 марта 1881 г., погибший в Шлиссельбурге.

[40]) *Ливанов, Ал-др Иванович*—студент петербургского технологического института, из которого вышел в 1873 г. Привлекался к процессу 193-х; приговорен к каторжным работам. О судьбе его ничего неизвестно.

[41]) Такое распоряжение главного управления по делам печати последовало в циркулярном порядке. В приложенном к брошюре «Самодержавие и печать в России» (Берлин, 1898 г., или Петербург, изд. «Светоча», 1906 г.) «мартироло-

гии русской периодической печати» сообщается только содержание двух циркуляров от 17 января и 19 февраля 1877 г. (по поводу процессов о демонстрации у Казанского собора и «50-ти»). Оба циркуляра предлагают редакторам «ограничиться перепечаткой отчета из «Правительственного Вестника». Второй из них, от 19 февраля 1877 г., распоряжение это относит не только непосредственно к процессу «50-ти», но и к другим политическим процессам. Однако, в связи с назначенным к слушанию процессом 193-х, 16 октября 1877 г. был разослан особый циркуляр. В последнем редакциям повременных изданий было подтверждено, чтобы они «не позволяли себе помещать в своих изданиях ничего, кроме буквальной перепечатки того, что будет помещено в «Правит. Вестнике».

[42]) В заседании 24 октября 1877 г. первоприсутствующий сенатор К. К. Петерс «относительно порядка производства настоящего дела» прочел определение сената от 11 октября. «Несмотря на тесную связь всех частей дела между собою,— говорится в определении,—не представляется физической возможности, ввиду недостаточности помещения, произвести судебное следствие во всем его объеме, в присутствии всех обвиняемых». Руководствуясь подобным мотивом, сенат искусственно распределил всех обвиняемых по группам (числом 17) и постановил вести судебное следствие отдельно по отношению к каждой из 17 групп (см. «Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в Империи» т. I. II. 1878, с.с. 10—11).

[43]) К первой группе сенат отнес следующих лиц: 1) Серг. Ив. Виноградова, 2) Феликса Вадим. Волховского, 3) Ив. Ив. Гауенштейна, 4) Льва Серг. Городецкого, 5) Митр. Алексеевича Гриценкова, 6) Степ. Пет. Зарубаева, 7) А-дру Ив. Корнилову, 8) Анну Дмит. Кувшинскую, 9) Мих. Вас. Куприянова, 10) Ал-дра Осип. Лукашевича, 11) Фед. Мих. Любавского, 12) Степ. Вас. Мокиевского-Зубка, 13) А-дра Вас. Низовкина, 14) Мих. Андр. Орлова, 15) Софью Льв. Перовскую, 16) Моис. Абр. Рабиновича, 17) Дм. Мих. Рогачева, 18) Леон. Дав. Румянцева, 19) Ал-ду Яков. Сидорацкую (Ободовскую), 20) Серг. Сил. Синегуба, 21) Вас. Апол. Стасовского, 22) Льва Ал-др. Тихомирова, 23) Андр. Афан. Франколи, 24) Ник. Апол. Чарушина, 25) Леон. Эмм. Шишко, 26) Григ. Ал-ев. Щеглова, и 27) Ал. Виктор. Ярцева. Некоторые из названных одновременно числились и в других еще группах. Автор настоящего письма, Ал-др Ив. Ливанов, числился в 14-й и 16-й группах. (Стеногр. отчет, с. 11—12.)

[44]) Инцидент этот кратко описан в воспоминаниях С. С. Синегуба («Былое», 1906, X, с. 58—59). Полноты ради и приведем небольшой отрывок из стенографического отчета о процессе, изданного адвокатами:

«Вводят Синегуба.

Синегуб. Я хочу сказать несколько слов. Во вчерашнем заседании первопр. особого присутствия объявил постановление, которое состоялось 11 октября...

Первопр. К этому вопросу не возвращайтесь...

Синегуб (продолжая)... о разделении нас на 17 групп. Так как при постановлении этого решения не были спрошены ни наши защитники, ни мы, то мы не можем быть уверены, что у особого присутствия нет еще других решений такого же рода, которые касаются как самого хода судебного следствия, так и наших приговоров, а потому я заявляю от своего лица и от лица моих товарищей, оставшихся в тюрьме...

Первопр. Я заявлений от ваших товарищей не принимаю, вы ими не уполномочены.

Синегуб (продолжая). Мы доверия к суду не питаем, потому что суда этого не признаем, и просим оставить нас в тюрьме, где мы с нетерпением три-четыре года прождали бы приличного суда.

Первопр. Удалите подсудимого.

Рогачев. Я присоединяюсь к Синегубу.

Корнилова. Удалите и нас, мы присоединяемся к этому заявлению...

Жанд. полк. Вы не имеете права делать таких заявлений суду.

Рабинович. Я вполне согласен с Синегубом. Прикажите удалить и нас.

Первопр. Удалите подсудимых.

Синегуба, Рабиновича и Рогачева удаляют». («Стеногр. отчет», с.с. 30—31, засед. 25 октября 1877 г.)

[45]) «Гамма»—псевдоним издателя-редактора «Русского Обозрения», известного публициста Гр. Конст. Градовского.

[46]) *Папин, Иван Иванович,* и *Плотников, Николай Александрович*—деятели кружка «Долгушинцев». Судились в особом присутствии сената в июле 1874 г. Будучи приговорены к каторжным работам, отправлены в новобелгородскую—центральную каторжную тюрьму, вблизи Харькова, которую и имеет в виду автор письма. В централке Плотников сошел с ума, оттуда его перевезли в дом для умалишенных, на Сабурову дачу, в Харьков, а потом—в казанскую окружную лечебницу для умалишенных, где он и умер. Папин, по отбытии нескольких лет каторжных работ, был сослан в Сибирь, в Якутскую область. Умер в 90-х годах. Характеристику обоих см. в ст. О. Аптекмана «Флеровский-Берви и кружок Долгушина» («Былое» 1922. Кн. 18, с.с. 72 и 76 — 77).

[47]) Рисуя сносную картину жизни в ново—белгородской централке, Ливанов, очевидно, имел в виду этим утешить мать. В действительности в тюрьме царили совершенно иные порядки. Об этом см. брошюру В. С. Свитыча «Надгробное слово Александру II» и А. В. Долгушина «Заживо погребенные» (П. 1920 г., изд. Госиздата) и записки рабочего Вас. Герасимова (изд. «Былое» 1919 г.).

[48]) В заседании 15 ноября 1877 г. приступили к производству судебного следствия по 12-й группе. В этот именно день И. Н. Мышкин выступил со своей знаменитой речью. Стенограф. отчет в следующих строках зафиксировал заключительный момент его исторического выступления.

Первоприсутствующий. Уведите его (Мышкина).

Поде. Это не суд, здесь сенаторы из холопства...

Тут поднялся такой шум и крик, что последних слов не было слышно. В то время, когда жандармы начали выводить Мышкина, подсудимый Стопани приблизился к решотке, отделяющей его от суда, и прокричал какие-то ругательные слова.

Жандармы столпились около этих подсудимых, оттолкнули подсудимого Рабиновича и вывели их силою. В публике и между подсудимыми раздавались крики. Прис. пов. Потехин вместе с некоторыми другими обратился к суду с просьбою, чтобы было занесено в протокол, что жандармы позволяют себе бить подсудимых.

Суд удалился и через посредство судебного пристава заседание было объявлено прерванным до 11-ти час. 16 числа (Стеногр. отчет, с. 506).

[49]) *Осташкин, Виктор Александрович*—дворянин, один из основателей самарского пропагандистского кружка, связанного с другими кружками «чайковцев». Ссылку по приговору суда В. А. Осташкин отбывал в Минусинске, был женат на Вере Спиридоновне Любатович, судившейся по процессу 50-ти.

[50]) *Осипов, Владимир Александрович, Филадельфов, Василий Васильевич* (автор следующего письма), *Петропавловский, Ник. Эльпидифорович, Лазарев, Егор Егорович, и Никольский, Ив. Ив.*,—все члены самарского кружка, основанного в 1873 г.

[55]) *Желеховский, В. А.*,—товарищ обер-прокурора уголовного кассационного деп. сената, автор объемистого обвинительного акта по делу 193-х. Поддерживал обвинение и на суде совместно с тогдашним прокурором екатеринбургского окружного суда Н. И. Шубиным.

[52]) *Войнаральский, Порфирий Иванович* (1844—1898)—выдающийся деятель движения 70-х годов, отдавшийся всецело пропаганде и пожертвовавший на дело русской революции все свое состояние. По процессу 193-х, по которому он судился, приговорен к 10 годам каторжных работ, т.-е. причислен был к самым

опасным и важным «преступникам»-пропагандистам. Наказание отбывал он в новобелгородской тюрьме и на Каре.

[53]) *Городецкие, Лев Сергеевич* и *Вера Николаевна*—дворяне, оба члена самарского кружка с момента основания его—своими откровенными и подробными показаниями на предварительном и судебном следствии оговорили всех остальных самарцев, чем обеспечили себе оправдательный приговор. Л. С. Городецкому было вменено в наказание кратковременное предварительное заключение, а В. Н—оправдана.

[54]) Против *Янова, Ал. Никол., Спесивцева, Ивана Григорьевича, Милоголовкина, Мины Никитича и Никитиной (ур. Жуковой), Марфы Герасимовны* первоначально выдвигалось ничтожное обвинение. Все они находились до суда на свободе.

[55]) *Филадельфов, Василий Вас.* — как указывалось выше, деятельный член самарского кружка. По процессу 193-х оправдан. На конверте его письма имеются следующие собственноручные его надписи: «Садовая улица, дом Родионова, Анне Никифоровне Гавриловой. Этот адрес случайно попал в руки III отделения. На всякий случай будьте осторожны. Не лучше ли через кого-нибудь позвать эту Гаврилову к себе в гости, на прогулку, на базар... и там передать... За содержимое письма отвечаю только я один». На оборотной стороне конверта: «Все факты, приведенные в письме, расскажите моим знакомым».

[56]) *Пудовкин, Петр*, мещ. гор. Кадома, Тамбовской губ., вызывался свидетелем на процесс, был допрошен 5 декабря 1877 года, когда производилось судебное следствие о самарском кружке.

[57]) Очевидно, *Арапов, Борис Александрович*, товарищ прокурора самарского суда.

[58]) Вероятно, *Беляков, Ив. Ив.*, крестьянин села Белой Каменки, Самарской губ., привлекавшийся к настоящему процессу. Умер, кажется, до суда в доме предварительного заключения.

[59]) *Кларк, Петр Степ.*, товарищ прокурора московского окружного суда.

[60]) *Чернышев, Павел Феоктистович*, студент медико-хирургич. академии, член самарского революционного кружка, привлеченный к процессу 193-х. Умер в Петербурге, в доме предварительного заключения, 27 марта 1876 г. Его похороны вызвали шумную демонстрацию.

[61]) Членом самарского кружка являлся сын священника *Ник. Мих. Попов*, но он на суде был оправдан. В списке обвиняемых, приложенном к официальному экземпляру обвинительного акта, значится еще обер-офицерский сын Леонид Влад. Попов, имя которого в приговоре суда отсутствует. Какого Попова именно имеет в виду автор письма,—неизвестно.

[62]) *Лукашевич, Клеопатра Аркадьевна*—жена участника самарского кружка Вл. Алексеев. Осипова, судившегося по процессу 193-х. О ней см. заметку Старика (С. Ковалика) в жур. «Былое» (1907, I. с. 114—116).

[63]) *Курдюмов, Петр. Вас.*—член самарского кружка, судившийся и оправданный по настоящему процессу.

[64]) «Треповская история» — известный случай наказания розгами осужденного по делу о демонстрации на Казанской площади 6 дек. 1876 г. А. П. Боголюбова-Емельянова. Телесному наказанию он подвергся 13 июля 1877 г. по распоряжению всесильного тогда петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, что вызвало, как известно, покушение В. И. Засулич на жизнь Трепова 24 января 1878 г. Рассказ В. В. Филадельфова ср. с литературой предмета (список в указателе А. А. Шилова «Что читать...», с. 117—118) и, главным образом, с оправдательной запиской самого Ф. Ф. Трепова, опубликованной в ст. Р. М. Кантора «К процессу В. И. Засулич» («Былое». 1922 г. Кн. 21).

[65]) Официальный обвинительный акт представляет собою печатный том в 302 и 29 страниц формата листа писчей бумаги. Перепечатан целиком в III т.

«Государственные преступления в России в XIX веке», под ред. В. Богучарского—Б. Базилевского и отд. изд. В. Саблина («Процесс 193-х». М. 1906 г. Предисл. В. Каллаша).

[66]) О Папине см. прим. 46.

[67]) *Юргенсон, Надежда Александровна*, дочь титулярного советника. Судилась по процессу 193-х; в наказание вменено ей предварительное заключение.

[68]) *Заславский, Евгений Осипович*, организатор первого «южно-русского рабочего союза» в Одессе. Судился по процессу о союзе в особом присутствии сената в мае 1877 г. и приговорен к 10 годам каторги. Наказание сокращено до 4 лет. Умер до отбытия срока наказания.

[69]) *Малиновский, Марк Прокофьевич*, рабочий, судился за пропаганду в особом присутствии сената в 1874 г. и осужден на каторжные работы. Умер на каторге.

Письмо И. Н. Мышкина из Якутской тюрьмы к брату.

В обвинительном акте по делу 193-х, в том его месте, где говорится о предпринятой И. Н. Мышкиным попытке освободить Н. Г. Чернышевского, сообщается, между прочим, о письме Мышкина к брату, написанном им после ареста из сибирской тюрьмы: «Содержась под стражею в Иркутске [1], Мышкин написал на имя своего брата письмо, в котором, извещая о своем аресте, пояснял, что знал «на что шел» и что «ждет его впереди» [2]. Печатая ныне это интересное письмо по подлиннику, находящемуся в одном из томов следственного производства по делу 193-х [3], мы полагаем необходимым предпослать ему несколько замечаний об обстоятельствах, при которых оно было написано Мышкиным; но мы должны, вместе с тем, оговориться, что отнюдь не имели здесь в виду изложение всей вообще истории мышкинской попытки [4].

Мышкин явился в Вилюйск 12 июля 1875 г. и, назвавшись поручиком корпуса жандармов Мещериновым, предъявил бумаги об оказании ему содействия при переводе в Благовещенск Чернышевского. Однако ему не только было в этом отказано, но когда он изъявил желание ехать в Якутск, то вилюйский исправник отпустил его не одного, а в сопровождении двух казаков [5]. Дорогою Мышкин стрелял в своих спутников, среди которых находился и случайно присоединившийся к Мышкину и казакам во время следования местный житель Чудинов [6], и скрылся в лес. Но в ночь на 20 он был задержан, а 22 вечером доставлен в Якутск [7]. Жандармских властей в области не было, и губернатор Де-Витте 23 числа учредил следственную комиссию, под своим председательством и в составе: старшего советника якутского областного правления Мацкевича, вр. испр. должность областного прокурора Шипицына, начальника местной команды майора Сабо и исправника Бубякина. 23, 24 и 25 июля комиссия допрашивала Мышкина, который назвался сыном вологодского священника, воспитанником вологодской духовной семинарии, Михаилом Петровичем Титовым [8] и дал вообще по целому ряду пунктов показания вымышленные или уклончивые. Комиссия к этим показаниям отнеслась с определенным недоверием и, признав единогласно, что арестованный «самонадеянно скрывает свои настоящие звание, имя и фамилию, а также соучастников своих», и что он «грубо и дерзко упорствует во многих важных ответах», определила: «заковать (его) в ножные кандалы, в предупреждение его побега из тюремного замка, так как он заключается по нескольким весьма важным преступлениям». А когда спустя несколько дней, 29 числа, комиссия вновь обратилась к Мышкину, предложив ему дать более откровенные показания, то Мышкин решительно отказался. При этом он заявил, как видно из вынесенного тогда же комиссией постановления, что, «может быть, ранее, до заковки его в кандалы», он и объяснил бы еще что-нибудь, «но в на-

стоящее время,—гласит далее постановление,—(он) с грубым видом окончательно отказался от ответов с подобным выражением: «неужели вы думали, что посредством заключения в оковы можете чего-нибудь добиться; делайте, что хотите, я более не желаю отвечать и не дам ответов, против которых ранее отказался». Комиссия решила занести эти слова в свое постановление и приостановила следствие до получения сведений, затребованных ею от вилюйского исправника и от других «мест и лиц». Но вот 9 августа, при посещении тюремного замка и. д. прокурора, Мышкин заявил, что желает дать на некоторые вопросы более подробные и откровенные показания, а на следующий день, 10 числа, в письменном заявлении на имя того же прокурора он открыл настоящую свою фамилию и сообщил при этом, между прочим, что имеет звание домашнего учителя, состоял правительственным стенографом при прокуроре московской судебной палаты и постоянным репортером «Московских Ведомостей», содержал в Москве типографию, опечатанную властями в первых числах июня 1874 г., и что после того он некоторое время проживал за границей [9]. Сказанное в этом заявлении Мышкин повторил, в более пространной форме, и на допросе в комиссии, 12 августа.

16 августа якутский губернатор сообщил генерал-губернатору Восточной Сибири барону П. А. Фредериксу содержание новых объяснений Мышкина, а 23 августа, представляя ему копии с заявления Мышкина на имя и. д. прокурора и с показаний его в комиссии 12 августа, губернатор донес, что он «приостановился производством дальнейшего следствия», так как арестованный оказался противоправительственным пропагандистом, одним из 53 разыскиваемых согласно предписанию министра внутренних дел от 7 декабря 1874 года за № 2548 [10], и дело о нем должны производить чины корпуса жандармов под наблюдением прокурора; губернатор запрашивал генерал-губернатора, как ему быть теперь с «преступником Мышкиным». С своей стороны, генерал-губернатор, до получения еще из Якутска этих известий, сделал распоряжение о командировании в Якутск жандармского офицера, и вследствие этого 14 августа был назначен ехать в Якутск капитан Соколов, помощник начальника иркутского губернского жандармского управления. Прибыв в начале сентября в Якутск, капитан Соколов через некоторое время увез оттуда Мышкина в Иркутск [11].

В Иркутске Мышкин оставался до декабря 1875 г., когда он был отправлен в Петербург. Он был доставлен туда 31 января 1876 г. и содержался несколько дней при III отделении, а 4 февраля он был переведен в дом предварительного заключения. 9 февраля состоялось постановление производившего предварительное следствие по делу о пропаганде члена моск. суд. палаты Крахта о переводе Мышкина в крепость. 14 постановление было приведено в исполнение [12].

Григорий Никитич Мышкин, старший брат Ипполита, жил с матерью в Новгороде, где служил по военному ведомству исполняющим обязанности кондуктора новгородской инженерной дистанции (в звании портупей-юнкера). Накануне того дня, которым помечено письмо к нему Ипполита, у Григория Мышкина был обыск, а 22 августа 1875 г. он был заключен под стражу. Обвиняли его в том, что он был пособником отставного делопроизводителя сарапульского уездного воинского начальника Николая Михайловича Богушевича в распространении среди нижних чинов 85 пехотного Выборгского полка, стоявшего в Новгороде, революционных изданий [13].

Дело его слушалось в особом присутствии 19 и 20 октября 1876 г., особое присутствие приговорило Гр. Мышкина к одиночному заключению в военной тюрьме на три месяца [14].

Мать Мышкина, о которой несколько раз говорит в своем письме Ипполит Никитич,—Авдотья Терентьевна, после смерти в 1848 или 1849 году первого ее мужа, отца Мышкиных [15]), вышла замуж за Евд. Карп. Соколова, служившего военным фельдшером при псковском училище военного ведомства. В 1868 г. Авдотья Терентьевна вторично овдовела. В интересующее нас время она, как указано выше, жила в Новгороде у сына Григория.

Самое письмо Ипполита Мышкина к Григорию по назначению отправлено не было. Первоначально на нем кто-то,—очевидно, якутский губернатор, председатель «следственной комиссии»,—сделал надпись: «До времени приобщить к делу копию с сего письма». Копия эта была снята и находится, действительно, в деле [16]). Но и подлинник был пока что оставлен и передан затем капитану Соколову. В постановлении, вынесенном Соколовым 12 января 1876 г. по окончании им дознания, сказано следующее об этом письме: «Письмо, писанное Мышкиным из Якутска к брату своему в Новгород, приложить к делу, так как оно не могло быть отправлено по назначению, в том внимании, что распространение слуха об аресте Мышкина могло послужить, может быть, пользою для незамеченных еще сообщников в каком-либо преступном деле Мышкина».

Заметим еще, что на первой странице указанной только что копии мышкинского письма, внизу, под чертой, стоит адрес: «В Губ. гор. Новгород. В Инженерную Дистанцию Григорию Никитичу г. Мышкину». Это, очевидно, копия с надписи, сделанной И. Н. Мышкиным на конверте, который не сохранился.

Сообщил *Ш. Л.*

Письмо И. Мышкина.

Якутск, 22 августа.

Григорий.

Вот уже более года, как я не писал тебе ни единой строки. Ты, вероятно, думал, что я, убравшись по-добру по-здорову из России, поселился навсегда за границей, и, конечно, весьма удивился, получив от меня письмо с пометкою из Якутска. Да, я давно уже в России, и вот ровно месяц, как очутился в месте, где люди, аки птицы небесные, не имеют надобности заботит(ь)ся о завтрашнем дне, ибо казна питает их, и откуда для меня «одна дорога торная» открыта... сам догадаеш(ь)ся куда. Попросту сказать, я арестован; с 22 июля содержусь в якутской тюрьме, в секретной одиночной камере, облачен в серый арестантский халат с бубновым тузом на спине и закован в кандалы. Судьба, как видно, подшутила надо мною: я, враг всяких привилегий, очутился в привилегированном положении: кроме меня, нет в тюрьме никого в кандалах, я один кандальник. Но ты не поддавайся тяжелому впечатлению, которое могут произвесть только что написанные мною строки. Ведь я знал, на что иду, я давно уже примирился с мыслию о неизбежности того положения, в каком я нахожусь в настоящее время и какое еще ждет меня впереди. Поэтому я хладнокровно переношу свое тюремное заключение и, надеюсь, не менее хладнокровно отправлюсь в путь по той длинной, длинной, давно уже проторенной дорожке, по которой ежегодно шествуют тысячи бедного русского люда. Я желал бы также, чтобы и ты, и в особенности маменька не представляли себе моего положения в слишком мрачном свете. Стоит только сравнить мое настоящее не с моим же прошлым, а с судьбою большинства российских граждан, чтобы убедиться, что я не имею никакого особенного права слишком хныкать, слишком жаловаться на свою долю. Не знаю, что будет дальше, а теперь у меня есть квартира, теплая одежда, кусок хлеба, порция горячих щей и даже несколько старых №№ журнала министерства юстиции. А велико ли количество россиян, которые могут похвастаться лучшею материальною обстановкою; и, напротив, сколько есть людей, у которых не только щей, но и хлеба-то порядочного не всегда найдется. Ты спросишь: а лишение свободы, а нравственные страдания. Но и вне тюремной ограды закон отмежевал для свободы такой незначительный надел, лишение которого не может составлять слишком

существенной потери. А что касается до иных нравственных страданий, то хотя я и желал бы поговорить с тобою об этом вполне откровенно, не становясь на ходули и не сгибаясь под тяжестью того или другого давления, но ты знаешь, что полная откровенность не всегда возможна в присутствии совершенно посторонних лиц.

Тебя, конечно, интересует вопрос: каким образом я очутился в якутской тюрьме. Но я сомневаюсь, чтобы следственная комиссия, с разрешения которой я пишу настоящее письмо, дозволила мне отвечать на этот вопрос, и потому я обойду его лучше молчанием.

По окончании следствия по преступлению, совершенному мною в якутской области, я буду отправлен в Иркутск, но где именно будут судить меня: в Питере или в Сибири—не знаю. Постарайся подготовить маменьку, чтобы судебный приговор, который будет произведен надо мною, не произвел на нее слишком тяжелого впечатления. О настоящем же моем положении лучше до поры до времени вовсе не говорить ей; пусть лучше думает, что я еще благодушествую в какой-либо неизвестной стране.

Напиши мне, как ты поживаешь, как твои дела по службе, здорова ли маменька, продолжает ли свое обучение Володя, как распорядилась казна с моею типографиею или она остается еще нетронутою. О типографии, я думаю, лучше всего можешь справиться у Николая Абрамовича Гольдмана (того самого крещеного еврея, которого ты видел у меня), адрес его в прошлом году был следующий: Москва, Воздвиженка, здание городской думы, типография Пастушкова. А ко мне можешь адресовать письмо таким образом: в Якутск, в тюремный замок, домашнему учителю Мышкину. Но так как прежде чем я успею получить от тебя ответ, я могу быть переведен в Иркутск, то лучше сделаешь, если пошлешь письмо в двух экземплярах,—один в Якутск, а другой в Иркутск.

Твой брат

И. Мышкин.

P. S. Кланяйся знающим меня.

Примечания.

[1]) Неверно: письмо писано было в Якутске.

[2]) См. официальное издание обвинительного акта, стр. 239 или позднейшие частные издания, напр., в III томе книги «Государственные преступления в России в XIX веке», стр. 195 русск. изд.

[3]) Петроградский Историко-Революционный Архив, дело особого присутствия сената № 27 о революционной пропаганде в империи, предварительного следствия том 39-й, дело, произведенное в Сибири о домашнем учителе Ипполите Никитине Мышкине, обвиняемом в государственном преступлении л. л. 273 и 274.

[4]) История попытки Мышкина рассказана обстоятельнее всего в статье NN (В. Пржиборовского) «Н. Г. Чернышевский в Вилюйске», напечатанной в «Минувших Годах», 1908 г., № 3 (см. стр. 9—13). Но и этот лучший рассказ страдает

крайней неполнотой: несомненно, сибирский материал, на котором он построен, был очень скудный. Следует также отметить, что подложные документы, предъявлявшиеся Мышкиным вилюйскому исправнику, воспроизведены в статье не с абсолютной точностью.

[5]) В свое время неудачу его в сильной степени приписывали тому, что у него аксельбанты были одеты не на то плечо, на котором им полагалось быть. Позже было выяснено, чем на самом деле был вызван образ действий вилюйского исправника—точнее, испр. должность исправника—Ив. Житкова. Об этом, на основании документальных данных, писали М. С. Александров в заметке «Арест И. Н. Мышкина» («Былое», 1906, № 8, стр. 259—260) и В. Пржиборовский в указан. статье. Считаем нелишним привести основное содержание соответственной части донесения Житкова якутскому губернатору от 12 июля, которым (донесением) пользовался и NN. Житков, прежде всего, ссылается на два письма, полученные им накануне приезда Мещеринова (последний в нашей копии донесения везде называется ошибочно Мещерениновым): одно—от письмоводителя Сунтарской инородной управы, другое—от помощника исправника Поротова. Первый из них, по словам Житкова, сообщал в письме от 8 июля, «что г. Мещеренинов прибыл в Сунтарскую инородную управу из Олекминска на лошадях наемных, не имея при себе ни казака и никакого человека, и из слов его можно заключить, что он был в Олекминске и его никто там не знал». Из сообщения Поротова, который встретил М. в 10 верстах около Верхневилюйской инородной управы, видно было, что М. расспрашивал его, «когда должна быть почта из Якутска в Вилюйск», и объяснял, «что не знает о том, когда он возвратится и каким путем из Вилюйска, через Сунтари или Якутск, и может быть не один». «Получив все эти сведения,—продолжает Житков,—и имея распоряжения вашего превосходительства от 24 декабря 1874 года за № 4 и *от июня месяца сего года за № 16* (курс. наш. *Ш. Л.*) относительно Чернышевского, я не только не допустил г. Мещеренинова видеться с Чернышевским или делать у него обыск, а, напротив, усилил караул в остроге, как наружный, так и внутренний, и не решился выдать по требованию г. Мещеренинова, тем более, как отозвался сам Мещеренинов, он приехал в г. Вилюйск без подорожной, инкогнито, и прогонов нигде не платил».

Аксельбанты тут совершенно не упоминаются, и едва ли они сыграли во всем этом деле какую-либо роль. Но, с другой стороны, неправильно мнение В. Г. Короленко, высказанное в «Истории моего современника» (т. III, Москва, «Задруга», 1921—1922, стр. 310), что случая с аксельбантами вообще не было и быть не могло, так как Мышкин, сам служивший в военной службе, хорошо знал подробности обмундировки. Что случай этот вообще имел место, видно из находящегося в нашем деле в копии донесения Житкова от 14 июля. Тут вскользь,—по поводу того, что Мышкин на обратном пути на первой станции переоделся в штатское платье,—Житков замечает, что до Вилюйска Мещеринов ехал «в форменном сюртуке в аксельбантах на левой стороне».

[6]) В обвинит. акте неточно назван Чудановым.

[7]) Из Якутска выезжал для поимки Мышкина якутский исправник Бубякин. Бубякин распорядился при этом о «выгоне» (буквальное его выражение в донесении якутскому губернатору) возможно большего числа инородцев для той же цели—поимки беглеца. Инородцами-якутами Мышкин и был задержан до приезда еще на место исправника.

[8]) Титовым же он назвал себя еще 20 июля в объяснении с исправником Бубякиным.

[9]) В обвинит. акте по делу 193-х сказано, что выдавший себя за поручика Мещеринова на первом допросе назвался сыном священника Титовым, воспитывавшимся в вологодской семинарии, но затем, когда, по наведенной справке, оказалось, что Титова в вологодской семинарии никогда не было, признал, что он—Ипполит Мышкин и что «целью его поездки в Вилюйск было освобождение Чернышевского». Не говоря уже о неудачной формулировке, позволяющей думать,

что Мышкин до того, как он открыл свою настоящую фамилию, скрывал также и цель своей поездки в Вилюйск, чего в действительности вовсе не было,—составитель обвинительного акта допустил в этом месте—умышленно или неумышленно—весьма грубую ошибку: Мышкин, как мы видели, уже 10 августа объявил, кто он такой, сообщение же вологодского губернатора о том, что в тамошней семинарии не было Титова, датировано 19-м октября.

Заметим также, что ошибается и Е. К. Брешковская, когда пишет: «Депеши и телеграммы залетали между Иркутском и Петербургом, фотографии показывались повсеместно, и администрации удалось установить тождественность Мышкина, автора смелой попытки, с Мышкиным владельцем нелегальной типографии в Москве» (см. брошюру Брешковской «Ипполит Мышкин и архангельский кружок», цитировано по заграничному изданию 1904 г., стр. 24). Во всем этом не было никакой надобности, так как Мышкин сам признал уже 10 августа 1875 г., что он держал в Москве типографию, опечатанную властями (и не бывшую, кстати, нелегальной, хотя она и печатала нелегальные вещи).

[10]) Список 53-х, разосланный также и III отделением, был напечатан в № 2 двухнедельного «Вперед» и перепечатан оттуда в «Воспоминаниях» Вл. Дебогория-Мокриевича (СПБ, 1906, стр. 172—178).

[11]) Все приведенные данные заимствованы из указанного выше 39-го тома предварительного следствия по делу о револ. пропаганде в империи.

После приезда Соколова в Якутск, Мышкин был закован и в наручники. Так, в заявлении, поданном 14 июля 1877 г. в особое присутствие сената, он, между прочим, просил истребовать из иркутского жанд. управл. ту бумагу генерал-губернатора Восточ. Сибири, в силу которой, как сказал ему, по его словам, капитан Соколов, он был закован в наручники, при чем он прибавлял: «О заковке в кандалы имеется протокол, а о заковке в наручники, последовавшей спустя месяц после заковки в кандалы, нет никакой бумаги» (заявление 14 июля 1877 г., см. в деле особого присут. сената, № 27, о револ. пропаганде в империи, том 4, часть I, по прошениям подсудимых и защитников—Петр. Ист.-Рев. Архив). Заковка в наручники произошла, повторяем, после приезда, очевидно, Соколова,—следовательно, не через месяц после заковки в кандалы, а несколько позже (постановление о заковке в кандалы вынесено 25 июля, а Соколов приехал в начале сентября).

[12]) Предварительное следствие по делу о револ. пропаганде, том IX, о домашнем учителе Ипполите Мышкине и др. по Москве (хран. в Петр. Ист.-Револ. Архиве).—Дело III отделения, 3 эксп., 1874 г., № 144, ч. 186 (в Петр. Истор.-Револ. Архиве).

[13]) Богушевич, живший тогда в Петербурге, приехал в Новгород 11 августа и пробыл там два дня—11 и 12. К этому времени и относится его «преступная» деятельность в Новгороде. В следующий приезд в Новгород 25 августа—Богушевич был арестован. По утверждению Гр. Ник. Мышкина, Богушевич был близок к его брату Ипполиту, с которым сдружился в бытность свою в Москве. Григорий будто бы, даже думал, что нелегальную литературу Богушевич получил от его брата Ипполита.

[14]) Сведения о Гр. Мышкине и о процессе, по которому он судился, заимствованы из дела особ. присут. сената № 12 («По рапорту члена с.-петербургской судебной палаты Геракова о преступной пропаганде среди нижних чинов 85 пехотного Выборгского полка и между писарями главного штаба, в которой обвиняются : рядовой Захар Богданов, портупей-юнкер Бужинский и друг.» и из находящихся при нем дознания и предварительного следствия, хран. в Петрогр. Историко-Революционном Архиве). Обвинительный акт по этому делу напечатан был в № 47 двухнедельного «Вперед»; этот же обв. акт, вместе с отчетом о заседаниях особ. присутствия 19 и 20 окт. 1876 г. и биографич. сведениями о Евг. Семяновском напечатаны в 5-м томе непериодического «Вперед». В России обвинит. акт этот был опубликован в 1906 г., в № 11 «Былого», стр. 119—125 (там же воспоминания об

этом деле С. Б. Богданова, стр. 100—118). Главные из подсудимых—Евг. Семяновский, Степ. Богданов и Зах. Богданов—были приговорены: первые двое—к каторжным работам в крепостях на 11 лет, а последний—к каторжным работам на заводах на 7 лет. Четвертый из главных обвиняемых—Н. М. Богушевич—умер от чахотки в спб. доме предвар. заключ. до начала еще предв. следствия—13 января 1876 г.

[15]) По словам Ипполита Мышкина (см. его показания 12 августа 1875 г. в «якутской следств. комиссии»), отец его служил военным писарем унтер-офицерского звания в Барклай-де-Толли полку и умер в 1848 г. в походе, в венгерскую кампанию. Григорий Мышкин годом смерти отца указал 1849 г. (см. его показания на дознании в Петербурге, 25 октября 1875 года).

[16]) Лл. 169—170 т. 39-го предварит. следствия по делу о револ. пропаганде в империи.

С. Г. Нечаев в Алексеевском равелине [1]).

XI.

Но в то время, когда правительство в лице третьего отделения и крепостного начальства торжествовало, казалось, свою победу над пленником Алексеевского равелина, когда оно довело утеснение его до последних пределов скорби, пленник, скованный по рукам и ногам, не сдавался. Правда, он замолк, притих, но в могильной тишине каземата он готовил новое восстание против власти. Там, где не должно было раздаваться человеческой речи, где молчание равелина по временам прорезывали безумные вопли Бейдемана, там, где беззвучно двигались по коридору тени часовых и присяжных, обреченных на безмолвие так же, как и находившиеся под их присмотром узники, Нечаев нашел, наконец, друзей. Под властным влиянием гневных, горячих и полных человеческой правды речей узника таяли и исчезали тени, двигавшиеся бесшумно и автоматически, и под серыми солдатскими мундирами оказывались люди, облеченные плотью и кровью, способные отдаться чувству сострадания и ощутить суровую справедливость дела жизни заключенного. Часовые, по инструкции, не смели говорить с арестованным, присяжные унтер-офицеры не имели права «принимать от него какие-либо разговоры и вступать с ним в разговор». Но ни жандармы, ни солдаты не в состоянии были вынести заклятья молчанием; тянулось время, и они начали уступать настояниям узника и входить с ним в разговоры. Этого было довольно для Нечаева.

Мы не можем сказать, когда впервые была сорвана с уст тюремщиков печать молчания. «Начало разговоров,—читаем мы в актах следствия,—с государственным преступником камеры № 5 (Нечаевым) установить не представляется возможным, так как арестант, склоняя каждого вновь поступившего в равелин солдата, выражался, что с ним со времени его заключения говорят все и всегда. Но, соображаясь с ходом преступных действий, выясненных дознанием, можно почти безошибочно определить, что начало разговоров между арестантом

---

[1]) См. «Красный Архив» т. IV.

и некоторыми нижними чинами относится к 1877 году», т.-е. как раз к тому времени, когда руки Нечаева стали загнивать от кандалов.

Быть может, именно это необычное, беспримерное отягчение участи узника привлекло к нему особое внимание карауливших его солдат и сообщило особенную остроту их размышлениям. И Нечаев воспользовался таким настроением. Тихомиров, писавший о заключении Нечаева по его сообщениям из крепости и по рассказам солдат равелина, носивших на волю эти сообщения, дает психологический очерк воздействия Нечаева на солдат [1]). «В равелине не сменяются несколько лет. Нечаев имел возможность присмотреться к каждому и, пользуясь этим, наметить много лиц, пригодных для его планов. Еще сидя на цепи, он умел лично повлиять на многих из своих сторожей. Он заговаривал со многими из них. Случалось, что, согласно приказу, тюремщик ничего не отвечал, но Нечаев не смущался. Со всей страстностью мученика он продолжал говорить о своих страданиях, о всей несправедливости судьбы и людей. «Молчишь... Тебе запрещено говорить. Да ты знаешь ли, друг, за что я сижу!.. Вот судьба,—рассуждал он сам с собой,—вот, будь честным человеком: за них же, за его же отцов и братьев погубишь свою жизнь, а заберут тебя да на цепь посадят, и этого же дурака к тебе приставят. И стережет он тебя лучше собаки. Уж, действительно, не люди вы, а скоты несмысленные»... Случалось, что солдат, задетый за живое, не выдерживал и бормотал что-нибудь о долге, о присяге. Но Нечаев только этого и ждал. Он начинал говорить о царе, о народе, о том, что такое долг, и т. д.; он цитировал священное писание, основательно изученное им в равелине, и солдат уходил, смущенный, растроганный и наполовину убежденный. Иногда Нечаев употреблял другой прием. Он вообще расспрашивал всех и обо всем и, между прочим, узнавал иногда самые интимные случаи жизни даже о сторожах, его самого почти не знавших. Пользуясь этим, он иногда поражал их своею якобы прозорливостью, казавшейся им сверхъестественной. Пользуясь исключительностью своего положения, наводившею солдат на мысль, что перед ними находился какой-то очень важный человек, Нечаев намекал на своих товарищей, на свои связи, говорил о царе, о дворе, намекал на то, что наследник за него... Когда с него сняли цепи, Нечаев умел это представить в виде результата хлопот высокопоставленных покровителей, начинающих брать силу при дворе. То же самое повторилось при истории с книгами и задним числом распространилось на потаповскую оплеуху. Конечно, Нечаев ничего не говорил прямо, но тем сильнее работало воображение солдат, ловко настроенное его таинственными намеками. Впослед-

[1]) «Вестник Народной Воли», № 1, Женева, 1883, стр. 138—158. Нужно принять во внимание, что цитируемые здесь письма Нечаева не дают точного и буквального воспроизведения текста. Нечаев писал своим шифром, сокращенно и очень сжато на маленьких кусочках бумаги, и не мало оказалось мест или плохо прочитанных или совсем неразобранных. Желательно было бы найти подлинники писем Нечаева. Не хранятся ли они в заграничном архиве народовольцев?

ствии, когда положение Нечаева улучшилось, и он стал получать книги, газеты, когда разговор с ним перестал быть преступлением, влияние его сделалось чрезвычайным. Его, действительно, не только считали важной особой, не только уважали и боялись, но нередко трогательно любили; некоторые из солдат, например, старались доставить ему удовольствие, покупая ему газеты или что-нибудь из пищи на собственный счет; особенно привязанные прозвали его «орлом». «Наш орел», так называли они его между собою. Покушение Соловьева чрезвычайно подняло фонды Нечаева. Он давно говорил, что партия наследника (к которой сам будто бы принадлежал) сгонит с престола Александра II. Он предвидел дальнейшие покушения и говорил об этом своим сторожам. Он тут начал прямо показывать некоторым из них, будто у него есть сношения с волей, будто другие сторожа уже перешли на сторону наследника и служат ему, Нечаеву. Когда люди, особенно его любившие, привыкли таким образом к мысли о возможности служить Нечаеву, он стал им это прямо предлагать, и первый, согласившийся на это, был вполне уверен, что он чуть не последний, и что чуть не вся крепость принадлежит уже Нечаеву».

С этим рассказом надо сопоставить и сделанный во время следствия по делу о сношениях равелина с волей «тщательный анализ причин, породивших столь прискорбное явление в среде военнослужащих» [1]). «Таких причин не много, но вполне достаточно для того, чтобы сбить с толку полу-солдата, полу-крестьянина, мало развитого, безграмотного, не успевшего себе усвоить в короткое время службы высокого назначения солдата, обязанностей караульной службы и своего долга, человека с смутным пониманием о мере той законной кары, которая ожидает его за нарушения. Такой субъект, иногда не прослужив года в части, попадает в состав команды равелина, без всякой подготовки к тем обязанностям, которые он должен там выполнять. Что же из этого выходит: озлобленный преступник камеры № 5 зорко высматривает, кого бы из солдат можно эксплоатировать в свою пользу, для задуманных им преступных целей.—Сначала приступает к стоящему у двери камеры часовому с обыкновенными вопросами: «который час», «которое число», требует дежурного жандарма за каким-либо делом и если видит, что солдат податлив, то дело слаживается скоро. Арестант начинает выставлять себя страдальцем, мучеником за простой народ, т.-е. их и их отцов; представляет будущее в заманчивом для крестьянина свете, уверяет, что такое время наступит скоро: будет полное равенство и общее благосостояние. Солдат слушает через форточку двери камеры хитрые речи и времени для этого у него достаточно. Камера № 5 помещается в большом коридоре; дежурная комната

[1]) Такой анализ сделан в составленной жандармским майором Головиным «записке из дознания о беспорядках, бывших в Алексеевском равелине». Эта записка при всеподданнейшем докладе была представлена графом Игнатьевым Александру III 10 марта 1882 года.

пуста, жандарм от скуки ушел в караулку; смотритель равелина— далеко, в другом коридоре. Если и было время, что на другом фасе того же коридора стоит другой часовой, то ведь то товарищ, ему какое дело, а может он и сам, когда придется стоять у этой камеры на часах, не прочь послушать, что предсказывает страдалец; а нет, так можно урезонить и пригрозить ему по-товарищески, дабы не проговаривался, перед кем не следует. Если же арестанту попадался солдат, не желающий его слушать, то этот человек пускал в ход угрозы, что он его выдаст, как лицо, само заводящее с ним разговоры, или убьет, и т. п.; а товарищи, со своей стороны, убеждали, угрожали и все, конечно, достигали цели; а раз вступив на эту дорогу, приходилось итти дальше... Привычка к месту и однообразным действиям, хотя бы то было и дело наблюдения, вообще притупляет энергию, а вследствие того и надзор незаметно ослабевает. Всем этим пользуется арестант; солдаты, не видя над собою строгого глаза, совершенно подпадают влиянию арестанта, слушаются беспрекословно его приказаний, а тот является как бы начальствующим лицом в равелине, имеет толпу слуг, готовых исполнять его требования».

Приведенные нами характеристики пропагандистских методов Нечаева отличаются только в оттенках оценки: там пытается уяснить себе механизм нечаевского воздействия революционер, вообще отрицательно относящийся к Нечаеву, здесь опытный жандарм-следователь старается понять, как заключенный околдовал солдат; но фактическая основа обеих характеристик одна и та же, и совпадение многих подробностей говорит за их полное соответствие действительности. Именно так из чужих и даже враждебных людей Нечаев делал своих людей, а когда все эти часовые и жандармы стали своими, тогда открылась для горячих убеждений прямая дорога к их уму и сердцу.

Содержание продолжительных разговоров, которые вел заключенный № 5 с своими часовыми, в актах следствия, по показаниям отданных под суд солдат (Юшманова, Тонышева, Борисова, Дементьева, Губкина, Бызова, Березина, Архипова, Колодкина, Кузьмина, Орехова) было таково: Нечаев говорил, «что они, т.-е. нижние чины, темные люди, ничего не знают, но что теперь близко то время, когда все узнают, за что страдает он и его сообщники. Он страдает безвинно, за правду, за них, мужиков, и за их отцов. Солдат и мужиков теперь обижают; но скоро настанет другое время. Такие люди, как и он, произведут переворот, бунт, убьют царя, перебьют начальство. Тогда царь не будет управлять так, как теперь. Цари будут выборные, от народа, как в других государствах, например, во Франции, будут на отчете, а не самодержцы, и если царь будет хорошо распоряжаться, то и будет царствовать, а если нет, то выберут другого. Кроме того, он и его сообщники отберут землю от помещиков и разделят ее поровну между крестьянами; фабрики же и заводы станут принадлежать рабочим. После покушения взорвать императорский поезд на Московско-Курской железной дороге, Нечаев высказывал сожаление, что не уда-

лось убить государя, и говорил, что скоро взорвут дворец, а когда не удался и взрыв Зимнего дворца, то уверял, что «товарищи его, все равно где-нибудь изловят государя и непременно убьют его». После же 1 марта говорил: вот видите, царя убили, я вперед говорил вам это, а когда кончится год, если ныне царствующий император ничего не сделает для мужиков, то и его убьют. Далее, стараясь убедить нижних чинов, что он страдает за них, преступник говорил, что и они должны стараться за него, должны держаться его и его товарищей» [1]).

Как воспринимали стражи равелина пропаганду Нечаева, до какой степени сознательности она подымала их, об этом свидетельствует история равелина в 1879—1881 годах и два судебных процесса, к которым были привлечены все охранявшие равелин в эти годы. Сам Нечаев характеризовал так распропагандированных им солдат: «в бога они не верят, царя считают извергом и причиной всего зла, ожидают бунта, который истребит все начальство и богачей и установит народное счастье всеобщего равенства и свободу».

Для Нечаева началась двойная жизнь. Он воевал с начальством, требовал книг, письменных принадлежностей и, не получая последних, писал жалобы кровью на стене. Он жаловался на лишения, приводившие его в нервное раздражение, но в действительности солдаты, под влиянием его гневных и страстных речей, уже носили ему газеты («Новое Время», «Голос» и др.), уже снабжали его карандашиком и бумажкой. Неведомый и таинственный равелин стал таким знакомым и своим. Жизнь и нравы крепости, ее верхов и низов, стали известны Нечаеву до косточки. Теперь легко стало вступить в сношения с товарищами по заключению, но товарищ оказывался только один, и он был уже не в своем уме. Нечаеву не удалось узнать ни его имени, ни его истории. Оставалось завязать сношения с волей, с революционерами, которые на воле вели свою подпольную борьбу с правительством, но Нечаев так давно был изъят из жизни, что утратил все свои связи: ему не к кому было послать из равелина солдат, уже ставших оружием в его руках.

Но вот 28 ноября 1879 года в равелине был внедрен новый узник—третий заключенный—Леон Мирский. Его появление в стенах равелина сыграло огромную роль в жизни Нечаева, и на его личности надо остановиться подробнее.

XII.

13 марта 1879 года Леон Мирский стрелял—совершенно неудачно—в шефа жандармов ген.-ад. А. Р. Дрентельна. Обстановка покушения была необычайна. Генерал ехал в карете по Лебяжьему каналу. Карету нагнал скакавший во весь опор на прекрасной английской кобы-

[1]) Сводка бесед Нечаева сделана в обвинительном акте по делу Е. А. Дубровина и др., напечатанном в «Вестнике Народной Воли», цит. том. 187—203.

ле молодой человек в костюме спортсмена с изящными аристократическими манерами. Он выстрелил через стекло кареты; пуля разбила только стекло. Генерал остался цел и невредим и погнал своих лошадей в погоню за удалявшимся всадником. Всадник очень ловко и хладнокровно скрылся от погони и был арестован только через три месяца. Дело Мирского было продолжением дела Кравчинского, убившего предшественника Дрентельна—шефа жандармов Мезенцева, и произвело немалое впечатление, между прочим, и романтическими своими особенностями.

Н. А. Морозов в своих воспоминаниях рассказал историю покушения Мирского и набросал характеристику Мирского, которого он видел и до покушения и сейчас же после него [1]). Стройный и красивый молодой человек с изящными аристократическими манерами, чрезвычайно смелый и решительный, идейный и героический по натуре, рыцарь турниров,—вот с какими эпитетами Мирский вошел в воспоминания Н. А. Морозова. Но Н. А. Морозов не скрыл и интимных подробностей, характеризующих психологические мотивы действий Мирского. Леону Филипповичу Мирскому, сыну польского шляхтича, было всего двадцать лет, когда он совершил покушение, и прошло только два месяца со дня его освобождения из Петропавловской крепости. Он был влюблен. Н. А. Морозов описал невесту Мирского—молоденькую и хорошенькую девятнадцатилетнюю девушку с тонкой талией, изнеженную, по имени Лилиан де-Шатобрен. Н. А. Морозов и А. Д. Михайлов навестили эту самую Лилиан де-Шатобрен и по обстановке комнат убедились в ее аристократических связях, а по разговору с нею—в ее аристократических изысках. На самом деле аристократическая квартира была всего-на-всего квартирой секретаря поземельного банка Григория Левенсона, а барышня, лениво протянувшая ручку отважным и восторженным революционерам,—невеста Мирского,—Елена Андреевна Кестельман. Вот эта-то «Лилиан де-Шатобрен» была важным звеном в цепи мотивов, толкнувших Мирского на покушение. Он боготворил ее, а у нее был чисто романтический восторг перед Кравчинским. «Не это ли романтическое преклонение перед подвигом Кравчинского внушило Мирскому идею сделать подобный подвиг?»—так подумал А. Д. Михайлов. Конечно, так оно и было. Мирский должен был явиться в образе, поражающем романтическое воображение, ну, а какой же образ более подходил? Мирский был хороший наездник и перед покушением он брал практические уроки езды в татерсале. Ему дали лучшую скаковую лошадь. Он совершал на ней прогулки по городу. «Один раз,—вспоминает Н. А. Морозов,—проходя по Морской улице в те часы, когда там толпится фешенебельное общество, я видел его проезжающим под видом молодого денди, на стройной, нервной английской кобыле. Он был очень эффектен в таком виде, а все светские и полусветские дамы, медленно проезжавшие в эти часы

[1]) Н. А. Морозов. «Повести моей жизни». Т. IV. М. 1918, стр. 212 и сл.

в своих открытых колясках, заглядывались на него в свои лорнеты». Разве это не очаровательная картинка и разве могла устоять «Лилиан де-Шатобрен»—Елена Андреевна Кестельман тож? И когда после неудачного покушения Мирский скрылся в квартире А. Д. Михайлова, его первым желанием было повидаться с Лилиан, и это желание было священным для отважных и восторженных революционеров А. Д. Михайлова и Н. А. Морозова. Пренебрегая опасностью, рискуя целостью организации, благороднейший «дворник» побежал к Лилиан, но эффект получился неожиданный: Елена Андреевна Кестельман не вынесла эффекта романтического подвига и забилась в истерике, и о свидании нечего было и думать. Нельзя не отметить в поведении Леона Мирского и Елены Кестельман бессознательного подражания той среде, с которой они думали бороться. А, впрочем, ведь и сами они были плоть от плоти этой самой среды. В крови у них дух авантюризма, отличающий феодальную среду и характеризующий русского помещика из состоятельных. Бесшабашность, лихость, плоское рыцарство. В террористических предприятиях конца 70 годов—до организованных—было много от этой среды. Освобождение Кропоткина, вооруженные сопротивления, киевские действа тоже окрашены в авантюрные цвета.

Нам надо было остановиться на обстановке дела Мирского, на мотивации его поступка, чтобы показать, что революционный момент в этом деле играл далеко не первую роль, и что Мирский, чуждый сурового ригоризма и крепкой стойкости революционера, не имел революционного закала и в этом смысле являлся как бы антиподом Нечаеву.

Дело Мирского разбиралось в петербургском военно-окружном суде 15—17 октября 1879 г., и Мирский был присужден к смертной казни, а обвиняемый в его укрывательстве прапорщик Тархов к каторжным работам на срок 13 лет и 4 месяца. Генерал-адъютант Гурко, бывший в то время с.-петербургским временным генерал-губернатором, «по рассмотрении приговора, принимая во внимание несовершеннолетие обоих преступников и их полное раскаяние, изложенное в поданных ими прошениях, первым (т.-е. Мирским) о помиловании, а вторым—о смягчении наказания, на основании высочайше предоставленной ему власти, определил: Мирского и Тархова, по лишению всех прав состояния, сослать: первого—в каторжные работы в рудниках без срока, а второго—в крепостях на десять лет [1]). Дрентельн, очень интересовавшийся делом Мирского, бывший в то время в поездке с царем, получал сведения о ходе его от управляющего III отделением Н. К. Шмидта. Шмидт 20 ноября телеграфировал Дрентельну о состоявшейся конфирмации и сообщил мотивы, руководившие Гурко: несовершеннолетие Мирского, подача им просьбы о помиловании и безрезультатность покушения. Любопытно, что Дрентельн телеграф-

[1]) Приговор и конфирмация с указанием на прошения о помиловании были опубликованы в «Правит. Вестнике».

но 21 ноября предложил Шмидту «отправлением Мирского повременить до его приезда».

В эти дни Мирский пережил ужас смертного приговора, радость возрождающейся жизни и безнадежную горечь при мысли о п о ж и з н е н н о й каторге. Ему было всего 21 год; за ним, на воле, была его обожаемая Лилиан, его жена, которая ждала ребенка. Юноша без стойкости и выдержки, с огромной жаждой жизни, революционер только по склонности к романтическим эффектам, Леон Мирский не выдержал и пал духом.

21 ноября он обратился к коменданту крепости с следующим прошением:

«Мне дарована жизнь, но жизнь, которая должна служить наказанием. Что меня ждет впереди,—я определенно не знаю. Но безнадежность, безысходность моего горя лежат в самой сущности назначенного мне наказания («... без срока»).

Молодость, обилие жизненных сил, жажда и любовь к жизни все это—вещи, которые на каждом шагу будут заявлять свои законные требования, как бы я ни старался подавить их голос, как бы ни желал переносить все терпеливо, безропотно, спокойно. Противопоставить этим позывам и влечениям у меня решительно нечего. Всякая реальная идея не может служить поддержкой там, где для нее нет почвы, нет применения.

После зрелого обсуждения я всей душою желаю найти утешение в божественной, христианской идее, которая одна, будучи высоко нравственной, вполне отвлеченной и «не от мира сего», может оказывать свое благодетельное влияние всегда и везде. Моя же больная душа ищет опоры, поддержки, надежды на светлое будущее.

Ко мне был прислан католический священник-доминиканец. Он меня не удовлетворил, не удовлетворил потому, что, при всем своем желании воспринимать непосредственно сердцем, я не могу отрешиться от моей головы. К счастию или к несчастию, но всякая идея, которая мною овладевает, необходимо должна пройти сквозь фильтр разума и выдержать его критику. В силу этого мне было бы желательно, чтобы представитель божественного учения говорил со мною языком для меня понятным, употреблял бы доводы, имеющие силу в глазах человека, привыкшего рассуждать и анализировать.

С этой точки зрения и в этом смысле я бы желал побеседовать с православным священником, известным за человека умного, образованного и искреннего, т.-е. такого, с которым бы я мог говорить по душе.

Моя просьба к вам, ваше высокопревосходительство, заключается в доставлении мне свидания с подобным человеком».

Какой ответ был дан на прошение, воспринял ли Мирский утешение религии от православного священника, на эти вопросы наши архивные поиски не дали ответа. Но в его судьбе произошел переворот. Он должен был быть отослан на каторгу, но вместо этого, с со-

блюдением полной конспирации, он был в $2^1/_2$ часа ночи 28 ноября перемещен из Трубецкого бастиона в Алексеевский равелин. Шмидт указал в собственноручном письме от 28 ноября коменданту, что официально в переписке с министерством и прочими учреждениями значатся отправляемыми ночью для следования в Восточную Сибирь преступники Мирский и Тархов, а фактически будут отправлены Тархов (№ 1) и Ванштейн (№ 2). По наущению Шмидта комендант должен был учинить подлог в официальных документах, и действительно, перед нами два отношения коменданта в III отделение: в одном отношении написано, что Мирский посажен в равелин, а в другом—что он в то же самое время отправлен в Восточную Сибирь!

Смотрителю же Алексеевского равелина комендант дал следующее предписание (от 28 ноября 1879 г. № 217):

«Препровождаемого при сем по высочайшему повелению, приговоренного к бессрочным каторжным работам, государственного преступника Леона Мирского предписываю принять и заключить в отдельный покой и содержать наравне с прочими заключенными в полнейшей тайне и под бдительным надзором, отнюдь не называя его по фамилии ни в донесениях, ни при входе к нему в нумер... При чем предписываю поместить его в одну из комнат переднего фасада, так чтобы ни он, ни другие арестанты, при выходе на прогулку в сад, не могли и догадываться о существовании друг друга, и без личного моего разрешения не выдавать ему никаких письменных принадлежностей, ограничась выдачею только книг для чтения из имеющейся при равелине библиотеки».

Так был внедрен в Алексеевский равелин Леон Мирский, человек молодой, с обилием жизненных сил и бесконечной любовью к жизни.

XIII.

С появлением Мирского деятельность Нечаева получила дальнейшее развитие. Мирского посадили в камеру № 1, бывшую в другом коридоре. Через часовых Нечаев завязал с ним письменные сношения, освежил свои знания о революционной борьбе, но почему-то особенно близко с Мирским Нечаев не сошелся. Повидимому, он не открыл ему всей своей организации среди команды равелина и не получил, а может быть, не счел возможным воспользоваться его указаниями для установления сношений с волей. А может быть, и сам Мирский, надеявшийся на иные пути спасения, отнесся с большой воздержанностью к предложениям Нечаева и не сообщил ему тех явок, тех адресов, которые он мог дать. Правда, в деле, которое потом возникло, есть указание, что «вероятно, вследствие письменных указаний № 1-го, № 5-ый летом, в 1880 году, склонял рядового Кира Бызова сходить на Охту, к Пороховым заводам, с запискою к обер-фейерверкерам Емельянову и Филиппову, спрося предварительно их адрес в мелочной лавочке,

но Бызов не пошел. Лавочка эта, по предположению отделения по охранению порядка и общественной безопасности в С.-Петербурге, принадлежит отставному обер-фейерверкеру Глуховскому, человеку неблагонадежному в политическом отношении, бывшему в близком знакомстве с отставным прапорщиком Люстигом и сыном подполковника Богородским». Сношения Нечаева оживились, но не привели еще к вожделенному концу—прорыву сквозь крепостные стены и установлению правильной связи с волей, с действующей революционной партией.

Вожделения Нечаева, наконец, исполнились, когда в равелин был заточен один из виднейших представителей партии «Народной Воли», Степан Григорьевич Ширяев, стойкий и выдержанный революционер. Он родился в 1857 году. Крестьянин по происхождению, он учился в саратовской гимназии и на школьной скамье начал работать в революционном движении. В 1876—1878 г.г. был за границей и работал слесарем по заводам английским, французским и немецким. В 1878 году вернулся в Россию и вплотную занялся революционными делами. Он был одним из основателей «Народной Воли» и членом Исполнительного Комитета. Обладая техническими знаниями, он принял ближайшее участие в устройстве мины под полотном Московско-Курской железной дороги. Был арестован 4 декабря 1879 года и по процессу 16-ти (25—30 октября 1880 года) был приговорен к смертной казни. Смертная казнь была заменена бессрочными каторжными работами, и 10 ноября 1880 года Ширяев был внедрен в Алексеевский равелин, в камеру № 13. Ширяев был тем человеком, который был нужен Нечаеву. Он сейчас же завязал с ним письменные сношения, получил от него полную и точную информацию о революционной деятельности «Народной Воли» и дал ему возможность вступить в сношения с Исполнительным Комитетом. Ширяев дал Нечаеву адрес своего земляка, студента военно-медицинской академии Е. А. Дубровина, жившего недалеко от крепости. В начале декабря 1880 года рядовой местной команды, служивший в равелине, Андрей Орехов доставил Дубровину письмо Нечаева. Дубровин был чернопередолец, работал на периферии революционного движения и передал письмо своему хорошему знакомому Г. П. Исаеву, виднейшему революционеру и члену Исполнительного Комитета. В. Н. Фигнер передает в своих воспоминаниях о впечатлении разорвавшейся бомбы, которое было произведено письмом Нечаева. В один морозный январский вечер в конспиративную квартиру, доступную только членам Исполнительного Комитета и занятую Г. П. Исаевым и В. Н. Фигнер, «явился запушенный инеем Исаев, подошел к столу, у которого сидела Фигнер и несколько членов из Комитета, и, положив перед ними маленький свиток бумажек, сказал спокойно, как будто в этом не было ничего чрезвычайного: «От Нечаева,—из равелина». От Нечаева, который после суда исчез бесследно, о котором никто из революционеров не знал, что было с ним дальше, ни где он, ни того, жив ли он, или мертв».

«Письмо Нечаева,—рассказывает В. Н. Фигнер,—носило строго деловой характер: в нем не было никаких излияний, ни малейшей сентиментальности, ни слова о том, что было в прошлом и что переживалось Нечаевым в настоящем. Просто и прямо он ставил вопрос о своем освобождении. Он писал, как революционер, только что выбывший из строя, пишет к товарищам, еще оставшимся на свободе. Удивительное впечатление производило это письмо: исчезало все, темным пятном лежавшее на личности Нечаева, вся та ложь, которая окутывала революционный образ Нечаева. Оставался разум, не померкший в долголетнем одиночестве застенка; оставалась воля, не согнутая всей тяжестью обрушившейся кары; энергия, не разбитая всеми неудачами жизни. Когда на собрании Комитета было прочтено обращение Нечаева, с необыкновенным душевным подъемом все мы сказали: «надо освободить».

Равелин вступил в правильно организованные сношения с революционным центром. С тщанием и любовью организовывал это дело Нечаев. Не все солдаты участвовали в передаче записок на волю, а только более надежные, отборные. Достаточно было сойти с рук первой попытке общения через рядового Орехова, с одной стороны, и студента Е. А. Дубровина, с другой, а там конспиративный обмен установился сам собой. Дубровин свел Орехова с народовольцами, Орехов познакомил с ними своих товарищей и т. д. К передаче писем на волю были привлечены и служившие раньше в равелине, а потом возвращенные в петербургскую местную команду—Вишняков и Колыбин. Посредниками оказались и обер-фейерверкеры Порохового завода Филиппов и Иванов. Встречи происходили на условленных заранее местах, на улице, и не только на улице. Удобным пунктом для сношения оказалась, например, вольная квартира отслужившего свой срок и уволенного из равелина в марте 1881 года в запас армии рядового Кузнецова (М. Пушкарская ул., д. 17-19) и запасного рядового Штырлова. Бывали солдаты и на конспиративной народовольческой квартире, в которой проживали Геся Гельфман и Макар Тетерка. Само собой разумеется, солдаты не знали настоящих фамилий революционеров и знали их под вымышленными именами. Когда позднее на следствии солдаты должны были назвать тех, с кем они встречались и обменивались письмами, они показали, что они имели дело с «черненьким» (он же «Антон Иванович») с «рыженьким» (он же «Григорий Иванович»), с «Алексеем Александровичем» (высокого роста, плотный, с небольшой черной бородой и закрученными вверх усами) и, наконец, с просто «неизвестным господином». В рыжеватом Григории Ивановиче солдаты на следствии по карточке признали Исаева, а в Антоне Ивановиче—отставного мичмана А. П. Буланова. Впрочем, Штырлов отрицал тождество Антона Ивановича и Буланова, но Буланов, действительно, принимал участие в сношениях равелина с волей [1]). По воспомина-

[1]) Сообщение жены А. П. Буланова О. К. Булановой.

ниям народовольцев мы знаем двух членов Исполнительного Комитета, которым поручены были сношения с равелином, это—Исаев и, после его ареста, Савелий Златопольский.

С своей стороны, Нечаев принимал тоже меры конспирации, писал он записочки своим шифром, не легко поддававшимся разбору, солдатам он тоже дал клички, и даже двойные: одну для внутреннего употребления в равелине, другую—для иностранных сношений. Конспиративная организация Нечаева была сшита крепкими нитками и не скоро провалилась.

В разгар сношений равелина с волей команда была, по официальному выражению, развращена поголовно, начиная с заслуженных жандармских унтер-офицеров, срок службы которых в равелине был почти равен сроку заточения здесь Нечаева, и кончая последним, только что вступившим на службу рядовым местной команды. «Развращать» солдат Нечаеву было тем легче, что начальство равелина проявило величайшую небрежность и халатность в отправлении своих обязанностей. Подполковник Филимонов, шестидесятилетний старик, принял равелин в свое смотрение 24 декабря 1877 года. Обремененный многочисленной семьей,—11 человек детей,—он проводил время в своей квартире, помещавшейся в Никольской куртине, в равелин заглядывал редко, только в положенные часы, и заботился об отеплении своего местечка, скапливая гроши и копейки на питании немногочисленного населения равелина и умножая свою семью. Надзор за караульной командой он свалил на своего помощника, молодого поручика Андреева. Андреев не касался порядков равелина, но и не занимался своей командой. В казармы он не заглядывал и сложил, в свою очередь, все свои обязанности на старшего ефрейтора, а ефрейтор ведь тоже не прочь был поговорить с узником № 5.

Не все, конечно, солдаты были «развращены» Нечаевым в одинаковой мере. Когда следствию пришлось впоследствии разбираться в солдатских индивидуальностях, солдаты были разбиты по группам: в первую группу были отнесены «действовавшие сознательно, с убеждениями, если не в правоте своих деяний, то вследствие полного сочувствия преступным советам арестанта № 5»; во вторую—«совершившие преступные деяния под влиянием бывших перед глазами примеров» (вследствие корысти и перспективы легкой наживы, по мнению следователей), в третью—«действовавшие под влиянием подговоров и угроз товарищей без мысли о корысти и последствиях». По действиям следствие разделило солдат тоже на три группы: в первую входили все принимавшие участие в разговорах с заключенным (а принимали участие все!), во вторую—переносившие записки из камеры в камеру, служившие, следовательно, для внутренних сношений, и в третью—передававшие записки на волю, т.-е. служившие для внешних сношений.

Следует назвать здесь имена безвестных в истории нашего революционного движения «отважных помощников» Нечаева. Все они,

конечно, русские крестьяне, уроженцы сурового севера, почти все из Архангельской и Вологодской губерний. В скобках поставлены те клички, которые дал им Нечаев. Вот они: рядовые Платон Вишняков (Волог. губ., «Добрый человек», «Аннушка»), Тимофей Кузнецов (Арх. губ., «Молоток», «Трактирщик»), Иван Тонышев (Арх. губ., «Сокол»), Прокофий Самойлов (Арх. г., «Петух», «Блины», «Дедушка»), Иван Губкин (Волог. г., «Шапка»), Яков Колодкин (Волог. губ., «Барыня», «Староста»), Адриан Дементьев (Волог. губ., «Пастушок», «Аграфена»), Влас Терентьев (Волог. губ., «Портной», «Бабушка»), Кир Бызов (Арх. губ., «Пила»), Федор Ермолин (Арх. губ., «Ангел»), Кузьма Березин (Арх. губ., «Дуняша») и Доронин («Лебедь»). Все они следствием были отнесены по их сознательности и убежденности в первую группу. Во вторую группу были занесены запасные рядовые Егор Колыбин (Арх. губ., «Дьякон»), Григорий Юшманов (Арх. губ., «Орел»), Иван Штырлов (Влад. губ., «Булочник»), Андрей Орехов (Волог. губ., «Пахом», «Каленые орехи»), Ефим Тихонов (Влад. губ., «Слесарь»), Василий Попков (Волог. губ., «Купец»), Григорий Петров (Волог. губ., «Мальчик», «Горох»), Федор Степанов (Псковск. губ., «Старичек»), Иван Мыркин (Арх. губ., «Мороз»), Кирилл Никифоров (Псковск. губ., «Сосед», «Певчий»), Иван Тихонов (Псковск. губ.), Михаил Ульянов (Арх. губ., «Голубь»), Алексей Леонов (Псковск. губ., «Мастер»), Василий Иванов (Псковск. губ., «Налим»). И, наконец, в третью группу были записаны: Леон Архипов (Псковск. губ., «Кушак», «Околоточный»), Сила Андреев (Псковск. губ., «Дядя»), Адриан Чернышев (Новг. губ., «Граф», «Музыкант»), Дмитрий Яковлев (Новг. губ., «Солнышко»), Василий Кузьмин (Новг. губ., «Дружок»), Павел Сергеев (Новг. губ., «Табак»), Дмитрий Иванов 2 (Новг. губ., «Правда»), Яков Шарков (Новг. губ., «Зайчик»), Емельян Борисов (из солдатских детей, «Именинник», «Извозчик»), Илья Ильин (Псковск. губ., «Топор»).

XIV.

Нечаев предложил Исполнительному Комитету устроить освобождение заключенных в равелине (себя, Ширяева, Мирского и потерявшего разум Бейдемана). Он представил и свой план побега, основанный на содействии распропагандированных им солдат равелина. Об этом плане мы не располагаем точными и исчерпывающими данными. Показания авторитетных свидетелей, знавших суть дела,—членов Исполнительного Комитета,—расходятся. Вот что рассказывает о плане Нечаева первый писавший о нем по свежей памяти (в 1883 году) Лев Тихомиров, у которого под рукой была и часть присланных из равелина писем Нечаева, частные сведения и, наконец, его собственные воспоминания об этом деле; ведь он тоже был членом Исполнительного Комитета и присутствовал при начале сношений с равелином. «План у Нечаева был очень широкий. Бегство из крепости казалось ему уже слишком

недостаточным. Изучив тщательно крепость (он знал ее изумительно, и все через перекрестные допросы своих людей и через их разведчиков), состав ее войск, личности начальствующих и т. д. и рассчитывая, что с течением времени ему удастся спропагандировать достаточное число вполне преданных людей, он задумал такой план: в такой-то день года, когда вся царская фамилия должна присутствовать в Петропавловском соборе, Нечаев должен был овладеть крепостью и собором, заключить в тюрьму царя и провозгласить царем наследника... Этого фантастического плана не мог одобрить Ширяев, несмотря на то, что был очарован силой и энергией Нечаева».

Приблизительно так же рассказывает о плане Нечаева не менее авторитетный свидетель—В. Н. Фигнер:

«Верный своим старым традициям, Нечаев предполагал, что освобождение его должно происходить в обстановке сложной мистификации. Чтобы импонировать воинским чинам стражи, освобождающие должны были явиться в военной форме, увешенные орденами; они должны были объявить, что совершен государственный переворот: император Александр II свергнут и на престол возведен его сын-наследник, и именем нового императора они должны были объявить, что узник равелина свободен. Все эти декорации для нас, конечно, не были обязательны и только характерны для Нечаева».

Но этот смелый и фантастический план Нечаева в версии Тихомирова и Фигнер соответствовал ли его действительным, реальным предложениям, или же и для Нечаева он был тоже увлекательной фантазией, которой он поделился с членами Исполнительного Комитета? А эта фантазия подходила к тому определенно отрицательному мнению о Нечаеве, которое еще с так называемого нечаевского дела сложилось в головах наших передовых революционеров. Я не позволил бы себе ни на секунду сомневаться в правильности передачи практических планов Нечаева, исходящей от Тихомирова и Фигнер, если бы не располагал еще одним свидетельством. О способах, какими предполагалось осуществить побег Нечаева из равелина, мы запросили бывшего члена Исполнительного Комитета «Народной Воли» А. П. Корба-Прибылеву. Приводим ее ответ нам in extenso: «Нечаев выработал два плана, которые передал на рассмотрение Комитета. Первый был основан на том, что в садике, где гулял Нечаев, находилась чугунная крышка водосточной трубы. В отверстие этой трубы Нечаев предполагал спуститься внезапно во время прогулки под наблюдением преданных ему жандармов и часового. Выход трубы находился на берегу Невы, невысоко над водою. Желябов отправился осматривать местность и выходное отверстие. Ввиду длины канала и возможности задохнуться для беглеца при его прохождении, этот план был отвергнут. Другая версия состояла в том, чтобы приверженцы Нечаева в крепости, т.-е. солдаты и жандармы, преданные ему, дали бы ему возможность переодеться и вывели бы его за ворота. Помощь Комитета в этом случае состояла бы в снабжении заговорщиков всем необходимым для побега,

включая денежные средства, увозе Нечаева в момент появления его за воротами крепости, обеспечении ему пристанища и проч.».

Эти предложения Нечаева далеки от фантазии и представляются удобоисполнимыми. Как же отнесся к ним Исполнительный Комитет? «Надо освободить!»—с необыкновенным душевным подъемом воскликнули народовольцы—члены Комитета, прочитав обращение к ним Нечаева и ознакомившись с его предложениями. Но какие силы они могли выделить на это дело,—они, на руках у которых было такое огромное дело, как устранение Александра II? Этому делу они отдали почти все свои активные силы: в момент возникновения сношений равелина с «Народной Волей» у Комитета была в полном ходу новая попытка покушения, по счету седьмая. «В магазине на Малой Садовой,—рассказывает В. Н. Фигнер,—шла торговля сырами, и каждую ночь несколько членов Комитета и его агентов работали в подкопе, действуя заступом и буравом и наполняя землею бочки, предназначенные для сыров. Приостановить эту опасную работу,—значило бы рисковать успехом всего дела. Чем скорее закончились бы приготовления, тем увереннее можно было смотреть вперед: обстановка магазина с недостаточным запасом сыров, неопытность импровизированных торговцев, изменение маршрута при поездках Александра II по воскресеньям в Михайловский манеж,—все это могло сделать бесполезным весь труд. Необходимо было спешить, не оглядываясь по сторонам, не отвлекая внимания ни на что другое. Все вместе заставило Комитет откровенно и прямо сообщить Нечаеву, что предпринятые приготовления к покушению на царя требуют всех наших сил, и ставить два дела одновременно мы не в состоянии. Поэтому дело его освобождения может быть организовано лишь после того, как кончится начатое против царя. В литературе я встречала указание, будто Комитет предоставил Нечаеву самому решить, которое из двух дел поставить на первую очередь, и будто Нечаев высказался за покушение. Комитет не мог задавать подобного вопроса: он не мог приостановить приготовлений на Малой Садовой и обречь их почти на неминуемое крушение. Он просто оповестил Нечаева о положении дел, и тот ответил, что, конечно, будет ждать». Впрочем, В. Н. Фигнер вспоминает, что все же постановлено было поручить устройство побега военной организации партии «Народной Воли» под руководством Н. Е. Суханова (но ведь Суханов тоже работал в это время в подкопе!). Но по рассмотрении местных условий Комитет нашел более удобным совершить экспедицию на остров на лодках, т.-е. летом.

С рассказом В. Н. Фигнер расходится сообщение Льва Тихомирова: «К несчастью для Нечаева, новое покушение на жизнь царя сталкивалось с этим освобождением. Очевидно было, что освобождение, может быть даже вооруженной рукой, из такого государственного тайника, как Алексеевский равелин, должно было возбудить в правительстве панику и сделать надолго невозможным нападение на царя. Нечаеву и Ширяеву было предоставлено самим решить, какое из двух

предприятий ставить в первую очередь, и они подали свои голоса за 1 марта, несмотря на то, что Желябов уже лично осмотрел равелин и признал побег, при хорошей помощи извне, не только осуществимым, но даже не особенно трудным. Отказываясь от свободы, Нечаев имел деликатность в своих письмах сохранить самый веселый тон и усиленно доказывал, что дело их, заключенных, ничего не проиграет от отсрочки, хотя сам Желябов был уверен в противном, и нет сомнения, что такой ловкий человек, как Нечаев, должен был прекрасно понимать всю справедливость опасений Желябова». С рассказом Тихомирова гармонирует и рассказ А. П. Корба в упомянутом выше ответе на мой запрос. «Пока шли эти переговоры, начались подготовления к 1 марта. По мере их развития силы партии напрягались в высшей степени, и для Исполнительного Комитета становилось ясным, что побег Нечаева в предполагавшееся время не мог состояться. С другой стороны, у членов Комитета являлось опасение, что отсрочка побега может быть роковою и поведет к крушению всего этого плана. Эта мысль очень тревожила Комитет. Он горячо желал освобождения Нечаева, но убеждался более и более, что одно предприятие повредит другому, а может быть, погубит его. Вследствие столкновения интересов этих двух предприятий Комитет решил предоставить Нечаеву самому выбрать одно из двух и привести в исполнение то из них, на котором остановится его выбор. Это постановление вытекало из сознания, что даже отсрочка побега в сущности равняется смертному приговору Нечаеву, а произнести его Комитет не хотел и не мог. Ответ Нечаева можно было предвидеть. Он отказывался даже от мысли о равноценности обоих предприятий и писал: «Обо мне забудьте на время и занимайтесь своим делом, за которым я буду следить издали с величайшим интересом» [1]).

Примирить соображения Л. Тихомирова и А. П. Корба, с одной стороны, и В. Н. Фигнер, с другой, можно, кажется, только допустив, что Комитет не мог, конечно, бросить дело покушения ради устройства освобождения, но, предвидя ответ Нечаева и Ширяева, все же нашел возможным узникам равелина поставить на выбор: освобождение или

---

[1]) Из рассказов Л. Тихомирова и А. П. Корба видно решительное личное участие во всем это деле Желябова. Он лично осмотрел местность, чтобы проверить возможность побега. В. Н. Фигнер считает «чистейшим вымыслом рассказ, будто Желябов посетил остров равелина и был под окном Нечаева. Этого не было, не могло быть». Недопустимость подобного факта В. Н. Фигнер мотивирует соображением об ответственной роли Желябова в предстоявшем покушении. В случае неудачи разрывных снарядов Желябов должен был кончить дело вооруженный кинжалом. «Возможно ли,—пишет В. Н. Фигнер,—чтобы при таком плане Комитет позволил Желябову отправиться к равелину, не говоря уже о том, что провести его туда было вообще невозможно? И разве сам Желябов пошел бы на такой бесцельный и безумный риск не только собой и своей ролью на Садовой, но и самим освобождением Нечаева. Никогда!» Все это так, но все это ведь доказательства от формальной логики, а не от фактической действительности, полной иногда даже невероятных противоречий...

покушение. Само сознание, что дело революции они своей волей предпочли своему освобождению, должно было укрепить их дух.

Так или иначе, но народовольцы были правы, считая отсрочку освобождения губительной для дела побега, губительной от сочетания во времени с покушением на царя. Понимал это и Нечаев. Ответил ли он на вопрос Комитета так, как передают Тихомиров и Корба, или же только принял к сведению предложение обождать, он взял себя в руки, призвал свой дух к новому подчинению судьбе, но работы своей внутренней в равелине он не оставил и сношения с волей не прекратил. Благодаря оживленной переписке с Комитетом и «вообще с разными народовольцами» (по словам Тихомирова), он был в курсе событий общественных вообще и революционных в частности. По отзыву Тихомирова, он высоко ценил деятельность «Народной Воли» и не оставлял даже и своими советами. Л. Тихомиров знакомит нас с фантастическими планами Нечаева и с его предложением пустить в ход подложные царские манифесты. Впрочем, эта фантастика тоже не была далека от действительности. Дейч, Стефанович и товарищи этой фантастикой воспользовались. Таков был дух времени и настроения революционной романтики. Только у Нечаева было больше воображения и выдумки, чем у Дейча и его товарищей. Стоит привести сообщение Тихомирова об этих плодах тюремного воображения: «Нечаев предложил выпустить сперва для местностей, где сильна вера в царя, подложный царский манифест, в котором царь будто бы объясняет своим верноподданным: «По совету любезнейшей супруги нашей государыни императрицы, а также по совету князей, графов и т. д. и по просьбе всего дворянского сословия, мы признали за благо возвратить крестьян помещикам, увеличить срок солдатской службы, разорить все старообрядческие молельни и т. д.» В то же время должен быть разослан и священникам подложный же «секретный указ» святейшего синода, где сказано, что всемогущему богу угодно было послать России тяжелое испытание: «новый император Александр III заболел недугом умопомешательства и впал в неразумение», вследствие чего священники должны тайно воссылать с алтаря молитвы о даровании ему исцеления, никому не открывая сей важной государственной тайны: расчет был, конечно, на то, что священники именно разболтают всем скандальное известие. После этих подготовлений нужно было распустить манифесты от якобы какого-то «великого земского собора всея великие, малые и белые России», во-первых, к крестьянам, во-вторых, к «православному русскому воинству, гвардейским, гренадерским и армейским полкам, коннице и артиллерии, гарнизонным войскам и местным командам». В первом объявляется, что царя больше нет, старый убит, а новый с ума сошел; далее, что собор решил произвести передел земли и освободить солдат от службы, и потом говорилось, что «по получении сего манифеста, не медля ни мало, во всех селениях собирать мирские сходы и приступать к справедливому переделу всей земли... прежде всего отрешить от должности всех прежних волостных

старшин и писарей, а на место их для распоряжения делами выбрать добросовестных людей... приводя их к крестному целованию и т. д. Всех помещиков и т. д., которые сему манифесту воспротивятся, хватать и представлять в мирские сходы, а мир должен творить с ними строгую и короткую расправу... Всех исправников, становых и т. д. хватать, где кого пришлось, и немедленно предавать смерти...» В конце манифеста, довольно длинного, помечается, что составлен он «на великом земском соборе, по совету и приговору излюбленных русских людей, мирских выборных ото всех крестьянских обществ», предписывается всюду развозить манифест и исполнять, а в конце концов подписано «быть по сему»...

XV.

Исполнительный Комитет «Народной Воли» довел до конца свое основное дело: 1 марта 1881 года Александр II был убит, и вслед за сим начался разгром революционной партии. Один за другим стали сходить в недра смерти и заточения все видные представители партии. 27 февраля был арестован Желябов. В его бумагах оказалась шифрованная записка. С содержанием этой записки знакомит нас официальный документ (всеподданнейший доклад от 4 декабря 1881 года), отчасти в изложении, отчасти в подлинной цитации:

«В записке говорилось, что она будет вручена личностью, известною под кличкой Петух, и далее сообщалось следующее:

От вас вчера, в четверг, получено: один лист шифра, пятый номер «Воли» и двадцать пять рублей. Сообщение об ротных ершах вам было сделано еще в декабре; повторяю его вкратце: в бога они не верят, царя считают извергом и причиной всего зла, ожидают бунта, который истребит все начальство и богачей и установит народное счастье всеобщего равенства и свободу.

Дьякон всех умнее, молодец, всех преданнее и скромнее (секрет сохранит свято); Пила—парень ловкий, но задорный и больше других любит выпить. Притом Пила был часто на замечании, его заподозрели и удалили из равелина ранее других в роту за частые отлучки по ночам.

Молоток и Пила порядочные сапожники; следовательно, если вы намерены нанять для них квартиру, то они могут для виду заниматься починками сапогов рабочих где-нибудь на краю Питера близ заводов и фабрик. В их квартире могут проживать под видом рабочих и другие лица; к ним же могут ходить и здешние ерши из роты.

Дьякона можно сделать целовальником в небольшом кабачке, который слыл бы притоном революционеров в рабочем квартале на окраине Питера.—Дьякон был бы очень способен на такую роль, но необходимо, чтобы ими руководил человек с сильным характером, который бы мог при случае за неисправность сильно распечь и вообще умел бы держать в страхе, по их выражению, как их держал Трепов.

Главное, не оставляйте их без дела в праздности: они непременно запьянствуют. Обременяйте их поручениями, поддерживайте в них сознание, что они приносят пользу великому делу. Платите исправно скромное жалованье, никак не более двадцати рублей, и делайте подарки за ловкость, но требуйте и исправность, и удачность. Тот, кто приобретет на них влияние, может вести их куда хочет; они будут хорошими помощниками в самых отважных предприятиях и, если в начале дело с ними цойдет хорошо, то количество их может быть увеличиваемо по мере надобности. К ним же надо присоединить и Пахома, который первый с вами познакомился. Рекомендую разжалованного унтера Штырлова».

Записка, взятая у Желябова, была самым подлинным и собственноручным письмом Нечаева из равелина к народовольцам. Мы привели ее целиком, во-первых, потому, что это подлинный документ, а, во-вторых, потому, что она служит прекрасной иллюстрацией к рассказу о тех отношениях, которые установились у Нечаева к охранявшим его солдатам, и о той пропаганде, которой он их подверг. В записке Нечаев говорит об Орехове («Петух»), который первый из солдат завязал сношения с волей, о Колыбине («Дьякон»), Кире Бызове («Пила»), Кузнецове («Молоток») и Штырлове («Штыклов»). Любопытны даваемые Нечаевым советы, как подойти к этим солдатам и как действовать на их психику. Последние слова записки приложимы прежде всего к самому Нечаеву: «Тот, кто приобретет на них влияние, может вести их куда хочет; они будут хорошими помощниками в самых отважных предприятиях»... Такими помощниками Нечаеву они и оказались.

Записка Нечаева попалась в руки властей, и следователи не уразумели ее содержания: они не догадались о происхождении и авторе записки и не поняли ее содержания. Желябов, понятно, отказался от каких-либо показаний в связи с запиской. Какие-то неясные подозрения, не имеет ли записка касательства к страже, охраняющей равелин, возникли у властей; были предприняты кое-какие выяснения, но положительных результатов они не дали.

10 марта была арестована С. Л. Перовская; при ней была взята шифрованная записка. Вот как была она разобрана в ночь на 12 марта:

«Колыбин Егор Дьякон к обедне звонят Бобков Василий купец вот тебе на водку. Кузнецов Ефим Молоток. Молоток прощай Ануфриев. Василий Попадья Прасковья попадья обедать села. Бызов Кирил Пила курица яйца несет. Юшманев Григорий Орел высоко орлы летают. Тихонов Ефим Павловский слесарь Старовер скоро выйдут Доронин и Никанор Лебедь Дарья деньги прислала кровельщик знает Питер он вероятно сменит портного, как Почтальон, а Портной познакомит с Петухом Горохом, Шапкой, Капустой Ярославцем. Дьякон познакомит с Пилой или с Попадьей, Пила подозревается начальством Пахом или Портной познакомят с Молотком через которого пойдет другая нить Петруха познакомит с Писарем Александром Дубровиным Щука Исаков Николай Александрович имеет любовницу Анну

Степановну на Зверинской улице дом тридцать второй квартира без номера, Щука Александров женат и семейный живет на Зверинской дом пятый квартира вторая оба бедны первый храбр второй труслив оба с женами занимаются портняжеством. Порох. Полиц. Ефим Иванов небольшого роста. В Иванове: Александр Зубков, учитель Алексей Осипов Капачинский».

Если происхождение записки, взятой у Желябова, было затруднительно выяснить ввиду отсутствия фамилий, то записка, найденная у Перовской, такого затруднения не представляла. Тут назван целый ряд фамилий, принадлежавших солдатам и жандармам Алексеевского равелина. И что же? Следователи так и не догадались, в чем тут дело [1]). Они решили, что в записке «упоминаются фамилии пяти рабочих, их прозвища и лозунги, с которыми следует к ним обращаться по делам конспирации, и, кроме того, намечаются средства для приобретения действительных сношений, очевидно, в той же рабочей среде». Правда, фамилии писаря Александра Дубровина и щук (жандармов) Исакова и Александрова приводили к крепости и равелину; правда, они были допрошены, у них был произведен обыск, но... «не было обнаружено никаких оснований, дающих право подозревать их в сношениях с членами революционной партии». Вот до чего слепы оказались следователи, во главе с самим В. К. Плеве, из доклада которого выписана последняя фраза!

Слепота эта свидетельствует только о том, что равелин был действительно замкнут, действительно в полном смысле слова отрезан от всего мира: даже те, которые, по роду своей службы розыскной, жандармской, должны были в какой-либо мере быть осведомлены о равелине и его порядках, не имели об этом никакого, решительно никакого, представления; исключена была даже мысль о возможности обнаружения тайны равелина.

XVI.

Итак, правительство в марте 1881 года было на следах сношений Нечаева с народовольцами, но не раскрыло их и только переполошилось и насторожилось.

Сменились верховные распорядители судеб Нечаева: царем стал Александр III, министром внутренних дел граф Н. П. Игнатьев и директором департамента полиции В. К. Плеве. Узда реакции была натянута крепкой рукой, а революционная партия, потерявшая в начале года больше двух третей своего состава, задыхалась от бессилия. Сменилось и крепостное начальство Нечаева. 20 марта 1881 года умер барон Егор Иванович Майдель, наименее жестокий из крепостных комендантов, а на его место был назначен генерал-адъютант Иван Степанович Ганецкий, 70-летний старик, прославленный герой

[1]) См. «Былое», № 10—11, 1918, апр.—май. Стр. 35, 37.

Плевны, человек твердый и жестокий. Режим, установленный и утвержденный Ганецким в Петропавловской крепости, оставил злую по себе память, столь же выпуклую и яркую, как и та память, которой верны военные историки, рассказывающие с упоением о знаменитом поражении Осман-Паши и взятии Плевны. Грудью наступал непреклонный Ганецкий на турок, осажденных в крепости Плевны, и так же рьяно и неукротимо до конца века своего (на 77 году от рождения) наступал он грудью на осажденных в Петропавловской крепости русских революционеров. Он поставил целью подтянуть крепость и равелин, пришедшие в распущенное состояние при бароне Е. И. Майделе, и действительно подтянул. Время вступления его в должность коменданта совпало к тому же с моментом возникновения первых подозрений о каком-то предательстве вокруг крепости. Пошли строгости, надзор был усилен, тюремный режим ухудшен. В камерах равелина заделали душники, замазали оконные стекла, через которые можно было видеть кусочек неба. Время прогулки было сокращено, и одно время даже совсем не выводили на прогулку в маленький садик, расположенный внутри равелина, в несколько шагов пространством, с полдюжиной тощих берез и десятком кустов. «Клочек неба сверху, шелест зеленых листьев, чириканье залетевших воробьев, жужжанье насекомых доставляло отраду узникам, задыхавшимся в убийственном воздухе запертого каземата, и нужно быть в самом деле зверем в душе, надо быть русским царем, чтобы лишить несчастных даже этого». Ганецкий начал борьбу с репутацией Нечаева, с его исключительным положением. Нужно считать верной картину жизни в Алексеевском равелине, которую нарисовал Нечаев в прошении к Александру III. Это прошение Нечаев написал своей кровью, ногтем. Копию прошения он передал на волю народовольцам при следующей записке [1]): «Я не мог отправить этого письма через коменданта, потому что он, угнетая арестантов и делая их положение невыносимым, боится им показаться на глаза и не является к ним даже тогда, когда они его просят притти (я, например, три раза бесполезно звал его выслушать меня). Он приходит в тюрьму только за тем, чтобы любоваться на мучения заключенных в щелку двери. Передать письмо смотрителю я также не мог, потому что был уверен, что он его уничтожит, ничего об нем не сообщив. Я должен был ждать, пока не представился благоприятный случай, когда я мог вверить его постороннему честному лицу. В равелине начались работы: под окном проходят и останавливаются разные мастеровые, приказчики, подрядчики, инженерные офицеры. Я пользуюсь оплошностью начальства, которое позабыло поставить часового у будки, у окна, и вверяю это письмо судьбе: нашлись добрые люди, которые обещали доставить это послание через канцелярию градоначальника или министра».

---

[1]) Лев Тихомиров указывает, что на этой записке было обозначено: «пишу кровью, ногтем, в книге, на чистом листке, возле переплета».

Неясно, каким путем Нечаев рассчитывал довести это письмо до царского сведения, но вполне очевидно, что до Александра III оно, конечно, не дошло. В архивных документах о Нечаеве нет и намека на такое прошение, но, пожалуй, не внушает сомнений ни существование прошения, ни указанная возможность передачи его на волю.

Если, действительно, такое прошение Нечаевым было написано и передано на волю, то остается еще нерешенным вопрос, в какой мере текст подлинного заявления тождественен с текстом копии в известной нам редакции, напечатанной в «Вестнике Народной Воли». Должно только с решительностью отметить, что тон его не отличается от тона документально известных нам нечаевских обращений, а содержание прошения ни в какой мере не противоречит, наоборот, находит полное подтверждение в известных нам фактах и подробностях. С этими оговорками мы можем процитировать этот замечательный документ. Первая часть прошения нам нужна именно теперь при характеристике изменений режима, но, дабы не ослаблять впечатления письма и не возвращаться к нему впоследствии, приводим здесь письмо полностью:

«Государь! Вступив в управление крепостью, новый комендант Ганецкий произнес речь служащим в равелине по поводу событий 1-го марта. Характер этой речи, а также то обстоятельство что произнесена она была не в отдельном помещении, а в отворенном коридоре, неподалеку от дверей каземата, громовым голосом, ясно показали мне, что содержание ее главным образом предназначалось для моих ушей, которые и слышали отчетливо каждое слово. Интимидация эта цели не достигла. Косвенные угрозы генерала Ганецкого меня не устрашили, а показали только, что под влиянием событий последнего времени даже крупнейшие представители администрации потеряли голову и утратили чувство собственного достоинства. Я не обратил бы внимания на выходку его превосходительства, если бы эта речь не повела к отягчению моего и без того нелегкого положения и не сделала его, без всякого с моей стороны повода, окончательно невыносимым.

Алексеевский равелин — тюрьма секретная. Никакой ревизии не допускает, в ней и прежде происходили злоупотребления, невозможные ни в каком отдаленном остроге. Но покойный комендант, уважаемый барон Майдель, понимал это, сдерживал до некоторой степени хищника-смотрителя Филимонова и, исполняя суровый долг, не мучил заключенных из личной жестокости. Теперь же, после речи Генецкого, хищник Филимонов нагло отнимает у нас последний кусок, бесстыдно заявляя при этом, что поступает так по приказанию коменданта. Я уже просил начальство, чтобы мне позволено было пользоваться пищей из солдатского котла: грубые щи и каша, несмотря на все их недостатки, при существующих злоупотреблениях были бы все-таки питательнее тех обедов из негодной провизии, которые поставляет Филимонов. Все служащие в равелине после вступления коменданта считают отягчение политических заключенных вернейшим средством заслужить благосклонность начальства и поступают в силу этого со-

ображения самым наглым, вызывающим образом. Прежде мне позволяли выходить подышать чистым воздухом два раза в день. Теперь мою прогулку сократили с двух часов до 20-ти минут. Мало того, меня по целым месяцам совсем не выводят из душного каземата, в котором Ганецкий даже приказал заделать душники, будто с целью лишить меня возможности достать сажи для составления чернил.—Верхнее стекло оконной рамы у меня было чистое, позволявшее мне видеть клочек неба. Нужно знать ужасы долголетнего одиночного заключения, чтобы понять, какую отраду доставляет узнику вид проходящего облака и сияние звезд ночью.

Два коменданта: генерал Корсаков и барон Майдель, шесть шефов жандармов, начиная графом Шуваловым и кончая генералом Черевиным, сам председатель верховной комиссии генерал Лорис-Меликов, посещая меня, видели это чистое стекло и не находили опасным для государства, тот факт, что я...[1]) подследственный в течение недель и месяцев. Но я не подследственный узник, и вот уже десятый год, как я лишен свободы, следовательно, отягчение моей участи вызывается не высшими политическими соображениями, а лишь одним бесчеловечным произволом лица, которому в. в. вверили управление крепостью. У меня был личный враг—генерал Мезенцев; он два года терзал меня в цепях, но и тот не закрывал для меня вида неба. У меня был другой враг—генерал Потапов. Он оскорбил меня на словах, я за это заклеймил его пощечиной. Он имел право меня ненавидеть, но и он не мстил мне. Он знал, что мстить человеку, лишенному свободы, можно только, имея душу зверя, а генерал Потапов был человек.—Свойственны ли гуманные чувства генералу Ганецкому, я не знаю, но, судя по тому, что он посещал равелин только за тем, чтобы по часу стоять у дверей каземата и любоваться в щель на отягченное им положение узников, судя по этому, следует думать, что созерцание чужих страданий доставляет ему удовольствие, которое человеческим назвать нельзя. Не надеется ли он довести меня до отчаяния, чтобы видеть слезы и муки бессильного бешенства, чтобы слышать безумные крики ярости, подобные тем, которые доносятся из каземата моего несчастного соседа по тюрьме, доведенного долголетним заключением до сумасшествия. О нет! Я не доставлю Ганецкому такого удовольствия. Я желаю ему сохранить хоть сотую долю моего спокойствия и самообладания, когда его самого повезут на эшафот.

В семьдесят пятом году, когда правительство предложило мне изложить свой взгляд на положение дел,—я в подробной записке на высочайшее имя заявил вашему августейшему родителю, что абсолютизм отжил свой век, что все основы неограниченной монархии окончательно расшатаны, и только дарованием конституции державная воля может спасти Россию от ужасов революции. Я говорил, что неотлагаемое введение либеральных представительных учреждений

[1]) Пропуск в рукописи. Прим. ред. «Вестника Народной Воли».

в дорогом отечестве может помешать развитию внутренних смут и дерзких покушений, которые ни перед чем не остановятся. Я говорил, что через несколько лет, может быть, уже будет поздно. Ход событий последнего времени подтвердил мои предположения. Реакция после катастрофы первого марта была неизбежна. Это в порядке вещей... но размеры реакции и ее продолжительность могут быть также неизбежно гибельны для существующего строя, если государственные деятели в такое напряженное общественным ожиданием время будут заниматься добиванием лежачих. Будучи жертвой величайшей юридической несправедливости, я был осужден московским окружным судом при полном нарушении основных формальностей судопроизводства. Ко мне не только не допустили избранного мною защитника, но даже не выдали мне копии с дела, так что, введенный в заседание гласного суда, я не знал, в чем меня обвиняют. Чтобы добиться нужного для правительства приговора присяжных (всех подчиненных обвинительной власти), мне буквально не дали говорить,—и как только я открывал рот, чтобы дать объяснения, меня тотчас же вытаскивали из залы заседания по знаку председателя в коридор, где жандармские офицеры били меня в голову—до потери сознания. Приговорив меня к 20-ти летней каторге на основании голословных обвинений прокурора, вопреки фактическим данным, всей России известным, суд предоставил мне, повидимому, право апелляции. В действительности же лишил меня всякой возможности воспользоваться этим правом, не выдав мне копии с приговора и запретив мне давать чернила и бумаги для писания жалобы. Переведенный тайно ночью, прямо с эшафота (окольными путями, исколесив половину России) в Петропавловскую крепость, я был заживо погребен в стенах Алексеевского равелина, где, заточенный в одиночное заключение при таких исключительных обстоятельствах, я не ожидаю от нового правительства облегчения своей участи, не удивлюсь, если это письмо еще более ухудшит мое положение. Людовик XVI также понял все ужасы страданий узников Бастилии только тогда, когда сам попал в государственную тюрьму. Но так как нигде в мире произвол представителей администрации не достигает таких размеров, как в России, так как ни в одной стране воля и желание главы не искажаются до такой степени, как у нас... я и счел своим долгом довести до сведения вашего величества об отягчении условий моей тюремной жизни, без всякого с моей стороны повода. Теперь всякое дальнейшее угнетение меня будет уже совершаться с вашего высочайшего ведома, в силу вашей царственной воли. Я буду безропотно выносить всевозможные лишения, коль скоро буду знать, что подвергаюсь им по распоряжению высшей власти. Но быть жертвой бесчеловеческого произвола его превосходительства и молчать... Я не в состоянии... Пишу кровью, ногтем».

В этом письме следует обратить внимание на одну маленькую деталь, которую не выдумать. Нечаев говорит, что Ганецкий приказал заделать душники с определенной целью лишить Нечаева воз-

можности добывать сажу для составления чернил. С этой подробностью гармонирует и приводимое ниже сообщение самого Ганецкого о нечаевском способе писать, сделанное им в письме к В. К. Плеве от 19 июля 1881 года:

«Заключенный в Алексеевском равелине, лишенный всех прав состояния Сергей Нечаев, на находящейся у него из библиотеки Алексеевского равелина для чтения книге написал спичкою копотью из лампы с примесью, как нужно полагать, керосина заявление на имя вашего превосходительства, заключающееся в жалобе.

Препровождая снятую с означенного заявления копию к вашему превосходительству, имею честь уведомить, что Нечаев в высшей степени раздражителен, груб и дерзок со всеми, имеющими к нему служебные отношения, и претензия его на неудовлетворительность пищи не заслуживает никакого внимания, так как, кроме существующего в Алексеевском равелине строгого контроля за свежестью покупаемых продуктов, в качестве пищи я удостоверяюсь лично. Что же касается жалобы на сделанное ему, по моему приказанию, смотрителем Алексеевского равелина предупреждение о том, что если будет продолжать вести себя буйно, т.-е. обращаться дерзко с предпоставленными над ним лицами, бросать на пол книгу и рвать в озлоблении предлагаемое ему на смену белье, как он это сделал на-днях, то будет лишен чтения книг и закован в кандалы,—то это действительно было, и я намерен последнее привести в исполнение, если он повторит дерзкое обращение с смотрителем или дежурным жандармским унтер-офицером».

Текст самого заявления Нечаева в деле не сохранен, но оправдания Ганецкого по поводу заявлений о недоброкачественности пищи дают подтверждение достоверности дошедшего до нас в народовольческой редакции письма к Александру III.

XVII.

Но, несмотря на осложнения, вызванные делом 1 марта 1881 года, сношения Нечаева с волей продолжались. 1 апреля был арестован Исаев, но оставался свободен Дубровин, через которого и была получена связь с Исполнительным Комитетом в лице Исаева. Мы знаем, что Исаева в его сношениях заменял Савелий Златопольский. Повидимому, после ареста Исаева произошел какой-то перерыв, ибо на пасху Нечаев искал новых связей и отправил солдат Петрова и Самойлова к Филиппову и Иванову, обер-фейерверкерам Охтенского порохового завода. Филиппов свел посланных Нечаева с «Антоном Ивановичем»; это был отставной мичман А. Буланов. Савелий Златопольский вел сношения с Нечаевым до своего отъезда в Москву, связанного с переводом Исполнительного Комитета из Петербурга. Уехал же он, надо думать, в октябре 1881 года. Кто заменил Златопольского, мы не знаем. Тут обрываются сведения, идущие от авторитетных свидетелей—членов Исполнительного Комитета. В середине 1881 года уже не до сно-

шений было с равелином! Исполнительный Комитет под ударами правительства разваливался; чтобы как-нибудь удержаться на поверхности, он бросился в Москву, но удары настигали и здесь. Надо думать, что в это время Комитет сам оборвал или, точнее, вынужден был оборвать опасные сношения с крепостью. Если же от Нечаева и шли письма на волю, то получались они маломощными сочувственниками народовольческого движения.

Обострение тюремного режима, известие об успехах правительственной реакции, несомненные затруднения и сокращение сношений с революционным центром,—все это, конечно, тяжко действовало на заключенных в равелине и на Нечаева прежде всего. Надежды на освобождение выцветали и блекли. 3 июля 1881 года из равелина увезли в Казанскую больницу для умалишенных несчастного Бейдемана, а 18 августа умер Степан Григорьевич Ширяев.

Из одного цитированного уже нами письма Нечаева к народовольцам мы знаем, как подействовали первые месяцы заключения на Ширяева. Привезли его зимой (10 ноября 1880 года), посадили в отсыревший холодный каземат, который не отапливался, по крайней мере, в течение десяти лет, и у Ширяева очень скоро началось кровохаркание. О смерти С. Г. Ширяева Тихомиров, очевидно, по сообщению Нечаева, писал в 1883 году следующее: «Страшный надзор связывал руки всем. С. Ширяев не в состоянии был выдержать этой ужасной жизни; когда заключенных перестали пускать гулять и заколотили их окна и душники, у него быстро развилась чахотка. 16 сентября 1881 года (дата неверна!) он умер в каком-то странном состоянии: был в страшном возбуждении, вскакивал на стол, как в горячечном бреду, говорил что-то такое; наконец, громко закричал и упал мертвый. Нечаев предполагал, что его отравили каким-то возбуждающим средством, данным ему для того, чтобы выпытать у него какие-то сведения. Не имеем никаких данных судить об основательности этого предположения». От этого сообщения пошла легенда о насильственной смерти Ширяева. Мы можем привести еще официальный документ — рапорт доктора равелина Вильмса за № 235 от 18 августа 1881 года. «Содержащийся в № Алексеевского равелина в течение всей весны сего года страдал катаром легких, осложнившимся неоднократно повторявшимся кровохарканием. Несмотря на все медицинские пособия, в начале июля у больного появились признаки бугорчатки, воспаления всего левого легкого, от каковой болезни означенный больной сего числа 18 августа 1881 года в 6 часов утра скончался» [1]).

После 18 августа 1881 года в Алексеевском равелине осталось всего два заключенных: Нечаев и Мирский. Мирский был перемещен в камеру Ширяева № 13, а Нечаев оставался в своем № 5.

---

[1]) Хотя в рапорте Вильмса не указаны ни № камеры, ни фамилия умершего, документ, несомненно, относится к Ширяеву. Он находится в деле Ширяева, и в конце в скобках рукой смотрителя вписана его фамилия.

Опять Нечаев был предоставлен самому себе, собственной энергии и страсти. Правда, он был окружен «хорошими помощниками в отважных предприятиях»—преданными ему солдатами и жандармами равелина, но нельзя было рассчитывать на помощь с воли, нельзя было положить надежды на Исполнительный Комитет, казавшийся ослепительно могущественным в начале года. Нечаев во главе своей команды должен был добиваться освобождения своего собственной рукой. Он перестроил свой план освобождения, но не отказался от него. Подробностей нового плана мы не знаем,—мы можем только догадываться, исходя из обстоятельств времени и места. План строился без расчета на помощь извне: об этом свидетельствует решительно отсутствие каких-либо показаний и воспоминаний современников о каком-либо содействии к устройству побега из крепости во второй половине 1881 года. Если же помощи не было извне, то побег должен был быть устроен солдатами; они должны были вывести Нечаева. Такой побег не исключал, конечно, возможности вооруженного выступления и столкновения. К такому побегу энергично готовился Нечаев после смерти Ширяева. Крепостное начальство, натягивавшее узду тюремного режима, попрежнему не подозревало о том, что делалось у него под носом, в стенах самой секретной государственной тюрьмы. Смотритель Филимонов, занятый семейными обязанностями, ухудшал главным образом пищу арестованных, а его помощник Андреев, не обязанный следить за заключенными, вообще ничего не делал. Если бы кто из начальства неожиданно нагрянул в равелин, он мог бы остолбенеть от изумления. В дежурной комнате галдеж. Солдаты читают не только газеты, но и свежие прокламации и последние номера «Народной Воли», некоторые из них учатся шифровать письма по рецепту Нечаева [1]); по коридору без всякой субординации ходят дежурные, а около двери камеры № 5, вынеся стул из дежурной, сидит жандармский унтер-офицер и наслаждается рассказом узника № 5. Или же узник № 5, который был лишен права писать и писал свои жалобы по начальству за неимением чернил собственной кровью, усидчиво писал и зашифровывал за своим столом записочки на волю, а конвойные охраняли его: не ровен час! А с вечера ходившие за старших в караул ефрейтор Колодкин и рядовой Тонышев выписывали из наряда фамилии часовых, которые должны будут на другой день стоять на часах у камеры № 5, и передавали списочек Нечаеву. Нечаев обдумывал списочек и давал наряд на работу. По временам производилась уплата гонораров солдатам. Нечаев получал деньги с воли, но сам не раздавал их: передавал кому-либо из солдат, сам выдавал билетики с обозначением суммы, а казначей выдавал деньги предъявителю билетика.

---

[1]) Следы пропаганды обнаруживались даже после дознания. Так, штабс-капитан Соколов 8 апреля 1882 года представил по начальству номер 6-й «Народной Воли» от 23 октября 1881 года, оказавшийся в тюфяке одного из арестованных нижних чинов.

Вот какие картины мог бы наблюдать посетитель равелина, если бы он явился без предупреждения, врасплох! В такой обстановке с лихорадочным напряжением готовил побег Нечаев силами своими и своих помощников солдат.

Летом 1881 года был арестован рядовой Иван Губкин, служивший в равелине с 17 сентября 1879 года. Он был одним из деятельнейших помощников Нечаева. Его заподозрели в сношениях с вольными людьми, но и тут следствие оборвалось безрезультатно. Губкин отперся от всего и ничего не выдал. Мысль о том, что равелин может общаться с волей, решительно не укладывалась в головах начальства, и арест Губкина не имел последствий для уклада тюремной жизни. Насторожиться должен был Нечаев, который не мог не понимать, что налаженная им «организация» может провалиться каждый день, что каждый день можно было ждать катастрофы.

И она случилась в один из дней поздней осени 1881 года. Листы архивного дела комендатского управления «о беспорядках в Алексеевском равелине», начатого 16 ноября 1881 года, хранят воспоминание о внезапной, налетевшей как вихрь, тревоге, охватившей все начальство.

XVIII.

16 ноября комендант крепости получил какие-то чрезвычайные известия о работе Нечаева по подготовке побега. Столь тщательно укрываемая до сих пор тайна приоткрылась начальству. В равелине что-то готовилось, что-то очень серьёзное; о серьезности положения можно было судить по распоряжениям коменданта, конечно, «совершенно секретно», данным им смотрителю равелина подполковнику Филимонову, с одной стороны, и, с другой, жандармскому капитану Леснику: «временно заведующему арестантскими помещениями». Лесник заведывал тюрьмой Трубецкого бастиона, соседившего с равелином. Васильевские ворота, находившиеся в нескольких саженях от бастиона, отделяли последний от равелина.

16 ноября 1881 года (№ 317) комендант дал следующее предписание капитану Леснику:

«Предписываю вашему благородию часовому, выставленному в калитке деревянного забора, расположенного у Васильевских ворот, вменить, между прочим, в строгую обязанность прислушиваться к шуму и крику по направлению к Алексеевскому равелину и, если бы он что-либо подобное услышал или услышал бы ружейный выстрел, то немедленно дал знать о том начальнику караула, а этот последний вам. Ввиду сего обязываю усилить в настоящее время вашу бдительность до последней возможности и быть ночью в таком положении, чтобы тотчас по получении вышеозначенного извещения могли сделать, не теряя ни минуты, следующее:

1. Дать знать мне через присяжного унтер-офицера и в тот же момент с 10 человеками рядовых от караула Трубецкого бастиона

бежать в Алексеевский равелин, имея ружья заряженными, оставив Трубецкой бастион под наблюдением остальных чинов караула, жандармов и присяжных унтер-офицеров.

2. Если на звон колокольчика, имеющегося при Васильевских воротах, не будет моментально отворена калитка, а между тем в равелине будет происходить шум или особое движение, то выломать калитку и, взойдя в оную, оказать полное содействие команде Алексеевского равелина, приказав при действительной надобности употребить против злоумышленников огнестрельное оружие, и

3. Если встретится надобность для ограждения арестантов равелина от освобождения их вторгнувшимися туда злоумышленниками, то, действуя противу последних, не терять из виду и арестантов, при которых усилить караул и в случае опасности вывести их оттуда в нумера Трубецкого бастиона под строгим присмотром».

18 ноября (№ 319) комендант дал дополнительное предписание тому же Леснику:

«Предписываю вашему благородию с сего числа и впредь до приказания ружейного часового, выставлявшегося до сего времени в калитке деревянного забора, расположенного к Васильевским воротам, ставить ежедневно в 8 часов вечера под Васильевские ворота крепости, ведущие в Алексеевский равелин, с тем:

1. Чтобы он, оставаясь у сих ворот до 7 часов утра, имел наблюдение за тем, чтобы ворота и калитка оных были заперты с внутренней стороны на ключ.

2. Чтобы с того времени решительно никого не выпускал из равелина, а равно и не впускал туда, кроме смотрителя оного, отдельного корпуса жандармов подполковника Филимонова и то не иначе как по вызове к себе из помещения присяжных, фельдфебеля наблюдательной команды Быстрицкого и удостоверении последним, что желающий выйти или войти обратно есть действительно подполковник Филимонов.

3. Для чего вы обязываетесь перед 8 часами вечера фельдфебеля Быстрицкого ежедневно предъявлять всем сменам часовых означенного поста с целью ознакомить их с наружным видом Быстрицкого, и

4. Чтобы часовой этот, оставаясь под Васильевскими воротами, бдительно вслушивался, не происходит ли в Алексеевском равелине шума или особого движения и если что-либо подобное услышит, а тем более выстрел, то немедленно звонить в устроенный у забора в караул Трубецкого бастиона колокольчик, по которому начальник караула обязан сию же минуту доложить вам, и вы стремительно направляетесь в равелин с людьми и поступаете согласно вышеприведенного предписания моего за № 317».

Смотрителю равелина 18 ноября (№ 320) комендант дал следующее предписание:

«В дополнение к инструкции, предписаниям и словесным моим подтверждениям, предписываю:

1. Ключ от калитки Васильевских ворот, ведущих в равелин, так равно и от всех других ворот равелина, долженствующих быть запертыми всегда на замок, хранить лично при себе, с тем, чтобы днем, при надобности пропустить кого-либо из людей команды равелина или впустить кого-либо из лиц, имеющих право входа в равелин, он был выдаваем поддежурному жандармскому унтер-офицеру, обязанному совместно с разводящим на часы сопровождать входящего и впускать входящих в равелин.

2. С 8 часов вечера, когда все чины равелина должны быть на местах и когда помещение это, с окончанием обычных служебных занятий, обращается в полную тишину, ключи от ворот безотлучно должны храниться при вас, и всякий выход и вход в равелин должен быть прекращен для всех и каждого.

3. Если вы сами, ввиду чрезвычайного служебного случая, встретите надобность на короткое время выйти после 8 часов вечера из равелина, то это вам лично не воспрещается, но при этом вы обязаны дать знать голосом часовому, стоящему с наружной стороны у Васильевских ворот, и ожидать, пока он вызовет к себе фельдфебеля наблюдательной команды Быстрицкого для удостоверения вашей личности.

4. Часовым от местной команды, выставляемым на ночь на стену Алексеевского равелина с целью обзора окружающей местности, иметь револьверы заряженными.

5. Вменить им в обязанность зорко следить за окружностью и, если заметят приближение к равелину яликов с пассажирами, столпившихся людей на противоположном берегу или на проливе, когда он замерзнет, немедленно давать знать в караул, а этому последнему вам.

6. По получении такового сведения обязаны стремительно отправиться на стену равелина с частью людей от караула и поступить, смотря по обстоятельствам, с полною осторожностью.

При чем присовокупляю, что на-днях вы получите от меня указание относительно нового порядка увольнение людей со двора и топки для них равелинной бани: что же касается наблюдения за людьми команды, увольнения их со двора и наряда в должности по равелину то это, как я не раз вам подтверждал, остается попрежнему на вашей личной ответственности и распоряжении. Помощник же ваш, подпоручик Андреев, отвечает лиш за хозяйство в команде т.-е. за продовольствие и обмундирование ее».

19 ноября комендант дал еще новое предписание (№ 321).

«В дополнение к предписаниям моим, последовавшим с 18 числа текущего месяца, предписываю;

1. Под окном комеры заключеннаго под № 5 иметь часового от равелинного караула постоянно днем и ночью.

2. Чтобы в дежурной комнате, смежной с означенной камерой, с 8 часов вечера находились два жандармских унтер-офицера: один дежурный и другой поддежурный.

3. Чтобы дежурный унтер-офицер по возможности чаще патрулировал по коридорам с целью наблюдения за бдительностью часовых при арестантских камерах и надзирал по временам в стекло, устроенное в дверях камер, за действием арестантов, делая это по возможности незаметным для них образом.

4. Дежурного и поддежурного вписывать в постовую книгу, имеющуюся в карауле для записывания смен часовых, и удостоверять оную ежедневно своею подписью» [1]).

Чего же ждал комендант и что он знал? В эти дни (16—22 ноября) комендант узнал, что у арестанта № 5, Нечаева, есть сношения с волей, что он готовит побег, что для устройства побега может быть устроено нападение на островок равелина, при чем нападавшие могут переехать на яликах через Невку или перейти по льду. Относительно результатов пропаганды Нечаева среди конвойных комендант пока еще не знал: он считал команду верной и думал, что на нее можно положиться в случае нападения извне на равелин. Но тянулись дни, сведения из достоверного источника все умножались, и тайна нечаевской организации была раскрыта во всей полноте.

17 декабря (№ 358) комендант рапортовал министру внутренних дел о том, что он, комендант, вследствие обнаруженного в Алексеевском равелине беспорядка признал необходимым: 1) подвергнуть это дело строжайшему дознанию, а всех состоящих при равелине 4 жандармских унтер-офицеров и петербургской местной команды 1 унтер-офицера и 29 рядовых заключить под стражу впредь до выяснения виновности каждого из них; 2) петербургскую местную команду, составлявшую караул в равелине, сменить если не всю, то по крайней мере 75 человек; 3) до освежения команды временно назначить в равелине, сверх 4 новых жандармских унтер-офицеров, еще 27 жандармских рядовых при одном унтере. Вместе с сим 18 декабря (№ 359), «в дополнение личного доклада о неудобстве оставлять на службе смотрителя Филимонова», комендант просил министра удалить его и назначить на его место избранного министром штабс-капитана Соколова. Все предположения коменданта удостоились одобрения и осуществления.

XIX.

Но от кого почерпнуло начальство чрезвычайные сведения о равелине, кто явился их источником?

Когда по раскрытии нечаевской «организации» началось производством жандармское дознание, директор департамента полиции В. К. Плеве весьма доверительно сообщил руководившему дознанием

---

[1]) В предписаниях 19 ноября (№ 322), 20 ноября (№ 325) и 22 ноября (№ 326) комендант дал указания о новом порядке продовольствования команды непосредственно из местной крепостной команды, о порядке приема пищи для заключенных в непременном присутствии смотрителя, о порядке увольнения нижних чинов, о топке бани и стирке белья нижних чинов в стенах равелина.

жандармскому генералу А. Н. Никифораки имевшиеся в департаменте данные: «из имеющихся в департаменте государственной полиции, добытых негласным путем сведений видно, что письменное сообщение арестантов равелина при посредстве нижних чинов началось с декабря 1879 года; затем, в конце 1880 года, с помещением в равелине государственного преступника Ширяева, были заведены письменные сношения с городом, согласно указаниям этого последнего, сообщенным им, повидимому, государственному преступнику Нечаеву, который руководил непосредственно как внутренней, так и внешней перепиской и склонял посредством денег, получавшихся из города тем же путем, нижних чинов к передаче писем и записок. Не все нижние чины принимали одинаковое участие в указанной передаче. В город посылались лишь самые доверенные (нижние чины: Березин, Борисов, Дмитрий Иванов и в особенности Губкин), большая часть занималась передачей внутренних записок, покупкой газет, и затем, повидимому, безусловно все вступали в разговоры с арестантами, сообщая им слухи и новости, источником коих служили обыкновенно разговоры унтер-офицеров в караульной комнате, где эти последние, не стесняясь присутствием нижних чинов, передавали друг другу об известных им распоряжениях и слышанные новости от смотрителя. Из числа жандармских унтер-офицеров Александров также проносил несколько раз письма Нечаева к государственному преступнику Мирскому; остальные трое отличались болтливостью, лишь разговорами и передавали новости. К сему имею честь присовокупить, что источнику, доставившему изложенные сведения, должно быть оказано известное доверие, так как указания эти находят себе подтверждение как в производившемся уже летом сего года дознании по обвинению вышеупомянутого рядового С. П. Б. местной команды Губкина в доставлении государственным преступникам средств сношения с посторонними лицами, так и ввиду раскрытых производством расследования по делу 1 марта обстоятельств, именно, обнаружения у казненного государственного преступника Желябова зашифрованного письма, по разборе содержания коего не представляется ныне сомнения в том, что таковое писано арестантом в равелине».

Сведения, добытые негласным путем... Источнику, доставившему эти сведения, должно быть оказано известное доверие... Но кто же мог сообщить эти сведения, в такой форме и в таком объеме? Уж, очевидно, не солдат и не жандарм!— Их фамилий скрывать не стали бы.

Граф П. А. Валуев в своем дневнике, под 15 февраля 1883 года, записал: «Слышал вчера от товарища министра внутренних дел, что совершенно справедлив давнишний рассказ о том, что едва не удался побег всех арестованных из Алексеевского равелина. Один из них выдал тайну. Сторожевая команда и жандармы были переносителями и пособниками» [1]). Речь идет, конечно, о нашем случае. Один из

[1]) Гр. П. А. Валуев. Дневник 1877—1884. Птр. 1919, стр. 223.

заключенных выдал тайну. Но в ноябре месяце 1881 года (после увоза Бейдемана и смерти С. Г. Ширяева) в равелине было всего два заключенных: Нечаев и Мирский. Итак, выдал тайну сношений и подготовлявшегося побега Мирский. Но достаточно ли доказательств за подобным утверждением?

Я располагаю рукописными воспоминаниями Мирского, присланными им в 1917 году в редакцию «Былого» и написанными в третьем лице. Эпизод пребывания в равелине изложен следующим образом:

«Когда в 1879 году привезли Мирского, изъятого из вольной жизни только несколько месяцев тому назад, то настала новая эпоха для равелинских узников, которых было три, да и то один больной, впавший в тихое помешательство.

Завязалась оживленная переписка «с волей», получались газеты, делились впечатлениями и, между прочим, подумывали о побеге. Нечаев составил такой план: в крепость каким-то образом проникнут 20—25 вооруженных людей с воли. Навстречу им выйдут заключенные, солдаты и жандармы. Эти соединенные армии должны были каким-то образом прорваться через многочисленные посты и иные препятствия. Пишущему эти строки [1]) известно, что Мирский отнесся отрицательно к этому плану, и план был отстранен, так как пришлось считаться с реальным фактом, имевшим важные последствия. На воле при обыске нашли шифрованное письмо; долго бились над дешифровкой этого письма жандармы, и был слух, что только в министерстве иностранных дел отчасти его дешифровали и тогда узнали, что письмо из Алексеевского равелина. Это произвело переполох. Как! Письмо из равелина! Из этой наисекретнейшей тюрьмы! Чтобы узнать, кто проносит письма, комендант крепости издал приказ, чтобы отпускать в город не более 4 солдат одновременно из равелинного караула. За каждым солдатом следовала тень в виде сыщика, а если это не удавалось, то солдатик возвращался, не исполнив поручения! Так как все солдаты, по мнению сыщиков, лавировали, чтобы скрыться от них, то начальство пришло к заключению, что вся равелинская стража неблагонадежна. И вот в один прекрасный день Алексеевский равелин был окружен войсками. Смотритель тюрьмы, 4 жандарма и 30 солдат были арестованы и препровождены в военную тюрьму. Смотрителем тюрьмы назначили офицера Соколова, грубого, жестокого, бурбона. Заключенных перевели на каторжный режим: утром $2^1/_2$ ф. черного хлеба, в обед баланда с 32 золотниками мяса; вечером жидкая кашица. В среду и в пятницу еще более скудная постная пища. От такой пищи у Мирского появилась цынга в сильнейшей степени. Его перевели в дом предварительного заключения для излечения, а в июле 1883 года отправили в Кару вместе с прочими каторжанами».

В своих воспоминаниях Мирский только всего и вспоминает, что он отнесся к нечаевскому плану побега отрицательно, и поэтому план

---

[1]) т.-е. Мирскому. *П. Щ.*

был отстранен, но о каких-либо своих действиях и поступках, направленных против этого плана, он ни единым словом не заикается. Да и как об этом написать! Но у нас есть документальные данные о предательстве, совершенном Мирским. Каким-то чудом сохранилось дельце управления коменданта С.-Петербургской крепости по Алексеевскому равелину—«о заключении в Алексеевский равелин секретного государственного преступника М.» (начато 28 ноября 1879—день вступления Мирского в равелин, кончено 18 июля 1883 года). В дельце есть собственноручная записка и письма Мирского к коменданту Ганецкому. Эти человеческие документы свидетельствуют о падении Мирского и о мотивах, толкнувших его на выдачу. Мотивы мелко-эгоистичные, ничтожные. Маленькие льготы в режиме, послаще пища, получше табак и чтение книг. Вот и все. Даже не верится, но это так.

27 ноября (№ 337) Ганецкий сообщал Плеве о том, что «содержащийся в Алексеевском равелине государственный преступник М. обратился с просьбой о высылке ему для чтения журнала «Отечественные Записки» за 1880 год, и от себя «покорнейше просил не отказать, если возможно, удовлетворить его ходатайство и о последующем не оставить уведомлением». Эта, столь необычайная для коменданта, просьба, которая сейчас же и была удовлетворена, могла бы навести на некоторые догадки; но еще больший простор догадкам дает следующее письмо Мирского к коменданту, писанное 7 января 1882 года.

«Ваше высокопревосходительство. Считаю своим приятным долгом от всего сердца поблагодарить вас, многоуважаемый г. комендант, за сделанные вами распоряжения, весьма благоприятно отозвавшиеся на внешних условиях моей жизни. Ваше великодушное желание облегчить сколько-нибудь мою тяжкую участь, рядом с любезною готовностью г. смотрителя выполнить ваши распоряжения в точности, сделали мое положение вполне сносным.

Ободренный вашей добротой и вниманием, беру на себя смелость обратиться к вашему высокопревосходительству еще с некоторыми просьбами.

1) В прошлом году, до составления нынешнего расписания кушаньев, бывший смотритель г. Филимонов, расходуя деньги по своему усмотрению, каким-то образом достигал того, что к воскресенью сберегалось несколько лишних копеек, на которые, в прибавление к обыкновенному обеду, покупался еще десерт в виде пары апельсинов или кисти винограда, или же каких-нибудь ягод (летом). Давался также стакан кофе, от которого, впрочем, я отказался, ввиду возбуждающих свойств этого напитка, но десертом я дорожил в высшей степени. При подавляющем однообразии тюремной жизни, при неумолимо-неизменной последовательности и размеренности всего тюремного обихода, этот десерт-сюрприз имел значение даже нравственное, нарушая обычное течение жизни. Все это отменено покойным комендантом под влиянием неосновательных жалоб известного вам «капризного» человека, который добился составления нынешнего расписания,

не справляясь, конечно, со вкусами других [1]).—Если в настоящее время ваше высокопревосходительство найдете возможным, так или иначе, доставить мне прежнее недорогое лакомство, то этим заставите меня лишний раз сказать вам искреннее спасибо.

2) Получаемый мною табак—рублевый. При нынешних ценах на этот товар, за рубль дают нечто среднее между махоркой и так назыв. турецким табаком. Хотя за два года я попривык к своему табаку, но тем не менее его вредное влияние на грудь не подлежит сомнению, а для устранения этого неудобства требуется расход в шестьдесят копеек ежемесячно—не более...

3) Я, ваше высокопревосходительство, как вам, вероятно, небезызвестно, пользовался четырьмя ежемесячными журналами, выписываемыми вашей канцелярией. С настоящего января месяца доставка этих журналов, по неизвестным мне причинам, прекратилась. Если в канцелярии вашего высокопревосходительства имеются какие-нибудь периодические издания за прошлый 1881 год,—то, я надеюсь, вы дозволите мне воспользоваться ими. Это тем более необходимо, что «Отеч. Зап.» я уже дочитываю, а в здешней библиотеке мало найдется книг, мною не прочитанных. По этому делу (т.-е. на счет книг вообще) мне, вероятно, придется обратиться к господину министру, но я сделаю это уже при личном свидании, которого ожидаю со дня на день, согласно прежним намерениям его сиятельства.

С чувством искренней преданности и глубочайшего уважения имею честь быть вашего высокопревосходительства покорнейший слуга»

Л. М.

Когда читаешь это письмо, диву даешься. На все пойду,—только бы сохранить эту жизнь, только бы сберечь себя, сберечь здоровье прежде всего! Вот куда завела молодого человека с изобилием жизненных сил бесконечная любовь к жизни!

Такие просьбы тюремному начальству мог адресовать только оказавший какие-то немаловажные услуги и считающий себя в силу этого на это в праве. Нельзя не подчеркнуть, что Мирский вступил в хорошие отношения не только со смотрителем (а ведь это был «Ирод»!) и комендантом, но и с министром, графом Н. П. Игнатьевым, который лично навестил его в равелине.

Забегая вперед, я должен привести письмо Мирского к коменданту от 1 ноября 1882 года. В это время в равелине уже царил знаменитый «соколовский режим», и, очевидно, при своей любезной готовности в отношении к Мирскому, Соколов забывал об услуге Мирского и подводил его под общий ранжир. Такое «равнение» обижало выслужившегося Мирского, и он писал коменданту:

«Убедившись неоднократно в вашем благородстве и великодушии, я привык в тяжелые минуты жизни обращаться к вашему высокопре-

---

[1]) «Капризный» человек—это, конечно, Нечаев. *П. Щ.*

восходительству с тем безусловным доверием, которое внушала мне ваша доброта. И в настоящее время я с упованием и надеждой прибегаю к вам.

Библиотека равелина крайне небогата, и во все время моего в нем пребывания в дополнение к здешним книгам присылались еще журналы и французские книги извне. Теперь журналов нет, французских книг тоже нет, а многих из русских сочинений мне не дают под тем предлогом, что запачканы. Выходит, что я оставлен вовсе без чтения. Меня особенно удивляет последнее обстоятельство. В самом деле, неужели после всего случившегося нужно принимать против меня такие предосторожности? Ведь я же знаю, кто именно испачкал, мало того,—и видел эти книги и то, что в них написано, ибо все вообще равелинские книги уже побывали у меня. После этого очевидно, что лишение меня лучших из имеющихся в библиотеке сочинений есть простое недоразумение. Систематические стеснения, которым я подвергаюсь с начала нынешнего года, невольно наводят меня на весьма грустные размышления. Прежде, когда я был преступнейший из преступных, нераскаянный и дерзкий, я был, так сказать, подавлен и пристыжен величием царского милосердия и снисходительностью правительства. Кто знает, быть может, именно это великодушное обращение со мною и произвело во мне решительный перелом... Познав бога, я всей измученной душою возлюбил царя. Горькие слезы раскаяния и угрызения совести и побудили меня хоть чем-нибудь ознаменовать свое нравственное перерождение. Я решился оказать великодушному правительству посильную услугу и сделал в этом отношении все, что только мог. Случаю было угодно, что именно с этого момента условия моей жизни стали постепенно ухудшаться и, наконец, теперь дошло до того, что даже ничего не стоящих журналов нельзя получить на самое короткое время для прочтения. По временам мне приходит в голову, что, быть может, нарочно подвергают испытанию мою верноподданническую преданность и любовь к царю. В таком случае, я совершенно спокоен, ибо уверен в себе: никакие испытания не поколеблют моих принципов, которым я останусь верен до последнего издыхания. Раз познав истину, я не отступлю от нее ни за что. Но, с другой стороны, мне кажется, что подобного рода опыт едва ли нужен, ибо я неопровержимо, фактами, а не словами, доказал, что решение мое бесповоротно, и что, вступив на добрый путь, я не намерен сходить с него до конца жизни. Наконец, как ваше высокопревосходительство, так и г. министр, казалось, вполне убедились в моей честности и осчастливили своим доверием. Вследствие этого все неудобства своего нынешнего положения я приписываю простой с л у ч а й н о с т и и убежден, что мои настоятельные нужды будут удовлетворены, лишь только моя просьба дойдет до вашего высокопревосходительства. Если нельзя мое положение сделать лучше прежнего, в таком случае пускай по крайней мере оно не будет хуже, пусть будет все по-старому. То-есть: хорошая пища, достаточные прогулки, право пользоваться в с е м и

книгами из здешней библиотеки, журналы из департамента и французские книги из магазина Мелье. Я глубоко убежден, что ваше высокопревосходительство, если не облегчите моей участи, согласно своему милостивому обещанию, то во всяком случае не отнимите у меня тех скромных удобств, коими я пользовался в прежнее время. Я знаю ваше доброе сердце и потому не позволю себе сомневаться в благоприятном исходе моего ходатайства.

Я просил историю Шлоссера и не получил ее потому, что запачкана. Но так как это—единственное сериозное сочинение в здешней библиотеке, то я покорнейше прошу распорядиться о выдаче мне этой книги, как вообще и всех других, принадлежащих равелину. Из журналов 1881 года я получил только «Русский Вестник», а остается дополучить «Вестник Европы» и «Русскую Старину» за вторую половину 1881 года (начиная с августа месяца); кроме того, я уже просил о высылке «Отечеств. Записок» и «Дело» за текущий 1882 год. Нынешний год уже кончается, и, следовательно, журналы за первую его половину уже не нужны и валяются без всякого употребления. Буду также весьма благодарен, если ваше высокопревосходительство позволите мне выбрать хоть десяток книг по каталогу магазина Мелье. Я заранее уверен, что вы не останетесь глухи к моим мольбам и я был бы счастлив, еслиб имел возможность поблагодарить ваше высокопревосходительство л и ч н о. В настоящее время посещения вполне возможны, ибо соседи не будут даже и знать.—С нетерпением и надеждой ожидая вашего ответа, имею честь быть покорнейший слуга».

Комендант внял просьбе Мирского и 9 ноября (№ 478) просил В. К. Плеве прислать «известному арестанту» «Дело» и «Отечественные Записки» за 1882 год, а также каталог Мелье. «Ввиду важной его услуги в известном вам деле,—заканчивал свое письмо генерал Ганецкий,—я просил бы, если возможно, не лишать его обещанных бывшим министром внутренних дел ген.-ад. графом Игнатьевым льгот в чтении книг и журналов». Плеве прислал и книги, и каталог. Комендант сейчас же предписал смотрителю равелина: «препровожденные журналы, по строгом просмотре, передать известному арестанту, содержащемуся на известном условии, и предложить ему сделать на прилагаемом каталоге пометки против тех французских книг, которые он желал бы читать».

И комендант, и Плеве хранили память об услуге Мирского. В чем она состояла—теперь нам ясно без дальнейших комментарий.

Мирский выдал тайну Нечаева и предал его и солдат...

Донос Мирского сыграл существенную роль в деле раскрытия тайн Алексеевского равелина. Эта роль признана в докладе министра внутренних дел царю. 4 декабря 1881 года доклад начинается с изложения и цитации шифрованной записки, взятой у Желябова и в своем месте нами приведенной. Вслед за текстом записки в докладе читаем:

«За отказом Желябова давать какие-либо показания, происхождение означенной записки установлено в то время не было, и хотя возни-

кали предположения, не имеет ли она отношения к страже, охраняющей государственных преступников, но таковые не подтвердились, так как ни обыски, произведенные в домах унтер-офицеров Алексеевского равелина, ни наблюдения за этими лицами, не привели ни к каким результатам. В настоящее время получены достоверные указания на то, что записка эта писана одним из лиц, содержащихся в упомянутом равелине, так что помещенные в ней сведения, очевидно, относятся к чинам петербургской местной команды, кои содействуют поддержанию сношений между арестованными и их единомышленниками, находящимися на свободе. Ввиду сего один из чинов сей команды, рядовой Иван Губкин, как навлекающий на себя наибольшее подозрение, арестован, и к производству расследования по сему предмету уже приступлено.

Всеподданнейше донося о сем вашему императорскому величеству, считаю долгом присовокупить, что участие Губкина в преступных сношениях арестантов находит себе подтверждение как в имеющихся по сему предмету негласных сведениях, так равно и в том факте, что в сентябре сего года производилось уже дознание о помянутом выше Губкине, бывшем тогда в составе равелинной команды, вследствие павшего на него обвинения в сношениях с какими-то посторонними лицами, прохаживавшимися нередко не в далеком расстоянии от равелина. К этому дознанию привлекаем был также служивший до марта 1881 года в с.-петербургской местной команде и ныне находящийся в запасе армии рядовой Штырлов, о котором было обнаружено, что он, проживая, по оставлении крепости, на Петербургской стороне, часто посещал крепостные казармы, бывая у своих прежних товарищей по службе, которым, будучи по ремеслу сапожником, шил обувь, и что во время состояния в команде за дурное поведение и неисправное отправление служебных обязанностей был разжалован из унтер-офицеров в рядовые, каковое обстоятельство устанавливает тождество между ним, Штырловым, и рекомендованным в записке унтером Штыковым. Означенным дознанием по подозрению, павшему на Губкина, не удалось получить уличающих его доказательств, почему и признано было возможным ограничиться лишь устранением его на будущее время от службы в Алексеевском равелине».

Достоверные сведения и негласные указания исходили от Мирского: им была разъяснена записка Нечаева и определен арест Губкина. Кому он дал указания? Коменданту или министру? Из приведенных документов видно, что граф Игнатьев посетил Мирского в камере. Не по его ли, Мирского, вызову, и не для соглашения ли о компенсациях? Мирский, как мы видим, много не запросил. С делом раскрытия тайн связан и следующий инцидент.

10 ноября 1881 года «совершенно конфиденциально» директор департамента государственной полиции В. К. Плеве «покорнейше просил в дополнение к письму от 6 ноября за № 6244 (которое, к сожалению, нам неизвестно), милостивого государя Ивана Степано-

вича (коменданта крепости Ганецкого), не изволит ли он признать возможным разрешить смотрителю Алексеевского равелина дать разъяснения капитану Судейкину по некоторым вопросам относительно арестантских помещений равелина и условий содержания в оных арестантов». «Эти сведения,—писал Плеве,—представляются крайне необходимыми по секретному делу, производящемуся в департаменте». Просьба была исполнена, и Судейкин получил желаемые разъяснения.

Дальнейшие указания мог дать Губкин, арестованный 15 ноября 1881 года. Но Губкин, по всей вероятности, сдался не сразу: один раз (летом) его уже держали и выпустили без всяких последствий. Но ни он и никто из его товарищей на следствии не проговорились ни одним словом о плане побега,—том готовом плане, сообщение о котором столь взволновало коменданта, да и вряд ли они, помощники Нечаева, знали его в целом: Нечаев был замечательный конспиратор, и для каждого, кого он втягивал в свой круг, была своя конспирация деталей, а целое знал он один, да, должно быть, Мирский. Или и фактических приготовлений к осуществлению плана не было, и Мирский изобрел их в своем доносе. Трудно ответить на эти вопросы.

XX.

В ответ на предложение коменданта об аресте служивших в равелине граф Игнатьев признал необходимым арестовать не только нижних чинов, состоявших в команде равелина в момент открытия сношений, но и всех бывших в ее составе в течение 1880—1881 годов. Производство дознания было возложено на начальника с.-петербургского жандармского управления полковника Оноприенко под непосредственным наблюдением начальника штаба отдельного корпуса жандармов ген.-майора Никифораки.

29 декабря 1881 года были арестованы и размещены в одиночках Трубецкого бастиона жандармские унтер-офицеры: Леппинг, Александров, Федоров и Лаврентьев; затем состоящие при равелине унтер-офицер Николай Рябов, ефрейторы Василий Чухлом и Яков Колодкин, рядовые: Кузьма Березин, Михаил Ульянов, Адриан Дементьев, Иван Тонышев, Иван Мыркин, Адриан Кобылин, Иван Тиханов, Илья Ильин, Сила Андреев, Кирилл Никифоров, Дмитрий Осипов, Дмитрий Евдокимов, Семен Леонтьев, Александр Васильев, Алексей Леонов, Нефед Иудин, Василий Иванов, Федор Степанов, Адриан Чернышев, Иван и Дмитрий Яковлевы, Емельян Борисов, Василий Кузьмин, Александр Образцов, Павел Сергеев, Фома Никитин и Дмитрий Петров, и, наконец десять нижних чинов местной команды, ранее служивших в равелине: рядовые Григорий Петров, Иван Губкин (он уже с 16 ноября содержался при управлении спб. обер-полицеймейстера), Платон Вишняков, Климон Попов (находился

в госпитале), Иван Дмитриев, Ермолай Иванов, Леон Архипов, Адриан Емин, Дмитрий Иванов 2-й, Яков Шарков и писарь комендантского управления Александр Дубровин,—всего 42 человека. Это число арестованных увеличивалось в течение января и февраля месяцев. Разыскивались и арестовывались все служившие в равелине: с 1879 года, уже вышедшие в запас и жившие на родине в глухих углах северных губерний. Разновременно в январе были заключены Егор Колыбин, Григорий Юшманов, Иван Штырлов. Затем под конвоем разновременно были доставлены в крепость запасные рядовые: Иван Балыков, Адриан Никаноров, Ефим Тихонов, Антон Гусев, Кир Бызов, Евлампий Опарин, Нестор Иванов, Федор Бородин, Василий Попков, Влас Терентьев, Андрей Орехов, Гавриил Драчев, Тимофей Кузнецов, рядовой Прокофий Самойлов, Федот Ермолин и жандармский унтер-офицер Николай Исаков. Наконец, 2 февраля был арестован и студент военно-медицинской академии Евгений Дубровин и в марте—фейерверкеры охтенского порохового завода Глуховской, Емельянов, Иванов и Филиппов. Всего по делу о пропаганде было арестовано и привлечено к дознанию 69 человек; один (рядовой Доронин) остался неразысканным. Впоследствии было освобождено 24 человека.

К 10 марта жандармское дознание было закончено. 10 марта 1882 года граф Игнатьев представил Александру III доклад об этом деле и к докладу приложил составленную жандармским майором Головиным «записку из дознания о беспорядках, бывших в Алексеевском равелине». Записка, занимающая 29 страниц, составлена сжато и обстоятельно. Картина распада дисциплины нарисована яркими штрихами. Александр III прочел записку и выразил свое впечатление в следующей надписи: «Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор». Дознание разбило привлеченных на две группы. Одна группа должна была пройти перед военным судом по обвинению специально в воинских преступлениях—в несоблюдении особых обязанностей караульной службы. Это были жандармские унтер-офицеры: Карл Леппинг, Александр Александров, Николай Исаков и Захар Федоров; запасные рядовые: Еф. Тихонов, Попков и рядовые Березин, Ульянов, Мыркин, Ив. Тиханов, Леонов, Вас. Иванов, Степанов, Андреев, Ильин, Чернышев, Яковлев, Кузьмин, Сергеев, Дм. Иванов, Шарков, Ермолин, Никифоров. К ним было присоединено и их начальство—подполковник Филимонов и поручик Андреев, обвиняемые в противозаконном бездействии власти, имевшем особенно важные последствия. Вторая группа должна была предстать перед судом по обвинению в государственном преступлении. Это—процесс студента Евгения Александровича Дубровина и запасных обер-фейерверкеров охтенского порохового завода Александра Филиппова и Алексея Иванова; из солдат сюда были пристегнуты запасные рядовые Орехов, Колыбин, Бызов, Кузнецов, Терентьев, Юшманов, Штырлов, ефрейтор Колодкин и рядо-

вые: Дементьев, Григ. Петров, Тонышев, Борисов, Архипов, Вишняков, Губкин и Самойлов. В конечном счете через суд прошло из команды равелина 4 жандармских унтер-офицера и 35 солдат.

Заседания с.-петербургского военно-окружного суда по первому процессу происходили при закрытых дверях в крепости 24 и 25 мая 1882 года под председательством ген.-лейтенанта Лейхта. Обвинял военный прокурор полковник Маслов; защищали военный судебный следователь Дзенциолл полковника Филимонова по его выбору, и по назначению суда кандидаты на судебные должности: Марголин—поручика Андреева, а штабс-капитаны Бобянский и Дмитриев—солдат. Оправданы были только жандармский унт.-офицер Федоров, все остальные обвинены. Жандармские унтер-офицеры: Леппинг, Исаков, Александров и рядовые Еф. Тихонов, Ив. Тиханов, Ильин, Чернышев, Ермолин, Попков и Никифоров приговорены, по лишении некоторых прав и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, к отдаче в дисциплинарные батальоны на три года с переводом в разряд штрафованных. Рядовые Березин, Ульянов, Мыркин, Леонов, Вас. Иванов, Дм. Иванов, Степанов, Андреев, Яковлев, Кузьмин, Сергеев и Шарков к тому же поражению прав и к отдаче в дисциплинарный батальон на $2^1/_2$ года. Филимонов и Андреев приговорены, по лишении чинов, знаков отличия и всех особых прав и преимуществ, к исключению из службы и к ссылке на житье в Архангельскую губернию.

23 июня осужденные солдаты были отправлены в воронежский дисциплинарный батальон. Поручику Андрееву, по ходатайству коменданта, приговор был смягчен: ссылка была заменена шестимесячным заключением в крепости с небольшими правоограничениями и с оставлением на месте служения, т.-е. в крепости. Комендант ходатайствовал и за Филимонова. Он объяснял его преступление исключительно его несметливостью, недостатком распорядительности и... ухищрениями и скрытностью нижних чинов! Но ходатайство Ганецкого успехом не увенчалось, и он был обращен в ссылку.

Второй процесс, политический, разбирался также в военно-окружном суде 3 декабря 1882 г. Все подсудимые признаны виновными и приговорены—Дубровин—в каторжную работу на заводах на четыре года, Филиппов—на пять лет, все нижние чины—к лишению прав и ссылке на поселение в Сибирь, при чем Штырлов, Колыбин, Бызов, Кузнецов, Юшманов, Колодкин и Тонышев—«в места Сибири отдаленнейшие», а Орехов, Терентьев, Дементьев, Петров, Борисов, Архипов и Вишняков—«в места Сибири не столь отдаленные», Иванов отделался сравнительно легко—только тюремным заключением на 6 месяцев.

П. Щеголев.

(Окончание следует.)

Верховное командование в первые дни революции.

Контр-революционеры с самого начала февральской революции прекрасно поняли, где кроется главная опасность для старого буржуазного порядка, который им хотелось оставить во всей его неприкосновенности во что бы то ни стало, изменив только оболочку и подправив кое-что в старой государственной машине.

Печатаемые ниже документы поясняют эту мысль как нельзя лучше.

Из телеграммы верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, видно прежде всего, что этот контр-революционер прекрасно понимал стремления таких деятелей, как Львов, Гучков и их товарищи. «Нужно столковаться в главном,—так, повидимому, рассуждал Николай Николаевич Романов,—сохранить монархический строй, а там дальше будет видно, как и какими способами подавить революцию».

«Я вполне уверен,—телеграфирует он князю Львову,—что нас объединяет с вами та же любовь к родине и стремление отдать все свои силы для ее блага, почему в наших действиях, даст бог, будет полная во всем согласованность».

В следующих же депешах великий князь очень недвусмысленно разъясняет свою программу. Эта программа заключается в следующем:

1. Сохранение монархии во что бы то ни стало. Члена царствовавшего дома беспокоит отречение от престола Николая II и его брата Михаила. Устранение от престола Алексея, по мнению верховного главнокомандующего, «усилит смуту в умах народа». Медлить с этим вопросом опасно в особенности потому, что появилась какая-то новая сила—Советы Рабочих депутатов.

2. Нужно бороться с главной силой революции—Советом Рабочих депутатов.

«...Мною сейчас получены сведения о якобы готовящемся соглашении между правительством и Советом Рабочих депутатов по вопросу о созыве через полгода Учредительного Собрания. По сему поводу я, как верховный главнокомандующий, отвечающий перед родиной за успех наших армий, считаю необходимым категорически высказать, что заключение подобного соглашения было бы великой ошибкой, грозящей гибелью России».

Вместо Учредительного Собрания и какого-то Совета Рабочих депутатов в. главнокомандующий прямо указывает на желательный строй для России: это—конституционная монархия во главе с императором.

3. Нужно фактическую власть и силу оставить в руках приверженцев монархии, в частности, на Кавказе наместником назначить его, Николая Николаевича.

Эти меры нужно провести немедленно. Как человек военный, Николай Николаевич прекрасно понимал, что в моменты борьбы решает сила, и потому план его был прост:

вы там в Петербурге должны оформить юридически конституционную монархию, оставить у власти кого-либо из царствующей династии, юридически это закрепить; юридически же закрепить мою власть здесь над штыками, а уж я, как верховный главнокомандующий, постараюсь двинуть эти штыки, куда нужно.

Таков ход мыслей великого князя, как он рисуется из его депеш. Вы должны не болтать там в Петербурге, дать мне возможность действовать здесь, а столковаться мы сумеем о подробностях потом, при личном свидании. Сейчас же нужно действовать.

Следует согласиться с тем, что Николай Николаевич рассуждал правильно; вся беда заключалась в том только, что буржуазия не хотела ни власти Совета, ни власти царя,—она хотела власти для себя. Боясь Совета, т.-е. пролетариата, она протягивала руку царю и не хотела устранять его совсем от власти, а не желая власти царя, т.-е. власти старого дворянства, она протягивала руку мелко-буржуазным элементам страны, уже проникшим в Совет.

Под давлением этих мелко-буржуазных элементов и главным образом пролетариата пришлось отказаться не только от царя, но и от самого Николая Николаевича, предлагавшего свой союз и свою саблю.

Между тем у Николая Николаевича была не только своя сабля, он мог рассчитывать на довольно большой силы армии, где нашлись бы и сабли, и пушки, и штыки для того, чтобы утвердить или, по крайней мере, в борьбе поспорить не только на словах за «конституционный строй».

Что это так, это прекрасно видно из телеграммы начальника штаба верховного главнокомандующего ген. М. В. Алексеева.

Алексеев с самого же начала революции заявляет себя самым определенным ее противником. Делегатов, направлявшихся из Петербурга в армию и пытавшихся оповестить солдат о том, что произошло в столице, Алексеев квалифицирует просто-напросто как «чисто революционные разнузданные шайки»; прекрасно понимая, что малейшее соприкосновение этих «шаек» с измученными и уже и так выходящими из повиновения солдатами обозначает разложение старой армии, Алексеев предлагает: «при появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого приводить немедленно в исполнение».

Алексеев внимально следит за всеми проявлениями революции на фронте и немедленно реагирует на них, как контр-революционер, не останавливающийся перед самыми решительными мерами подавления.

По распоряжению инженера Козырева были разоружены ненавистные всем жандармы на Закавказских жел. дорогах. Алексеев, конечно, считает этот революционный акт недопустимым в будущем и в случае повторения подобных явлений предрекает гражданскую войну. Он прекрасно понимает, что такие акты—это значит разложение армии, это господство над армией не его, Алексеева, а новых революционных сил, и потому он снова дает распоряжение о немедленном захвате делегаций из Петербурга и о немедленных военно-полевых судах над ними (депеша по поводу освобождения на ст. Режице арестованных прибывшими из Петербурга делегатами-рабочими).

Вместе с тем Алексеева очень тревожит вопрос и о назначении нового царя. Он, как и Николай Николаевич, мыслит себе новый строй только в виде монархии. Поэтому он настойчиво напоминает новой власти о необходимости срочного опубликования манифеста... о вступлении в управление государством Михаила Романова.

События между тем не ждут. Революционный поток выбрасывает на фронт все новые и новые человеческие волны,—делегатов, агитаторов и организаторов,—людей, пытающихся создать и в действующих войсках революционные военные организации. Теперь это уже не случайные элементы, а опытные подпольные работники.

«Главнокомандующий северного фронта,—телеграфирует Алексеев 5 марта главе нового правительства,—сообщает на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то неуловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте».

Боевой генерал, привыкший действовать штыком и пулеметом по видимому врагу—и артиллерией, если этот враг был невидим, но все же ощутим, терялся, чувствуя невидимую работу «неуловимых» элементов. С таким противником царскому генералу приходилось иметь дело впервые. Совершенно правильно определяя этого противника, как «неуловимого», генерал точно так же совершенно правильно определял и те передовые отряды его, которые действовали уже прямо пред его глазами открыто и смело: депутатов Совета.

Классовое чутье подсказало генералу, что здесь, в лице этих делегатов, кроется главная опасность для старого порядка и его оплота—старой армии. Вот почему Алексеев с тревогой следит за деятельностью этих делегатов и настойчиво требует от правительства самых решительных мер против них. «Всякое изменение существующих уставов и военного распорядка в пределах армии помимо верховного главнокомандующего и без его согласия для пользы дела недопустимо. Необходимо правительственное объявление, что никаких делегаций и депутаций им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками, и что появляющиеся в некоторых местах подобные люди подосланы врагами России с целью внести разруху, так как только при разрухе Россия будет побеждена и порабощена врагом. Что надо верить только тем, которые призывают к порядку и к напряжению всех сил для победы над внешним врагом. К этому я добавляю, что промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск поведет к катастрофе. Получаемые со всех сторон сведения указывают, что брожение начинает распространяться в войсках, ближайших к тылу».

Таким образом, работа неуловимых сил революции была уже налицо; действие этих сил чувствовалось повсюду,—старая царская армия начала разлагаться, и в борьбе с этими новыми силами революции контр-революционные деятели, верхушки армии, пускают в обиход крылатое слово, которым они оперируют вплоть до октябрьского переворота: делегаты Советов и вообще все, кто едет в армию с целью агитации, это—люди, подосланные врагами России, это «немецкие шпионы», как очень скоро будут называть этих людей.

Генерал сознается с грустью, что правительство не внемлет его советам, и на свой страх и риск начинает борьбу с новым противником.

«Я повторяю,—пишет он правительству,—что направление распоряжений непосредственно главнокомандующим является недопустимым, вносит дезорганизацию и разруху в дело управления армией. Для армии могут быть обязательны распоряжения лишь правительства, распоряжения же неизвестного, не входящего в состав правительственной власти Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов не являются обязательными и объявляться войскам не будут».

Генерал, конечно, прекрасно знал, что правительство, как и он, далеко не благодушно относится к Советам, что и оно борется с Советами,—генерала только нервировала и приводила в беспокойство нерешительная политика правительства и медленность наступательных действий против Советов.

По мнению же генерала, правительство должно было немедленно начать решительную борьбу с революцией и в первую голову «устранить» Советы, т.-е. попросту разогнать их, уничтожить революционный очаг в армии, т.-е. раскассировать петроградский гарнизон, отправивши его на фронт, сохранить старую дисциплину в армии. Отлично понимая, что русская армия на 80% армия крестьянская, генерал Алексеев прекрасно понимал, что теперь, когда главный помещик, царь, является пленником революции, крестьянин на фронте сидеть не захочет, и что для удержания его в окопах надо его чем-нибудь и как-нибудь задобрить. Подкупить же его можно только обещанием дать землю.

Генерал и предлагает правительству наделить крестьян землей при помощи Крестьянского банка!

Пообещав крестьянам землю, улучшив питание солдат на фронте, разогнав Советы, раскассировав петроградский гарнизон, расстреляв агитаторов и делегатов Совета при помощи военно-полевых судов, можно довести войну до победного конца и с божьей помощью снова посадить какого-нибудь царя на трон.

Так рассуждал генерал Алексеев, человек дела, а не слов. Понятно поэтому, как он негодует, как он клеймит и аттестует мелко-буржуазного дельца Керенского, не умеющего сразу и решительно соединиться с представителями крупного капитала и военщины.

Генерал Алексеев прекрасно понимал, что в борьбе с революцией нужны быстрые и решительные меры. Он не понимал только одного, именно, что, когда в революции побеждают рабочие массы и когда эти массы вооружены, то никакие меры против этих масс не действительны.

Правда, блеснул луч надежды и в стане контр-революции после вооруженного выступления рабочих и солдат в Петербурге 3—5 июля. Реакция на этот раз победила, и контр-революционеры поспешили пожать плоды победы.

Программа деятельности контр-революционерами была выработана на известном совещании, происходившем в Могилеве 16 июля под председательством самого Керенского.

Эта программа изложена в письме Алексеева к М. В. Родзянко.

Главными боевыми пунктами этой программы были: 1) учреждение военно-полевых судов и введение смертной казни на фронте, отмененной в начале революции и 2) организация отборных боевых частей для борьбы с революцией.

Неглупый генерал упрекает правительство Керенского прямо в измене общему контр-революционному делу. По мнению Алексеева, ударные боевые части в бой было пускать нельзя,—они, по его мнению, предназначались для других целей. «Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть».

Все ясно: ударные батальоны должны были сначала гнать остальных солдат на убой, а затем, когда загнанные на убой солдаты уже не представляли бы опасности, тогда ударные батальоны можно было бы направить и против рабочих. Генерал Алексеев слов не любил, он любил дело. С революцией не заигрывают, ее словами не заго-

воришь, как думал сначала Керенский, ее можно (если только можно) залить кровью. Генерал это и предлагал. И когда на это не решились в июле, генерал в отчаянии клеймит мелко-буржуазного краснобая Керенского.

«Располагали мы министром,—говорит он,—которому приписывают участие в событии Фонарного переулка. Теперь военное министерство обзавелось «управляющим», краткая автобиография которого, отпечатанная в штабе VII армии, говорит о великих заслугах настоящего главы и представителя армии: убийство Плеве, Мина, вел. кн. Сергея, организация других убийств».

Так аттестует рассерженный генерал Керенского и Савинкова, даже не предчувствуя той поры, когда и Керенский и Савинков забудут и экспроприации, и революционный террор и начнут так же, как Алексеев, с оружием в руках бороться против революции. Генерал настойчиво рекомендовал одно: смелость и решительность, а его будущие друзья все еще раздумывали, изменить или нет революции!

«...Смелость,—пишет Алексеев,—сделает свое благотворное дело, и я не разделяю высказанных на совещании опасений. События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более труслива она и тем легче пасует перед решимостью и смелостью. Быть может, где-либо и произойдут эксцессы. Их можно и нужно задавить жестокою рукою».

Вот как рассуждал слуга бывшего царя, помещиков и буржуазии. Понятно поэтому его величайшее презрение к борьбе словом.

«Припомните,—говорит он по поводу такой борьбы,—сколько разврата внесли громкие проповеди, мерзкие дела Ленина, Зиновьева, Троцкого, Луначарского, Каменева, Коллонтай и пр. Эти негодяи были неприкосновенны. Призывы к бунту на словах и в печати, захват чужой собственности... не вменялись в вину. Боритесь с ними словом... пока те не совершили преступного деяния (как будто не совершили). Вот что значит быть под покровительством «комитета преступления», т.-е. Совета Раб. и Солд. депутатов».

Такая аттестация большевиков в устах Алексеева понятна, но аттестация Совета как «комитета преступлений» становится ясной только в свете тех генеральских иллюзий, которые были разрушены революцией и суть которых сводилась к одному: правительство Керенского должно было действовать против рабочих и большевиков оружием, разогнать Совет, а сам Керенский должен был действовать так, как это было желательно и выгодно контр-революции.

Нерешительность мелких буржуа Керенского и Церетели генерал Алексеев понимал прекрасно, характеризуя этих деятелей, как мелких трусов, которые боятся и революции, и контр-революции.

«Нужно установить определенно,—говорит по этому поводу Алексеев,—что нервные объезды и речи положительно никакой пользы не приносят. Вот отзыв одного строевого офицера полка, удостоенного речью Керенского: «Это опереточный пуф! Солдатская масса не знала и не знает Керенского». Прибавлю, как не будет знать каждого, кто придет к ней со словами и речами, но без власти, силы и кулака».

В этих откровенных словах, вылившихся от полноты сердца,—весь контр-революционный генерал, весь катехизис контр-революции, все презрение к мелко-буржуазному комедианту, трусливому и блудливому мелкому буржуа.

Керенский и его способ действий—опереточный пуф, а «сила и кулак»—это программа действий, это действительные средства борьбы с революцией.

Факты—упрямая вещь, и документы, отражающие эти факты, так же упрямо, помимо воли авторов этих документов, вскрывают самую сущность классовых отношений, вскрывают те пружины, которые толкали «героев» революции действовать так, а не иначе.

Кратко формулируя историческое значение публикуемых документов, можно сказать, что они отражают какие-то таинственные связи и переговоры, которые велись двумя группами контр-революционеров,—временным правительством и вел. князем Николаем Никол. Романовым, что программа контр-революции уже в начале марта 1917 г. сводилась к разгону Советов и расстрелу рабочих и солдат, восстановлению монархии, использованию мелко-буржуазных элементов революции, организации ударных контр-революционных отрядов для подавления солдат на фронте и рабочих в тылу, обману крестьян, восстановлению старой дисциплины в армии, т.-е. к подготовке контр-революционного удара.

Кроме того, этими же документами вскрывается вся смелость и решительность агентов контр-революционной крупной буржуазии и вся нерешительность, половинчатость и трусость соглашательской мелкой буржуазии во главе с ее вождем «опереточным пуфом» Керенским.

В. Невский.

От редакции: Публикуемые ниже документы — 1. Телеграммы Н. Н. Романова и М. В. Алексеева. 2. Записки М. В. Алексеева временному правительству. 3. Записка М. В. Алексеева М. В. Родзянко — взяты из архива б. временного правительства. Комментарии к первым двум группам документов составил М. Г. Флеер.

Публикуемые телеграммы Николая Николаевича и начальника штаба верх. главнокомандующего обнимают короткий период четырех дней—3, 4, 5 и 6 марта. Телеграммы Николая Николаевича №№ 975 и 978 находятся в деле № 2 канцелярии временного правительства, остальные, равно как и телеграммы ген. Алексеева, были найдены в пачке приветственных временному правительству телеграмм в 1-м отделении юридической секции Ленинградского отделения Центрархива.

I.

Телеграммы Н. Н. Романова и М. В. Алексеева.

3 марта 15 час. 55 мин. (Получена была два раза: 3 марта 16 час. 55 мин. и 4 марта 1 час.)

Очень прошу ваше сиятельство держать меня в курсе положения дел в империи и в особенности в столицах. При этом условии могу, с божьей помощью, как верховный главнокомандующий, исполнить свой долг по руководству армиями и подведомственными мне губерниями тыла, ставя в то же время вас в известность относительно общих мероприятий, принятие коих правительством будет являться, по моему мнению, необходимым для обеспечения победоносного окончания войны. Я вполне уверен, что нас объединяет с вами та же любовь к родине и стремление отдать все свои силы для ее блага, почему в наших действиях, даст бог, будет полная во всем согласованность. № 3317.

Генерал-адъютант *Николай* [1]).

---

3 марта 18 час. 58 мин. (Получена 4/III 3 час. 25 мин.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Начальник штаба верховного главнокомандующего донес мне, что высочайшим указом от 2-го сего марта я назначен верховным главнокомандующим. Считаю необходимым поставить вас в известность о положении дел на Кавказе. С удовольствием я могу засвидетельствовать, что со дня назначения меня наместником нормальная жизнь Кавказа в общем протекала спокойно, и за это время я мог убедиться, что народности края относились ко мне с доверием. События чрезвычайной важности, происходящие в эти последние дни, принимаются пока спокойно населением, главным образом благодаря этому доверию, что дает надежду на сохранение и в дальнейшем в его среде порядка, столь необходимого для развивающихся успехов на фронте кавказской армии, в особенности на персидском фронте, и вообще для достижения нашей главнейшей задачи—довести великую войну до победоносного окончания. Назначение нового наместника при настоящих трудных условиях неминуемо повлечет за собой новый режим, и потребует(ся) много времени, дабы наместник вошел в курс всех вопросов, волнующих край, но этим будет создана крайне опасная во время войны обстановка. Обращая внимание ва-

[1]) На телеграмме пометки,—на первой (полученной 3 марта) дважды, чёрным и красным карандашами, «читал», на второй (полученной 4 марта) красным карандашом «читал» и черным «печатать» (вычеркнуто), «опубликовать». Под всеми пометками подпись—«к. Л.» (князь Львов). Телеграмма, несмотря на пометку Львова, опубликована однако не была.

шего сиятельства на серьезность для Кавказа вопроса о замене наместника, считаю необходимым высказать, что, будучи обязан, как верховный главнокомандующий, заботиться о сохранении полного порядка на Кавказе, являющегося одним из районов театра военных действий, я признавал бы крайне желательным для общего дела возбудить вопрос о сохранении за мной звания наместника, с предоставлением мне, по соглашению с вами, наметить лицо, которое, будучи знакомо с краем и оставаясь моим заместителем на время войны, продолжало бы проведение в жизнь необходимых для него начинаний. Оставаясь наместником Кавказа, я мог бы руководить в особо важных случаях делами края и давать директивы, согласные с общим направлением уже установившейся в отношении разноплеменных его народностей политики. Прошу не отказать в срочном мне ответе. № 975.

Генерал-адъютант *Николай* [1]).

3/III 21 час. 11 мин. (Получена 4/III 6 ч. 35 м.) Шифрованная.

Весьма секретно.

Мне необходимо немедленно знать ваше мнение по вопросу о манифесте. Лично я опасаюсь, что отречение в пользу великого князя Михаила Александровича, как императора, с устранением от престола наследника цесаревича, неизбежно усилит смуту в умах народа. Опасение это усугубляется неясной редакцией манифеста и отсутствием указания в нем, кто является наследником престола. Вместе с тем я совершенно убежден, что промедление в этом чрезвычайной важности вопросе крайне опасно. Ожидая от вашего сиятельства срочного ответа, считаю еще необходимым уведомить вас, что мною сейчас получены сведения о якобы готовящемся соглашении между правительством и Советом Рабочих депутатов по вопросу о созыве через полгода Учредительного Собрания. По сему поводу я, как верховный главнокомандующий, отвечающий перед родиной за успех наших армий, считаю необходимым категорически высказать, что заключение подобного соглашения было бы великой ошибкой, грозящей гибелью России. Я ни одной минуты не сомневаюсь, что временное правительство, сильное авторитетом Государственной Думы и общественным доверием, объединяет вокруг себя всех патриотически мыслящих русских людей. Находя необходимым скорейшее разрешение вопроса о манифесте, я имею при этом в виду, что по обнародовании в ближайшее время должна последовать в торжественной обстановке присяга императора конституционному образу правления. Совершение этого акта, как полагающее конец колебаниям по вопросу о государственном строе России, несомненно, посодействует общему успокоению умов.

Генерал-адъютант *Николай* [2]).

---

[1]) Пометки: «Срочно расшифровать, мне. Кн. Львов». «Читал Л.»

[2]) Пометки: «Срочно расшифровать, мне. Кн. Львов». «Читал Л.»

4 марта 14 час. 50 мин. Получена 5/III 12 час.

Прошу ваше сиятельство быть уверенным, что я приложу все силы к тому, чтобы поддержать дисциплину и порядок во вверенных мне войсках и в тыловых районах армии, что явится залогом победы России над врагами. Уверен, что и вы, с своей стороны, сделаете все зависящее от правительства для обеспечения победы, восстановив полнейший повсеместно порядок и деятельность заводов и всех вообще учреждений, работающих для нужд армии и флота. № 978.

Верховный главнокомандующий [1]).

---

5 марта 13 час. 5 м. (подана).

Как верховный главнокомандующий, считаю своим долгом категорически заявить, что для победы безусловно необходима правильная организация командного состава и его взаимоотношений, исходящая от верховного главнокомандующего, как едино могущего преподать ее армии и флоту. Посему прошу вас передать правительству, которому не может быть не дорого благоденствие России и окончательная победа, что безусловно необходимо, чтобы все распоряжения и пожелания правительства, относящиеся до армии, флота и всех воинских чинов, находящихся в тылу, направлялись только в ставку. Я отдал категорическое распоряжение, чтобы на всем подчиненном мне театре войны принимались только распоряжения, относящиеся до армии, флота и военных учреждений тыла, исходящие от моего исключительно имени и притом из ставки, что вполне совпадает с требованиями и духом положения о полевом управлении войск, которым руководствуется армия.

Верховный главнокомандующий. [2])

---

6 марта 1 ч. 40 м. (Получена 6 марта 5 час. 30 м.)

Выезжаю ставку сегодня. Предполагаю прибыть 10 марта. Определить совсем точно день пока не могу, так как, ввиду неизвестности, насколько путь свободен, нельзя еще составить точного расписания. Как только будет выяснено, сейчас же вам телеграфирую. Очень буду рад вашему приезду в ставку [3]), ибо считаю вопросом чрезвычайной важности лично о многом с вами переговорить.

Верховный главнокомандующий [4]).

---

[1]) Напечатана в № 3 (8 марта) «Вестника временного правительства».

[2]) На телеграмме пометка: «Гучкову. Доложить Совету. Ки. Л.»

[3]) Предполагавшееся свидание Львова с Николаем Николаевичем в ставке не состоялось.

[4]) Пометка: «Читал. Ки. Л.»

Председателю Государственной Думы
М. В. Родзянко.

Получена 3 марта 1 час. 52 м.

По донесению коменданта Полоцка, с поездом из Петрограда прибыло 50 нижних чинов, вооруженных револьверами и шашками. Выйдя из поезда, они потребовали разоружения жандармов. На вопрос коменданта, по чьему приказанию они это требуют, они ответили, что по приказанию офицера, который остался в вагоне. На посланного в вагон для проверки жандарма солдаты напали и разоружили. В это время на станции показался взвод драгун из стоявшей близ вокзала части, все приехавшие солдаты разбежались, в вагоне же никакого офицера не оказалось. Убедительно прошу принять необходимые меры, чтобы из Петрограда на фронт не появлялись банды солдат и какие-либо странные и самозванные депутации. Оставить на железных дорогах охрану без вооружения недопустимо, а против лиц, своевольно принимающих на себя право распоряжаться в районе действующей армии, будут приниматься самые суровые меры по законам военного времени. Этого требует благо действующей армии и необходимость спасти ее для великой службы отечеству от того глубокого нравственного разложения, которое переживают все части петроградского гарнизона. 3 марта 1917 г. № 1906.

Генерал-адъютант *Алексеев* [1]).

В связи с этой телеграммой стоит следующая циркулярная телеграмма.

Циркулярная телеграмма железнодорожным бригадам, командирам ополченских дружин, по станциям жел. дорог Северного фронта.

(Послана из Пскова 4 марта 15 час., получена (в Петрограде) 5 марта.)

Сообщаю для сведения и руководства копию депеши генерала Кварсева [2]) к № 1266/6—«По приказанию Наштасева [3]) передаю копию телеграммы генерала Алексеева для соответствующего исполнения.—«Вследствие телеграммы Наштазап [4]) о том, что из Великих Лук на Полоцк едет депутация 50 человек от нового правительства и обезоруживает жандармов, по означенному вопросу был запрошен председатель Гос. Думы, который сообщил, что никаких депутаций не посылалось. Таким образом, повидимому, начинают уже появляться

---

[1]) Пометки: «Совету министров. Предс. Гос. Думы Родзянко. 2 (?) марта 917. «Читал. Кн. Л.»

[2]) Ген.-квартирмейстер Северного фронта.

[3]) Начальник штаба Северного фронта.

[4]) Начальник штаба Западного фронта.

из Петрограда чисто революционные разнузданные шайки, которые стремятся разоружить жандармов на железных дорогах и, конечно, в дальнейшем будут стремиться захватывать власть как на железных дорогах, так и в тылу армии и, вероятно, попытаются проникнуть и в самую армию. Надо принять самые энергичные меры, установив наблюдение на всех узловых станциях железных дорог в тылу и иметь на этих станциях гарнизоны из надежных частей под начальством твердых офицеров. При появлении где-либо подобных самозванных делегаций, таковые желательно не рассеивать, а стараться захватывать и по возможности тут же назначать полевой суд, приговоры которого приводить немедленно к исполнению. 3 марта 1917 г., 11 час. 25 мин. *Алексеев*». Псков 3 марта, 1266/6. *Болдырев*. № 10621 [1]).

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия предс. Гос. Думы Родзянко.

Получена 3 марта 4 ч. 15 м.

Ввиду состоявшегося подписания его величеством акта об отречении от престола с передачей такового вел. князю Михаилу Александровичу, необходимо скорейшее объявление войскам манифеста вновь вступившего на престол государя для привода войск к присяге. Прошу ваше высокопревосходительство содействовать скорейшему сообщению мне текста означенного манифеста (ст. 54 осн. законов). № 1909.

Генерал-адъютант *Алексеев* [2]).

Председателю совета министров кн. Г. Е. Львову, копия министру иностранных дел П. Н. Милюкову.

Получена 3 марта 4 час. 20 мин.

Полагал бы необходимым телеграфное извещение глав союзных государств за подписью отрекшегося от престола государя о своем отречении в пользу вел. князя Михаила Александровича независимо от телеграфного уведомления их новым государем о своем восшествии на престол. В случае согласия вашего высокопревосходительства с этой точкой зрения, прошу о скорейшем сообщении в ставку текстов, которые могли бы быть представлены на подписание отказавшегося от престола государя. № 1911.

Генерал-адъютант *Алексеев* [3]).

---

[1]) Напечатана в № 4 газеты «Правда».
[2]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»
[3]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

Секретно. Председателю совета министров.

Получена 3 марта.

Получено сообщение от вел. князя Николая Николаевича, что инженер Козырев предложил начальнику Закавказских дорог снять жандармов с линии дорог. Вновь повторяю, что снимать охрану с линий железных дорог на театрах военных действий недопустимо. Она прежде всего нужна, дабы продолжать борьбу со шпионажем. Вообще же обращение отдельных агентов правительственной власти с какими-либо распоряжениями к исполнителям, а не через ставку или, в крайних, спешных случаях, чрез главнокомандующих безусловно недопустимо и может роковым образом отразиться на управлении на театре военных действий, внести много путаницы и подорвать авторитет военной власти. В настоящую страшную минуту для спасения России надо принять все меры для сохранения в армии дисциплины и уважения к власти. Если это будет нарушено, то неминуема катастрофа и гражданская война, а в настоящее время и порабощение России немцами. 3 марта 1917 г. № 1926.

Генерал-адъютант *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 12 час. 20 мин.

Мною получена следующая телеграмма от начальника штаба Северного фронта: «Наштарм 5 [2]) телеграммой Наштасеву донес: «Прибывшие сегодня днем Петрограда в Режицу вооруженные делегаты рабочей партии освободили везде всех арестованных, обезоружив частью караул, обезоружили полицию, начали обезоруживать офицеров, угрожая всем наведенным огнестрельным оружием, ходили даже для этого по квартирам. Примкнули нижние чины гарнизона. Сожгли в управлениях начальника гарнизона, коменданта и в полицейских участках судные и арестантские дела. Кровопролития и особых беспорядков не было. Командарм ходатайствует срочно войти в сношение с представителями власти, немедленно прекратить обезоруживание офицеров, врачей, чиновников. № 2078. *Вахрушев*». Главкосев, находя указанные действия преступными, вносящими разлагающее влияние среди войск и населения ближайшего тыла армий, приказал просить ваше высокопревосходительство о срочном сношении с представителями власти по принятию самых решительных мер к прекращению таких явлений, могущих деморализовать всю армию. Псков. 4 марта. № 1275/б *Данилов*». Прошу срочно принять все меры, чтобы не допускалось

[1]) Пометка: «К сведению. Ки. Л.»

[2]) Начальник штаба 5 армии.

отправление на фронт каких-либо делегаций. Вместе с сим сообщаю главнокомандующим фронтами, чтобы, в случае появления таких шаек, они немедленно захватывались и предавались на месте же военно-полевому суду. 4 марта 1917. № 1954.

Генерал-адъютант *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров кн. Львову, копия военному министру.

Отправлена 4 марта 13 час. 40 мин.

Сообщаю для сведения, что мною разослана всем главнокомандующим фронтами следующая телеграмма: В ответ на мое донесение верховному главнокомандующему о моем указании главнокомандующим фронтами о необходимости незамедлительно объявить по армиям манифест государя императора об отречении от престола и второй манифест великого князя Михаила Александровича мною сейчас получена следующая телеграмма от вел. князя Николая Николаевича: «Ввиду обстоятельств подтверждаю принятое вами решение, вместе с тем повелеваю всем войсковым начальникам от старших до младших внушить и разъяснить чинам армии и флота, что после объявления обоих актов они должны спокойно ожидать изъявления воли русского народа и святой долг их оставаться в повиновении законным начальникам, оберечь родину от грозного врага и своими подвигами поддержать наших союзников в беспримерной борьбе. 4 марта 1917 г. № 4318. Генерал-адъютант *Николай*». Объявляя настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, предлагаю его именем немедленно опубликовать и разослать в армии как манифесты об отречении от престола государя императора и великого князя Михаила Александровича, так и настоящую телеграмму верховного главнокомандующего, которую прочитать во всех ротах, эскадронах, сотнях, батареях и командах. 4 марта 1917. № 1949.

Генерал-адъютант *Алексеев* [2]).

Председателю совета министров, копии — председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта.

Главнокомандующий Северного фронта сообщает на необходимость правительства обратить внимание на крайнюю опасность создавшегося положения, проистекающую из стремления каких-то не-

---

[1]) Пометка: «Читал Кн. Л.»

[2]) Пометки «Читал. Кн. Л.» «Напечатать (зачеркнуто), «опубликовать» (зачеркнуто). Кн. Л».

уловимых элементов создать солдатские организации на фронте, могущие нарушить порядок на фронте. В Выборге власть над гарнизоном крепости в руках солдатских делегатов, и комендант крепости генерал Петров был арестован нижними чинами, теперь выпущен. Попытки стать хозяевами положения замечаются и в Пскове, при чем при столкновении с толпой пал начальник распределительного пункта полковник Самсонов. Дабы иметь возможность продолжать войну и не допустить позора России, необходимо новому правительству проявить свою власть и авторитет и устранить причины начинающейся разрухи. Правительству крайне необходимо срочно вполне определенно и твердо сказать, что армии никто не смеет касаться и что все распоряжения должны производиться через верховного главнокомандующего. Просил военного министра точно так же издать воззвание правительства к армии, что ее основной, как и прежде, долг—сражаться с врагом внешним, свято хранить лучшее достояние армии—ее прочную дисциплину, что все распоряжения будут исходить от правительства, высших начальствующих лиц, что никакие делегации, депутации не имеют права вводить какие-либо перемены в определенные законом нормы войсковой жизни до перемены закона. Убедительно прошу издать воззвание, ибо на него обопрется всякий начальник, всякому будет понятно, что прежде всего его обязанность—честно исполнить свое прямое дело. Нужно спасти войска от развала всеми силами, способами, ибо начало развала будет знаменовать конец борьбы с неприятелем. № 1973.

Генерал *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, копии—председателю Государственной Думы, военному министру.

Получена 5 марта 22 час. 6 мин.

Телеграммой от 5-го сего марта № 1964 я сообщил военному министру, что по заявлениям главнокомандующих фронтами указывается на недопустимость арестов в пределах района театра военных действий военных начальников лицами, именующими себя делегатами Совета Рабочих и Солдатских депутатов, а также городскими общественными комитетами; а также на недопустимость обезоруживания на станциях и в городах находящихся в пределах районов, подчиненных главнокомандующим, чинов жандармской полиции, офицеров и караулов, выставленных для охраны станционных и железнодорожных сооружений. Вполне поддерживая заявление главнокомандующих, я обратился к военному министру за энергичным его содей-

---

[1]) Пометка: «Кокошкину. Исполнено. Ки. Л.» (Кокошкину было поручено составление воззвания к армии.)

ствием в проведении правительством решительных мер, дабы зараза и разложение, начавшиеся в тылу, не перекинулись в действующую армию и не привели ее к полной небоеспособности. Сегодня мною получено повеление от верховного главнокомандующего, что его высочество, вполне соглашаясь с главнокомандующими армиями, заявляет, что если безотлагательно не появится призыв правительства к порядку к войскам, подчиненным военному начальству, в самой категорической и убедительной форме, а также не будет потребовано прекращения всего того, что ныне происходит в тыловых районах армий, то как его высочество, так и главнокомандующие не ручаются за поддержание порядка и дисциплины, следствием чего явится неминуемый проигрыш войны. Каждая минута промедления, в буквальном смысле этого слова, грозит роковой катастрофой. Всякое изменение существующих уставов и военного распорядка в пределах армии помимо верховного главнокомандующего и без его согласия для пользы дела недопустимо. Необходимо правительственное объявление, что никаких делегаций и депутаций им не посылалось и не посылается для переговоров с войсками и что появляющиеся в некоторых местах подобные люди подосланы врагами России с целью внести разруху, так как только при разрухе Россия будет побеждена и порабощена врагом. Что надо верить только тем, которые призывают к порядку и к напряжению всех сил для победы над внешним врагом. К этому я добавляю, что промедление в присылке текста присяги и задержка в приведении к присяге войск поведет к катастрофе. Получаемые со всех сторон сведения указывают, что брожение начинает распространяться в войсках ближайших к тылу. Эти волнения можно объяснить исключительно тем, что для массы простонародия все же непонятно истинное отношение правительства к начальствующим лицам в армии и недоверие, что последние действуют согласно директив и решений нового правительства. Ради спасения армии, а вместе с ней и родины прошу не медлить ни одной минуты. 5 марта 1917 г. № 1977.

Генерал *Алексеев* [1]).

Председателю совета министров, председателю Государственной Думы, военному министру.

Отправлена и получена 6 марта.

Верховный главнокомандующий приказал мне сообщить вам, что считает необходимым, чтобы содержание телеграммы № 1977 было опубликовано, ибо это вразумительнее всего укажет на взгляд правительства, что армию нужно беречь, сохранить неприкосновенным прочно установившийся уклад службы и отношений в войсках до полного окончания войны, когда можно проводить те или иные реформы. Инте-

[1]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

ресы высшие, по-моему, настоятельно подсказывают соответственность исполнить изложенный взгляд верховного главнокомандующего. № 1989.

Генерал *Алексеев* [1]).

Председателю Государственной Думы, председателю совета министров, военному министру.

Отправлена 6 марта 23 час. 50 м., получена 7 марта 0 ч. 45 м.

По приказанию главнокомандующего Северного фронта мне передан полученный главнокомандующим приказ № 2-й Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов. Я вынужден вновь просить, чтобы никакие распоряжения общего характера не направлялись непосредственно на фронты, а обязательно через штаб верховного главнокомандующего, так как только верховный главнокомандующий может решать вопросы общего характера, подлежащие объявлению войскам. Я повторяю, что направление распоряжений непосредственно главнокомандующим является недопустимым, вносит дезорганизацию и разруху в дело управления армией. Для армии могут быть обязательны распоряжения лишь правительства, распоряжения же неизвестного, не входящего в состав правительственной власти, Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских депутатов не являются обязательными и объявляться войскам не будут. С грустью должен прибавить, что многочисленные мои представления правительству по аналогичным вопросам остаются без ответа, что деятельность учреждений, не имеющих отношения к армии, развивается, подобные приказы малоуловимыми способами проникают в части действующей армии, грозя разрушить ее нравственную силу и боевую ее пригодность, ставя начальников в невыразимо тяжелое положение ответствовать перед родиной за сохранение нравственной устойчивости вооруженной силы и не иметь способов бороться с потоком распоряжений, подобных приказу № 2. Или нам нужно оказать доверие, или нас нужно заменить другими, которые будут способны вести армию даже при наличии факторов, в корень подтачивающих основы существования благоустроенного войска. № 2015.

Алексеев [2]).

Николай Николаевич Романов был назначен царем на пост верховного главнокомандующего 3 марта (одновременно с ним был назначен председателем совета министров князь Георгий Евгеньевич Львов). Точную дату этого назначения мы находим в приказе начальника штаба верховного главнокомандующего ген.-адъютанта Алексеева от 4 марта 1917 г., за № 343; в этом приказе

[1]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»
[2]) Пометка: «Читал. Кн. Л.»

приводится на-ряду с другими документами (тексты манифестов Николая и Михаила, приказ верховного главнокомандующего Николая Николаевича № 1, от 3 марта, телеграмма самого Алексеева главнокомандующим фронтами от 4 марта, за № 1947) также телеграмма начальника штаба главнокомандующего армиями Северного фронта от 3 марта № 1244-б следующего содержания:

«Его величеством подписаны указы правительствующему сенату о бытии председателем совета министров князю Георгию Евгеньевичу Львову и верховным главнокомандующим—его императорскому высочеству великому князю Николаю Николаевичу».

Необходимо вспомнить, что отречение Николая II от престола произошло *2 марта в 15 час.*, и таким образом и Львов, и Николай Николаевич были назначены уже лишенным власти царем, не имевшим права совершать какие-либо акты и назначения.

Новый верховный главнокомандующий прекрасно знал это и делал заведомо ложные заявления о том, что назначен он был до отречения. Так, тифлисский городской голова Александр Хатисов, телеграфируя князю Львову о приеме Николаем Николаевичем 4 марта в 2 часа дня (телеграмма Хатисова послана из Тифлиса 4 марта в 20 ч. 41 м., получена 5 марта), между прочим, сообщает:

«Я заявил, что широкие массы населения Тифлиса приветствуют назначение его высочества верховным главнокомандующим, но вместе с тем вызывает много толкований то обстоятельство, что приказ об этом издан государем, а не временным правительством, в то время, когда государь отрекся от престола. Верховный главнокомандующий на это сказал, что назначение последовало до отречения государя от престола, и что вслед за этим временное правительство санкционировало это назначение, о чем председатель совета министров князь Львов уже уведомил великого князя и вошел с ним в непрерывные сношения».

Таким образом, объяснение Николаем Николаевичем обстоятельств, при которых он был назначен верховным главнокомандующим, состоит, как мы видим, из двух частей: «Назначение последовало до отречения», и второе—оно было санкционировано временным правительством. Первая часть — заведомая и откровенная ложь, что же касается второй, то, хотя и не имеется точных документов, подтверждающих истинность этого заявления, оно не представляется все же абсолютно ложным. Характер действий великого князя в первую половину марта, когда он числился верховным главнокомандующим, его переписка с временным правительством, сношения, сплошь конспиративного характера, последнего с Николаем Николаевичем заставляют предполагать не только правительственную санкцию, но и больше,—желание со стороны временного правительства во что бы то ни стало удержать, вопреки ясно выраженной воле рабочих и солдат, ненавистного члена ненавистной династии на посту верховного главнокомандующего.

Николай Николаевич впервые после революции заявил себя в телеграмме на имя Родзянки (послана из Тифлиса *2 марта в 12 час. 47 мин. пополудни*, см. № 6 (от 2-го марта) «Известия Комитета Петроградских журналистов»). В ней великий князь сообщает, что в согласии с мнением генерал-адъютанта Алексеева он обратился к царю «с верноподданнической мольбой ради спасения России и победоносного окончания войны» отречься от престола (в телеграмме с целомудренной иносказательностью говорится—«принять решение, признаваемое вами (Родзянкой) единственным выходом при создавшихся роковых условиях»).

Затем следуют его, как верховного главнокомандующего, приказы армии и флоту: приказ № 1, от 3 марта (его мы находим в вышеупомянутом приказе Алексеева за № 343), и телеграмма от 4 марта за № 4318 Алексееву, распубликованная последним в том же приказе (см. эту телеграмму в телеграмме Алексеева Львову от 4 марта 13 ч. 40 м.).

Приказ № 1, составленный тотчас же после назначения Николая Николаевича верховным главнокомандующим, еще тогда, когда об отречении Михаила он

не знал, не был опубликован в газетах. Между тем приказ этот важен и сам сам по себе, и по сопоставлению его с неофициальными выступлениями того же великого князя: «Волею монаршею,—говорится в приказе,—по неисповедимым путям господним, я назначен верховным главнокомандующим. Осенив себя крестным знаменем, горячо молю бога явить мне свою всесильную помощь. Твердо верю, что на благо родины, он, всемогущий и всемилостивейший, услышит молитву мою. Глубоко проникнут сознанием, что только при всесильной помощи божьей получу силы и разум вести вас к окончательной победе. Что касается вас, чудо-богатыри, сверхдоблестные витязи земли русской, то знаю, как много вы готовы отдать на благо России и престола. Вам только нужна помощь божия. Веруйте же едино со мной, что бог нам поможет. Знайте, что Россия, в сознании, что для достижения окончательной победы нужна дружная, самоотверженная работа всех ее сынов в тылу, своим достоинством и спокойствием явит всему миру все величие русского духа и непоколебимую силу нашей великой родины.

Генерал-адъютант *Николай*.»

Таков приказ. Что же касается телеграммы от 4 марта № 4318 (она была помещена в № 1 (5 марта) «Вестника временного правительства» без даты и под неверным заголовком «Приказ главнокомандующего кавказской армией»), то в ней, выведенный из «божественной» колеи сообщением об отречении Михаила, верховный главнокомандующий уже решительно «повелевает» «внушить и разъяснить чинам армии и флота», что они должны «спокойно ожидать изъявления воли русского народа», «оставаться в повиновении законным начальникам» и проч.

Этими приказами начинается краткая, но кипучая деятельность Николая Николаевича, продолжающаяся вплоть до отъезда его из Тифлиса 6 марта. Направляется эта деятельность по двум путям,—организации общественного мнения в Тифлисе и подготовки условий для захвата власти на фронте и в тылу.

Обработка общественного мнения выражается в приемах различных делегаций, с торжественными речами великого князя, и завершается инсценировкой «народных проводов» при отъезде его из Тифлиса в ставку. На вокзале он произносит заключительную речь к провожающему «народу», начиная ее с обычных для его речей призывов к «спокойной работе в тылу, как залогу победы», надеждой, что «нынешние события скоро завершатся к общему благу нашего дорогого отечества», и оканчивая лицемерным обещанием после войны отстраниться от всякой деятельности. «После войны,—закончил он свою речь (см. «Вестник временного правительства» № 4, 9 марта),—позвольте мне, как маленькому помещику, вернуться в имение».

Приводимые нами телеграммы Николая Николаевича и дополняющие их телеграммы Алексеева рисуют другую сторону деятельности «маленького помещика». В этих телеграммах с исчерпывающей определенностью и во всю ширину развертываются замыслы великого князя по обузданию революции, реставрации старого режима, в них нисколько не скрывается намерение захватить выпавшую из рук племянника власть, не только военную, но и гражданскую.

Телеграммы эти, прежде всего, обращают внимание своим тоном. Верховный главнокомандующий в своих откровенных, подчас интимных посланиях обращается к главе революционного правительства, как может только обращаться союзник к союзнику. Ни откровенные его проекты, ни тон его посланий не коробит временного правительства,—оно не считает нужным выступить с немедленной защитой революции от контр-революционных замыслов своего верховного главнокомандующего и начальника его штаба, во многом оно идет навстречу желаниям авторов телеграмм, вступает с ними в какие-то конспиративные сношения. Так,

в деле № 2 канцелярии временного правительства о распоряжениях, касающихся царской семьи, министерства двора и уделов и других придворных установлений, мы находим какие-то туманные следы этой конспирации. На одном из листов этого дела, на бланке телеграммы, имеется запись чернилами: «9 марта 1917 г. № 9. Пакет великому князю Николаю Николаевичу с бумагою неизвестного содержания», и на следующем листе запись карандашом — «Надо законвертовать и дать мне срочно сейчас же. Кн. Львов», и тут же пометка чернилами: «Исполнено 9 III № 9».

Однако и помимо этой конспирации об отношении временного правительства к верховному главнокомандующему можно судить по тексту самих телеграмм, по тем пометкам, которые делались на них князем Львовым. Глава «революционного» правительства получал в высшей степени ответственные телеграммы и ограничивался тем, что делал на них однообразные пометки «читал», затем телеграммы эти куда-то запрятывались, в большинстве случаев не шли по определенным делам, ни они, ни решения по ним не объявлялись. Из всех телеграмм Николая Николаевича и ген. Алексеева были опубликованы только две. В № 3 «Вестника временного правительства» от 8 марта появилась телеграмма Николая Николаевича от 4 марта, за № 978 (она для полноты приводится нами). Временное правительство, публикуя эту телеграмму, очевидно, преследовало те же цели—нащупать почву относительно возможности оставления у власти членов династии, как и известное выступление Милюкова о регентстве Михаила при царе Алексее. Но, как и тогда, в широких кругах рабочих и солдат это выступление в защиту династии вызвало единодушный и резкий протест. Временное правительство телеграмм великого князя печатать более не решилось, но, как мы видели, отношений с ним не прекратило. Другая телеграмма, циркулярная генерала Алексеева (от 4 марта, № 10621), была опубликована уже помимо воли временного правительства. Она появилась в № 4 «Правды» и, конечно, еще более обострила вопрос и о великом князе, и о ген. Алексееве. Можно без преувеличения сказать, что благодаря опубликованию этой телеграммы, вопрос о контр-революционной работе высшего командного состава был извлечен из недр правительственных канцелярий и поставлен резко и определенно (телеграмма эта также приводится нами).

Необходимо заметить, что и само временное правительство в полном составе не всегда ставилось в курс переписки. В журналах временного правительства мы видим, что только одна телеграмма Николая Николаевича была доложена полному его составу. Так, 5 марта (см. журнал заседания № 5 п. II) временным правительством была з а с л у ш а н а: телеграмма великого князя Николая Николаевича об устройстве управления на Кавказе в связи с назначением его верховным главнокомандующим (речь идет, очевидно, о приводимой телеграмме от 3 марта, № 975) и п о с т а н о в л е н о: «Отложить решение вопроса до личных переговоров в ставке верховного главнокомандующего министра-председателя с великим князем, о чем послать великому князю телеграмму».

Это уклончивое решение лишний раз подтверждает нежелание временного правительства расстаться с великим князем, и, если в конце концов сделать это ему все же пришлось, то, конечно, решающее значение здесь имела боязнь вызвать волнение широких масс рабочих и солдат. Однако, не издавая указа об отстранении Николая Николаевича от верховного главнокомандования, назначая в р е м е н н ы х исполняющих должности верховного главнокомандующего (ген. Алексеева) и главнокомандующего кавказской армией (ген. Юденича [1]), временное правительство как бы оставляет возможность возвращения к власти великого князя.

---

[1]) В № 7 (12 марта) «Вестника временного правительства» было объявлено: во временное верховное главнокомандование войсками действующей армии до назначения верх. главнокомандующего на место вел. кн. Николая Николаевича вступил ген. Алексеев.—Тогда же был назначен и Юденич командующим отдельной кавказской армией.

6 марта, как говорилось, Николай Николаевич выехал в ставку, о чем он сам телеграфно сообщил Львову; об его отъезде послал телеграмму и Алексеев Львову, Гучкову и Родзянке:

«Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич выезжает из Тифлиса в ставку сегодня, 6 марта в 17 час. № 1995. *Алексеев*».

Длительные переговоры в ставке закончились принятием, вероятно, 11-го или 12-го марта присяги Николаем Николаевичем «на верность отечеству и новому государственному строю» и заявлением его о выполнении своего долга до конца, «как мне повелевает совесть и принятые обязательства» (см. «Вестник временного правительства», № 8, от 14 марта). 13 марта Львов сообщает Алексееву: «Члены Государственной Думы Черносвитов и Чистов завтра 14-го выезжают отсюда в 6 ч. 12 м. вечера для сопровождения вел. кн. Николая Николаевича. Сегодня не поспели».

В сопровождении думского почетного караула «маленький помещик» покинул, наконец, политическую арену и, к счастью, навсегда.

II.

Записка ген. М. В. Алексеева временному правительству.

Секретно.

Вр. исп. должн. верховного главнокомандующего. 14 марта 1917 г. № 2237. Ставка. Председателю совета министров князю Г. Е. Львову.

Милостивый государь, князь Георгий Евгеньевич.

Препровождаю для сведения сводку сообщений главнокомандующих фронтами и командующих кавказской армией и флотами Балтийского и Черного морей по вопросу о том, какое впечатление на войска произвел переход к новому государственному строю и последние события.

На северном фронте происшедшая перемена и отречение государя от престола приняты сдержанно и спокойно.

Многие к отречению императора Николая II и к отказу от престола вел. кн. Михаила Александровича отнеслись с грустью и сожалением.

По некоторым данным можно судить, что многим солдатам манифесты были непонятны и они еще не успели разобраться в наступивших событиях.

Во 2-м Сибирском корпусе 12-й армии возбужден целый ряд вопросов относительно могущих произойти последствий. Были некоторые голоса, что без царя нельзя обойтись и надо скорее выбирать государя, что евреев нельзя иметь офицерами, что необходимо наделить крестьян землей при помощи Крестьянского поземельного банка.

В 5-й армии наступившие события некоторыми солдатами рассматривались, как конец войны, другими—как улучшение своего питания, а частью—безразлично.

Во всех армиях фронта многие солдаты искренно возмущались заявлениями Совета Рабочих и Солдатских депутатов о республике, как желании народа, и говорили: почему же нас об этом не спрашивают? То же высказывали и некоторые жители.

Среди офицеров выясняется недовольство, возмущение и опасение, что какая-то самозванная кучка политиканов, изображающая собой Совет Рабочих и Солдатских депутатов, не получившая никаких полномочий ни от народа, ни от армий, действует захватным порядком от имени страны, мешается в распоряжения временного правительства и даже действует и издает вопреки ему распоряжения.

Особенно волнуют попытки Совета вмешаться в отношения между солдатами и офицерами и регулировать их помимо существующих неотмененных законов и законного войскового начальства.

Высказываются пожелания устранить Совет Рабочих и Солдатских депутатов от вмешательства в дело управления государством, так как это крайняя политическая партия, а не полномочные представители народа или армии, которую и нужно поставить на соответствующее место.

Также замечается недовольство выделением петроградского гарнизона в какую-то привилегированную часть армии и высказывается пожелание, чтобы войска этого гарнизона были отправлены также на фронт. В их стремлении остаться в Петрограде усматривается уклонение под благовидным предлогом от исполнения гражданского долга защиты России.

По мнению войск боевой линии, заслуга по образованию нового строя принадлежит не петроградскому гарнизону, а избранникам народа—членам Государственной Думы, народу и всей армии, которая весьма сочувственно отнеслась ко всему происшедшему.

От нового правительства ждут улучшения условий жизни и установления порядка.

На Западном фронте акт об отречении был принят спокойно, серьезно, многими с сожалением и огорчением.

На-ряду с этим перемена строя у многих связана с верой в восстановление порядка. Солдатами новый порядок приветствуется в уверенности, что продовольственная разруха будет устранена и оставшиеся семьи будут наделены пайком в мере действительной потребности.

Выражалась уверенность в прекращении немецкого засилия.

В 9, 10 и сводном корпусах 2-й армии манифест встречен отчасти с удивлением и с сожалением государя.

Многие, видимо, были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли настоящие события.

В сибирской казачьей дивизии сводного корпуса манифесты произвели удручающее впечатление.

Некоторыми выражалась надежда, что государь не оставит своего народа и армии и вернется к ним.

Для части солдат это впечатление смягчалось тем, что император Николай II преемником себе назначил великого князя Михаила Александровича, и что в России еще не республика, относительно которой высказывались отрицательно.

Однако самый переход к новой власти казаками сибирской казачьей дивизии принят с полной покорностью.

К допущенным в дни перелома эксцессам толпы к офицерам, имевшим место в Петрограде, Москве и других городах, отношение отрицательное и в офицерской среде толкуется, как пагубное для армии и России желание, клонящееся к разложению армии и вреду страны.

Настроение войск бодрое. Преобладает сознание необходимости довести войну до победоносного конца, для чего необходимы полное спокойствие на фронте и усиленная работа тыла.

На Юго-Западном фронте объявление манифеста встречено спокойно, с сознанием важности переживаемого момента и чувством удовлетворения и веры в новое правительство.

Местами в офицерской среде высказываются сомнения, что новой власти не удастся сдержать крайние революционные элементы.

На Румынском фронте происшедшие перемены войсками приняты спокойно.

Отречение императора Николая II на офицеров 9-й армии произвело тягостное впечатление.

В 4-й армии большинство преклоняется перед высоким патриотизмом и самопожертвованием государя, выразившимся в акте отречения. Здесь же манифест в. кн. Михаила Александровича встречен с недоумением и вызвал массу толков и даже тревогу за будущий образ правления.

Более нервное отношение к событиям чувствуется в 3-м кавалерийском корпусе, где передачу престола великому князю Михаилу Александровичу склонны понимать, как вручение регентства до совершеннолетия великого князя Алексея Николаевича, которого считают законным наследником.

В кавказской армии к перемене строя войска отнеслись спокойно.

В Балтийском флоте переход к новому строю принят восторженно.

В Черноморском флоте последние события встречены спокойно и с пониманием важности переживаемого момента. Работы не прекращались и не прекращаются.

Назначение великого князя Николая Николаевича верховным главнокомандующим на всех фронтах было принято сочувственно и даже с радостью. У многих принятие им верховного командования связывалось с надеждой на более скорый и победоносный конец войны.

Лишь в 5-й армии Северного фронта ставились вопросы о том, по какому праву и чьим распоряжением вел. князь Николай Николаевич занял пост верховного главнокомандующего.

В заключение считаю необходимым указать, что население в тылу Северного фронта, особенно в местечках, опасается погрома, и к главнокомандующему этим фронтом уже начали поступать ходатайства о присылке войск для охраны безопасности жителей.

Примите уверение в совершенном уважении и полной преданности.

Мих. Алексеев.

Значение печатаемой записки генерала М. В. Алексеева обусловливается неофициально объявленной автором ее темой: отражение революции на фронте. Едва ли главнокомандующие фронтами, командующие кавказской армией и флотами Балтийского и Черного морей, на основании донесений которых составлял свою записку Алексеев, если бы даже и пожелали быть объективными и добросовестными, могли сообщить сколько-нибудь ценные данные по вопросу о том, как была принята революция тем многоголовым солдатским миром, который — хотя они и жили бок-о-бок—был им, как и они ему, чужд, далек и заведомо враждебен. Поэтому нет ничего удивительного в лаконичности, туманности тех характеристик, в которых дается оценка того или иного фронта. Центр тяжести записки Алексеева, конечно, не в этих ничего не говорящих замечаниях,—в них по существу начинается и заканчивается официальная тема его доклада,—значение записки в том, что она в скрытой, иносказательной форме представляет собою совершенно точную, определенную, разработанную по всем текущим вопросам политическую программу высшего командного состава, программу, которую этот командный состав не только доводил до сведения временного правительства,

но и готов был, очевидно, если судить по откровенному и боевому тону записки, поддерживать до конца.

В записке, конечно, открыто не фигурируют те, от имени которых предлагается программа,— они скрыты под легко расшифруемыми псевдонимами; но как бы ни называли себя авторы, лицо командного состава выглядывает из каждой строки их записки. Что же они хотят, каково же политическое credo тех, коим надлежало руководить революционной армией?

Прежде всего, по вопросу о революции и о низложенном самодержавии. Отношение к революции совершенно определенно выявляется в записке хотя бы из одного того, что самое слово «революция» в ней ни разу не употребляется; нигде авторы не обмолвились ненавистным для них словом,—конечно, не случайно, ибо они в происшедшем сознательно не хотели видеть революцию. Смысл событий оценивался, как отречение царя и назначенного им преемника. На этом отречении, как и на самом царе автор останавливается утомительно долго. Если кому и принадлежала заслуга по образованию нового строя, по мнению записки, так это—«избранникам народа—членам Государственной Думы, а остальные: народ и вся армия, только «весьма сочувственно отнеслись ко всему происшедшему». Да и то, отмечает записка, это «сочувствие» было весьма кратковременным. Искреннее раскаяние, в первую очередь, несомненно, самого Алексеева, очевидно, считавшего себя одним из виновников отречения, чувствуется в словах о том, как «многие были поражены неожиданностью и той быстротой, с которой к нам подошли события». «Неожиданность» прошла, наступило отрезвление и, вспоминая об отречении с «грустью», «сожалением», «огорчением», преклоняясь перед отрекшимся за его «патриотизм и самопожертвование, выразившееся в акте отречения», Алексеевы в «тревоге» за будущий образ правления, негодуют на Михаила за его «отказ», ищут «законного наследника» в лице Алексея, надеются даже на возвращение отрекшегося царя, требуют немедленного избрания нового, ужасаются при мысли о возможности республики.

Этот вопрос—вопрос основной политической программы командного состава, и из него вытекают все другие. Программа точно указывает, что должно и что может сделать временное правительство.

Временное правительство должно: 1. «Устранить», «поставить на соответствующее место» Советы Рабочих и Солдатских депутатов и вообще сдержать крайние революционные элементы. 2. Раскассировать, отправить на фронт петроградский гарнизон. 3. Довести войну до победоносного конца и бороться с немецким засильем. 4. Сохранить старый строй отношений между офицерами и солдатами, регулируемый «существующими неотмененными законами и законным войсковым начальством», и не допускать евреев в офицерскую среду.

Временное правительство может: 1. Наделить крестьян землей «при помощи Крестьянского поземельного банка», другими словами, назначив за землю выкуп. 2. Улучшить солдатское питание и паек солдатским семьям «в мере действительной потребности».

Временное правительство получило политическую программу командного состава, сам министр-председатель написал на ней «читал», но дальнейшего хода ей не было дано и ответа со стороны временного правительства не последовало. Впрочем, быть может, надлежит считать ответом последовавшее через две недели (1 апреля) после написания Алексеевым записки назначение его временным правительством верховным главнокомандующим и тот благодарственный «рескрипт», который, по предложению министра-председателя кн. Львова, был дан ему временным правительством при оставлении должности верховного главнокомандующего 24 мая. Заключительные слова этого «рескрипта» о том, что генерал Алексеев, как надеется временное правительство, и впредь будет «попрежнему словом и делом способствовать укреплению мощи свободной России», могли бы служить прекрасным эпиграфом к его записке.

Записка ген. М. В. Алексеева М. В. Родзянко [1]).

Смоленск, 25 июля 1917 г.

Милостивый Государь Михаил Владимирович!

Дела России, нашей родины, о которой (заботятся) вершители наших судеб, ответственные, а главным образом, безответственные,— с каждым днем становятся тяжелее и безотраднее. Нехорошо на фронте : стратегическая обстановка на нашем юге может подарить нас тяжкими для самолюбия и для коренных губерний сюрпризами. Плохо в войсковом тылу, где народ кормит не один миллион ничего не делающих и часто безобразничающих бездельников. Безотрадно в общегосударственном тылу, где нет власти, где нет ответственных работников, могущих подняться выше интересов своей партии и окинуть беспристрастным, беспартийным и талантливым взором нужды, желания, чаяния многострадальной России, народа русского в целом, а не одного излюбленного и притом развращенного класса.

16 июля состоялось совещание в Могилеве. Позвольте вам перечислить те меры, на немедленном осуществлении которых настаивали все военные представители совещания. Только эти меры позволят в течение месяцев трех оздоровить больной организм армии, вернее выразиться,—создать кое-какую армию, способную вести бой, так как в данную минуту у нас армии нет. Есть отдельные части, сохранившие верность долгу; есть офицеры и небольшое число солдат, готовых гибнуть и жертвовать собою, но нет массы, спаянной дисциплиною, верою в начальников, желанием боя и победы, способностью проявить мужество и упорство.

Вот эти меры:

1) Временное правительство должно признать свою вину и ошибку в оценке офицерского состава армии, униженного, оскорбленного, сознательно, умышленно лишенного власти и значения. Признать ошибку потому, что именно это главным образом сгубило армию.

2) Признать, что деятели Петрограда не знают армии, а потому должны прекратить военное законодательство и передать это дело в опытные руки верховного главнокомандующего.

3) Изгнать из армии всякую политику, уничтожить право митингов, ибо вся армия обратилась в митингующую бесконечно толпу. В митингах утонули здравый смысл, честь, верность русского солдата.

4) Уничтожить декларацию прав солдата, с слишком легким сердцем принятую и подписанную Керенским.

5) Уничтожить войсковые комитеты и комиссаров, которых Керенский считает «глазами и ушами временного правительства». Эти

[1]) Архив Окт. Революции. Ф. III. Опись № 2. Дело № 64. 1917 г.

два института смели бесследно власть войсковых начальников всех степеней и породили самое опасное для всякой армии многовластие, многоголовие.

6) Потому скорее восстановить единоличную власть и ответственность начальников. Вернуть то доверие свыше, без которого старший, ответственный начальник не может отдать все силы духа и ума на выполнение боевой задачи; нельзя допускать, чтобы начальника смущали торчащие сзади «глаза и уши» человека, часто не имеющего никакого понятия о военном деле, но желающего во все вмешиваться и, кроме «глаз и ушей», совать всюду и свой «нос».

7) Возродить настоящую дисциплину. Для этого учредить военно-полевые (почему-то и их потребовалось назвать военно-революционными) суды и смертную казнь не только на фронте, но и во всем тылу, ибо прибывающие укомплектования развращены и распущены в такой мере, что появление каждой новой партии укомплектования сразу уничтожает в полку всю работу, которую удалось провести начальникам, не взирая на убийственные условия для такой работы.

8) Создать теперь же отборные части для воздействия на массу в бою, имея их в качестве резерва, и для удержания порядка при демобилизации. (Лично считаю большой ошибкой генерала Брусилова и других начальников, что бесполезно погубили лучших людей и массу офицеров, пустив ударные батальоны вперед; за ними никто не пошел. Ударные батальоны должны были составить резерв и гнать перед собою малодушных, забывших совесть.)

Лично от себя я добавил: 9) Не менять, как капризная и богатая женщина бросает перчатки, начальников; гоните слабых, не оказавшихся на высоте своего назначения в бою, но не гоните по тайным, мутным аттестациям, как сделал это Гучков. Он надломил состав начальников, мечтая вызвать в армии взрыв энтузиазма массовым изгнанием. 10) Вернуть в армию тех честных, твердых служак, которые в последние месяцы были выжиты из частей развращенною солдатскою массою.

Требования Корнилова вам известны из газет. Когда на совещании после короткого перечня мер ген. Рузский предложил перейти к подробному рассмотрению и разработке каждой в отдельности, Керенский ответил, что это не входит в задачи совещания, которое должно лишь высказать свое мнение, а разработка мер принадлежит Петрограду, что при разработке не должны быть затронуты те начала, которые завоеваны для армии революцией (?!). При дальнейшем настоянии военных представителей Керенский выразился, что он готов оставить пост военного министра, подписав какой угодно приказ, но убежден, что если сегодня дойдет до массы приказ, утверждающий намеченные меры, то завтра же начнется резня офицеров и командного состава (?).

И вот сегодня, когда я пишу вам это письмо, миновало 10 суток со времени совещания, а никаких мер, даже самых мягких, для оздо-

ровления армии не принято, не объявлено. Между тем потеря каждого дня невознаградима. 20 июля я отправил об этом письмо г. Керенскому; высказал там и убеждение, что не следует опасаться возможности насилия со стороны солдат. Во-первых, этих насилий и без того много, а во-вторых, «смелость сделает свое благотворное дело, и я не разделяю высказанных на совещании опасений. События в Петрограде 3—5 июля наглядно показали, что чем глубже нравственное падение толпы, тем более труслива она и тем легче пасует перед решимостью и смелостью. Быть может, где-либо и произойдут эксцессы. Их можно и нужно задавить жестокою рукою. Это сохранит нам для последующего сотни и тысячи жизней и устранит возможность повторения бунтов».

Конечно, мой голос теперь не может иметь большого влияния, хотя я и счел долгом возвысить его не только на совещании, но и особым письмом.

Грустно то, что и голос генерала Корнилова, звучащий, казалось бы, тверже и настойчивее, потому что за ним уже разразившаяся катастрофа на фронте, которой я не имел еще перед уходом из Могилева, тоже пока не будит от сладкого сна наших вершителей судеб. Чего же они ждут? Быть может, об этом спросит комитет Гос. Думы; быть может, начнет требовать отчета та часть русского народа, которая еще не погрязла в партийной борьбе, в социалистических бреднях, заслонивших собою «Россию и родину». Нужно установить определенно, что нервные объезды и речи положительно никакой пользы не приносят. Вот отзыв одного строевого офицера полка, удостоенного речью Керенского. «Это опереточный пуф! Солдатская темная масса не знала и не знает Керенского». Прибавлю, как не будет знать каждого, кто приедет к ней со словами и речами, но без власти, силы и кулака.

Еще одно дело. Припомните, сколько разврата внесли громкие проповеди, мерзкие дела Ленина, Зиновьева, Троцкого, Луначарского, Каменева, Коллонтай и пр. Эти негодяи были неприкосновенны. Призывы к бунту на словах и в печати, захват чужой собственности... не вменялись в вину. «Боритесь с ними словом»!.. пока те *не совершили* преступного деяния (как будто не совершали!). Вот что значит быть под покровительством «комитета преступления», т.-е. Совета Раб. и Солд. депутатов.

Зато с какою легкостью и с какой постыдною внешнею обстановкою арестуют генерала Гурко, всю жизнь свою отдавшего на служение родине. Дело не стало за ордером Керенского. Одного письма (!) оказалось достаточным для такого шага. А деятельность, а служба? Что за дело... было письмо.

Или мелкая трусость людей везде и во всем усматривающих грозный призрак «контр-революции», или,—извините,—мелкая месть человеку, который пришелся не по душе и которого безнаказанно, пользуясь властью, можно запятнать перед Россией. Я склонен ду-

мать, что личное нерасположение сыграло в этом деле бо́льшую роль, чем что-либо другое.

Не то ли же побуждение свергло Брусилова? В армии хорошо знали сильные и слабые его стороны; его способность теряться в тяжелые, критические минуты. Командный и офицерский составы без доверия встретили в мае его назначение. Быть может, прорыв на Тарнопольском направлении не без порядочного греха в смысле управления. Но для всех это была только нравственного порядка катастрофа,— безудержное бегство развращенной законами последних 4-х месяцев армии. За что же так неделикатно убрали ген. Брусилова? И мне казалось, что здесь обиженное самолюбие решило вопрос, а объяснение Брусилова в «Русском Слове» только подтвердили это.

Располагали мы министром, которому приписывают участие в событии Фонарного переулка. Теперь военное министерство обзавелось «управляющим», краткая автобиография которого, отпечатанная в штабе VII армии, говорит о великих заслугах настоящего главы и представителя армии: убийство Плеве, Мина, вел. кн. Сергея, организация других убийств. Неужели кровь убитого на большой дороге и кровь убитого по политическим побуждениям не одинаково марает руку убийцы? Впрочем, я сильно отстал и психологию деятелей нашей революции постичь не могу.

Прошу принять уверение в моем глубоком уважении и преданности.

Мих. Алексеев.

P. S. На частном заседании комитета Государственной Думы было высказано мнение, что преступный приказ № 1 Совета Р. и С. Д. был издан скорее бессознательно, чем с намерением сделать вред. 4 мая на том заседании в Мариинском дворце, на начале которого вы присутствовали, на мое заявление, что приказ этот положил прочное начало разврату армии, на мое настояние работать по восстановлению армии тех, кто ее развратил, возражал Церетели. Он отверг вину Совета, ибо «приказ № 1 отвечал моменту». Следовательно, еще 4 мая деятели Совета убежденно считали, что развращение армии было им нужно для потребностей «момента». Это выражение станет впоследствии историческим, как равносильное другому изречению: «после нас хоть потоп». Как кажется, мысль, что приказ сознательно преследовал определенные цели, подтверждена громко и в Стокгольме.

М. Алексеев.

Из переписки Николая I в декабре 1825 года.

В августе 1923 года во II отделение Госархива РСФСР поступили документы из усадьбы «Вяземы», Звенигородского уезда, Московской губернии, принадлежавшей начальнику императорской охоты при дворе Николая II, кн. Дмитрию Борисовичу Голицыну. Среди этих документов оказались подлинные письма Николая I к деду владельца усадьбы, московскому военному генерал-губернатору кн. Дмитрию Владимировичу Голицыну (р. 1794 г., ум. 1844), черновики писем кн. Голицына к Николаю I и некоторые другие документы николаевской эпохи. Из этих документов здесь печатаются те, которые имеют отношение к событиям 14 декабря 1825 года. К ним присоединена записочка Николая I к военному министру А. И. Татищеву, имеющая отношение к письмам Николая к Д. В. Голицыну; записка эта хранится в делах Следственной Комиссии по заговору декабристов в папке за № 466. Не внося каких-либо существенно новых данных в историю декабрьского восстания, публикуемые документы лишний раз и достаточно ярко рисуют Николая I, ставшего в дни декабря 1825 г. сыщиком и следователем, настойчиво выслеживающим нити и разветвления тайного общества. Письма печатаются в современной (новой) орфографии, исправлена пунктуация, раскрыты некоторые сокращения слов.

Ред.

1.

Князь Дмитрий Владимирович!

По документам, которые вам представлены будут фельдъегерем, к вам мною посылаемым, вы не оставите, приняв нужные м е р ы п р е д о с т о р о ж н о с т и, приступить к распечатанию пакета, хранящегося в Успенском соборе, и, по открытию оного, приступить немедленно со всем приличным торжеством к отданию мне присяги. Поручаю вам объявить волю мою графу Петру Александровичу для исполнения того же по корпусу, ему вверенному; и на вас полагаюсь совершенно, чтобы присяга ся была истинная, безмятежная, и избавить первопрестольную мою столицу от всяких беспокойств, которым к несчастию здесь я помешать не мог, и не иначе прекратить мог, как сил ой оружия. Первою жертвою пал верный мне друг граф М лорадович; он положил живот за своего государя. Вечная ему честь и слава неизбвенная, но для меня вечная печаль. Я вступил на престол, начав пролитием крови моих подданных. Но смиряюсь пред богом и прошу всевышнего, да отвратит от меня и государства навсегда подобные г бельные происшествия.

Если бы дошли до вас нелепые слухи, то вам поручаю объявить всенародно, что я и весь императорский дом совершенно здоровы, а что любовь народа, мне доказанная, и приверженность моей гвардии меня утешают в тяжкой моей скорби.

Не оставьте меня с нарочным уведомить обо всем, что при сем случае происходить будет.

Вам доброжелательный

Николай.

Гва[дии] полк[овника] Муравьева (Никиту) прошу непременно мне доставить, жива или мертва, прямо ко мне.

С.-Петербург. 15-го декабря 1825.

2.

Граф Комаровский, которого в столицу посылаю, уведомит изустно о подробностях вчерашнего и сегодняшнего дней. Теперь все спокойно, и моя добрая гвардия покрыла себя новой славой. Главных зачинщиков почти всех я имею в своих руках—и надеюсь, что и прочие найдутся. Войск малая часть, которая завлечена была, сама не знает как, в сей мятеж, почти вся или в плену, или присягнула мне, и я уже один б[атальон] сам смотрел. Нужно вам, любезный князь, усугубить старания перехватить некоего П у щ и н а, из Москвы прибывшего, и который, быв в шайке, скрылся; он первейший злодей из всех, и если удалось ему уехать к вам, то, верно, не без намерений.

Еще повторяю, на вас полагаюсь совершенно и пребываю вам искренно доброжелательным

Николай.

St.-Petersbourg. Le 15-e Décembre 1825.

3.

Сейчас слышу от приезжих из Москвы, что кавалергардский С в и с т у н о в встречен по Московской дороге, куда выехал отсюда в воскресение, т.-е. 13 числа рано поутру.

Я считаю нужным, чтоб вы сейчас написали от меня князю Голицыну, чтоб по прибытии в М о с к в у он его арестовал и сейчас сюда доставил со всеми его бумагами.

И уведомить тут же, что исканный П у щ и н здесь взят.

Н.

4.

Хотя и не получал еще, князь Дмитрий Владимирович, донесения вашего насчет происшествий в Москве по объявлении манифеста 12-го декабря, но уповаю, что бог помог вам хотя другую мою столицу

избавить от пагубного зрелища беспорядков, омрачивших 14-го числа торжественное объявление восшествия моего на престол. Последствия сего были те, что по показанию схваченных зачинщиков многие открыли всю связь сего неслыханного замысла, имеющего глубокие и пространные отрасли; но с помощию божиею надеюсь дойти до того, чтоб избавить подозрения невинных, но вместе и изобличить виновных.

Из подозреваемых лиц, отчасти же явно участниками замыслов доказанных, многие у вас в столице. Военный министр вам о большей части уже сообщил. В числе их есть г.-м. Михайло Орлов; надо его арестовать, но вместе поручаю вам вручить ему прилагаемое письмо, и надеюсь, что он не только совершенно себя оправдает, но даже поможет отыскать прочих ему, может быть, известных участников.

Он был всегда благородных чувств, и в этом случае я почти за него поручаюсь.

По рапортам проезжающих видел я, что в столице находится отставной кавалергардский ротмистр, ныне же полковник, Поливанов и какой-то отставной же к[авалергард] граф Толстой. Первый явно изобличен; его надо арестовать и так, как и Орлова, прислать сюда с е к р е т н о; за Толстым же присматривать.

Государь покойный весьма подозревал кн. Вяземского, как человека превратных мыслей; за ним прошу велеть строго наблюдать, об нем и Р у ш к о в с к о м у не оставьте приказать. Есть и Барятинский, но чина его не знаю, который также весьма сомнителен; если его отыскать можно или уже вам известен, то не мешало бы и за ним велеть наблюдать.

Здесь все покуда тихо, но умы неспокойны, а народ испуган и в изумлении, которое, надеюсь, скоро пройдет; Москва, надеюсь, будет в том примером и лекарством.

Графу Петру Александровичу мой поклон.

Вам искренно доброжелательный

Николай.

С.-Петербург. 20-го декабря 1825.

5.

Ваше величество!

Я имел счастье получить письмо, которое ваше величество были добры мне написать. Спешу донести вам через офицера, коему поручено сопровождать г.-м. Орлова в С.-Петербург, что приказания вашего величества выполнены. Он был очень тронут милостивыми словами, написанными ему вашим величеством. Он неоднократно уверял меня, что никогда не участвовал ни в одном из гнусных заговоров, учиняемых негодяями и достойными сожаления молодыми людьми, которые допустили сбить себя с толку идеями разрушения суще-

ствующего строя и столь сильно провинились против своего монарха. Что касается лично его, то он считает себя жертвой составившегося о нем мнения.

Зная его характер, можно верить правдивости его слов; а за эти три-четыре месяца, что он находится в Москве, он не дал повода ни к каким подозрениям, что я могу удостоверить, так как я распорядился установить за ним здесь наблюдение, ввиду того, что прежнее его поведение давало администрации право на такой надзор. Ваше величество упоминаете в своем письме о некоем гр. Толстом, князе Вяземском и Барятинском. Спешу довести до вашего сведения, что за первыми двумя наблюдение будет установлено, вернее, они останутся под наблюдением; что касается третьего, то я еще не знаю точно, кого ваше величество имеете в виду, так как у нас имеется несколько лиц, носящих эту фамилию: идет ли речь о кн. Барятинском или это Баратынский. Тем не менее я приказал представить мне список всех лиц, носящих эту фамилию, а также сведения об их поведении.

Граф Толстой — старый негодник (un vieux mauvais sujet), способный придерживаться всяческих скверных идей, однако он слишком презираем, и привержен даже, как говорят, спиртным напиткам, чтобы играть активную роль. Князь Вяземский, как мне кажется, с некоторых пор успокоился, и поведение его не представляется предосудительным; он живет в деревне. Это не мешает мне иметь за ними обоими наблюдение. По этому поводу я говорил с г. Р., директором почтамта, уже получившим соответственные распоряжения от своего начальника. Было бы желательно, быть может, на некоторое по крайней мере время уполномочить г-на Р. просматривать корреспонденцию лиц, которых я ему укажу, и сообщать мне, если будет что-нибудь такое, что мне было бы полезно знать. По приказу вашего величества я распорядился отыскать отставного полковника г-на Поливанова; кажется, в настоящее время его нет в Москве, но в непродолжительном времени я получу о нем сведения.

Все верные подданные престола скорбят о том, что ваше величество вынуждены вооружиться строгостью в те именно дни, когда вы столь горько оплакиваете своего августейшего брата, а мы же все нашего возлюбленного монарха, в те именно дни, говорю я, когда вашему величеству хотелось бы отдохнуть душой, дать забыть окружающим и постараться забыть самому свое горе, окружая себя подданными, способными оценить в преемнике престола также и преемника прекрасной души императора Александра.

Ваше величество были добры выразить мне надежду, что невинные не будут смешаны с виноватыми. Я твердо убежден, ваше величество, что добрая душа ваша распознает виновных и не заслуживающих оправдания от тех лиц, которых толкнуло на преступления увлечение крайними идеями, к несчастью, свойственное молодости, но которые, несмотря на виновность свою, могут по милости вашего величества исправиться и сделаться со временем вернейшими вашими подданными.

Примечания.

Голицын, Дмитрий Борисович, князь (1851—1919), лейб-гусар, участник Хивинского похода, раненый при Геок-Тепе, и Турецкой войны 1877 года; начальник царской охоты. В 1914 — 1915 г. состоял при верховном главнокомандующем Николае Николаевиче. Умер в 1919 г. на Кавказе.

1.

На двух листах плотной почтовой бумаги в траурной рамке, в конверте с черной сургучной печатью. Адрес на конверте надписан рукою Николая I: «Московскому военному генерал-губернатору, князю Голицыну».

Это письмо было получено кн. Дм. Вл. Голицыным утром 17 декабря и, надо полагать, написано было Николаем утром 15-го декабря, после бессонной ночи, проведенной в допросах арестуемых участников мятежа. В нем отразились и впечатления пережитого, и тревожные опасения возможности осложнений в Москве, и заботы следователя.

Голицын, Дмитрий Владимирович, князь (1794 — 1844), московский военный генерал-губернатор, член государственного совета.

«...меры предосторожности». — Как здесь, так и ниже слова, набранные «разрядкой», подчеркнуты в подлиннике.

Толстой, Петр Александрович, граф (1761 — 1847), генерал-адъютант генерал-от-инфантерии, член государственного совета, командовавший 5-ым корпусом.

Пакет, хранившийся в Успенском соборе в Москве, содержал манифест 16 августа 1823 года о назначении наследником Николая и подлинный акт отречения Константина; он был передан в 1823 году Александром I архиепископу Филарету для хранения в особом ларце в алтаре собора. Согласно надписи на пакете его должны были вскрыть в случае кончины Александра. В начале междуцарствия, ввиду состоявшейся в Петербурге присяги Константину, Филарет и Голицын сочли необходимым пакета не вскрывать и 30 ноября привести Москву к присяге Константину.

Милорадович, Михаил Андреевич, граф (1771—1825), генерал-от-инфантерии, петербургский генерал-губернатор, член государственного совета. 14 декабря на Сенатской площади ранен из пистолета Каховским и умер в ночь на 15 декабря.

Муравьев, Никита Михайлович (1792—1845), капитан генерального штаба, декабрист. Еще 12 декабря из донесения Дибича, составленного на основании доносов Шервуда и Майбороды, узнал Николай I о видной роли Муравьева в обществе. По наведенным справкам выяснилось, что Никита Муравьев, а равно и два другие названные в донесении члены общества—Свистунов и Чернышев—выбыли из Москвы в отпуск. Обстоятельство это показалось крайне подозрительным Николаю и повергло его в большую тревогу. Муравьев выехал в отпуск в Орловскую губернию на четыре месяца; для арестования его «на дороге, где встретится» тогда же, 12 декабря, был послан в Москву к генерал-губернатору Голицыну фельдъегерь.

2.

Писано на одном листе бумаги того же сорта, что и № 1; вложено в конверт, запечатанный красной сургучной печатью. Адрес на конверте надписан собственноручно Николаем: «Московскому военному генерал-губернатору, князю Голицыну».

Комаровский, Евграф Федотович (1769 — 1843), граф, генерал-адъютант, сенатор, автор «Записок»—был послан в Москву 15-го декабря, позднее отправки

с фельдъегерем предшествующего письма, для осведомления князя Голицына о происшествиях 14 декабря и с поручением присутствовать при вскрытии документов, хранившихся в Успенском соборе. Он прибыл в Москву вечером 17-го декабря. Записка Николая писана, повидимому, во второй половине дня 15-го декабря.

Один б(аталион), который «уже смотрел» Николай,—лейб-гвардии саперный батальон, охранявший Зимний дворец во время мятежа. Сейчас же по возвращении с Сенатской площади, вечером 14-го декабря, Николай вошел во двор Зимнего дворца и милостиво приветствовал сапер. Войдя во дворец, он в покоях своей матери встретил обеих императриц с наследником. Николай приказал камердинеру Гримму нести за собой сына, вышел опять к саперам и разыграл театрально-чувствительную сцену: вызвав перед фронтом георгиевских кавалеров, отдал наследника им на руки; те бросились целовать руки, ноги и одежду мальчика. Утром 15 декабря Николай вышел к саперам, ведя за руку в. кн. Михаила Павловича, и представил его им как преемника своего в звании генерал-инспектора по инженерной части. Объявив, что сам он сохраняет за собой звание шефа батальона, Николай поцеловал командира батальона полк. Геруа.

Пущин, Иван Иванович, коллежский ассесор, декабрист (1798—1859). Из Москвы, где он в то время служил судьей в уголовном департаменте народного суда, Пущин приехал в Петербург 8-го декабря 1825 г.; 14-го декабря он был на Сенатской площади и ушел одним из последних. Из Петербурга он никуда не скрывался, хотя лицейский товарищ его, князь Горчаков, 15-го декабря рано утром привез ему заграничный паспорт и обещал доставить его на иностранный корабль, готовый к отплытию. Того же 15-го числа Пущин был арестован.

3.

Записка на двух листах почтовой бумаги с траурной каймой, в конверте, запечатанном черною сургучною печатью. На конверте — рукою Николая: «Военному министру. Н у ж н о е». (Гос. Арх. II Отделение. I. В. № 466).

Свистунов, Петр Николаевич (1803—1889), корнет кавалергардского полка, член Северного Общества.

Татищев, Александр Иванович (1763—1833), граф, генерал-от-инфантерии, военный министр, председатель высочайше учрежденной комиссии для изысканий о злоумышленных обществах.

4.

Письмо на двух листах бумаги того же сорта, как и предшествующие, в конверте, запечатанном красной сургучной печатью. На конверте рукою Николая I адрес: «Московскому военному генерал-губернатору, князю Голицыну. Н у ж н о е».

Орлов, Михаил Федорович (1788—1842), генерал-майор, бывший флигель-адъютант Александра I, член Союза Благоденствия. Был заключен в крепости с 29-го декабря 1825 г.

Поливанов, Иван Юрьевич, отставной кавалергард, в чине полковника († 1826). В 1824 году вступил в общество, но скоро вышел в отставку и порвал все связи с обществом. В конце августа 1826 г., находясь еще в крепости, заболел «сильными первическими судорожными припадками при значительном расслаблении всего корпуса»; 2-го сентября переведен в госпиталь, где и умер 5-го сентября.

Толстой. Сведения, бывшие в руках Николая 20-го декабря и недостаточно определенно говорившие об участии в заговоре какого-то Толстого, имели отношение к служившему в Петербурге прапорщику Московского полка Владимиру Сергеевичу Толстому, Николай же относит их к какому-нибудь из проживавших в Москве Толстых.

Вяземский, Петр Андреевич (1792—1878), князь, поэт, друг Пушкина, пользовался репутацией «либерала». В 1821 году был уволен без прошения от службы и отдан под негласный надзор; к тайным обществам не принадлежал. Жил в подмосковном имении Остафьеве. В 1830 году он был снова принят на службу в министерство финансов.

Рушковский, Иван Александрович, действительный статский советник, московский почт-директор.

Барятинский, Александр Иванович (1798—1844), князь, штабс-ротмистр лейб-гвардии гусарского полка, адъютант командующего 2-ой армией. Глухие сведения о каком-то «сомнительном» Барятинском, которые были у Николая к моменту написания письма (20 декабря), имели отношение к князю Александру Ивановичу. Но Николай напрасно думает найти его в Москве среди московских Барятинских; кн. Александр Иванович в декабре 1825 года был на юге, в Тульчине.

5.

Черновик письма кн. Голицына к Николаю I писан по-французски на двух листах плотной почтовой бумаги. Письмо дано здесь в переводе.

Баратынский (Боратынский), *Евгений Абрамович*, поэт (1800—1846). В 1816 г. был исключен из Пажеского корпуса, где воспитывался, с воспрещением поступать в военную службу. Лишь через три года после больших хлопот принят был рядовым в лейб-гв. егерский полк. В 1825 г., после производства в офицеры, вышел в отставку, женился и поселился в Москве. В 1845 г. выехал за границу, где и умер в Неаполе.

О затруднениях, в какие поставили Д. В. Голицына неясные предписания Николая, он писал 23 декабря 1825 военному министру Татищеву «...по жительству в Москве нарочитого числа особ, фамилию Толстых носящих, а также довольного количества Барятинских, и не имея от вас, милостивый государь мой, определительных сведений о тех лицах, за коими должен я иметь наблюдение во исполнение высочайшей воли,—я никак не могу на сей раз исполнить оной».

К 27 декабря путаница выяснилась, и Татищев писал Д. В. Голицыну. «Что касается до Барятинского и Толстого, то по дальнейшему распрашиванию соумышленников, оказались в соучастии с ними *Барятинский*, адъютант главнокомандующего 2-ой армией графа Витгенштейна, а *Толстой* в виду—Московского пехотного полка прапорщик, о взятии коих писано уже по принадлежности».

Граф Толстой — старый негодник... Д. В. Голицын имеет, очевидно, в виду известного Федора Ивановича Толстого («американца»—увековеченного Грибоедовым в «Горе от ума».

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом,
И крепко на руку нечист...

Ф. И. Толстой служил в Преображенском полку; принимал участие в кругосветном путешествии Крузенштерна, за столкновение с командиром был высажен на берег во владениях Русско-Американской компании, жил на Алеутских островах. Про его скандальные выходки ходило множество рассказов. Был одним из самых задорливых дуэлистов; за ним считали до одиннадцати человек убитых на этих поединках; всех их он аккуратно записывал в свой синодик. Известен был нечестною игрою в карты.

Письма Д. И. Писарева из крепости.

Воспроизводимые ниже четыре письма Д. И. Писарева к его матери, Варваре Дмитриевне Писаревой, обнаружены в подлинниках в литературном архиве Ф. М. Достоевского (находящемся ныне в Центрархиве), которому, по его просьбе, они были пересланы в 1878 г. самой В. Д. Писаревой.

Эпистолярное наследство, оставшееся после Д. И. Писарева и до сих пор опубликованное, крайне незначительно, и уже это одно сообщает особый интерес каждому новому появляющемуся в печати его письму. Правда, после Д. И. Писарева осталось весьма значительное количество писем, адресованных к матери. Оторванный от нее, когда ему едва исполнилось 10 лет, помещенный в одну из петербургских гимназий, а затем перешедший в петербургский университет, Писарев регулярно посылал письма оставшейся в провинции, горячо им любимой матери, делясь с нею всеми печалями и радостями своей жизни. Переписка эта продолжалась и по окончании университета, когда Д. И. Писарев остался в Петербурге, с которым он был связан своими литературными занятиями, и, наконец, тогда, когда 2 июля 1862 г. Писарев был арестован и заключен в Петропавловскую крепость, в стенах которой ему было суждено провести четыре года и 4 с половиной месяца. Известно, что именно эти годы принудительного заключения оказались самыми плодотворными в жизни Писарева.

Оторванный от внешних впечатлений, Писарев здесь получил возможность отдаться вполне умственной работе.

Это придает особенно глубокий и живой интерес письмам Писарева к матери, написанным из стен неволи. К величайшему сожалению всех интересующихся личностью и миросозерцанием Д. И. Писарева, эти письма до сих пор остаются неопубликованными. Они известны лишь по выдержкам из них, приведенным Е. А. Андреевичем (Соловьевым) в его интересной работе о Писареве. Публикуемые ниже четыре из этих писем являются доказательством того, какой ценный для характеристики Писарева материал найдем мы в этих письмах, когда они будут опубликованы полностью.

Как упоминалось выше, эти четыре письма были пересланы матерью Писарева Ф. М. Достоевскому по его просьбе, сообщенной В. Д. Писаревой его женою, А. Гр. Достоевской. Посылая Достоевскому (по адресу: «В С.-Петербург, Греческий проспект, подле Греческой церкви») эти письма, В. Д. Писарева сопроводила их письмом, которое мы считаем необходимым привести полностью, ввиду того, что оно содержит в себе ряд не лишенных интереса сведений об ее сыне.

Письмо это следующего содержания:

Милостивый Государь Федор Михайлович!

Благодарю Вас за внимание к моей просьбе,—за присланные книги и еще более за дружеское отношение к моему сыну. Г-н Достоевский [1] (вероятно, Ваш брат или родственник) пишет мне, что Вы *любили* и *уважали* моего сына.—Мне всегда так отрадно слышать от хороших людей доброе слово о дорогом моем Мите,—так давно меня покинувшем. Г-н А. Дост.[1]) спрашивает у меня, не найдется ли письма или хотя записки моего сына. С 51-го года, с десятилетнего возраста, как мы расстались и он поступил в гимназию [2])—за все года переписка вся по годам и под № сохраняется у меня—я так любила моего сына, что берегла каждую его строку. Г-н Дост(оевский) пишет, что Вы бы желали, многоуважаемый Федор Михайлович, иметь карточку моего сына и какую-нибудь записку его руки. Посылаю Вам карточку, сделанную в 1866 году, по выходе из крепости,—очень была похожа,—и еще 4 письма. Вы в них увидите, как он переносил свое заключение, какая ясность и спокойствие, и это было *действительно так*. Сенаторы Чемадуров [3]) и Корнельян-Пинский, когда я приехала к ним, чтобы узнать, какая участь ожидает моего сына,—оба сказали мне, что я напрасно так тревожусь, что сын мой и *спокоен* и *весел* даже, и когда его требуют в Сенат, то он из крепости приезжает не как из заключения, а как бы с балу, и что когда дали ему прочесть статью, за которую он арестован, то он улыбаясь сказал, что теперь она и *ему* не нравится—и более ничего, никакого *раскаяния*, никакого *горестного* выражения в лице,—говорили они. В № 10 [4]) Вы увидите, как он горячо желал, чтобы я жила до его освобождения, и вот я-то, несмотря на разбитое окончательно здоровье, живу, а его—нет. Извините, что я посылаю Вам несколько писем,—я думаю, что может быть Вам приятно будет прочесть письма человека, который так чтил талант Ваш. В 60 году после его выздоровления (возвращения от Штейна) [5]) мы читали с ним вместе (он очень любил читать вместе и особенно любил мое чтение: привык он к нему в детстве) Вашу повесть «*Дядюшкин Сон*», и он так от души хохотал над старым князем, и у нас даже вошло в поговорку, когда слышишь вздор, говорить: «*Ну, да, и сахар и кадушки там были*». Ему так понравился этот рассказ своей игривостью, что он хотел из него составить пьесу для театра. Но прежде диссертация на кандидата [6]), а потом замужество кузины.

---

[1]) Писала В. Д. Писаревой Анна Григорьевна Достоевская (жена Федора Михайловича); В. Д. Писарева, не зная Анны Григорьевны, неправильно истолковала неполную подпись Анны Григ., подписавшейся кратко «А. Дост.».

[2]) В начале декабря 1851 г. Д. И. Писарев был отправлен в Петербург для поступления в гимназию; мать же его вместе с семьей осталась в имении Писаревых Грунец, Новосильского уезда, Тульской губернии.

[3]) Чемадуров Я. Я.— обер-прокурор V департамента Сената, в котором рассматривалось дело Д. И. Писарева. Корнельян-Пинский М. М.— первоприсутствующий того же департамента.

[4]) № 10—разумеется письмо Д. И. Писарева 30 декабря 1862 г., на котором поставлен был, по всей вероятности рукой В. Д. Писаревой, № 10; письмо напечатано ниже под № 3.

[5]) В конце 1859 г. Писарев заболел психически и был помещен в лечебницу д-ра Штейна, где пробыл четыре месяца. Доктора определяли его болезнь как dementia melancholica.

[6]) «Аполлоний Тианский». Напечатана в 2-м томе Павленковского издания сочинений Писарева.

его невесты [1]) перевернуло все его занятия. После говорил он мне, что в 61-м году, бывши в Москве, он читал Ваши сочинения, и ему особенно понравилась повесть *Село Степаньчиково*, кажется так. Он даже находил в описанном господ[ине], за которым все ухаживают, близкое нам лицо, и ему особенно нравилась живость описанья этого характера. Cette tendence de sermonner à propos de bottes. В 66-м году, по выходе его из крепости, мы читали вместе *Преступление и Наказание*, но как нервы его были потрясены переходом в жизнь из гроба (в котором он был заключен 3 года и 4 месяца [2]), то чтение было по совету доктора приостановлено, потому что слишком волновало его. После, когда холодная ванна укрепила его нервы, мы докончили роман; преимущественно восхищался он описанием чиновника и его дочери в момент, когда жена чиновника вышла с детьми петь, чтобы собрать несколько копеек. Он не мог продолжать, слезы мешали ему, он передал мне книгу. Вообще его приводил в восторг Ваш талант в практическом анализе все перечувствованное *честным* преступником, (sic!), его борьба! Да, и было же это время, и пережила я счастливый день 18-го ноября 1866 года—день выпуска его из крепости—арестован он был 2-го июля 62-го года, а 68-го года 4-го июля утонул—странно, он, как будто предчувствовал, что утонет. В 63-м году, когда я еще жила в деревне, он писал ко мне, чтобы я утешала себя мыслью, что в крепости он застрахован от всяких несчастных случайностей, что, наприм., любя купаться, как он любил, он бы мог утонуть, а тут по неволе огражден от этой опасности [3]). И полный жизни и любя жизнь, делая планы работ на прочие годы вперед—утонул, и нет, нет его, моего хорошего и дорогого Мити!

И теперь уже, когда его нет, преследование прекратилось, мы не можем продать право на издание, потому что, когда напечатал Надеин несколько частей, то 4-ую часть сожгли, и потому, конечно,—он приостановил издание, [и] что удивительно, что все эти части были напечатаны в «Рус(ском) слове». Когда была строже цензура, потом, когда сын был в крепости, напечатано 1-е издание, а теперь—не дозволяют—была я в августе 1877 г. у генерала Дмитриева, председат. ценз. комитета, он сказал, что это не от него зависит. Послал меня в ценз(урный) комитет, там мне сказали, что 4 и 7 сожжены, что мы можем продать остальные части, но что все-таки они не могут заверить, *что* из них пропустят, и что пусть тот, кто будет издавать, представляет в цензуру,—но это значило обмануть и ввести в убыток покупателя, чего мы никак не желаем [4]). А между тем требуют соч. Писарева и нет в продаже, дают тройную цену, чтобы только достать, и нет нигде, а мы нуждаемся—у меня только одна дочь и я живу с ней розно, потому что не

---

[1]) Р. А. Корепева, по мужу Гарднер, двоюродная сестра и подруга детских лет Д. И. Писарева. Последний горячо любил свою кузину, и она дала обещание стать его женой, но, полюбив другого, изменила данному слову.

[2]) Описка. Писарев пробыл в заключении 4 года 4 месяца и 16 дней.

[3]) Писарев три раза подвергался опасности утонуть. Первый раз он едва не утонул в детстве, купаясь у себя в имении в речке. Второй раз—студентом первого курса, проходя через Неву по льду, он провалился по горло в воду. Оба эти раза он был спасен людьми, заметившими, что он тонет. В третий раз он утонул в Дуббельне, во время купания в море. См. А. Скабичевский, «Кое-что из моих личных воспоминаний». Сочинения, том II, изд. 2-е, стр. 775.

[4]) Цензурная история 2-го издания сочинений Д. И. Писарева изложена в статье В. Евгеньева-Максимова «Д. И. Писарев и охранители» в № 1—4 «Голоса Минувшего» за 1919 г., стр. 156—161.

имеем средств жить вместе. Она живет литературной работой [1]) и ей едва достает на прожитие того, что она получает. И что находят вредного в соч(инениях) моего сына?— понять не могу,—он был такой хороший, такие честные, честные существа! Извините меня, добрый Федор Михайлович, если я утомила Вас моим длинным письмом — я так счастлива, когда могу поговорить о дорогом моем сыне и особенно с человеком, которого я уважаю.

Выберите письма, какие Вам нужно, но не уничтожайте остальных; если они Вам лишние, то перешлите мне их обратно ко мне, я эти 4 письма списала и присоединила к прочим. Письма моих так безвременно погибших детей [2])—есть мое драгоценное сокровище—все, что осталось мне от них. Я часто, перечитывая их письма, переживаю прошлое—как бы забываюсь. Желаю Вам всего хорошего.

Искренно уважающая Вас, готовая к услугам

В. Писарева.

7 апреля 1878 г. [3]).

В этом письме В. Д. Писаревой особый интерес для биографов ее сына представляет то место, где она передает рассказ Чемадурова и Корнельян-Пинского о том, что, когда Писареву после ареста дали прочитать его статью против пресловутой брошюры Шедо-Ферроти о Герцене, послужившую основанием для привлечения Писарева к ответственности, «он улыбаясь, сказал, что теперь она и *ему* не нравится». Это до известной степени служит подтверждением предположения, что эта статья являлась слу-

---

[1]) Вера Ивановна Писарева занималась переводами для «С.-Петербургских Ведомостей» и др. периодических изданий. В 1868 г., вскоре после смерти Д. И. Писарева, она была выслана из Петербурга по делу об издании собрания сочинений своего брата и за участие в приглашениях к подписке на памятник ему. См. заметку Б. Федорова «После похорон Д. И. Писарева» в № 1—4 «Голоса Минувшего» за 1919 г.

[2]) Младшая из сестер Д. И. Писарева, Екатерина Ивановна, по мужу Гребницкая, покончила с собою в Женеве в июле 1875 г. Известие о ее смерти проникло и в русские газеты. «Она раздробила себе череп револьвером,—сообщал «Голос» от 22 июня 1875 г.— и смерть последовала мгновенно... Причина самоубийства неизвестна, так как несчастная не оставила после себя ни одной строки». Смерть Е. И. Писаревой, молоденькой девушки, не имевшей и 22 лет и вращавшейся в заграничных эмигрантских революционных кругах, вызвала в свое время много разговоров, как в эмиграции, так и в России. В написанной по заданию III отделения с. е. и. в. к. книге кн. Н. Н. Голицына «История социально-революционного движения в России. Глава X» (Петерб. 1887 г.) о Гребницкой-Писаревой сообщается, что она была фиктивной женой учителя Гребницкого в Одессе, отправилась в Цюрих, где поступила в университет, затем жила в русской эмигрантской коммуне в Женеве, работала в качестве наборщика в русской типографии, основанной там же организатором этой коммуны Александровым, и передала ему на расходы по типографии весь свой капитал в 5000 руб.; «по растрате же им этих денег она, по его же внушению, решилась продать себя, для доставления средств коммуне, одному старику за несколько тысяч, отданных ею все тому же Александрову». Это, по словам Голицына, и послужило причиной ее самоубийства (стр. 22—93). Упоминаемый Голицыным Вас. Макс. Александров, будучи студентом медико-хирургической академии, привлекался по нечаевскому делу; принимал участие в студенческих кружках, сошелся с известным революционером М. А. Натансоном и вместе с ним явился одним из основателей кружка чайковцев. Арестованный правительством, он в ноябре 1871 г. бежал за-границу, примкнул к Бакунину и в 1874 году организовал в Женеве русскую типографию.

[3]) На последней странице: Адрес мой: Тульской губ., в г. Новосиль — Варваре Дмитриевне Писаревой.

чайным эпизодом в деятельности Писарева, что большого значения сам он ей не придавал и что он писал ее под влиянием раздражения, вызванного отчасти личными неприятностями, пережитыми им в это время, отчасти же под влиянием закрытия правительством того журнала, в котором он работал («Русское Слово»). Недаром студент Баллод, которому Писарев передал свою статью для напечатания, показывал во время следствия: «Знаю автора этой статьи и очень хорошо, как не революционера... Причины, по которым он впал в крайность,—два несчастия, постигшие его одно за другим. Кореневa, которую он сильно любил и которую давно считал своею невестою, вышла в апреле месяце замуж за другого. Второе несчастие—закрытие журнала «Русское Слово», от которого он только и получал средства к жизни» [1]).

Известно, какое громадное впечатление произвела на Писарева измена Раисы Александровны Кореневой, девушки, пламенно любимой им с детских лет, давшей ему согласие стать его женой и нарушившей данное слово, увлекшись другим. Известно, как жаждал дуэли со своим счастливым соперником Писарев и как, не дождавшись ее, нанес ему публично оскорбление действием [2]). В апреле и мае 1862 г. Д. И. Писарев переживал глубокую душевную драму. Легко вообразить, какое громадное впечатление должен был произвести на его израненную душу новый удар, разразившийся над ним,—закрытие журнала, в котором он работал. К этому времени Писарев не был уже тем наивным и малоопытным юношей, который за два года до того счел возможным предлагать услуги своего пера редакции духовно-просветительного журнала «Странник». Теперь из него выработался человек, понимающий «обязанности честного литератора» [3]) и «с большим разбором относящийся к органам печати». Для Писарева приостановка «Русского Слова» была насильственным перерывом его литературной деятельности, и именно так он ее воспринял. В этом вполне убеждает отобранное у него во время ареста его неоконченное письмо к упоминавшейся выше Р. А. Кореневой [4]). Изучавший судебное дело Писарева М. К. Лемке почему-то не привел этого письма в своей работе, а между тем оно весьма характерно для Писарева. В нем Писарев писал:

«Меня решительно одолевает желание писать к тебе, и я пишу, хотя совершенно уверен, что ты мне отвечать не будешь. Я даже не знаю, зачем я пишу, не знаю, что хочу тебе сказать, а так, есть какая-то неопределенная потребность вообразить себе, что я говорю с тобою. О прошлом, т.-е. о последней истории, вспоминать не хочется не потому, чтобы я считал себя виновным, а потому что мне просто надоела эта непрерывная цепь глупостей *с той и с* [5]) другой стороны. Твой муж завершил эту цепь последним звеном,—длинным письмом ко мне, письмом, на которое я, конечно, не отвечал; пусть он воображает себе, что его верх, и пусть он думает обо мне все, что ему угодно. В отношении к тебе я исполнил все, что говорил тебе у Хрущова [6]): я окончил сразу полицейское дело, я не назвал тебя в своих показаниях и я не вызвал его на дуэль, а объявил ему письмом, что жду его вызова. Теперь дело решительно кончено, и ты можешь преспокойно полнеть и здороветь в деревне.

---

[1]) М. Лемке. Политические процессы в России 1860 г.г. Госизд. 1923 г., стр. 538.

[2]) Подробности этой истории см. у Лемке, назв. соч. стр. 557—559.

[3]) Слова из письма В. Д. Писаревой к Некрасову, продиктованного ей самим Писаревым. Письмо напечатано у С. А. Венгерова. «Критико-биографич. словарь русск. писателей и ученых», т. III, Петерб., 1892 г., стр. 353—354.

[4]) Дело след. комиссии о Баллоде, Писареве и др., лист 500.

[5]) Набранное курсивом вписано над строкою.

[6]) Знакомый Писаревых.

У нас, как тебе, вероятно, известно, случилось значительное событие: «Русское Слово» и «Современник» закрыты на восемь месяцев, и я до нового года свободен, как птица небесная. Я остаюсь совершенно без работы, но это меня нисколько не беспокоит. Я полагаю, что другие журналы приняли бы каждого из нас с большим удовольствием (т.-е. Благосветлова, Чернышевского, Антоновича и меня), но, вероятно, ни один из нас не пожелает работать в другом журнале, потому что после закрытия «Современника» и «Р. Слова» остается в русской журналистике такая сволочь, с которою порядочному человеку совестно связываться. Чтобы не работать в других журналах...»

О том, что составление Писаревым статьи против Шедо-Ферроти было не сознательным актом человека, идущего на революционное дело, а эпизодом более или менее случайного характера, свидетельствует и сохранившийся в воспоминаниях С. Г. Стахевича рассказ Писарева о том, как им была написана эта статья. Рассказав автору воспоминаний о своем столкновении с Гарднером, Писарев продолжал: «Ну вот я чувствую, что наделал чего-то несообразного; на душе у меня очень скверно; иду к Баллоду [1]) и говорю: «Ты ведь, знаю, занимаешься какими-то там политическими делами; дай, пожалуйста, какую-нибудь работу по этой части; может быть, мне от нее полегчает». Он дал мне памфлет барона Фиркса, который под псевдонимом Шедо-Ферроти напал на Герцена за помещенную им в «Колоколе» статью «Бруты и Кассии третьего отделения». Я окунулся в эту работу дней на десять, написал статейку жестокую, яростную, отдал Баллоду. Он спросил: «Не хочешь ли еще чего-нибудь в этом роде?» «Нет, говорю,— не надо; успокоился достаточно». И возвратился к своим обычным литературным работам» [2]).

Все это убеждает в том, что Писарев был вполне искренен, когда в следственной комиссии объяснял составление своей статьи желанием «выплить накопившуюся желчь» [3]), и все это делает понятным отзыв Писарева о своей статье, переданный его матери Чемадуровым и Корнельян-Пинским.

Что касается печатаемых ниже четырех писем Д. И. Писарева к матери, то особенный интерес представляет четвертое из них, с содержащимися в нем отзывами о романах Теккерея и о беллетристике вообще.

Б. Козьмин.

---

[1]) Петр. Дав. Баллод—товарищ Писарева по гимназии и университету — наладил в 1862 г. тайную «комиссионную типографию», в которой и печатал несколько прокламаций.

[2]) С. Г. Стахевич. Среди политических преступников (Из моих воспоминаний). «Былое», 1923 г. № 21, стр. 78.

[3]) Лемке. Назв. соч., стр. 561.

Письма Д. И. Писарева.

1 [1]).

Cher papa et chère maman!

Все идет попрежнему; я здоров, спокоен и ни в чем не нуждаюсь. Жду известий от Вас, потому что последнее письмо Ваше, от 7-го октября, я получил слишком две недели тому назад. Завтра будет ровно четыре месяца с тех пор, как я арестован; наступает зима, и я бы мог пожалеть о потерянном лете, если бы имел дурную привычку жалеть о том, что прошло, или жаловаться на то, что нельзя переделать. Больше нечего писать. Обнимаю Вас, Верочку и Катю [2]). Пишите, пожалуйста, непременно по-русски.

Любящий Вас

Д. Писарев.

1862 г. 2 ноября.

2 [3]).

Друг мой maman! Меня чрезвычайно удивляет и огорчает то, что ты не получаешь моих писем и беспокоишься об моей участи. Повторяю тебе еще раз то, что я писал тебе 6-го октября, именно: я пишу к тебе аккуратно два раза в месяц. Кроме того, я умоляю тебя, убедись ты в том, что я совершенно здоров, и что беспокоиться обо мне решительно нечего; если бы и случилось так, что пройдет несколько лишних недель между двумя моими письмами, то и тогда не следует тревожиться; ведь сколько раз уже это случалось, и постоянно оказывалось, что все идет попрежнему, и что не произошло никакого несчастия. Ради бога, будь же ты, друг мой мамаша, спокойнее и тверже; ведь ты исстрадаешься, все здоровье свое испортишь, ежели будешь волноваться из таких пустяков.—Все, что я могу сказать тебе о себе, все это уже сказано выше, в этом же письме; я здоров, следовательно, спокоен. Особых известий нет, а это в своем роде хорошее известие. Прощай! Крепко обнимаю

---

[1]) Это письмо с незначительными сокращениями было напечатано Е. Соловьевым в его книжке «Д. И. Писарев. Его жизнь, и литературная деятельность». Биографическая библиотека Ф. Павленкова, стр. 96. — На подлиннике рукой Варв. Дм. Писаревой поставлен № 7. *Примеч. ред.*

[2]) Вера и Екатерина Ивановны Писаревы — родные сестры Д. И.

[3]) На подлиннике рукой В. Д. Писаревой поставлен № 9. *Примеч. ред.*

тебя, папашу, Верочку и Катю. Поздравляю Катю с прошедшим днем рождения и ангела (17 и 24 ноября), а тебя, друг мой мамаша, с будущими имянинами (4 декабря.) Прощайте!

Любящий Вас

Д. Писарев.

27 ноября 1862 г.

3 [1]).

Старый год совсем кончается, и ты, друг мой мамаша, вероятно, уже получила то письмо, в котором я поздравляю Вас всех с наступающим новым. Недели полторы тому назад я получил твое письмо от 4-го декабря, и чувствую потребность поговорить с тобою серьезно и по душе: меня тревожит и огорчает твое уныние; я начинаю бояться за твое здоровье, с которым ты вообще обходишься с непростительною небрежностью. Ты говорила и писала мне несколько раз, что желала бы всеми силами души разделить со мною заключение, и вообще как-нибудь облегчить мое положение, которое, неизвестно почему, представляется тебе и всем Вам невыносимо тяжелым. Я, конечно, вполне верю искренности этих теплых слов; я бы знал, что ты так думаешь и чувствуешь, если бы даже ты этого не писала; если бы я в чем-нибудь нуждался, и если бы ты могла помочь мне, принеся лично какую-нибудь тяжелую жертву, я бы не задумавшись попросил у тебя этой жертвы, потому что я уверен, что ты с радостью пожертвовала бы собою для меня, или вообще для кого-нибудь из твоих детей. Все это я знаю, но вот в чем дело: непосредственно для меня ты ровно ничего не можешь сделать, а между тем от тебя и от тебя одной зависит поддержать до конца то спокойное и светлое настроение духа, которое не оставляло меня ни на минуту с первого дня моего ареста. Сделай так, чтобы я мог быть уверен, что, как бы долго ни продолжалась наша разлука, я, при свидании, увижу тебя здоровою и спокойною. Береги себя, не утомляй себя занятиями с детьми, отложи музыку, если она расстраивает тебе нервы, посоветуйся с доктором, окружи себя тем комфортом, который может поддержать и укрепить твои силы. Ведь ты бы решилась ехать в Петербург, если б могла надеяться видеть меня, и тогда тебе все равно пришлось бы оставить занятия и принести денежные жертвы на путевые издержки. Употреби же это время и эти деньги на себя и на свое здоровье и убедись в том, что ты это делаешь вовсе не из эгоизма, вовсе не для себя, а единственно для тех людей, которые дорожат тобою, и в особенности для меня: я сильнее других заинтересован в сохранении твоего здоровья, потому что, если бы оно пострадало, то мне пришлось бы в твоей болезни обвинять себя и свою опрометчивость. На все эти доводы ты, пожалуй, ответишь, что материальное спокойствие не отвратит душевной тревоги, но я скажу, что ты можешь победить и душевную тревогу, если вполне убедишься в том, что *должна*

[1]) На подлиннике той же рукой поставлен № 10. *Примеч. ред.*

поступить таким образом для блага других. Я знаю, что слово *долг* производит на тебя магическое действие, и потому, становясь на твою точку зрения, показываю тебе, как тесно связаны заботы о твоем здоровьи с моим душевным спокойствием, которое существенно необходимо в моем положении. Ради бога, не отнимай у меня этой твердости и спокойствия. Подумай, каково бы мне было, если бы я тосковал и грустил все это время. А если мне придется бояться за твою жизнь и думать, что мои поступки кладут тебя в могилу, то согласись, что тут не устоит никакая твердость. Только, пожалуйста, не вздумай хитрить со мной. Я хочу и должен знать все, что с тобою делается. Если ты решишься скрывать от меня настоящее положение твоего здоровья, то ты сделаешь еще хуже. Я сейчас увижу, что в письме есть недомолвки, и когда недоверие будет возбуждено, то уже нельзя будет его уничтожить. Я буду воображать себе бог знает что, и спокойствие все-таки будет нарушено. Я знаю твою твердую волю, друг мой мама; пойми только, что ты должна быть здорова, и я уверен, что так и будет. О себе скажу вам коротко: здоров и спокоен. Обо мне вообще беспокоиться нечего: я не хрупок и не чувствителен. Крепко обнимаю папашу, мамашу, Верочку и Катю. Убедительно прошу Вас всех обратить серьезное внимание на мамашу, взять ее под опеку, разогнать детей и, хоть насильно, предписать нашей пациентке такой образ жизни, который вполне соответствует потребностям ее расстроенного организма. Прощайте! Исполнив мою просьбу, Вы всего лучше докажете мне Ваше участие, хоть я и верю ему безо всяких доказательств.

Любящий Вас

Д. Писарев.

30 декабря 1862 г.

4 [1]).

Друг мой мамаша! Здоровье мое попрежнему хорошо, и даже погода, при всей своей отвратительности, мало действует на мое обыкновенное, ровное и довольно светлое настроение. Время проходит у меня довольно скоро, работаю понемногу своих итальянцев [2]), хотя и сомневаюсь, чтобы из них вышло что-нибудь путное, читаю книги из нашей казенной библиотеки, и при этом замечаю в себе особенную наклонность—к чему бы ты думала?—к беллетристике, к той самой беллетристике, на которую я, в качестве критика, бросал иногда такие суровые и презрительные взгляды. Без шуток! Чтение романов и повестей в старых журналах доставляет мне гораздо больше удовольствия, чем чтение каких-нибудь ученых книг и статей. Я объясняю это себе тем обстоятельством, что я сам уже давно не живу жизнью живых людей, и поэтому с особенным удовольствием встречаю в книге те чувства и

[1]) На подлиннике той же рукой поставлен № 5. *Примеч. ред.*

[2]) «Очерки из истории европейских народов. Итальянцы». Вышло в VI т. сочинений Д. И. Писарева.. *Примеч. ред.*

мысли, которых не может возбуждать во мне моя действительность. То-есть, когда не сталкиваешься с людьми, тогда хочется, по крайней мере, читать об них, как они там живут, хлопочут, спорят, влюбляются и так далее. Третьего дня и вчера я читал в «Библиотеке для Чтения» за 1856 год—четвертую и пятую часть романа Теккерея «Ньюкомы». Первые три части мне неизвестны, продолжение и окончание также; несмотря на все это, я читал эти две части с величайшим удовольствием, читал так, как меломан может слушать хорошую музыку, нисколько не заботясь о том, что он не слыхал начала пьесы, и не услышит ее конца. Неправда ли, друг мой мамаша, что подобные занятия совершенно непривычны для свирепого критика, писавшего о разрушении эстетики? А между тем, «Ньюкомы» все-таки прелестнейший роман, и я теперь умею ценить Теккерея так, как не умел бы ценить его несколько лет тому назад. Очень молодым людям Теккерей не может нравиться, надо пожить, надо иметь за собой достаточный запас воспоминаний, тогда мягкий осенний колорит, лежащий на его произведениях, получает такую прелесть, с которою ничто не может сравниться. Однако, пора и честь знать. Не в эстетики же я в самом деле записался! Отвечу тебе лучше, друг мой мамаша, на твой вопрос: ехать ли тебе к Львовой? Мне кажется, что на дачу к ней ехать тебе не зачем. Очень это хлопотливо, да, кажется, и надобности особенной нет. А съездить на городскую квартиру не мешало бы. Заискивания никакого тут быть не может, потому что она сделала тебе первый визит. Мне кажется, ответить на этот визит значит только показать, что ты считаешь случившуюся размолвку оконченною. Впрочем, я думаю вообще, что никогда ни к чему не надо себя приневоливать. Стало-быть, если не хочется ехать, то и не следует. Однако, бог знает, о чем я распространяюсь в этом письме: то об осеннем колорите Теккерея, то об Львовой [1]), до которой мне нет никакого дела. До свидания! Прижимаю Вас вместе с Вашими детьми к моему пылающему сердцу.

Ваш *Д. Писарев.*

13 июля 1866 г.

Приписка в конце 3-й стр. рукой В. Д. Писаревой «это рукой коменданта Степана Сорокина написано», поясняющая следующую надпись: «16 июля в 10 часов утра утра дозвол. иметь свидание».

На 4-й странице адрес рукой Д. И. Писарева: «Варваре Дмитриевне Писаревой. На Петроградской стороне, в Малой Дворянской улице, дом Зуева». Рукой В. Д. Писаревой на последней странице, где адрес, приписка: «Приостановлены были свидания в апреле, мае, июне 1866 года».

---

[1]) К фамилии Львовой В. Д. Писарева сделала на обороте пояснение: «Львова—вымышленное имя». Очевидно, эта фамилия была условным термином в семье Писаревых.

Два письма П. Ф. Якубовича.

Происхождение 2 печатающихся ниже писем П. Ф. Якубовича (Мельшина) таково: в 1904 году вышел в свет составленный П. Я. сборник «Русская Муза». Вскоре после выхода сборника, в московском марксистском журнале «Правда» появилась обстоятельная рецензия тов. Г. К.—П. Якубович заинтересовался рецензией и вступил с автором в переписку. Во втором издании «Русской Музы» 1908 г. многие из указаний тов. Г. К. (передавшего мне эти письма) [1]) были П. Ф. Якубовичем использованы. Письма небезынтересны, как показатель серьезности подхода П. Я. к своей литературной работе. С другой стороны, любопытны некоторые черты литературных взглядов П. Я., отразившиеся в письмах. Таково замечание о «существовании объективного критерия художественной литературы».

Г. Лелевич.

1.

Покорнейше прошу редакцию «Правды» передать это письмо г. Г. К., автору рецензии о сборнике «Русская Муза» в июньской книжке журнала.

П. Я.

Милостивый Государь!

С большим интересом и искренней признательностью прочел я вашу благожелательную и обстоятельно составленную рецензию о моей книге. Безусловно справедливы многие ваши упреки (напр., за неотмеченные пропуски) и, конечно, они будут приняты мной во внимание при новом издании «Р. Музы», к сожалению, очень далеком (ввиду большого количества экземпляров 1-го издания).

Не могу, однако, без спора принять некоторые ваши замечания... Не все, что пропущено мною, составляет «упущение»; список пропущенных поэтов можно бы увеличить и вдвое, и верно,—мы вступаем здесь в область крайне субъективных вкусов,—и главная вина моя, повидимому, в том, что я не перечислил в с е х поэтов,

---

[1]) Подлинники переданы на хранение т. Г. Лелевичем в 1 отделение Историко-Культурной Секции Ц. архива. *Ред.*

произведения которых знал и рассматривал, потому что мотивировать пропуск каждого из них, согласитесь, было бы затруднительно... Рецензент «Р. Мысли» (май) указывает, напр., пропуск Карамзина, Дмитриева (вероятно, «Стонет сизый голубочек» и «Всех цветочков боле»), Катенина, Марина, Нелединского-Мелецкого,—de gustibus non disputandum... Не имел я в виду представить в с е х русских переводчиков-поэтов, а только тех из них, которые дали столь яркие переводы, что они вошли [1]) в обиход русской литературы наравне с лучшими оригин. стихотворениями (конечно, я виноват, что не оговорился об этом в предисловии), и дал я таких образцов, сравнительно, очень немного; особенно мало брал переводов у тех поэтов, которые написали много оригин. прекрасных пьес. Вот почему я не взял Михаловского, Мина, Миллера, Крешева, Костомарова, Дурова, Чюминой, Буренина, Гербеля, Маркова, Бальмонта, Берга и др. Возможно, конечно, что я пропустил и у этих переводчиков подлинные перлы. Из отмеченных вами некоторых я сейчас совсем не могу припомнить, и потому очень просил бы вас указать мне хоть приблизительно, где я должен искать след. стихотворения:

1. «Прежде всего» Бернса. Перев. Костомарова.
2. «Памяти труженика» Фр., См. Казнь Корн. перев. Михаловского.
3. Переводы Дурова из Барбье.
4. Переводы Маркова из Байрона и Рюкерта.
5. Стихотворения Прахова и Работникова.
6. «Гондольер»—Кони.
7. «Мороз»—Ваненко.
8. «Одинокий Всадник»—Гайдебурова (если это живущий ныне Г—в, то—грешный человек—мне представляется он декадентствующей бездарностью).
9. «Пигмей»—Николаева.
10. «Старая Ива» и «Голуби»—Плотникова.
11. Что за поэт Федотов?
12. Марлинского—«Песни кавк. горцев».

Затем, относительно некоторых других, представлю вам свои объяснения.

«Из Прехтлера» принадлежит, действительно, И. Ф. Тхоржевскому—стихотворение это помещено и в его сборнике, и за полной подписью напечатано в «Слове».

«Свадьбу» («Нас венчали не в церкви») мне очень хотелось взять, но я нигде не мог разыскать текста и узнать, чей он. Не будете ли добры помочь мне?

«Как хороши, как свежи были розы» Мятлева, за исключением этого стиха, утилизированного Тургеневым, по-моему, совсем слабое стихотворение.

---

[1]) Или должны бы войти. *Прим. П. Я.*

Садовников представляется мне мало даровитым поэтом, ничуть не лучшим современного нам Коринфского, пишущего в том же «народном» стиле.

Над Тепляковым я бился очень долго, в тщетных усилиях что-нибудь выбрать из него. 50 лет назад, конечно, он мог обратить на себя внимание, но сейчас скучен и бледен... Что касается отзыва Пушкина, то к кому только из собратьев-поэтов (за очень редкими исключениями) не был наш великий поэт благожелателен? С мнением Пушкина о достоинстве стихов Теплякова, Дельвига, Подолинского, Баратынского и пр., мне кажется, положительно невозможно считаться! Подолинский, напр., на современный вкус бледен, пресен и скучен ужасно! Я ничего не мог из него выбрать, без опасения сделать свой сборник расплывчатым, таким же, как большинство подобных сборников. То же и Бернет. Искры поэзии так и мелькают, но ни одного безукоризненного в целом стихотворения...

Современная нам поэтесса (впрочем, уже покойная) Ек. Бекетова тоже бледна и бедна, и я уверен, что вы согласитесь с этим, если, не полагаясь на установившееся мнение, сами просмотрите ее сборник...

Будьте добры указать мне еще, где я должен искать стих. Берга «Пророк» и «Песни португ. пересел.» из Ленау—Г.-Миллера. Помнится, я их где-то читал и не пришел в восторг. Форма у Гольц-Миллера, в большинстве, очень корявая, и я, право, не могу понять, почему вы считаете его талантливее Мартова и Симборского. С другой стороны, удивляюсь, что вам не нравится его перевод из Байрона: четверостишие «Сочти все радости» давно ведь стало крылатым четверостишием.

В заключение два слова о стих. «Мысль». Помню разбор его в «Р. Мысли», в свое время сильно огорчивший меня своей несправедливостью и придирчивостью. Вам «достоверно известно»—говорите вы—что это стихи С. Бердяева. Вот странность! Я, с своей стороны, сказал бы: «мне достоверно известно, что Бердяев здесь не при чем...» Насколько мне помнится, автор Ф. Андреев. Очень бы хотелось мне проверить фактически ваше указание, при чем слова самого С. Бердяева, что он—автор, в моих глазах были бы очень слабым доказательством... Как поэта, я его считаю ничтожеством, и как-то не могу даже допустить, чтобы он написал стихи, достойные хрестоматии. Будьте добры сообщить мне, в каком году «В. Европы» напечатано Бердяевское «Danse macabre», а также—кем и когда был издан сборник «Мысль и чувство».

С истинным уважением, готовый к услугам вашим

П. Якубович.

С.-Петербург, станция Удельная, Удельный пр., 36. Петру Филипповичу Якубовичу.

2.

Милостивый Государь!

Большое спасибо вам за все сделанные указания. Гербель, Перцов, Сосницкий, Сальников, Бонч-Бруевич, Михаловский имеются в моей собственной библиотеке, и если я чего-нибудь достойного не взял из них, то единственно потому, что посильное критическое чутье (или отсутствие его) указало мне на какие-либо существенные изъяны таких произведений. Объективный критерий художественной оценки, вероятно, существует, но отдельному человеку вряд ли он доступен, особенно во всякий данный момент. Тут многое зависит от настроения, которое, по всей вероятности, многое ценное заставило меня пропустить. И пропустить настолько, что я спрашиваю вас: г д е искать такую-то вещь, в то время как она имеется в моих книгах, и была мною—не раз, быть может,—читана...

Что касается, впрочем, переводов, то случайное отсутствие оговорки в моем предисловии ввело вас в крупное заблуждение. Если я не имел в виду дать в с е л у ч ш и е о р и г и н а л ь н ы е стихотворения, то тем меньше думал это относительно переводов. Мне хотелось дать только ш е д е в р ы русских переводов, такие переводы, которые стали для нас почти оригинальными произведениями. Хотелось... А субъективное чувство и настроение заставили напечатать порой совсем слабые пьесы!

Боюсь, кроме того, что мы с вами и вообще расходимся в эстетической оценке. Пример—«Пророк» Берга, кажущийся вам превосходным. Вы видите в этом стих. целое воззрение и цельное настроение 60-х годов, а для меня стихи эти—набор хороших мыслей и слов, облеченный в плохо рифмованные («вас» и «занялась») строчки и только. Один корявый стих «Когда х о т я один из вас»—чего стоит!

«Из Кернера» недурно, хотя особенно яркого ничего нет, кроме... безграмотного стиха: «Знаю я, вечно останутся верным»... Если же это ваша описка, и надо читать «останется», то выйдет, мне кажется, не совсем по-русски: «все... вечно о с т а н е т с я в е р н ы м».

«Недвижимо дремлет море» тоже не дурно, но «т и ш ь и мертвенность в о в с е м» плохо.

Ваши собственные стихотворения, грешен, я однажды вернул (но только однажды! Стихотв. отделом «Р. Бог.» я заведую, кажется, с конца 1901 г. или начала 1902 года), но виновным себя не признаю. «Чета»—стихотворение, по-моему, слабое. Первый куплет сам по себе хорош, но второй плох по форме. Что это за стихи? 1-й стих 2-го куплета, как и весь начальный куплет—дактиль, а три заключительные стиха почему-то вдруг—амфибрахий... Мне, по крайней мере, ухо это страшно режет! А затем читатель не видит, почему же это «они росли и цвели одиноко»,—я настроения р о в н о н и к а к о г о

не получает! Попытка написать нечто вроде гейневской «Сосны», но совершенно неудачная...

Вот по каким соображениям, может быть ошибочным, но абсолютно беспристрастным, я не напечатал этого стихотворения. Статистики мест жительства поэтов, печатающихся в «Р. Б.», я никогда не вел, но могу представить вам один пример: поэт, которого я наиболее часто печатаю,—Шрейтер, живет далеко от Петербурга, в Одессе, и я никогда его не видал в глаза...

Еще раз благодарю вас за указания, которые при следующем издании «Р. Музы» постараюсь тщательно просмотреть и проверить.

С истинным уважением

П. Якубович.

1904 г. 25 августа.

Из записной книжки архивиста.

Г. В. Плеханов и „шпионские забавы".

В IV томе «Сочинений» Г. В. Плеханова, на стр. 325—326, перепечатана из женевского «Социал-Демократа» (1892, кн. 4, стр. 137—138) небольшая заметка Плеханова под заглавием: «Шпионские забавы». Как явствует из текста этой заметки, напечатанной в самом конце книжки «Социал-Демократа», «шпионы» тем позабавились, что выпустили прокламацию, «уснащенную крепкими словами по адресу многих русских эмигрантов и приглашающую «очнуться» русскую молодежь». Сделали они это ко времени приезда Плеханова в Париж, в конце января 1892 г., где он должен был читать доклад, а под прокламацией поставили подпись самого Плеханова, при чем, по свидетельству потерпевшего, подпись была подделана «о ч е н ь х о р о ш о» (подчеркнуто Плехановым). Плеханов не ошибся в установке происхождения этого документа, хотя, впрочем, и трудно было ошибиться— такой случай в жизни эмиграции не был первым и не был последним. Творцом дела и автором прокламации был, действительно, не кто иной, как П. И. Рачковский. и со слов его самого мы имеем возможность уяснить себе цель и метод его воздействий, а из приложений к его докладу извлечь текст «подписной» прокламации.

В данном случае Рачковский ставил себе целью внести разложение в то настроение, которым были охвачены эмигрантские круги в связи с постигшим Россию голодом. Именно, в Париже образовалось общество «Борьбы с голодом», и оно-то и выпустило воззвание, столь возбудительно подействовавшее на Рачковского. В гектографированном листке за подписью Комитета общества доказывалось, что «остановить или хотя бы ослабить его (т.-е. народа) быстрое разорение и вымирание возможно, л и ш ь у н и ч т о ж и в г н е т у щ и й е г о а б с о л ю т и з м и б ю р о к р а т и ч е с к и й п р о и з в о л, и ч т о п о э т о м у русскому народу, прежде всего, необходимо, пользуясь теперешним критическим моментом, громко потребовать созыва З е м с к о г о с о б о р а». «Ввиду этого,—заканчивалось воззвание,—русские социал-демократы в Париже основали о б щ е с т в о б о р ь б ы с г о л о д о м и обращаются ко всем сочувствующим вышенамеченной цели лицам с просьбою оказать содействие материальными и всевозможными другими средствами для издания прокламаций, брошюр и т. д., вообще для распространения устным и печатным словом среди русского населения истинных понятий о причинах теперешнего голода в частности и его векового голода вообще» [1]).

Движение перекинулось в Цюрих и в Лондон. В Цюрихе образовался Цюрихский комитет о-ва и выпустил

---

[1]) Подлинник находится в деле Петербургского историко-революционного архива. Архив департамента полиции, III дел. № 1 т. I. По переписке с заведующим парижской и лондонской агентурой, вход. № 25. На воззвании помечено, что кассиром о-ва состоит В. И. Засулич, а за сведениями следует обращаться к Григорьеву (Говорухину).

аналогичное воззвание (приписывая, впрочем, инициативу дела «социалистам-революционерам») [1]), а в Лондоне энергично при посредстве английской прессы действовал Кравчинский.

Мы можем теперь предоставить слово самому Рачковскому, который в своем докладе от 17/29 января, согласно обычной своей манере, охарактеризовав только что намеченное положение дел, вслед за тем мотивирует свои собственные контр-действия: «... я счел необходимым не только воспрепятствовать сбору пожертвований, но и поселить деморализацию в различных отделах союза с тем, чтобы при возникших пререканиях все дело его распалось и поставленные задачи не могли осуществиться. С этой целью, помимо представляемого при сем «вынужденного заявления», составленного будто бы Плехановым и разосланного студентам в Париже и Женеве, мною будет предпринята в местных газетах агитация, с помощью которой огласились бы скрытные замыслы революционеров, и общественное мнение было бы восстановлено против их шантажных проделок под видом помощи «голодающим»[2]). Если оставить в стороне истолкование стилистики Рачковского, то происхождение и цель интересующего нас документа окажутся в достаточной степени выясненными.

Само воззвание оттектографировано на развернутом листе на двух страницах, размер текста (на 1-ой странице) $21^1/_2 \times 18$ сантиметров. Оно гласит:

Вынужденное заявление.

Старинные плутни, которые довели народовольцев до позорного и заслуженного ими конца, теперь снова возобновились. Им показалось мало воровать у меня политические идеи для прикрытия своего невежества и выдавать их за свои: им понадобилось впутать моих близких друзей в свои грязные, уголовные затеи и обвинить их в шпионстве [1]). Мало того. Они выпустили на-днях, как будто от нас, бессмысленный гектограф, в котором цинически объявляется об основании в Париже какого то «общества денежных вымогательств». Это милое «общество» организовано с явною целью очернить нашу группу и сбить с толку учащуюся молодежь, которую они ловят, как пауки, в свою паутину ради корыстных побуждений, а имя России и Земский собор они употребляют только, как блестящую приманку для этой возмутительной ловли. Для предупреждения новых подвохов и козней подлых душ, чувствующих себя совершенно как дома среди всяческих низостей, я считаю необходимым заявить, что ответственность за глупую провокацию должна пасть на действительных ее авторов, и что подписанные под нею имена не имеют ничего общего с веселой шайкой молодцов, среди которых не знаешь—где кончается революционер и начинается шпион... Жаль, что здесь не место выводить на свежую воду омерзительные проделки, которыми ознаменовали себя разные Кравчинские, Федоровы, Волховские, Войничи, Мендельсоны и остальные подонки русской интеллигенции. Такое право мы оставляем за собой до другого раза, а то, что мы расскажем, послужит для поучения, предостережения и увеселения молодежи. Даже полиция, и та перестала возводить их на политический пьедестал: до такой степени бьет в глаза их мелкая и крупная уголовщина.

Я, лично, признаю для себя невозможным жить и работать в этой атмосфере кружковой зависти, шарлатанства и шпионских провокаций. Простое чувство порядочности вынуждает меня сойти со сцены и очистить место... для кого? Лучше не договаривать! После многих лет беспрерывной лжи, сделок с совестью и всего, что, с позволения

[1]) Копия цюрихского воззвания в том же деле, вход. № 29.

[2]) Доклад Рачковского от 17/29 января 1892 г. за № 8 , там же, вход. № 25.

[1]) Селитренный и Ел. Лурье, которых народовольцы обвиняли в доставлении Рачковскому сведений о намерении их покончить с ним *(по примечанию Рачковского)*.

сказать, выдается у нас с таким упорным меднолобием за революционное движение, мне открылась новая дорога для настоящей, легальной деятельности.

Мое открытое презрение—продажным спекулянтам, промышляющим политикой для поддержания своего гнусного существования, и мой привет—учащейся молодежи! Очнись, русская молодежь, и вырази свое правдивое негодование темным, преступным проходимцам, которые думают, как вампиры, разрушить твою будущность и вести тебя не только на бесполезную, но и на позорную гибель перед лицом всего света! *Г. Плеханов.*

Январь 92.

Доклад Плеханова состоялся 6 февраля [1]), и ему уже пришлось считаться с фактом распространения подложной прокламации. Рачковский сообщал департаменту об этом докладе с тем самодовольством, отказаться от которого он никогда не мог без видимого нарушения своего агентурного престижа: «Вечеринка голодающих» не удовлетворила ни устроителей ее, ни самого Плеханова, к приезду которого в Париж и было приурочено наше воззвание. Речь Плеханова, пытавшегося «восстановить истину» за счет народовольцев, вызвала со стороны этих последних насмешки и подозрение. Учащаяся молодежь на вечере почти отсутствовала, наибольший контингент публики состоял из эмигрантов. Плеханов, обманутый в своих надеждах и захлебываясь от волнения, доказывал, что он не поддастся полицейскому соблазну и в этом случае не последует за Тихомировым. «Между мною и разочаровавшимся Тихомировым,—хвастнул Плеханов,—громадная разница—Тихомиров стремился к достижению быстрых, немедленных результатов и, потерпевши неудачу, бросился в объятия полицейских; я верю в процесс общественного движения по закону самодействующей эволюции, а посему и, в качестве убежденного революционера, жду хладнокровно социальной революции, которая в России неизбежна».

Такое безумие не нуждается в критике—решили молодые народовольцы и оставили залу».

Трудно сказать, имело ли в действительности какое-либо влияние на молодежь воззвание Рачковского. Менее чем кому-либо можно верить в данном случае Рачковскому, который в каждом своем действии видел непоправимый для революционеров удар. В своем докладе от 29 января (10 февраля) он сообщал об удручающем впечатлении, произведенном на учащуюся молодежь, вплоть до того, что некоторые «даже покинули студенческое общество, предпочитая не заниматься политикой, чтобы не компрометировать себя сношениями с эмигрантами»; что же касается эмиграции, то «все, взятые вместе, революционеры пришли к тому заключению, что они окружены шпионами и что дальнейшая деятельность их при наличных условиях немыслима» [1]).

На-ряду с этой официальной историей «шпионское» заявление имело и свою небольшую литературную историю, о которой бегло рассказывает Кравчинский. Его заметка написана по просьбе самого Плеханова и почти вслед за получением «заявления», которое, по словам Кравчинского, было получено «всеми русскими эмигрантами, адреса которых более или менее известны». Но цель заметки—довести о факте «проделки» «до всеобщего сведения», «тем более, что такая мистификация может случиться с другими революционерами». Отсюда же мы узнаем, что еще до того сам Плеханов «напеча-

[1]) На собрание были разосланы нижеследующие гектографированные приглашения:

М. Г.

Комитет общества «Борьбы с голодом» честь имеет просить вас присутствовать на вечере, имеющем быть в субботу 6-го февраля 1892 г. в salle «au Chaperon Rouge», 13, rue de Plantes. 13.

Ordre du jour: речь Г. В. Плеханова.

По окончании речи — товарищеская вечеринка.

Начало в 8 ч. вечера.

Цена за вход 35 сантим.

[1]) Там же, вход. № 35.

тал во французских газетах протест против такого мошеннического злоупотребления его именем» [1]). Если закончить указанием на тот третий литературный отклик, которым мы начали наше сообщение, то, действительно, можно говорить о некотором эффекте затей Рачковского.

Сообщил *С. Валк.*

Казнь Шмидта, Частника и др.

О казни лейтенанта Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко появилось довольно много сообщений как в периодической печати (в 1906 г.), так и в специальных изданиях, посвященных Севастопольскому восстанию 15 ноября 1905 года [2]). За последнее время, в связи с известным севастопольским процессом обвинявшегося в расстреле Шмидта Ставраки, в газетах появились новые материалы, посвященные этой трагедии. Несмотря на это, мы считаем не лишним опубликовать два письма, относящиеся к этому событию.

Авторы писем—матросы, товарищи Частника, Гладкова и др., осужденные на каторгу и находившиеся на «Пруте» вместе с приговоренными к расстрелу. Эти письма написаны под свежим впечатлением расправы над Шмидтом и потому заслуживают особого внимания. Под одним из этих писем имеется дата—8 марта, а казнь была совершена 6 марта. Естественно, что в этих письмах мы находим такие характерные подробности последних часов жизни Шмидта и его товарищей, которые изгладились из памяти свидетелей в процессе Ставраки, вынужденных давать свои показания об этом событии через 18 лет.

Публикуемые нами письма были посланы матросами одному из адвокатов, С. А. Балавинскому, несомненно, с целью широко осветить подробности трагедии на острове Березани.

Письма по назначению дошли, но, очевидно, по цензурным условиям того времени опубликованы не были. И только теперь, когда эти письма оказались в числе архивных материалов, поступивших в Государственный Архив РСФСР, они могут увидеть свет.

Ред.

I.

Милостивый Государь Сергей Александрович! Шлем Вам горячий привет и желаем Вам всего лучшего в этом мире. О себе писать будем после, когда нас переведут с «Прута». Теперь же мы Вам опишем последние дни Частника, Антоненко и Гладкова. 5-го марта пришел из Севастополя «Терец» и привез отказ на нашу кассацию. Бумага была прочитана сначала Шмидту, а потом Частнику, Антоненко и Гладкову. Выслушав приказ о приведении приговора в исполнение, они попросили, чтобы Чухнину передали благодарность за приговор. Вечером пришел священник. Он был сначала у Шмидта, который исповедывался и причащался, а затем пришел к Частнику, Гладкову и Антоненко, но они отказались от исповеди и сказали, что каяться им не в чем. Частник сказал ему речь, которую, к сожалению, мы слышали урывками и в точности передать Вам не можем. Общее содержание речи следующее: Частник сказал священнику: «Вы, батюшка, убеждаете нас раскаяться в тяжком грехе, так как подняли руку на начальство и тем их убили в нравственном отношении; Вы, батюшка, следовательно, тоже убийца, потому что благословляете нижних чинов на убийство. Поэтому мы не желаем ваших наставлений». В 7-м часу утра 6-го марта их начали перевозить на баржу. Мы просили, чтобы нам разрешили проститься со Шмидтом, Частником, Гладковым,

---

[1]) С. Степняк. Заграничная агитация. Лэндон, 1892, изд. Фонда Вольной Русской прессы, стр. 43.—Первый протест Плеханова до сих пор не разыскан; по крайней мере, он не включен в составленный В. Ваганяном «Опыт библиографии Г. В. Плеханова» (М. 1923).

[2]) См. «Жизнь лейтенанта Шмидта». С.-Петербург 1906 г. 81—85 стр.; «Лейтенант П. П. Шмидт»—Воспоминания сестры. Петроград, 1923 г. 138—140 стр.; «Лейтенант Шмидт»—Письма, воспоминания; изд. Центрархива 1922 г. IX—X стр.

и Антоненко. Нам отказали, но караульный начальник от себя разрешил нам проститься через решетку. СоШмидтом мы и не виделись. На баржу вывели Шмидта первого. Когда на него набросили веревку, он вздрогнул и сказал: «Я приговорен к расстрелу, а не к повешению». Поднявши голову вверх и увидевши, что веревка не заложена в клотик, он успокоился. За Шмидтом опустили Частника, Антоненко и Гладкова. Один офицер в это время улыбался, и Гладков ему сказал: «Вам любо?». Приехав на о. Березань, они простились друг с другом. Шмидт потрепал их по плечам и сказал: «Молодцы! держались героями». Они приложились к кресту, попросили, чтобы им не связывали руки, и их привязали вокруг туловища. Шмидта и Частника по бокам, Антоненко и Гладкова в середине. После первого залпа упал Шмидт, после второго Частник, после третьего Гладков. Антоненко остался на ногах. Думали, что он мертвый, но, когда подошли к нему, он стал развозить кровь по груди и сказал: «беги, моя кровь, ручьями». Одежду они на себе разорвали раньше, кроме П. П. и Частника. Антоненку подставили винтовку к левому боку и выстрелили. Он упал. Не успели еще палачи сесть на катер, как прибежал матрос и сказал: «Антоненко жив!» Послали несколько человек, которые увидели, что Антоненко повернул голову в сторону Частника и Гладкова. В Антоненко всадили еще 3 пули, а всех 43 штуки. Спасибо Вам передаем от имени расстрелянных и от себя. Дай Вам господь всего лучшего.

Преданные Вам всей душой 16 каторжан.

Пишем одного содержания Вам всем, не знаем, дойдут ли.

II.

Кровожадный зверь и тот глотает свою жертву не с такой жадностью, как эти звери. Когда они стали уносить свои жертвы, то мы просили, чтоб пустили к нам хотя на 5 минут посмотреть последний раз и попроститься, они взяли их в свои лапы и не показали нам. Мы 3-х видели и прощались с ними. Ш(мидта) видели, когда спускали по концу на катер. Он геройски крикнул: «Прощайте, товарищи!». Мы так же ответили и повторили: «Мы молимся не святыне, а тебе, Ш(мидт), ты наш бог и святыня наша!» Нам сказали: «замолчите». Мы долго кричали и плакали: «Прощай, Ш(мидт), ты наш бог и святыня наша, а также и остальные товарищи!»

Когда привезли к столбам, то они не желали, чтоб их вязали, они умирали спокойно, с честью, как истинно-русский человек, с открытой грудью. Когда сделали выстрел, Ш(мидт) сейчас умер, за 2-м выстрелом Час(тник) и Гл(адков), а Ан(тоненко) после 3-го выстрела стоял и несколько слов сказал: «теки, моя кровь, ручьем». Тогда ему приставили винтовку к груди и угасили эти жарко горевшие свечи. Они, палачи, вынули револьвер и расстреляли им, т.-е. героям будущей истории, головы,—так наши герои и умерли.

Еще несколько слов позвольте мне, С. А.: пришел священник, чтоб причастить наших товарищей, и говорит: «покайтесь—вы грешники и перед богом, и перед людьми. Христос сказал—кайтесь». Товарищи сказали: «Христос сказал:—не убий. Зачем вы убиваете? Вы—грешники, должны каяться, вы—убийцы». С тем наш пастырь и удрал и чашу с тайной опрокинул. С. А., мы хотели удрать в Р. Солдатики были некоторые надежные, но команда на палубе была не особенно. У нас был бы хороший успех, если бы не так следил караул. Теперь нас привезли в г. С. Флотский караул стоит, и караульный начальник там же находится с нижними чинами. Приготовили нам бруслеты по 7 фун., мы надеемся геройски в них итти по Большой Владимировке. Живем так же весело и ожидаем Булыгинской Думы.

Целую Вас горячо. Любящий Вас каторжник.

8 марта 1906 г.

В. Чернов и июльские дни.

Заседание Временного Правительства 8 июля 1917 г. целиком было посвящено июльским дням. На нем присутствовали: заместитель министра-председателя Н. В. Некрасов, министр продовольствия А. В. Пешехонов, министр иностранных дел М. И. Терещенко, министр земледелия В. М. Чернов, министр почт и телеграфов И. Г. Церетели, министр труда М. И. Скобелев, обер-прокурор синода В. Н. Львов, временно-управляющий военным министерством Г. А. Якубович, товарищ министра юстиции Г. Д. Скарятин и государственный контролер И. В. Годнев. Заседание началось в 11 ч. 20 мин. вечера и закончилось в 1 час. 20 мин. ночи. Первым вопросом слушали: доложенный заместителем министра-председателя проект декларации Временного Правительства, вызываемый обновлением его состава [1]) и переживаемыми событиями. Предложенный проект было постановлено обнародовать. К истории текста этой, опубликованной 9 июля, декларации, начинающейся словами «Настал грозный час», относятся публикуемые документы, найденные при разборе разрозненных бумаг в архиве 1 отделения Юридической секции Петроградского отделения Центрархива.

В папке, на обложке которой красным карандашом написано: «6, 7 и 8 июля», находятся подлинник декларации, подписанный заместителем министра-председателя Н. Некрасовым, и целый ряд черновых набросков ее; большинство их написано рукой Некрасова, часть переписана на машинке с его поправками; здесь же были найдены и 4 листка блокнота, написанных В. М. Черновым; три из них содержат первоначальный текст декларации, на одном—текст аграрной программы, и письмо Чернова к Некрасову, из которого явствует, что ему принадлежала мысль снабдить декларацию воззванием и авторство ее.

Письмо это на бланке Ministre des Affaires Etrangères следующего содержания:

«Дорогой Николай Виссиаронович.

Посылаю Вам набросок формулировки нашей аграрной политики, при чем в общей части не формулирую ничего самостоятельно, а готов ограничиться формулировкой Главного земельного комитета (в выработке его резолюции принимали участие справа Черненков, Корнилов и Кауфман).

Для сравнения прилагаю резолюции Всероссийского Съезда Сов. Раб. и Солд. деп. Сердечно ваш Виктор Чернов.

P. S. Проредактируйте и мой текст воззвания, которое, по общему мнению, надо опубликовать одновременно с деловой декларацией».

«Наша аграрная политика», написанная карандашом на небольшом листке блокнота, полностью, с незначительными редакционными поправками, вошла в декларацию Врем. Прав. 8/VII. Что же касается воззвания, о котором упоминает Чернов в своем письме к Некрасову, то оно было последним значительно изменено и отличается от окончательного текста. Приводя этот первоначальный, написанный Черновым, текст воззвания, мы отмечаем разбивкой непомещенные места, а в скобках—заменяющие их фразы окончательной опубликованной редакции.

«Граждане! Настал грозный м о м е н т (час). Войска германского императора прорвали фронт русской народной революционной армии. Это страшное дело было для них облегчено преступным легкомыслием и слепым фанатизмом одних, изменой и предательством других. Развалом и распадом угрожали о н и (и те и другие) самым устоям новой н а р о д н о й (свободной) России. В э т о т г р о з н ы й м о м е н т, к о г д а в о в с е й

[1]) В предыдущем заседании 7 июля была принята отставка министров-кадетов: народного просвещения А. А. Мануйлова, государственного призрения кн. Д. И. Шаховского, путей сообщения Н. В. Некрасова, финансов А. И. Шингарева, юстиции П. Н. Переверзева, управляющего министерством торговли и промышленности В. А. Степанова и министра-председателя кн. Г. Е. Львова.

своей уродливости показала свой подлинный лик анархия, раздуваемая и поддерживаемая врагами России; в этот грозный момент, когда готовятся (могут) открыто выступить, пользуясь общественным смятением, таившиеся доселе силы столь же опасной для судеб родины контр-революции, в этот грозный момент перестроившееся Временное Правительство тверже и решительнее, чем когда-либо, выполнит свой долг перед страной[1]). Оно принимает власть в полном сознании огромной величины той ответственности (ясно сознает ответственность), которая всею своею тяжестью падает на его плечи. Но если бы положение было во много раз тягостнее и хуже того, которое нас окружает, если бы даже оно было безнадежным и непоправимым — Временное Правительство не отступило бы перед этой грозной перспективой и не покинуло бы своего поста, так же точно и по тем же мотивам, по которым капитан вверенного[2]) корабля остается до конца на борту. Но Временное Правительство полно твердой веры (верой) в запас нетронутых непочатых сил (силы) всего великого русского народа; Временное Правительство верит в быстрое оздоровление политической жизни страны после того, как вышла наружу и разрешилась в остром кризисе заразительная болезнь, подтачивавшая народный организм; Временное Правительство верит, что этот кризис—к выздоровлению, а не к смерти.

Сильное это верой, Временное Правительство готово действовать и будет действовать со всей той энергией и решительностью, каких требуют чрезвычайные обстоятельства момента (времени).

Против всяких попыток возрождения анархии, с одной стороны, контр-революции, с другой,—равно опасных и гибельных для родины[1]), оно будет бороться без всяких колебаний и так же неослабно, как с врагом, грозящим границам русской революции извне. (Своей первой основной задачей Временное Правительство считает напряжение всех сил для борьбы с внешним врагом и для охраны нового государственного порядка от всяких анархических и контр-революционных покушений, не останавливаясь перед самыми решительными мерами власти. Вместе с тем, своею внешнею политикой оно покажет (снова и снова подтвердит), что революционная армия может итти в бой с твердой верой в то, что ни одна капля крови русского солдата не прольется ради целей, чуждых правосознанию русской демократии, провозгласившей открыто, перед лицом всего мира, свои мирные лозунги. Оно прежде всего напряжет все силы к тому, чтобы восстановить фронт революционной армии и остановить во что бы то ни стало вторжение германских императорских армий. Со всею тою быстротою, какой требует жизнь, готово оно проводить в жизнь все то, что было возвещено еще в декларации 6 мая и доселе оставалось неосуществленным. Этой созидательной работой, при уча-

[1]) Вместо этой фразы было написано и вычеркнуто: «Принимает всю тяготу власти в свои руки решительнее и тверже, чем когда-либо, готово взять всю полноту и всю тяжесть власти в свои руки полно...»

[2]) Это слово написано рукой Н. В. Некрасова.

[1]) Вместо этого слова было написано и вычеркнуто: «молодой русской свободы».

стии всех живых сил страны, оно всего ощутительнее докажет, что народной армии есть что защищать от вражеского нашествия в новой России[1]).

(Объявляя о поставленных задачах, Временное Правительство полагает, что) оно в праве рассчитывать в своей тяжкой и ответственной работе на беззаветную [2]), одушевленную помощь всех живых сил страны. Оно требует от всех них (их) жертвенной готовности отдать все—свои силы, достояние, самую жизнь—для великого дела спасения страны, которая перестала быть для населяющих ее народов суровою мачехой, которая стремится всех их объединить на началах полной свободы и равноправия».

Декларацию редактировал тогдашний заместитель министра - председателя Н. В. Некрасов. Характер его редакционной работы явствует из приведенного параллельного текста черновского проекта декларации, при чем нельзя не заметить и не отметить в редакторе большую осторожность и стремление сгладить особенно резкие шовинистические и решительные места текста, предложенного Черновым, а в связи с этим нельзя не привести наброска 3-х пунктов, написанных Некрасовым и частью совершенно не попавших в декларацию, частью помещенных в ней в искаженном виде. Эти пункты написаны рукой Некрасова на бланках министра путей сообщения:

«1. Руководящим политическим началом для внутренней политики Временного Правительства является глубокое убеждение в полном и окончательном признании всей страной демократической республики.

2. Ставя своей задачей создать все необходимые условия для скорейшей планомерной работы Учредительного Собрания, Временное Правительство предпримет немедленно разработку оснований областной децентрализации для всей территории России.

3. В стремлении к последовательному проведению в жизнь страны начал демократизации, Временное Правительство издаст в ближайшем будущем постановление об уничтожении сословий, а равно и об окончательном упразднении чинов и орденов».

Однако и в такой осторожной и уклончивой формулировке эти пункты оказались слишком революционными для Врем. Прав. 1-й пункт совершенно не нашел отражения в декларации, 2-й—превратился в обещание реформ в области городского и земского самоуправления и в туманные предположения привлечь к организации местной власти представителей общественных организаций, и, наконец, 3-й—был опубликован с поправкой—«за исключением жалуемых за боевые отличия».

М. Г. Флеер.

[1]) Далее следует, начиная с фразы:—«В этих целях Временное Правительство, осуществляя начала внешней политики, возвещенные в декларации Правительства 6 мая» и т. д.,—составленный Н. В. Некрасовым известный текст декларации 8 июля. Окончил эту декларацию Некрасов заключительной фразой проекта Чернова.

[2]) Вместо этого слова было написано и вычеркнуто: «безоглядную, безусловную».

Распутин в освещении „охранки".

«Ты с самого начала объясни ему (преемнику Джунковского) положение нашего Друга, чтобы он не смел поступать, как Щерб. (кн. Щербатов, министр внутренних дел) и Сам. (Самарин, обер-прокурор Синода). Дай ему понять, что, преследуя нашего Друга или позволяя клеветать на него, он этим действует прямо против нас».

Так писала Александра Федоровна Николаю Романову по поводу назначения нового товарища министра внутренних дел на место Джунковского, прогнанного со своего поста за то, что он осмелился повести расследование о слишком уже скандальном дебоше «старца» в московском «Яре» [1]).

[1]) М. Н. Покровский. Предисловие к переписке Александры и Николая Романовых. Т. 3-й, Москва 1923 г. стр. X.

Вот эта-то теснейшая и неразрывная связь Распутина с царствовавшим домом и громадная его политическая роль, документально установленная перепиской Романовых, и заставляет редакцию дать место дневнику наружного наблюдения за Распутиным, который, несомненно, является необходимым дополнением к переписке Романовых, являющейся, по удачному выражению М. Н. Покровского, «весьма любопытным историко-психиатрическим» документом.

По яркости вскрываемой картины разложения царизма этот дневник занимает, несомненно, одно из первых мест. Он как раз ставит точки над очень многими «i» из последних дней Романовской монархии и является лучшим ответом на уже появившиеся или которые еще появятся монархические мемуары типа А. Танеевой-Вырубовой, которые пытаются затушевать истинную сущность «Друга царского дома» и его роль.

Правда, печатаемые здесь материалы далеко не полны.

Во-первых, здесь—только данные одного наружного наблюдения, т.-е. донесения агентов охранки, приставленных якобы для «охраны» особы Распутина на улице, а на самом деле для точной за ним слежки. Жандармский генерал Комиссаров, от которого в свое время материалы эти были получены лицом, передавшим затем таковые редакции, сообщал, что, помимо «наружного наблюдения», охранкой за Распутиным было установлено также и «внутреннее наблюдение», проникавшее вплоть до алькова царицы. «Мы с Белецким,—сообщил Комиссаров,—не могли играть в темную при неожиданном появлении на политическом и придворном горизонте такого на первый взгляд таинственного и загадочного козыря, каким выплыл Распутин. Его надо было расшифровать начисто». Тех материалов охранки, которые относятся к «внутренней расшифровке», и которые, по словам того же Комиссарова, подтвердили самые фантастические предположения цинизма и порнографии, тех материалов в нашем распоряжении не имеется. Да и вряд ли, строго говоря, в них возникает какая-либо нужда, поскольку уже одни только эти «наружные наблюдения» дают вполне ясную и документально точную картину всего распутинского бытия.

Во-вторых, настоящий материал не является сырым донесением агентов охранки, а представляет собою уже переработанную департаментом полиции сводку таковых; при чем сводка эта, при всем своем стремлении придерживаться истины, не могла, конечно, осветить все факты с той же полнотой, с какой они были освещены самими агентами. Об этом можно наглядно судить, сравнивая конец этой сводки с совпадающими и случайно сохранившимися полными материалами наблюдений агентов за три отдельных дня.

Кроме того, дневник имеет очень много пропусков, особенно дней посещения Распутиным Царского Села, как зашифрована в дневнике А. Ф. Романова. В то время как посещения Распутиным Царского Села и дома Вырубовой, который являлся местом свидания царицы с Распутиным (чтобы частыми его посещениями царского дворца не привлекать внимания), измерялись десятками, а может быть, и доброй сотней—в дневнике они зарегистрированы единицами. Также при сличении дневника наблюдения за Распутиным с письмами Александры Федоровны выясняется, что опущены такие политические выступления Распутина, как свидания с министрами и разными политическими дельцами и т. п. К большому сожалению, в дневнике весьма ярко, в некоторых случаях даже излишне ярко, освещена физиологическая жизнь Распутина и чрезвычайно мало политическая.

Сводка только вскользь и далеко не полно останавливается на закулисных похождениях и совместных с Распутиным совещаниях и гешефтах таких дельцов последних дней цар. прав., как биржевые акулы и аферисты, вроде: Мануса, Митьки Рубинштейна, Гинсбурга, Бобермана, Коварского и Татищева, и политических аферистов и дельцов, вроде: кн. Андроникова, Б. Штюрмера, Наумова, кн. Шахов-

ского, бар. Клейгельса, сенатора Мамонтова, митрополита Питирима, епископа Варнавы, архимандрита Августина, игумена Мартиана и др., с плеядой их секретарей из шулеров и проходимцев, вроде Манасевичей-Мануйловых, Осипенок и Симановичей. В отношении многих лиц (как например: Щегловитова, Мосолова, Спиридовича, личн. секретаря царицы полк. Ломана, Бадмаева, секретаря бельгийского посольства Вернера и других) о той или иной связи таковых с Распутиным приходится узнавать не столько из самой сводки, сколько из приложенной к ней табели, содержащей адреса почти всех этих более или менее постоянных посетителей Распутина, а зачастую и даты этих посещений [1]).

Несмотря на всю эту относительную неполноту и недостатки, материал дает в целом яркую картину разложения верхушки господствующих классов.

Ред.

ВЫПИСКА

из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным, за время с 1-го января 1915 г. по 10-е февраля 1916 г.

1915 год.

1 января. Распутин послал телеграмму в Покровское [2]) сельскому старосте: «Лес выхлопотал даром, возить, когда разрешат рубить».

10 янв. Шаповаленкова [3]) принесла ему в подарок ковер. Послал телеграмму: «Царское, дворцовый госпиталь, Анне Александровне Вырубовой [4]). «Хотя телом не был, радую духом, чувство мое, чувство божие. Посылаю ангела утешать и успокаивать, позови доктора».

12 янв. Распутин принял прошения от крестьянина Саратовской губернии Гавриила Пантелеева Шишкина на высочайшее имя с просьбой о помиловании (приговорен судом к заключению в крепости по делу о какой-то секте) и от крестьянина Тамбовской губернии Александра Осипова Слепцова тоже о помиловании, осужденного за подлоги каких-то векселей. За хлопоты с них взял 250 рублей.

17 янв. Распутин на 50 минут посетил бани в д. № 3 по 4-ой Рождественской ул., но был ли он там один или с кем-либо, наблюдение не видело.

18 янв. Распутину принес 1000 руб. и отдал ему под расписку в разносной книге артельщик статского советника (поставщика угля на флот) Гинсбурга [1]), крестьянин Август Корнилович.

26 янв. Симанович [2]) принес Распутину несколько бутылок вина. В этот вечер у Распутина был бал в честь каких-то освобожденных из тюрьмы. На балу были: супруги Волынские [3]), Шаповаленкова, Мария Головина [4]) и еще по одиночке пришли неизвестные 4 мужчины и 6 женщин, у одного из мужчин была гитара. На вечеринке было очень шумно: пели песни, плясали и кому-то аплодировали; гулянье затянулось до позднего времени.

28 янв. Фон-Бок [5]) с неизвестным привез Распутину ящик вина.

12 февраля. Распутин с неизвестной женщиной проведен в д. № 15—17 по

---

[1]) Табель эту опускаем. *Ред.*

[2]) Село Покровское, Тобольской губ., родина Распутина.

[3]) Шаповаленкова, Анастасья Николаевна, жена доктора, поклонница Распутина; адр.: Каменноостровск. просп., 24-а.

[4]) Вырубова, Анна Александровна, дочь сенатора Танеева, фрейлина и интимный друг царицы, поклонница Распутина; адр.: Царское Село, Церковная ул., 2.

[1]) Гинсбург, Моисей Акимович, 63 лет, дейст. ст. сов. и коммерч. сов., петр. 1-й гильдии купец, банковск. делец; адр.: Вас. Остр., 11-я лин., 18.

[2]) Симанович, Арон Симонович, 42 лет, петрогр. 1-й гильд. купец, из гор. Мозыря. Личный секретарь Распутина; адр.: Пушкинская, 9, затем Николаевская, 8.

[3]) Волынские, Михаил Давыдович, 54 лет, агроном, и жена его Софья Лесиньевна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Троицкая, 15—17.

[4]) Головина, Мария Евгеньевна, 26 лет, дочь действ. ст. сов., поклонница Распутина; адр.: Мойка, 104.

[5]) Фон-Бок, Лев Карлович, 52 л., колл. сов.; адр.: Соляной пер., 7—12.

Троицкой улице к князю Андроникову [1]). Отсюда выхода его не видели, а в 4 с половиной часа утра пришел домой в компании 6 пьяных мужчин (с гитарой), которые пробыли до 6 часов утра, пели и плясали. Утром Распутин никого не принимал, так как спал.

18 февр. Распутин послал телеграмму: Царское Село, Вырубовой. «Скажи завтра Коровиной, чтобы была у тебя в 4 три».

19 февр. Распутин в 10 ч. 15 м. вечера вышел из д. № 1 по Спасской ул. от Соловьевых [2]) с двумя дамами и на таксомоторе уехали без наблюдения, а в 3 ч. ночи он вернулся домой один.

21 февр. К Распутину на моторе приехал Николай Алексеевич Глазов и привез с собою несколько бутылок вина. Захватив Распутина, уехали вместе в Большую Северную гостиницу к Тереховой-Миклашевской [3]). Распутин пробыл здесь 1 ч. 50 минут.

10 марта. К Распутину приходила Евгения Карловна Ежова [4]) просить его содействия по устройству ей подряда по поставке белья для войск, на 2 миллиона рублей. Около часу ночи к Распутину пришли человек 7—8 мужчин и женщин, во главе с прапорщиком Карпотиным [5]) и пробыли до 3 часов ночи. Вся компания кричала, пела песни, плясала, стучала и все пьяные вышли вместе с Распутиным и отправились неизвестно куда.

11 марта. В 10 ч. 15 м. утра Распутин встречен один на Гороховой улице и проведен в д. № 8 по Пушкинской ул., к проститутке Трегубовой [1]), а оттуда в баню.

12 марта. Распутину на квартиру Алексеев [2]) принес одну бутылку вина.

13 марта. Миллер [3]) купила Распутину шапку. В 6 ч. 50 м. вечера Распутин направился с двумя дамами в д. № 76 по Екатерининскому каналу, к Савельевым, где пробыл до 5 ч. утра и весь день лежал больной.

14 марта. Поган принес икону и кружку для постановки в передней в квартире Распутина для сбора пожертвований.

25 марта. Распутин выбыл в Москву.

26 марта. В отсутствие Распутина приходила просить Варвара Нищенко [4]) об освобождении ее дяди, полковника Жилецкого, призванного из запаса, за что обещала дать ему 2000 рублей.

30 марта. Распутин вернулся из Москвы. Послал телеграмму в Москву: 1) Большой Гнездниковский пер., д. 10, княгине Тенишевой. — «Радуюсь за откровение, обижен за ожидание, целую свою дорогую». 2) Козицкий пер., дом Бахрушина, Джануловой [5]). — «Ублажаемое сокровище, крепко духом с тобой целую».

3 апр. Распутин привел к себе на квартиру в 1 ч. ночи какую-то женщину, которая и ночевала у него.

---

[1]) Князь Андроников, Михаил Михайлович, 28 л., причисленный к министерству внутр. дел, чиновник; адр.: Троицкая, 15—17, затем: Фонтанка, 54.

[2]) Соловьевы, Николай Васильевич, 52 л., действ. ст. сов., крупный чиновник святейш. синода, и жена его Елизавета Петровна, 30 л., поклонница Распутина; адр.: Спасская, 1, затем Гороховая, 69.

[3]) Терехова, Евгения Георгиевна, 23 лет, урожд. Миклашевская, потомст. дворянка, куртизанка; адр.: Невский, 118, (Северн. гостин.).

[4]) Ежова, Евгения Карловна, 41 г., жена Клинского мещанина; адр.: Невский, 118 (гост. Северная), затем Морская, 39/12 гост. Астория).

[5]) Карпотины, Николай Вас., 19 лет, прапорщ. учебн. автомобильн. роты и жена его Ольга Васильевна; адр.: Петрогр. Сторон. Больш. просп., 74.

[1]) Трегубова, Вера Иевлевна, 26 лет, Шлиссельбургск. мещанка, замужняя, выкрещенная еврейка, проститутка; адр.: Пушкинская, 8.

[2]) Алексеев, Борис Кириллович, 30 л., чиновн. особ. поруч. VII кл. при мин. торг. и пром., титулярн. сов., жена его Ольга Сергеевна, 30 л.; адр.: Фонтанка, 88.

[3]) Миллер, Малка-Лея-Бася, 41 г., жена Слонимск. мещанина Моисея Нисонова Миллера; адр.: Лиговка, 45.

[4]) Нищенко, Варвара Алексеевна, 35 л., вдова надворн. сов., Вознесенск. просп., 27.

[5]) Джанулова, Анна—Елена Францевна, 35 лет, жена моск. купца, поклонница Распутина; Петрогр. адрес: Мойка, 60 (гост. «Россия»).

9 апр. Распутин в 9 ч. 45 м. вечера проведен в д. № 18 по Садовой ул. к окончившему курс московского университета Алексею Фролову Филиппову, бывшему издателю газет «Деньги» и «Биржевой День», и оставлен здесь в 2 часа. Было замечено, что происходило какое-то собрание или пирушка. Распутин вернулся домой в 6 ч. 30 м. утра.

15 апр. Распутин с монахом Мартианом [1]) был в д. № 45 по Лиговке у потомственного почетного гражданина Василия Евгениевича Пестрикова. За отсутствием последнего они с сыном его и еще неизвестным студентом кутили. Играл какой-то музыкант. Пели песни и Распутин плясал с горничной Пестрикова.

25 апр. Распутин послал телеграмму тобольскому епископу Варнаве [2]): «Был у Обера [3]), отклоняет по поводу войны, был ласков, но не по нашему делу».

26 апр. Около 10 ч. вечера стали собираться к Распутину неизвестные мужчины и женщины, человек 10—12, в том числе Алексеев, Лисенко, Рубинштейн [4]) с какой-то женщиной. В 11 ч. была слышна игра на гитаре и пляска; кому-то аплодировали. Это происходило до двух часов ночи.

27 апр. Было слышно, что Распутина вызывают в Царское Село, но так как он еще не проспался, то Волынский и баронесса Кусова [5]) не советовали ему в таком виде ехать и говорили: «испортит все дело». Между собой вели разговоры: «что-то наш старец избаловался». Посоветовали ему часа два спать и сказали, чтобы в квартиру к нему никого не пускали.

9 мая. Распутин посылал жену швейцара к массажистке, но та отказалась его принять. Тогда он сам пошел в том же доме к портнихе «Кате», 18 лет и говорит ей: «Почему ты не приходишь ко мне?». Она ответила, что «Нет костюма». «Ты приходи ко мне через неделю, я тебе дам 50 рублей».

11 мая. Распутин послал телеграмму Саблеру: «Милый, дорогой, вчера мы беседовали там с мамой, нашли, что не так просто беспокоить владыку нашего. Они надеются, что можно удержать дело».

Распутин привел к себе на квартиру проститутку и запер в комнате, но прислуга ее выпустила.

12 мая. Распутин послал телеграмму Тобольскому губернатору: «У меня в Покровском три недели живет подозрительный человек, то говорит из Москвы, то другого места. Ответ пошлите Царское Село Вырубовой».

14 мая. В 5 часов вечера направился в д. № 15 по Малой Дворянской улице к Бельковскому и Цезаревой. В 10 ч. в одной из комнат квартиры, занимаемой Бельковским, не было огня, но наблюдению удалось увидеть с улицы, как одна из присутствовавших там женщин перешла освещенный зал и заглянула в темную комнату, и вскоре побежала в ту комнату, где сидели мужчины. После этого было видно, как Распутин, услыхав, повидимому, тревогу, выбежал из темной комнаты, в передней схватил свою шляпу, пальто и, не одеваясь, выбежал на улицу, а в нескольких шагах бежали за ним двое мужчин. Последние только выбежали на улицу и один сказал: «Вот он бежит», и затем оба вернулись в дом. Распутин же на ходу вскочил на извозчика и стоя ехал до Литейного проспекта, все время озираясь, не гонятся ли за ним, а потом остановился среди улицы, пропустил мимо себя всех ехавших за ним и, успокоившись, возвратился домой.

18 мая. Распутина просил инженер Мендель Нейман [1]) устроить высочайшее помилование от 8-месячного сидения в крепости, осужденного за укрывательство или подкуп от воин-

---

[1]) Мартиан, игумен Тюменского монастыря, закадычный друг Распутина.

[2]) Варнава, епископ Тобольский, друг и ставленник Распутина.

[3]) Обер-прокурор свят. синода, Саблер.

[4]) Рубинштейн, Дмитрий Леонович, 39 лет, кандидат юридич. наук, банковский делец, крупный аферист; адр.: Царицынская ул., 5.

[5]) Баронесса Кусова, Вера Илларионовна, жена ротмистра, поклонница Распутина; адр.: Захарьевская, 5.

[1]) Нейман, Мендель-Эммануил Янкелевич инженер-технолог; адр.: Садовая, 9

ской повинности. Посредником при передаче прошения Распутину был Поган.

19 мая. Распутин сказал Нейману, что прошение передано «самому». Длин [1]), она же Долина, просила Распутина устроить переход в русское подданство купца Мандль [2]).

26 мая. Распутин вместе с проституткой Трегубовой приехал на моторе купца Мануса [3]) домой пьяный. Страстно целовал Трегубову при прощании и трепал по щеке, а затем жену швейцара посылал за портнихой «Катей», в том же доме, квартира № 31, но ее не было дома.

1 июня. Распутин послал телеграммы: в Покровское, Новых [4]). «Скорблю, рвусь домой. У Аннушки [5]) горе, будет операция, пока не отпускают. Как у вас дела, целую». и туда-же Шестакову (начальнику почтово-телеграфной конторы), «Дай им две тысячи своих, через три недели привезу».

2 июня. Распутин в 10 часов вечера приехал домой пьяный с Манусом и Кузьминским [6]) и, не заходя в квартиру, послал жену швейцара за массажисткой Утиной, живущей там же, но дома ее не оказалось. Тогда он сам отправился в тот же дом в квартиру № 31 к портнихе Кате. Повидимому, его не пустили в квартиру, так как он вскоре вернулся и на лестнице стал приставать к жене швейцара, прося его поцеловать. Та, вырвавшись, позвонила к нему в квартиру и прислуга его, Дуня, увела Распутина домой.

14 июня. Добровольский [1]) привез Распутину корзину вина, а потом эту корзину с вином отвезли в д. № 18 по Садовой ул. к Филиппову.

15 июня. Распутин выехал в село Покровское.

19 июня. В Тюмени Распутин остановился на сутки в мужском монастыре у своего друга, настоятеля этого монастыря, Мартиана. В тот же день был дан Мартианом обед, на котором присутствовали и светские лица с женами. После обеда Распутин был заметно выпивши. По словам о. Мартиана, Распутин один выпил около 2-х четвертей монастырского вина.

20 июня. Распутин с Мартианом, Патушинской и Дуней, имея сверток со свежими огурцами и полведра вина, на монастырских лошадях поехали к проживающему в Тюмени Стряпчеву, где пробыли 40 минут.

24 июня. У Распутина в своем доме в селе Покровском были гости, и он, выпивши, заводил граммофон, плясал и несвязно подпевал. В тот же день рассказывал своим поклонникам, как он освободил от наказания триста человек баптистов и с каждого должен был получить по тысяче рублей, но получил всего лишь пять тысяч. А когда последний раз был у государя, то отстоял от призыва ратников ополчения 2-го разряда до осени, т.-е. до окончания уборки хлеба.

Через с. Покровское проезжал тобольский губернатор. Во время остановки парохода Распутин заходил и просил губернатора сложить штраф в размере 50 рублей, наложенный на крестьянина с. Покровского за постройку дома на неуказанном месте.

25 июня. Во время прогулки по селу Распутин рассказывал агентам,

---

[1]) Длин, она же Долина, Ефросинья Михайловна, 27 л., Новгородская мещанка, крещ. еврейка; адр.: Лиговка, 44.

[2]) Мандль, крупный московск. купец, торг. готовым платьем, пострадавший при черносотенном антинемецком погроме в начале войны.

[3]) Манус, Игнатий Перфильевич, Петрогр. 1-й гильдии купец, крупный банкир, делец и ферист; адр.: Таврическая, 3-б.

[4]) Новых—новая фамилия Распутина. Телеграмма адресована им жене.

[5]) Анна Вырубова отдавила на жел. дороге ногу. Часть ступни ей ампутировали.

[6]) Кузьминский, Василий Александрович, старш. лейтенант гвард. флотск. экипажа, его жена Надежда Дмитриевна, 28 лет, поклонница Распутина, адр.: Торговая 4, кв. 32.

[1]) Добровольский, Иван Иванович, 48 л. колл. сов., инспектор нар. училищ Царкосельского уезда, впоследствии уволенный. Жена его Мария Семеновна, 29 лет, поклонница Распутина; адр.: Пушкинская, 17, кв. 5.

что его любят три министра: Горемыкин, князь Шаховской и третьего не договорил, и что великий князь Николай Николаевич ему хорошо знаком и что в 1905 году великий князь дал бы России конституцию, но еще было рано.

26 июня. В с. Покровское, к соседке Распутина, Наталье, пришла какая-то женщина и расспрашивала про него, а затем просила переночевать у нее, но та не позволила ей, а утром, придя, рассказала все это Распутину. Последний сейчас же послал десятского искать эту женщину по селу, но не нашел. Распутин очень струсил и долго припоминал Царицынских знакомых женщин.

27 июня. Распутин получил телеграмму из Царского Села от Вырубовой: «Чувствуется горе, скучаю, писала, благослови. Анна».

29 июня. Послал телеграмму Вырубовой. Содержание неизвестно.

30 июня. К Распутину приехали в экипаже из Тюмени епископ тобольский Варнава и настоятель мужского монастыря о. Мартиан. Последний привез два полуведерных боченка вина.

1 июля. К Распутину из Тюмени на пароходе приехал неизвестный еврей, повидимому, какой-то промышленник, проживающий в Перми. Пробыл 40 минут.

4 июля. К Распутину приехал опять о. Мартиан и в тот же день на пароходе с женою Распутина и Дуней уехал в Тюмень.

5 июля. Распутин выходил на пристань встречать какую-то прибывшую из Тюмени женщину и говорил с ней 20 минут. Женщина поехала за Тобольск. В тот же день к нему приехали еще две женщины, живущие в Тюмени, как видно, первый раз.

Послал две телеграммы: Царское Село, Вырубовой—«Как здорова, целую», и Петроград, Пушкинская, 17 Добровольскому—«Скажи, кто третьего выехал».

7 июля. Приходил из села Коврижки дьякон и целовал Распутину руку. В 8 часов 10 минут вечера из Петрограда приехала Елизавета Петровна Соловьева [1]) и с нею из Тюмени жена Распутина и Дуня.

9 июля. К Распутину пришел вновь назначенный в с. Покровское священник отец Сергей и целовал у Распутина руку. В 8 часов вечера Распутин вышел из дома с красным лицом, повидимому, выпивши, и с ним Соловьева. Сели в экипаж и вдвоем поехали далеко за деревни в лес. Через час вернулись, при чем он был очень бледный.

11 июля. К Распутину из Ялуторовска приехала Патушинская, жена офицера. Минут через 10 вышли из дома Соловьева и Патушинская, обхватив Распутина с обеих сторон, а он их, при чем Патушинскую взял рукою за нижнюю часть туловища. В продолжение дня играли на граммофоне, и он был очень весел, пил вино и пиво.

12 июля. Соловьеву вызвал муж телеграммой в Петроград. Распутин, обхватившись с Патушинской, гулял в своем дворе и был очень весел.

13 июля. Распутин после купанья пошел к жене псаломщика Ермолая, которая ожидала его у своего окна и пробыл у нее полчаса. Бывает у нее почти ежедневно с интимными целями.

Патушинская уехала в Ялуторовск по вызову мужа, при чем при отъезде целовала Распутина в губы, нос, щеки, бороду и руки со сладострастием.

14 июля. Распутин уехал в Тобольск к Варнаве. Агентов с собой не взял.

15 июля. К Распутину из Петрограда приехал Добровольский с Авчуховой (ныне его жена).

17 июля. Распутин вернулся из Тобольска. Добровольская после завтрака играла на пианино и пели песни все хором. Распутин много хлопал в ладоши и притаптывал ногами, а потом ходил, обнявшись с Добровольской, не стыдясь своих дочерей. Затем отправились в поле, пели песни, бегали и Распутин играл в мяч.

20 июля. Распутин и Добровольский с женой были в том же селе в гостях у Арапова. Вышел отсюда Распутин выпившим и зашел к жене псаломщика

---

[1]) Соловьева, Елизавета Петровна, 30 л., жена действ. ст. сов., крупн. чиновника свят. синода, поклонница Распутина.

Ермолая. В 5 часов 40 минут дня Распутин, вернувшись домой, хотел опять итти на улицу, но Дуня просила не ходить. Послал ее «к чорту», пьяный ходил прямо, не разбирая грязи. Во время прогулки Распутин разговорился относительно войны. «Прошлый год, когда я лежал в больнице и слышно было, что скоро будет война, я просил государя не воевать и по этому случаю переслал ему штук 20 телеграмм, из коих одну послал очень серьезную, за которую, якобы, хотели меня предать суду. Доложили об этом государю, и он ответил, что это «наши домашние дела и суду не подлежат». Затем Распутин вел разговор относительно прибывшего в с. Покровское священника о. Сергея. Разговор возник из-за того, что в с. Покровском 20 июля был крестный ход, затем молебен с водосвятием, для каковой цели поставлены были четыре ведра с водой. Священник, увидев 4 ведра, заявил, что четыре раза молебен он служить не будет, порознь для каждого ведра. Тут нашлись смельчаки из молящихся и объяснили ему, что достаточно и одного молебна на все четыре ведра сразу. По окончании молебна священник не хотел дать приложиться к кресту, а заявил, что это будет в церкви после обедни, на что молящиеся запротестовали, и священник вынужден был согласиться и дал им приложиться. Священник этот совсем не знает богослужения и есть слух, что он происходит из московских купцов и прислан сюда по рекомендации редактора журнала «Колокол», Скворцова. В заключение Распутин сказал, «не знаю, что делать с о. Сергеем».

Распутин получает много писем и телеграмм и сам много отправляет, но агентам перестал давать относить их на почту.

21 июля. Распутин, Добровольский с женой, дьякон Ермолай с женой и две дочери Распутина на пароходе отправились до Тюмени, а оттуда в Ялуторовск к Патушинским. Во время пути Добровольская играла на пианино.

22 июля. В Ялуторовске на вокзал приехала встречать Патушинская на паре собственных лошадей, посадила с собой Распутина, а остальные расселись на извощиках и отправились на квартиру к Патушинским, где их встретил сам Патушинский. В 8 ч. вечера Патушинская, Добровольский с женой и дочери Распутина гуляли по улицам. Около 10 часов вечера (повидимому, это было условлено заранее) Распутин выпрыгнул в окно на двор на террасу, а Патушинская вышла в заднюю дверь и затем через окно на двор и в тот же момент подала рукой знак Распутину и вместе удалились в темноту.

23 июля. Добровольский с женой уехали в Петроград. В 12 часов дня Распутин с дочерьми и Патушинской пошли в лес за городом, но через полчаса вернулись. Дочери зашли в дом, а Распутин с Патушинской пошли в нежилой дом в саду и через 20 минут оттуда вернулись. По словам прислуги Патушинских, в том доме когда-то жили князья-декабристы.

24 июля. Распутин с дочерьми уехал от Патушинских в Тюмень и там, оставив дочерей на пристани, сам отправился к настоятелю Мартиану. Через два с половиной часа Распутин вышел вместе с Мартианом, неся корзину, повидимому, с вином и один отправился на пристань и уехал с дочерьми в с. Покровское.

27 июля. Распутин с сыном на лошадях отправились в Тюмень, а отсюда по железной дороге в Петроград. Во время пути на одной из станций обедал с одной тарелки с сыном и руками брал из этой тарелки капусту и клал себе в ложку.

31 июля. В 10 с половиной часов утра прибыл в Петроград. На вокзале встречал статский советник Николай Васильевич Соловьев, жена которого приезжала в с. Покровское. Сели на извощика и поехали к Соловьеву на Гороховую, 69.

2 авг. Распутин послал из Петрограда телеграммы: 1) в Ялуторовск, Патушинским, «Скоро увидимся, целуем», и 2) в Покровское, Тобольской губ. Новых, «Скоро будем, целуем».

5 авг. Распутин выехал обратно в Покровское. На вокзале провожали:

Татьяна Шаховская [1]), баронесса Кусова, Миллер, Добровольский с женой, а Вырубова и фон-Пистолькорс [2]) на их моторе привезли его на вокзал, но из мотора не выходили.

В пути Распутин познакомился с тремя неизвестными дамами, которых и вышел провожать на ст. Камышлов. Тут же на платформе прощался с ними, а дам здесь встречали штаб- и обер-офицеры, которым дамы и показали Распутина. В разговоре между ними был слышан рассказ о покушении на жизнь Распутина Гусевой, а затем что-то такое про больницу. Выслушав рассказы дам, подполковник обратился к обер-офицеру: «Видите ли, если бы они проехали еще одну станцию, то, наверное, потеряла бы мать дочку или же наоборот. По всему видно, что этот субъект имеет гипноз в глазах».

Не доезжая до станции Буй, Распутин перешел в вагон, где сидели агенты, его сопровождавшие, и начал с ними разговор с войны, что война идет у нас очень плохо и в Петрограде скоро будет большая перемена. «Соловьев получил большую неприятность от Самарина за то, что 31 июля он на вокзале в Петрограде встречал меня, но Самарин долго обер-прокурором синода не будет». А сам Распутин пристально смотрел на агентов и сказал: «Не вы ли донесли о встрече меня Соловьевым?». Агенты ему ответили: «Это не наше дело». «Кто же это мог донести? По поводу этого доноса меня спрашивал император и говорил,—может, сыщики донесли на Соловьева. На это я ответил царю. «Не знаю, может, и они. Вот я еду домой и сам не знаю, надолго ли, может, на одну неделю, а может, и на больше, как там дела». В заключение Распутин сказал, что был у царя два раза. Он ему предлагал отдельный вагон для поездки на родину, но «я от этого отказался». Однажды я возвращался из Царского Села в Петроград, около 12 часов ночи «видел, как прятался от меня за подъемную машину сыщик. Жаль мне его стало, а если бы узнал, кто он такой, то плохо бы ему было».

9 авг. В Тюмени Распутин, выйдя из монастыря от настоятеля Мартиана, отправился на пароходную пристань, где и занял отдельную каюту и в 11 часов утра отбыл в с. Покровское. Около часу дня Распутин вышел из каюты пьяный и пошел к солдатам, едущим на том же пароходе из Тюмени в Тобольск (солдаты были местной конвойной команды в числе 10 человек), и вступил с ними в разговор, а затем дал им на чай 25 рублей и заставил их петь песни. Прослушав несколько песен, удалился в свою каюту и, вернувшись через несколько минут обратно, дал солдатам еще сто рублей. Пенье песен усилилось и в хоре участвовал и сам Распутин. Пенье продолжалось около часу, после чего Распутин забрал всех солдат и повел во 2-й класс, разместил их за столами и был намерен угостить их обедом, но капитан парохода не разрешил присутствовать нижним чинам во втором классе и приказал им удалиться. Спустя некоторое время Распутин опять явился к солдатам, поставил их в кружок, сам стал посередине и все пели хором, при чем пеньем руководил Распутин и был в очень веселом настроении. Дав солдатам еще 25 рублей, заказал для них обед стоимостью в 15 рублей, а затем удалился в свою каюту. Через несколько минут было слышно, как он заявлял о пропаже у него трех тысяч рублей, после чего опять ушел в каюту и минут через 20 вышел из нее пьянее прежнего, зашел в третий класс и там поссорился с некиим Разумовским (из Тюмени). Последний хотел отколотить Распутина, но дело прошло миром. Затем там же Распутин поссорился тоже с тюменским купцом Михалевым. Ссора началась с разговора о вызывающих действиях тобольского епископа Варнавы, а затем Михалев плюнул и ушел. Распутин после этого встретил официанта

[1]) Княгиня Шаховская, Татьяна Федоровна, 26 лет, поклонница Распутина; адр.: Моховая, 32, затем Лиговка, 44.

[2]) Фон-Пистолькорс, Александра Александровна, 25 лет, жена поручика запаса, состоящего при штабе гвардии, сестра А. А. Вырубовой, дочь сенатора Танеева, поклонница Распутина.

парохода, обозвал его «жуликом» и сказал, что это он украл у него три тысячи рублей. Официант, попросив некоторых пассажиров быть свидетелями по данному делу, обратился с жалобой к капитану парохода. Капитан ответил, что «приедем в Тобольск и там составим полицейский протокол». После этого инцидента Распутин опять удалился в каюту и у открытого окна, положив голову на столик, что-то долго про себя бормотал, а публика им любовалась. Из публики было слышно: «Распутин, вечная память тебе, как святому человеку». Другие говорили: «Надо его обрить, или машинкой бороду снять». По просьбе агентов окно в каюте было закрыто. Часа за два до прибытия парохода в с. Покровское, Распутин со столика свалился на пол и лежал на полу пьяный до самого прихода парохода в с. Покровское.

В 8 час. вечера прибыли в с. Покровское. Агенты попросили капитана парохода дать им двух человек помочь вывезти Распутина с парохода на берег, и они вчетвером вытащили его, мертвецки пьяного. Встречать его приехали проживающие в с. Покровском Распопов, две дочери Распутина—Дуня и Катя. Ввалили его на телегу и повезли домой.

10 авг. В 10 часов утра Распутин вышел из дому на двор и спрашивал агентов относительно вчерашних происшествий, все время ахая и удивляясь, что скоро так напился, тогда как выпил всего три бутылки вина, и добавлял: «Ах, парень, как нехорошо вышло». В этом разговоре он между прочим сказал, что «Джунковского со службы уволили, а теперь он, быть может, будет думать, что уволили его через меня, а я его не знаю, кто он такой». Еще говорил, что «и вашего губернатора скоро уволят». Агенты спросили: «Какого? графа Адлерберга?» «Нет, я не знаю, как его зовут», а затем начал говорить о чем-то другом.

11 авг. В Покровское приехал из Тобольска Варнава и в тот же день уехал в Тюмень.

15 авг. В Покровское приехал Мартиан.

18 авг. В с. Покровское из Тобольска приехал Августин [1]) и в тот же день уехал в Тюмень. Приехала к Распутину и Патушинская.

19 авг. Распутин отправился к дьякону Ермолаю, который по приходе Распутина тотчас же ушел в церковь, а Распутин пробыл у его жены целый час. Из села Покровского священник о. Николай ездил в Тобольск к Варнаве и привез оттуда Распутину новость, переданную ему Варнавой, что губернатор Распутина за пьянство и приставанье хотел арестовать административным порядком на три месяца, но епископ Варнава защитил. Во время передачи всего этого отцом Николаем Распутин плюнул и сказал: «Что мне губернатор-то?».

6 сент. Во время прогулки Распутин между разговором сказал сопровождавшим агентам: «Да, парень, душа очень скорбит, от скорби даже оглох. Бывает на душе два часа хорошо, а потом неладно». Агенты спросили его: «Почему это у вас так?» «Да потому, парень, неладно творится в стране, да проклятые газеты пишут обо мне, сильно меня раздражают, придется судиться».

9 сент. Когда Распутин находился в гостях у брата своего Николая Распутина и тут же было несколько других лиц, пришел туда же отец Распутина и начал ругать сына Григория самыми скверными словами. Распутин, как бешеный, вскочил из-за стола, вытолкнул отца во двор, свалил его на землю и давай его бить кулаками. Отец кричал: «Не бей, подлец»! Пришлось их силой расталкивать. После осмотра у отца оказался подбитый глаз с огромным кровоподтеком, так что закрыло весь глаз. Оправившись, старик стал еще пуще ругать сына, грозя ему рассказать всем, что он ничего не знает, а «только знает Дуню (прислугу) держать за мягкие части». После этого пришлось Распутина силой удерживать от вторичного нападения на отца. Оба они были пьяны.

В этот день Распутин послал две телеграммы, одну в Царское Село, а другую в царскую ставку.

---

[1]) Архимандрит Августин.

Распутин сына своего Дмитрия, как ратника 2-го разряда, призванного на действительную службу, повез в Тюмень, куда в тот же день приехала из Ялуторовска и жена штабс-капитана Патушинская, которая и устроила сына Распутина в 7-ю роту местных войск. В Тюмени Распутин, его сын, жена Распутина и Патушинская остановились в мужском монастыре у настоятеля Мартиана. По городу Тюмени Распутин, как видно, боится ходить и в разговоре агенту Терехову сказал, что—«хотя в Тюмени у меня знакомства много, но ходить время нет», а между тем сидит целый день в монастырской ограде, ничего не делая.

Распутин ходит боком. Как видно, во время драки с отцом зашиб бок.

12 сент. Распутин говорил агенту, что хочется выехать в Петроград, но его не вызывает Вырубова.

19 сент. Распутин получил письмо, помеченное 16 сентября, писанное на машинке: «Григорий, наше отечество разрушается, хотят заключить позорный мир. Так как ты получаешь из царской ставки шифрованные телеграммы, значит, имеешь большое влияние. Потому мы, выборные, просим тебя сделать, чтобы министры были ответственными перед народом, чтобы Государственная Дума была собрана к 23 сентября сего года для спасения нашего отечества, и если ты этого не исполнишь, то тебя убьем, пощады не будет,—рука у нас не дрогнет, как у Гусевой. Где бы ты ни был, это будет выполнено. На нас, десять человек, пал жребий».

24 сент. Распутин выехал из села Покровского в Петроград, куда и прибыл 28 сентября.

11 окт. Распутин послал телеграмму Варнаве: «Убери шпиона, плати по 15 рублей душевную больницу Ивану Хлопову я заплачу иереи просят тебя извиниться, что надо, все сделано».

14 окт. Распутин вернулся домой в час ночи совершенно пьяный, на лестнице кричал на швейцариху, что она, якобы, взяла в 25 рублей взятку с какого-то министра, и добавил: «Меня хотели похоронить, но теперь самого раньше похоронили».

22 окт. К Распутину около 8 часов вечера пришла неизвестная дама, которая через 10 минут вышла очень взволнованная. Ее на лестнице догнала прислуга и сказала: «Просит вас с ним поговорить, а то ему скучно». Дама сначала, смутясь, отказывалась вернуться, говоря, что зайдет завтра, а то ему сегодня нездоровится. Но потом согласилась и вернулась. До позднего времени выхода ее не было.

24 окт. Распутин послал телеграмму: «Екатеринбург, епископу Серафиму. Извиняюсь за беспокойство, успех мой не совершился, каждый своего тянет. Григорий».

28 окт. Распутин дал письмо Белянину к товарищу министра юстиции, Веревкину, но Веревкин письма этого не принял, сказав, что «дело не мое, а высшего начальства». Тогда Распутин обещал ему содействие через Вырубову. Белянин хлопотал о пересмотре своего дела относительно пожара в его магазине, во Владивостоке.

31 окт. Распутину на квартиру привезли на прокат пианино.

3 ноября. К Распутину пришла неизвестная женщина, которая хлопочет о своем муже прапорщике, лежащем в одном из лазаретов, чтобы его оставить в Петрограде. Выйдя от Распутина, начала рассказывать швейцарихе, что какой-то странный он человек, и описала, как он ее принимал. «Впустила меня в квартиру какая-то девочка и провела в комнату, потом вышел ко мне Распутин (первый раз его вижу) и сказал: раздевайся, пойдем сюда. Я разделась, пошла с ним в комнату, первую от дверей, налево. Он мало слушал мою просьбу, а стал хватать руками за лицо, потом за груди и говорит: «поцелуй меня, я тебя полюбил». А потом написал какую-то записку и снова стал приставать: «поцелуй, поцелуй, я тебя полюбил». Этой записки не дал, сказав, что—«я на тебя сердит, приди завтра». Агент Терехов спросил эту даму, намерена ли она зайти завтра, но последняя ответила: «Нет, потому что к нему итти, то надо дать задаток, какой он хочет, а я не могу этого сделать, потому и не пойду».

5—6 ноября. Распутин на моторе уехал в Царское Село и вернулся 6-го числа в 10 часов 50 минут утра на моторе вместе с Вырубовой. Выйдя из мотора, Распутин перекрестил Вырубову, и та уехала.

Распутин вместе с Боберманом [1]) уехали на моторе и вернулись через 5 часов, при чем Распутин был выпивши и при прощании очень целовался с Боберманом. Когда шел в квартиру, то спросил: «Кто у меня есть?». Ему сказали, что две дамы. «Красивы ли они?». Ему сказали: «Да, очень красивы». «Ну, хорошо, мне такие и нужны». Около 7 часов вечера вышел из дома, еще не проспавшись, дал швейцарихе 10 рублей и что-то бормотал непонятное, стуча палкой.

10 ноября. Распутин послал агента Свистунова с письмом к господину министру внутренних дел.

14 ноября. Распутин пришел домой с Татьяной Шаховской очень пьяный и вместе сейчас же ушли. Вернулся домой в два часа ночи совершенно пьяный.

15 ноября. Секретарь Распутина, Симанович, принес корзину и сказал, что тут шесть бутылок мадеры, икра и сыр.

21 ноября. Распутин вернулся к себе домой, неся две бутылки вина.

22 ноября. Распутин вернулся домой в 8 часов утра, после отсутствия со вчерашнего дня.

23 ноября. Уйдя вчера вечером, Распутин вернулся сегодня в 5 часов утра, совершенно пьяный.

24 ноября. Пришла неизвестная дама и спрашивала у швейцарихи, когда Распутин ездит в Царское Село, когда и куда он ходит в церковь. Когда швейцариха предложила ей зайти к нему, то она отказалась, сказав, что она увидит его в Царском Селе в церкви, и добавила, что ее дочь, якобы, училась с дочерьми Распутина. Увидев на лестнице агентов, неизвестная спросила швейцариху, кто это, и, получив ответ, что—агенты, просила об этом не говорить им.

[1]) Боберман, Абрам Моисеевич, 49 л., Самарский 1-й гильдии купец; Петрогр. адрес: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

25 ноября. Распутин вернулся в 5 часов утра. В ночь с 25-го на 26-е у Распутина ночевала артистка Варварова [1]).

29 ноября. Распутин вернулся домой в 7 часов утра.

1 дек. Распутин послал телеграмму: «Москва, М. Дмитровка, 3, Миклашевской. Почему Корзинкина не едет по делу».

Распутин с Долгорукой [2]) приехал на моторе к ней в гостиницу «Астория» в три с половиной часов ночи и остался у нее до утра.

3 дек. Распутин ушел из квартиры с Филипповым и вернулся пьяный. Вскоре после его возвращения пришла в первый раз Лейкарт [3]), урожденная Мордвинова, просить за мужа. Распутин предложил ей поцеловать его, но та отказалась и ушла, а потом пришла содержанка сенатора Мамонтова—Воскобойникова [4]), которой Распутин предложил зайти к нему в час ночи.

5 дек. Распутин вернулся домой в три часа ночи пьяный.

7 дек. Распутин вернулся домой в пять часов утра, довольно пьян.

8 дек. К Распутину на моторе приехал Рубанович и вместе отправились в ресторан «Донон» (Мойка, 24), а отсюда послали шоффера в гостиницу «Россия» и тот привез оттуда в ресторан «Донон» Джанулову и Филиппову [5]). После обеда Распутин поехал с этими дамами в гостиницу «Россия», где они проживают.

[1]) Варварова, Вера Карловна, 26 л., мещанка гор. Николаева, артистка, содержанка подполковн. Н. С. Езерского; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

[2]) Княгиня Долгорукая, Стефания Семеновна, 38 лет, жена камер-юнкера высочайшего Двора; адр.; Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

[3]) Лейкарт, Ольга Алексеевна, 28 лет, урожденная Мордвинова, жена потомст. дворянина; адр.: Б. Пушкарская, 14.

[4]) Воскобойникова, Надежда Ивановна, 32 лет, вдова под-эсаула, содержанка сенатора В. Н. Мамонтова; адр.: Михайловская ул., 1—7 (Европ. гост.).

[5]) Филиппова, Галина Федоровна, 29 л., жена пот. поч. гражд., подруга Джануловой, поклонница Распутина.

12 дек. Распутин вернулся домой в 9 час. 50 мин. утра вместе с Варваровой, по словам извозчика, с Алексеевской улицы. Вероятно, ночевал у Варваровой.

14 дек. Около двух часов ночи с 13 на 14 декабря Распутин вышел из д. № 11 по Фурштадтской ул., от Свечиной [1]), вместе с женой потомственного почетного гражданина, Марией Марковной Ясининской 28 лет, проживающею в № 104 по Мойке, и на моторе отправились в Новую Деревню, в ресторан «Вилла Роде», куда за поздним временем их не пустили. Тогда Распутин стал бить в двери и рвать звонки, а стоящему на посту городовому дал 5 рублей, чтобы не мешал ему буянить. Отсюда Распутин вместе со своей спутницей поехали в д. № 49 по 1-й линии к Новой Деревне, в цыганский хор Масальского, где пробыли до 10 часов утра, а потом, сильно подвыпившие, поехали на квартиру к Ясининской, где Распутин пробыл до 12 часов дня и отсюда вернулся домой. На ночь ездил в Царское Село.

15 дек. Распутин с подполковником Езерским [2]), Варваровой и двумя неизвестными женщинами отправились на моторе в ресторан «Вилла Роде» и в 2 часа ночи наблюдением были там оставлены.

17 дек. Княгиня Долгорукая прислала мотор за Распутиным, который и привез его в гостиницу «Астория», где заняли отдельный кабинет. Туда же вскоре явился бывший Петроградский градоначальник генерал Клейгельс и вместе пробыли около 2 часов.

19 дек. Распутин с неизвестным чиновником и дамой вышли из квартиры около часу ночи, а вернулся Распутин домой один в 6 ч. утра.

20 дек. Распутин вместе с секретарем митрополита Питирима, бывшим архивариусом канцелярии экзарха Грузии, Иваном Зиновьевичем Осипенко, в моторе отправились в д. № 26-а, кв. 10, по Песочной ул., к потомственному почетному гражданину Андрею Ипполитовичу Книрше, 28 лет (с женой не живет). Сюда же были привезены из ресторана «Вилла Роде» 2 корзины вина и был приглашен хор цыган. Около 2 часов ночи видно было в окно, как Распутин танцовал. В эту ночь Распутин вернулся домой около 7 часов утра в сопровождении двух неизвестных мужчин, мертвецки пьяный.

24 дек. В 7 часов вечера к Распутину пришел секретарь митрополита Питирима, И. З. Осипенко, а спустя минут 50 на прокатном моторе к Распутину приехали: княгиня Татьяна Федоровна Шаховская, жена поручика Александра Александровна фон-Пистолькорс и неизвестный офицер, при чем из мотора вышла только одна Шаховская и минут через 10 вывела с собою из квартиры Распутина и Осипенко, которые сели в тот же мотор и все пятеро отправились, повидимому, в Александро-Невскую лавру. В 8 ч. 15 мин. вечера на квартиру Распутина на собственном моторе приехала графиня Ольга Эриковна Крейц, проживающая в д. № 29 по Адмиралтейскому каналу, и с нею вместе приехала и дочь дейст. ст. сов., Марья Евгеньевна Головина. Последняя зашла в квартиру Распутина и вскоре вышла с крестьянкой Акулиной Никитишной Лаптинской [1]), сели в мотор и отправились в Александро-Невскую лавру, в собор, где уже находился Распутин, но ни офицера, ни приехавших с ним дам в соборе наблюдение не видело. После богослужения, в 10 часов вечера, Распутин вместе с Осипенко вышли из собора и направились в покои митрополита Питирима, откуда выхода их наблюдение не дождалось. Две же дамы (кто именно—наблюдение сказать не может, так как хорошо их не видело) направились к отдельному зданию с

[1]) Свечина, Елизавета Евгеньевна, 30 лет, жена полковн. генер. штаба.

[2]) Езерский, Николай Семенович, подполк. 31 пеш. Смоленской дружины, содержатель Варваровой; адр.: Алексеевская, 10, кв. 10.

[1]) Акулина Лаптинская, кр. Могил. губ. Городецк. у. Светошинской вол., 29 л., поклонница Распутина, проживала сначала по Каменноостр. пр., д. 24-а, а затем переехала на квартиру Распутина на Гороховую, 64.

правой стороны собора, после чего их наблюдение не видело.

Вернулся Распутин домой 25 декабря в 9 часов утра.

1916 год.

1 янв. У Распутина были гости до 4 ч. ночи, пели песни.

2 янв. Распутин в час ночи пришел домой пьяный, а в 2 часа ночи к нему пришел неизвестный офицер с дамой и вскоре сюда же пришла Базилевская. Пробыли они до 4 часов ночи.

4 янв. Распутин вернулся домой с Осипенко около 12 ч. ночи. Осипенко сейчас же ушел. В час ночи к Распутину пришла потомственная дворянка, содержательница частной женской гимназии, Елена Порфирьевна Турович [1]), и пробыла около часу.

5 янв. Распутин, Осипенко, Дуня и Миллер на извозчиках отправились на квартиру к Миллер (Лиговка, 45), и сюда же, было видно, привезли корзину вина. Домой Распутин вернулся в 2 ч. 30 м. ночи пьяный.

6 янв. Распутин дома напился пьяным принесенными ему неизвестным мужчиной двумя бутылками вина и пел песни. В 8 ч. вечера вышел из дома уже проспавшись и вместе с Осипенко и Евгенией Шаховской [2]) на одном извозчике поехали в дом № 15 по Троицкой улице к князю Андроникову, откуда вернулся домой вместе с Осипенко в 3 часа ночи. Осипенко сейчас же ушел.

8 янв. Распутин посетил д. № 6 по Гагаринской ул (Нордман) [3]), откуда вернулся домой около трех часов ночи вместе с двумя дамами. Последние, побыв у него около двух часов, ушли.

9 янв. Распутину на именины Гинсбург прислал 10 бутылок шампанского, кто-то прислал диван, две дюжины стульев, много разных подарков и корзин с разными винами и закусками.

10 янв. Клионовский [1]) принес Распутину десять бутылок вина. Турович [2]) привез корзину вина. Гиль [3]) в ночь с 10 на 11 января ночевала у Распутина. В этот же день (именины Распутина) его посещали много лиц и приносили много подарков и несколько корзин с винами, играли на гармонике, гитаре, балалайке, танцовали и пели песни, а потом, позднее, молитвы и «многие лета». Гости от Распутина разошлись в 2 часа ночи.

11 янв. Распутин говорил по телефону в Царское Село из квартиры Соловьевых. (Свой телефон был испорчен.)

13 янв. Распутин, Иваницкая, неизвестный офицер и две дамы были в доме № 63 по Лиговской ул. у вдовы ст. сов. Александры Романовны Митинской, от 2 ч. до 5 с половиной часов дня. Распутин с тем же офицером и Иваницкой вернулся к себе на квартиру, а затем Иваницкая вышла вместе с офицером, будучи навеселе и одетой в поддевку Распутина, и вместе уехали.

Распутин послал телеграмму в Царское Село Вырубовой следующего содержания: «Сам бог его исповедует в радости истинной, пусть правда на детях моих во-век, не пришло время видеть воочию».

На моторе, присланном Бобермаком, Распутин уехал в «Европейскую гостиницу». Здесь была, повидимому, пирушка, на которой, кроме него, присутствовали: Боберман, Коварский [4]),

---

[1]) Жена Станисл. Людвиг. Туровича, 29 л., чиновника, причисл. к канцелярии Упр. Земл. и Земл., потометв. дворянина; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

[2]) Княгиня Евгения Михайловна Шаховская, 25 лет, жена гражд.-инженера, поклонница Распутина; адр.: Бассов пер., 18, затем Николаевская, 12.

[3]) Нордман, Федор Борисович, 56 л., ст. сов., старш. делопроизв. капитула императорских орденов; Евгения Оскаровна Н-ман, его жена, 41 года.

[1]) Клионовский, Даниил Корнилович, ст. сов.; адр.: Офицерская, 57.

[2]) Турович, Станислав Людвигович, 29 л., потомст. дворянин, чиновник канц. Упр. З. и З.; адр.: Петрогр. стор., Больш. пр., 32.

[3]) Гиль, Мария Сергеевна, жена капитана 145 Новочеркасского полка, поклонница Распутина; адр.: Кронверкск. пр., 47/1.

[4]) Коварский, Овсей Иоселевич, 36 л., канд. юридич. наук; адр.: Михайловская, 1—7 (Европ. гост.).

директор международного банка граф Татищев, прапорщик Хвостов и две какие-то дамы. До двух часов ночи выхода его отсюда наблюдение не видело.

14 янв. Распутин вернулся домой в 7 часов утра, совершенно пьяный в компании Осипенко и неизвестного мужчины; разбил большое стекло в воротах того дома, где живет, и заметна была опухоль около носа, повидимому, где-нибудь упал. В 4 часа 30 минут дня Распутин с Рубинштейном и двумя дамами уехал в Царское Село, а в 7 часов 41 минута вечера вернулся домой один, при чем во время пути обратно обратился к агентам со словами: «Кто-то из вас передал кому-то, что будто бы я держал на коленах какую-то даму. Это нехорошо говорить. Вы ведь посылаетесь для охраны, а передаете другое».

Нештейн, проживающий по той же лестнице, проходя мимо агентов, обратился к ним: «Вашего патрона скоро назначат в Царское Село управлять всеми лампадами».

16 янв. Распутин передал проститутке Трегубовой какое-то письмо. По полученным негласным сведениям, в один из дней посещения квартиры фон-Пистолькорс (Морская, 59), прислуга подсмотрела, как Распутин, поставив на колени супругов фон-Пистолькорс, что-то, стоя около них, бормотал.

17 янв. К Распутину в 12 ч. ночи пришла неизвестная дама и пробыла до 3 часов ночи.

18 янв. Распутин вернулся домой в половине восьмого часа утра, в компании двух мужчин и дамы, совершенно пьяный и на улице у дома, где живет, пел песни. Неизвестные, проводив его до квартиры, вскоре ушли, а Распутин все утро в квартире кричал. Каравья [1]) и ее дочь Маймескул [2]), выходя от Распутина, непринявшего их, ругали его, называя «паршивым мужиком» и рассказывали, что когда-то были в ресторане «Вилла Роде», где Распутин выбегал в зал в одной рубахе и наделал этим не мало шума, за что будто бы ресторан этот закрыт. При разговоре добавили, будто в Царском Селе появился какой-то молодой монах, который будет скоро слыть лучше, чем Распутин.

21 янв. Распутин вместе с Гаар [1]) отправился в д. № 26-а, по Песочной ул., к Книрше, а оттуда Распутин один—в д. № 36 по Бассейной улице к артистке Орловой [2]) (содержанке Мануйлова), где по собранным негласным путем верным сведениям были: Манасевич-Мануйлов [3]) и господин председ. совета мин. Б. Штюрмер.

22 янв. Вернулся Распутин домой в 5 часов утра вместе с Осипенко, неизвестным мужчиной и двумя женщинами, при чем был пьян.

23 янв. Неизвестный священник привез Распутину рыбы. Вечером Распутин оставлен в д. № 6 по Гагаринской улице у стат. сов. Федора Борисовича Нордман (старший делопроизводитель в капитуле орденов).

24 янв. Распутин вернулся домой со вчерашнего дня в 5 ч. утра. В 5 ч. 20 мин. вечера Распутин на моторе с Головиной и Добровольской поехали в церковь Спаса, что в Колтовской на Б. Спасской улице, где было совершено митрополитом Питиримом всенощное заупокойное богослужение в память умершего протоиерея-настоятеля этого храма, основавшего духовно-нравственные беседы.

26 янв. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с Осипенко и неизвестным мужчиной. В 11 часов 49 минут вечера на Царскосельский вокзал на

---

[1]) Каравья, Софья Афанасьевна, греческая подданная; адр.: Мещанская, 4.

[2]) Маймескул, Мария Николаевна, 19 л., дочь Каравья, личн. почетн. гражданка, проживала сначала с матерью, затем Пушкинская, 15.

[1]) Гаар, Мария Генриховна, пот. поч. гражданка, поклонница Распутина; адр.: Офицерская, 24.

[2]) Лерман (она же Орлова), Екатерина Федоровна, 25 л., дочь ст. сов., артистка, содержанка Манасевича-Мануйлова.

[3]) Манасевич-Мануйлов, Иван Федорович, отст. колл. асессор, сотрудник газ. «Новое Время», темный аферист, личный секретарь председателя совета министров Б. Штюрмера; адр.: ул. Жуковского, 47.

моторе автомобильной роты приехал Осипенко и туда же вскоре пришел Добровольский, а отсюда посадив в мотор приехавшего из Царского Села Распутина, уехали на квартиру Добровольского. Распутин вернулся домой на извозчике вместе с Добровольским в 5 ч утра.

29 янв. Посетительница Распутина, Татаринова [1]), выйдя от него, рассказывала агентам, как Распутин обнимал и целовал какую-то молодую барышню, и говорила, что ей так было стыдно, что она из квартиры ушла и больше не пойдет. Распутин с Филипповым были в ресторане «Донон», а вечером вместе с Осипенко уехали в Александро-Невскую лавру.

30 янв. Распутин вернулся домой в 3 ч. 30 мин. ночи вышивши, в сопровождении какого-то мужчины. Приехал из Москвы священник с Лубянской церкви и с ним неизвестный, за кого священник хлопочет через Распутина по какому-то делу. Неизвестный намеревался дать Распутину задаток (повидимому, большой куш), но священник отсоветовал, сказав, что преждевременно. Священник просил Распутина самого съездить к г. товарищу министра внутренних дел, сенатору Белецкому, но он отказался, а написал письмо и передал им. После священник смеялся, как Распутин, писав письмо, выводил каракули. Вечером Распутин вместе с Гаар отправились к Кирше (Песочная ул., д. № 26-а), туда же приезжали еще несколько мужчин и женщин. Распутин в два часа ночи тут оставлен, а в 4 ч. 30 мин. ночи приехал домой на моторе совершенно пьяный с неизвестным мужчиной и женщиной.

1 февр. Распутин вернулся домой в 4 часа ночи с мужчиной и двумя женщинами. Прибывший из Москвы священник в разговоре с агентом Тереховым сказал, что дело, о котором он хлопочет, затянулось, потому что оно передано Вырубовой, а последняя действует через дворцового коменданта, а тот находится в действующей армии. Распутин жаловался агентам, что его кто-то ругает по телефону, а станция ему номера не говорит.

2 февр. Распутин со вчерашнего дня вернулся домой в 9 ч. 30 мин. утра. Добровольская на квартире у него играла на пианино и пела песни. Приехав домой в час ночи, Распутин сейчас же опять вышел и уехал на Офицерскую и домой вернулся только в 3 часа ночи.

3 февр. Распутин вернулся домой из Царского Села около 11 часов вечера, а в 12 ч. уехал, но куда—неизвестно. В два часа ночи приехал домой на моторе с двумя мужчинами, которые в квартиру не заходили.

5 февр. Со вчерашнего дня Распутин вернулся домой в 10 ч. 10 мин. утра пьяным. Со слов извозчика, привез он его с угла Офицерской и Алексеевской улиц. Каравья, выходя из квартиры Распутина, в разговоре с агентами сказала: «Хотя Распутин и падает духом, но обделывает большие делишки, так, например, Рубинштейн устроил что-то на 300.000 руб. и за это получил от него 50.000 руб.»; при этом добавила, что ей Распутин сказал, что ее дела он устроит через министра Шаховского, который любит Распутина больше, чем Вырубова. В час ночи Распутин вышел пьяным от Езерского, где было несколько неизвестных и Осипенко. Распутин с двумя мужчинами и дамой на моторе уехали на 10-ую Рождественскую ул., д. № 15, кв. 24, к помощнику прис. поверен. Моисею Шмуйловичу Двинову (справлял день своего рождения). Пробыли 25 минут, куда уехали неизвестно, но вернулся Распутин домой в 3 ч. 30 м. ночи.

7 февр. Боберман при входе в квартиру Распутина спрашивал, что с ним случилось, а когда выходил, то сказал, что здоров. Проживающий по той же лестнице Нейштейн, выходя, спросил: «Правда ли, что вашего какой-то офицер у вокзала поколотил?» Симанович на придворном автомобиле, на котором приехала Вырубова, с ее разрешения куда-то ездил. Кирша пробыл у Распутина до часу ночи; при выходе встретил двух приехавших неизвестных мужчин и с ними вернулся

[1]) Татаринова, Анна Михайловна, 44 л., жена полковника; адр. неизвестен.

обратно на квартиру Распутина, где пробыл еще час, т.-е. до двух часов ночи.

8 февр. Распутин вместе с неизвестными чиновниками, на прокатном моторе, без наблюдения, был в Николаевском кавалерийском училище и на Торговой ул. в польском костеле. Кирша принес, как видно, несколько бутылок вина. В 8 час. 15 мин. вечера на квартиру к Распутину приехало пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы. Около 10 ч. вечера были слышны игра на пианино, пляска и пенье. Все разошлись от Распутина в три часа ночи. В продолжение этого дня Распутин посетителей не принимал.

Начальник Петроградск. Охранного Отделения, генерал-майор *Глобачев*.

Заведывающий наружными наблюдениями *Корнилов*.

Подробная необработанная сводка наружного наблюдения за Распутиным за 8—10 февраля 1916 г.

8 февраля, 1916 г. Сведения.

«Темный» [1]), Гороховая улица, д. 64.

Вчера в час ночи вышел от Темного Кирша, в это время приехали на моторе два неизвестных господина, пошли к Темному, а также и Кирша вернулся с ними, а в два часа ночи ушли.

В 10 часов утра пришла Соловьева, вскоре ушла. В 10 ч. 10 м. утра пришла Мария Головина, через час ушла. В 11 час. 50 м. утра пришла Татьяна Шаховская, через 50 мин. ушла. В 12 часов дня пришел Симанович, через 10 мин. ушел. В 12 час. 10 мин. дня пришла Сандецкая [2]), через 10 м. вышла. В 12 ч. 15 м. дня пришел певчий Афонского подворья Деревенский, рассказав, что в прошлом году в сентябре месяце писец Александро-Невской лавры читал газету «Копейка», в которой было напечатано про Варнаву и Гришу, при чем чтение слушал паспортист лавры и будто бы паспортист сказал: «Когда же будет в России революция?» Деревенский спросил, на что революция? Тогда паспортист ответил: «Тогда бы дом Романовых не царствовал, а потом свергли бы эту гадость, Варнаву и Гришку». Фамилия паспортиста неизвестна, а писец теперь священником. В 12 ч. 20 м. дня ушла Лаптинская. В 12 ч. 40 м. дня приехал на моторе № 3 неизвестный чиновник в военной форме, а в 12 ч. 50 м. вышел вместе с Темным и тут же во дворе ожидали два вольноопределяющихся, которым Темный сказал, что придет после. Темный поехал с чиновником, и наблюдением были упущены, а со слов шоффера ездили в Николаевское кавалерийское училище и на Торговую улицу в польский костел. В 5 ч. 50 м. дня Темный вернулся домой с чиновником, который через 10 минут уехал. В 1 час. 35 мин. дня пришел сенатор Мамонтов [1]), через 30 мин. ушел. В 1 час. 40 мин. дня пришла Гаар с Базилевской [2]), через 1 час и 20 мин. ушли. В 2 часа дня приехал на моторе № 5064 военный вторично с Симановичем, через 20 м. ушел. В 2 ч. 15 м. дня пришла дама, жена офицера Измайловского полка, живет на Измайловском проспекте в казенном доме, через 1 час. 45 мин. ушла. В 3 часа 40 минут дня пришел в третий раз Симанович, который через 30 м. ушел. В 4 часа 10 м. дня пришел Кирша, принес, как видно, несколько бутылок вина, через 40 м. ушел. В 5 часов вечера пришла Турович, пробыла два часа. В 5 часов пришла Червинская [3]), пробыла 30 мин. В 5 часов 10 м. пришла Соловьева. В 6 часов 20 мин. пришел четвертый раз Симанович, пробыл один час.

---

[1]) «Темный»—условная кличка Распутина для агентов охранки.

[2]) Сандецкая, Клавдия Амвросиевна, 26 л., жена шт.-капитана, поклонница Распутина; др.: Захарьевская ул., 9.

[1]) Мамонтов, Василий Николаевич, 65 л., тайный советник, сенатор, содержатель Воскобойниковой, поклонницы Распутина, отец В. В. Зусайловой; адр.: Фурштадтская, 12.

[2]) Базилевская, Лидия Платоновна, 28 л., дочь ген.-лейт., бракоразведенная жена инженера Мальтиновского, поклонница Распутина; адр.: Адмир. Канал, 9, затем Екатерин. Канал.

[3]) Червинская, Наталия Илларионовна, 48 л., жена дворянина, приживалка у князя Андроникова.

В 6 час. 45 мин. пришел Решетников [1]), пробыл 35 мин. В 7 ч. 20 м. вечера пришла неизвестная дама. В 9 часов 20 мин. вечера пришла Турович вторично, через 20 минут ушла. В 9 ч. 30 м. вечера пришла Добровольская. В 10 час. пришла Берман [2]). В 10 ч. 10 м. приехала Турович с мужем. В 11 час. 10 мин. вечера пришел Книрша, пробыл 20 минут.

Примечание. В 8 час. 15 мин. вечера приехали пять женщин, со слов извозчика, с Офицерской улицы.

В 10 час. вечера пели песни, играли на пианино и плясали. Просителей было человек около 25-ти, но Темный их не принимал.

Терехов [3]). *Свистунов* [3]).

9-го февраля 1916 г. Сведения.
«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Гости, которые пришли вчера к Темному, разошлись в 3-ем часу ночи. В квартире Темного играли на музыке и пели. В 9 ч. 45 м. утра приехала Вырубова. В 10 час. 25 мин. пришла Добровольская, через 3 часа 10 мин. ушла. В 10 час. 50 мин. утра пришли Любовь [4]) и Мария Головины. В 11 ч. утра пришла Гаар, которая ушла через 2 часа. В 11 час. 40 мин. утра приехали на военном автобомиле № 5064 Мануйлов и Осипенко с неизвестным чиновником, которые пробыли 30 минут, Мануйлов и Осипенко уехали. В 12 ч. дня пришел Добровольский, который пробыл 1 ч. 35 м. В 12 час. 30 м. дня приехал на автомобиле № 127 Варнава с Августином, пробыли 40 мин. В 2 ч. 40 м. дня вышел из дома Темный, пошел в Казачий переулок, в баню, через 50 минут вернулся домой. По дороге Темный говорил: «Теперь беда, там наболтали и будут разбираться», и сказал, что «готовят на меня покушение. Вот если узнают, что письмо, написанное от Илиодора [1]), то, действительно, хотят убить». В 4 ч. 45 мин. дня пришел фон-Бок, пробыл 25 мин. В 5 ч. 20 м. дня вторично пришла Мария Головина. В 5 ч. 30 м. дня пришла Москвина, пробыла 1 час. 10 мин. В 5 ч. 45 м. дня приехала Турович. В 6 ч. вечера пришел Клионовский, пробыл 15 мин. В 6 час. 45 м. вечера уехали Турович с Головиной. В 8 ч. 35 м. вечера пришел Симанович с неизвестным евреем-инженером, пробыли 30 мин. Просителей Темный не принимал.

Терехов Свистунов. Попов, Василий. Иванов, Григорий [2]).

10 февраля 1916 г. Сведения.
«Темный». Гороховая ул., д. 64.

Вчера к Темному в 12 часов ночи пришел мужчина, по приметам Мануйлов, скоро ушел; и еще была Соловьева, тоже скоро ушла.

В 10 ч. 30 м. утра пришла генеральша Соколова, скоро ушла. В 11 ч. утра пришла Позднякова [3]) с неизвестной дамой, но приняты не были. В 11 час. 10 мин. дня пришел Филиппов с неизвестной дамой. Дама ожидала у подъезда, а Филиппов пробыл у Темного 10 мин., вышел и передал даме карточку, после чего дама пошла к Темному, откуда через 5 минут вышла с письмом на имя товарища министра г. Белецкого. В 11 час. 40 мин. дня пришла Мария Головина. В 11 час. 45 мин. пришла Никитина [4]), пробыла 30 мин. В 12 час. 40 мин. дня пришла Гаар с дамой Софьей Михайловной, пробыли 1 ч. 30 м. В 1 час. 20 мин.

---

[1]) Решетников, Николай Иванович, 57 л., пот. поч. гражд.; адр.: Морская, 39/12 (гост. «Астория»).

[2]) Берман, Екатерина Ивановна, 36 л., жена петрогр. купца, пот. поч. гражд., поклонница Распутина; адр.: Фонтанка, 5.

[3]) Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

[4]) Любовь Валерьяновна Головина, 59 л., вдова дейст. ст. сов., мать Марии Головиной; адр.: Мойка, 104.

[1]) Илиодор, царицынский монах, авантюрист.

[2]) Агенты наружного наблюдения охранного отделения.

[3]) Позднякова, Елизавета Захарьевна, крест. Витебск. г. Себежск. у. Непоротовской вол., поклонница Распутина; адр.: Ямская, 6.

[4]) Никитина, Лидия Владимировна, дочь генер.-от-артиллерии, фрейлина царицы, поклонница Распутина; гдр.: Дворцовая набережная, 30.

вторично пришла генеральша Соловьева [1]) с неизвестной дамой, пробыли 10 минут. В 2 часа дня был подан таксомотор № 224, и в 2 часа 10 мин. дня вышел Темный с Марией Головиной и уехали, а в 3 часа 45 мин. вернулись обратно на том же моторе. В 2 час. 15 мин. ушла Лаптинская, которая через час вернулась. В 3 часа 20 мин. дня пришла Добровольская. В 4 час. 40 мин. дня пришел Киселев [2]), но принят не был. В 5 час. 20 мин. вечера пришел Добровольский, пробыл 1 час. В 5 час. 30 мин. ушла Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 5 ч. 50 м. вечера пришла Берман, пробыла 30 м. В 8 час. вечера Темный вышел из дому с Добровольским и на извозчике уехали, а через 45 мин. на том же извозчике вернулись. Со слов извозчика—катались и никуда не заезжали. В 8 ч. 50 мин. вечера вернулись Мария Головина с Лаптинской и Дуней. В 10 час. вечера Мария Головина ушла, а в 10 ч. 10 м. ушла и Добровольская. Посетителей было человек 15.

Сегодня Нейштейн говорил, что «все мои знакомые спрашивают, здоров ли Темный. Говорят, что его поколотили, и поколотил будто бы какой то Орлов-Денисов из-за бабы».

Терехов. Свистунов. Попов, Василий и Иванов, Григорий.

[1]) Повидимому, описка агентов. Следовало бы: Соколова.

[2]) Киселев, Милий Дмитриевич, 61 года, отст. корнет; адр.; Мойка, 12.

От редакции.

(К «докладу цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике».)

В указанной статье, помещенной в IV томе «Красного Архива», в свидетельские показания А. Н. Потресова вкрались некоторые ошибки. Редакция просит исправить следующее:

Вас. Вас. Смирнов должно быть Вас. Вас. Старков.
Ст. Ив. Родченко » » Ст. Ив. Расченко.
П. И. Скворцов » » П. Н. Скворцов.

Редакционно-издательская Коллегия Центрархива.
Ответственная редакция: **Вл. Максаков.**
Вяч. Полонский.

СОДЕРЖАНИЕ ВЫШЕДШИХ ТОМОВ ЖУРНАЛА

„КРАСНЫЙ АРХИВ“

ПЕРВЫЙ ТОМ.

Русско-германские отношения. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — П. Г. Зайчневский. Обряд публичной казни над С. Г. Нечаевым.—К истории партии Народного Права. — Новое о Зубатовщине. — Сибирь в 1905 году. — Письма лейтенанта Шмидта.—Письма Некрасова и Достоевского.—Стихотворения Розенгейма и Голенищева-Кутузова. — Толстой и Короленко.—Александр III о Л. Толстом.

ВТОРОЙ ТОМ.

Дневник А. Н. Куропаткина. — Письма принца Вильгельма Прусского к Александру III. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — К истории рабочего класса в России. — Социалистическая печать во время империалистической войны.—Неизданная сказка М. Е. Салтыкова. — Письмо Ф. М. Достоевского из крепости. — Достоевский и Победоносцев. — Письма И. А. Гончарова и А. Мицкевича.—С. В. Зубатов и А. И. Спиридович.—Генерал Алексеев и В. М. Родзянко.—Подкуп китайских сановников Ли-Хун-Чжана и Чжан-Ин-Хуана.

ТРЕТИЙ ТОМ.

Доклады С. Д. Сазонова Николаю Романову 1910—1912 г.г. — Переписка ген. Сухомлинова с ген. Янушкевичем. — Дневник А. А. Половцева. — Бакунин перед австрийским судом. —Материалы об Огареве, Лаврове и Герцене.— Письма С. Л. Перовской.—Воспоминания А. Г. Достоевской.—**Из записной книжки архивиста**: Завещание Николая I. — Письмо Н. В. Гоголя к В. Г. Белинскому. — Бальзак в России. — Письма В. Гете и др.

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ.

Начало войны 1914 г.—Дневник А. А. Половцева.— Переписка В. Н. Коковцева с Нецлиным.— Семейная переписка Романовых.— Нечаев в Алексеевском равелине.— Отзвуки польского восстания 1863 г.—Письма К. П. Победоносцева.— Л. Н. Толстой в Астапове. — Доклад цензора Матвеева о сожженном марксистском сборнике. — Письма Достоевского, Гончарова, Тютчева. **Из записной книжки архивиста**: — Журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина „Русская Правда“. — Достоевский в Твери. — Речь Щапова.—Революционное движение в войсках во время мировой войны. — Материалы к истории живописи. — К истории манифеста 17 октября и т. д.

Печатается и в начале августа поступит в продажу

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

журнала литературы, искусства, критики и библиографии

„Печать и Революция“

Под редакцией **В. П. Полонского** и при ближайшем участии: **А. В. Луначарского, Н. Л. Мещерякова, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова.**

СОДЕРЖАНИЕ:

1. **Манифест V Конгресса Коминтерна к мировому пролетариату** (к десятилетию империалистической войны).

СТАТЬИ и ОБЗОРЫ.

2. **А. В. Луначарский.** Чем может быть А. П. Чехов для нас.
3. **Н. Александров.** К вопросу о взаимодействии общественного человека и внешней природы.
4. **Г. Баммель.** Литература о Ленине.
5. **Л. П. Гроссман.** Бакунин в „Бесах“.
6. **Я. Тугендхольд.** Оноре Домье.

МАТЕРИАЛЫ по ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ и ЛИТЕРАТУРЫ.

7. **Письмо Ленина в редакцию „Правды“ и „Известий“.**
8. **Письма М. А. Бакунина М. Н. Каткову из Сибири.**
9. **Апостолов.** Из материалов по истории литературной деятельности Л. Н. Толстого.

ОБОЗРЕНИЕ ИСКУССТВ и ЛИТЕРАТУРЫ.

10. **А. Лежнев.** „Октябрь“ и „Рабочий журнал“.
11. **А. Федоров-Давыдов.** Художественная жизнь Москвы.
12. **Марков.** Театральное обозрение.
13. **Браудо.** Из музыкальной жизни Запада.
14. **М. Эйхенгольц.** Современная французская поэзия.

ОТЗЫВЫ О КНИГАХ.

Литературная хроника на Западе и в СССР.

В журнале до 40 иллюстраций в тексте и на вкладных листах. Письмо (факсимиле) В. И. Ленина.

Адрес редакции:

Москва, Никитский б., д. № 8 „Дом Печати“. Тел. 1-02-85.

Подписка принимается в отделе подписных изданий ГОСИЗДАТА:

Москва, Воздвиженка, д. № 2/10.